

**КРИСТИНА
ОЛЕГОВНА
ВДОВКИНА**

ЗНАК

Кристина Олеговна Вдовкина

Знак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66372838

Аннотация

Алекс Саттон, замкнутая школьница, ввязывается в опасную игру маньяка, чтобы остановить череду убийств и спастись самой, но вот проблема, она не знает правил. В это время в городе продолжают погибать девушки с определенной периодичностью, словно по расписанию.

Оглавление

I. Глава.

II. Глава.

III. Глава.

IV. Глава.

V. Глава

VI. Глава

VII. Глава

VIII. Глава

IX. Глава

X. Глава

XI. Глава

XII. Глава

XIII. Глава

XIV. Глава

XV. Глава

XVI. Глава

XVII. Глава

XVIII. Глава

XIX. Глава

XX. Глава

Эпилог

I. Глава.

– Да, скоро подъеду, – парень прижал телефон к уху и поразмыслив добавил, – минут через десять.

В ответ завывание. Парень по привычке закатил глаза и с легким раздражением повернул руль вправо. На заднем сидении тут же раздался звон бутылок, но барабанивший о стекло дождь поглотил их.

– Если тебе нужно, сам сгоняй за бочонком. Я посмотрю, как быстро ты с этим справишься. Погода ужасная. Дальние фары работают так, будто дорогу фонариком с телефона подсвечивают. И сплошная стена дождя.

[...]

Джон поднял взгляд на часы, тяжело вздохнув. Часовая стрелка указывала на одиннадцать, а быстрое кружение секундной стрелки было той скоростью, с которой нужно нестись домой. Отец просил не засиживаться в кабинете и возвращаться домой до прихода темноты, но поглощённый собственным расследованием, Джон не заметил, как потемнело на улице. Он собрал все учебники в рюкзак, взяв в руку только книгу с твердым переплетом, и вышел из кабинета. Школьный коридор был освещен тусклым светом. Тишина привычно встретила его, разбавляемая лишь шипением механических ламп над головой.

Джон подошел к своему шкафчику и незаметно оглянулся краешком глаз. Никого не было. Руки его слегка дрожали, а лоб покрыла испарина. Он еще пару секунд смотрел на пу-

стой коридор и все же решил положить книгу в шкафчик.

Даже выйдя со школы и окунувшись в морозный вечер, Джон вспоминал, как накрыл книгу рюкзаком и прижал к металлическому дну шкафчика. Эта книга важна, ведь была важной частью инициации, которая неизбежно ожидает парня. Он натянул капюшон почти до подбородка и засунул руки в карманы. Дышал через рот, выдыхая в черное небо белый пар. Ноги промокли, к телу противно прилипла мокрая ткань джемпера, поэтому Джон торопился домой.

[...]

– Дорога ни к черту и если хочешь доехать, то должен сосредоточиться на ней. А за пиццей сам сгоняешь, если ее не будет в доме, хорошо?

Парень спокойно ухмыльнулся, отключив звонок. Не ждал ответа, ведь никто в здравом уме не высунется на улицу в такую непогоду. Он убрал телефон на соседнее сидение и сжал двумя руками кожаный руль. В салоне машины витал легкий аромат хвои и не горел свет. Все, что видел молодой человек, это нескончаемое движение дворников по лобовому стеклу. На улице была непроглядная тьма, поэтому машина не развивала высокую скорость.

Перед глазами начинало рябить и это вызывало дискомфорт. Приходилось прикрыть веки, сжав длинными пальцами переносицу. На это ушла секунда, но ее хватило, чтобы молодой человек в промокнушем джемпере успел выйти на дорогу. Он не смотрел по сторонам, торопясь скрыться от до-

жда под широкими ветвями ели на другой стороне дороги, да и холод заковал тело. Он желал только прийти домой и согреться.

Шум со стороны нарастал.

Джон замедлился, наклонив голову, и убрал от лица промокший капюшон. В его глаза яркой вспышкой врезались приближающиеся огни, ослепляя.

Водитель убрал руку от лица, наконец-то замечая освещенную светом фар фигуру. Он резко вывернул руль влево. Визг колес. На миг испуганные взгляды встретились.

Раздался глухой удар, словно что-то тяжелое сбили с ног.

Машину занесло к краю обочины, закручивая. Дорога была слишком скользкой, но водителю удалось остановиться перед самой обочиной. Свет фар упирался в стволы темных елей. Капли отсвечивали и неуловимыми блохами отскакивали прочь.

Водитель тяжело задышал, сжимая пальцами кожаный руль. Костяшки пальцев побелели, как и лицо парня.

– Твою м... – он посмотрел перед собой, с опаской подняв взгляд на зеркало заднего вида, но ничего не разглядел, – твою... Господи.

Развернулся на сиденье, утыкаясь лбом в охлаждающее стекло. Напряг зрение, но ничего не добился. Он нервно дёрнул дверцу, открывая, и нерешительно вышел из машины. Ноги тут же утонули в размякшей земле. От шума разбивающейся воды заложило уши. Непримиримая волна холода

нахлынула на парня, стгоняя краску с лица. Он посмотрел на дорогу, нерешительно двигаясь к середине. Волосы промокли, а капли воды стекали по лицу. Он вытер рукавом нос, напряженно обходя машину. Сердце замерло в груди, когда темное пятно на проезжей части удалось разглядеть. Парень сощурился, не веря своим глазам. Что-то с треском упало к его ногам, разбиваясь. Это было его сердце.

– Твою мать! – он сорвался с места, подбегая к Джону и падая на колени рядом с ним.

7:38

– Алекс, тебя подвезти?

– Нет, – отозвалась, заправляя блузку в юбку, – я пешком.

– Возьми зонтик.

– Хорошо, ты уже пошла? – спросила, но ответом мне послужил хлопок входной двери.

Взяла в руки пульт, чтобы выключить телевизор, по которому крутят программу про насекомых, но замерла. Я залипла на рацион питания пауков, пока визг чайника не дал мне моральной затрещины.

Мое утро не могло начаться без печенья и горького черного чая, «интересных» новости про конец света в социальных сетях и, самое главное, похода в школу. Она стояла во главе триумвирата плохого настроения. Так я называла вещи, которые расстраивали меня и заставляли проявлять хоть какую-то социальную активность. Многие подростки не любят школу, кто-то из-за внутреннего интроверта, кто-то из-

за эфемерных пожертвований. Да, они вносятся небольшими суммами, но спустя пару лет потолок в женской раздевалке продолжает протекать, а директор приезжает на крутой тачке или сверкает новыми запонками.

Я вышла на улицу, слегка поежившись от прохладного ветра, и косо осмотрела темное, затянутое тучами, небо. Голые деревья и пустые дороги. Вчерашний ливень заставил спрятаться по домам большинство жителей Агригент Стилл. Большинство, но не ту девушку в зимней шапке, натянутой до ушей. Волос не было видно, но по черным бровям я узнала в девушке свою подругу. Да и случись что с её бровями, все равно узнала бы, ведь она стоит там почти каждое утро.

Спустилась по ступенькам, не отрывая взгляда от девушки, но тут же угодила ногой в лужу.

– Черт, – прошипела, осмотрев ущерб. Обувь не промокла и все выглядело чисто, поэтому я пошла дальше. Я старалась выглядеть непринужденно, когда подруга заметила меня, подняв голову.

– Ты это видела? – спросила я.

– Видела что?

Не дав подруге опомниться, я тут же её обняла, прижавшись:

– Сейчас вышла из дома, поскользнулась и упала прямо в огромную лужу. Испачкалась вся, но решила домой не возвращаться, сразу к тебе побежала.

Руки девушки, которыми она обнимала меня, слегка

ослабли и через мгновение она завопила:

– А-алекс, ты же и меня испачкаешь. Фу! Я чувствую, как с тебя кусками сползает грязь, – она смешно забарахталась в объятиях, упираясь руками в мои плечи, – хоть раз бы упала в лечебную грязь. Хот раз, тогда и прижимайся ко мне, а сейчас выпусти, грязнуля.

Я выполнила просьбу. Кристин отошла и с прищуром осмотрела сначала себя, потом меня, видимо оценивая невидимую грязь. Ее брови сошлись на переносице, но легкая улыбка на пухленьких губах, все-таки выдавала истинное настроение.

– Так я и знала, – со вздохом сказала она, – ты испачкала меня. Но за покупку малинового пирога в нашем кафе я готова тебя простить.

– Как-то дешево.

– А там сейчас акция, – Кристин выпрямилась, двигаясь по тротуару. Я последовала за ней, – говорят, покупаешь малиновый пирог и в подарок получаешь дольку тыквенного.

– Но у меня аллергия на тыкву.

Кристин лишь загадочно улыбнулась, пожимая плечами.

Когда мы дошли до ворот школы, она продолжала бодро стучать своими каблучками, но я все равно смотрела на неё снизу вверх. Такой была моя Кристин, миниатюрной блондинкой с храбрым сердцем и специфичным юмором. Именно он и свел нас вместе, ведь судя по её словам, мой смех настолько заразителен, что может развеселить любого, поэто-

му она любит доводить меня до истерик с безудержным хохотом. Из-за смеха и из-за того, что больше никто не воспринимает юмор Кристин, мы подружились в седьмом классе.

Впереди показалась каменная арка, через которую все проходили на школьный двор. Он был огражден от мира высоким металлическим забором, от которого холодом веяло за версту. Сквозь прутья можно было разглядеть поляну с чистым газоном, на которой обычно собирались ученики на обед в теплое время. Там же находились и крытые спортивные площадки с треклятой женской раздевалкой, и чуть дальше парковка и сама школа. Впечатляющее здание из белого кирпича в четыре этажа, большие окна и огромные часы над главным входом. Прямо сейчас они извещали меня о том, что я пришла как раз вовремя.

– Ты звонила Люку? – спросила Кристин, перепрыгивая лужицу.

– Нет, мы же поругались, – я прикусила губу, но заметив настороженный взгляд подруги, тут же добавила, – ничего страшного. Это был последний день перед началом учебы, и я хотела провести его вместе, есть пиццу, смотреть ужасы, дурачиться. Спокойный вечер, – оправдалась я, посмотрев под ноги и понизив голос, – но Люк был занят.

– Чем?

– Он не сказал.

Я остановилась у крыльца, хмурия брови. Посмотрела на Кристин в теплой шапке, а она внимательно посмотрела в

ответ, но ничего не сказала. Её теплые руки накрыли мои, и тогда я осознала, что тереблю края юбки, с силой растягивая ткань. Расслабила пальцы, закинув голову от накотившего раздражения:

– Мы всегда ссоримся на пару часов и потом миримся. А в этот раз он не только не звонит мне второй день, но и сам не отвечает на звонки. Я не знаю что мне делать, я так боюсь его потерять и знаешь, я... я просто не хочу больше никого терять.

– Эй, – Кристин накрыла мои плечи и подошла ближе, – ты никого не потеряешь. Только ты решаешь, кого впустить в свою жизнь, а кого отпустить.

– Ты знаешь, это не всегда зависит от нашего желания, – я не смогла сдержать всхлип и закрыла лицо ладонями, повернувшись спиной ко входу в школу, – ты знаешь Кристин. Что я не могла контролировать жизнь папы. Даже когда я кричала ему останься, он решил уйти.

– А ну перестань, – подруга обошла меня, встав передо мной, и с силой убрала мои руки от лица, – ты высокая статная женщина.

– Ага, семнадцатилетняя щеголиха.

– Мы говорим о перспективе, – она улыбку, беря мое влажное от слез лицо в ладони, – ты не смотри, что я маленькая, рука-то у меня тяжелая. Если какие-то сильно занятые парни захотят тебя обидеть, я с ними разберусь, – сказала Кристин, а я засмеялась, шмыгая носом, – Вот так-то лучше.

Выдохни, и пойдем в школу, хорошо?

Кивнула, вытирая нос рукавом свитера.

– Фу, какая сопливая.

[...]

Светлые коридоры были переполнены учениками. Все шумели, рассказывая о летних путешествиях. Неподалеку от входа, сбившись в кучу неуверенности, стояли новенькие ребята, которых Кристин должна развести по кабинетам. Она одна из наставников для тех, кто только перешел в среднюю школу или перевелся из другой школы. Кристин как всегда мчит впереди всех и вся. Не то, что я, сижу в стороне, избегая любой самодеятельности. И это не смотря на обещание быть активной хотя бы в последний школьный год, которое я твердо дала себе этим летом.

– Это мои стоят, – девушка сняла шапку, распуская белые, от природы кудрявые волосы, – я пойду, увидимся на истории.

Она развернулась, бросая бодрое «не скучай» и громко, стуча невысокими каблуками, прошла в сторону новеньких.

– Разве сегодня только один общий? – крикнула вслед, но Кристин уже скрылась в толпе.

«Первый день последнего школьного года, соберись Алекс, ты должна получить от него все».

Решительно выдохнув, я смахнула упавшую на лоб прядь коротких волос и прошла к нужному кабинету. По пути пришлось поздороваться со знакомыми, чтобы расшатать внут-

ренного интроверта.

Остановившись на пороге, я посмотрела в расписание, проверяя, сходится ли номер на листе с номером кабинета. Все правильно. Подняла взгляд на аудиторию и моментально расслабилась, ведь пустые парты не могут не радовать. В кабинете царила тишина.

Проходя мимо преподавательского стола, я положила на него справку и направилась ко второй парте у самой стены.

– Мисс Алекс Саттон, – преподавательница оторвалась от бумаг, приветливо улыбнувшись мне. Её редкие, местами поседевшие волосы, были убраны в невысокий пучок, а на лбу залегли тени от морщин. Я улыбнулась в ответ, стараясь не следить за тем, как она поднимает мою справку, вчитываясь через очки, – Интересно. Рада, что вы сдаете биологию Алекс, на кого планируете поступать?

– На психолога, – я кивнула, продолжая доставать тетради из сумки.

– Неужели, – она ахнула, и я на мгновение испугалась, что кожа на её лице порвется от таких манипуляций, настолько он выглядела сухой, – тогда рада вас познакомить с вашей, надеюсь, будущей коллегой, Евой Сандерс.

Преподавательница указала рукой куда-то в сторону от меня, и я посмотрела туда же, упершись взглядом в копну рыжих волос. Девушка сидела неподвижно, опустив голову на парту и заткнув уши наушниками, провод от которых резко контрастировал с таким ярким цветом волос. Она сиде-

ла у самой стены на последней парте и по всей видимости никого не слышала, ведь миссис Уитмор продолжила говорить о ней в третьем лице, когда вновь встретилась со мной взглядом:

– Бедная девочка, у нее горе. Весь этот юношеский максимализм и первая любовь, ну, ты наверняка знаешь.

Я кивнула, ощутив больной укол под ребрами. Еще как знаю.

– Ты как-то побледнела, – женщина насторожилась, спросив, – у тебя все хорошо?

– Конечно, – натянула улыбку, кивнув, – все прекрасно.

Она сузила глаза, оглядев меня как-то оценивающе, но ее интерес пропал сразу же, как в кабинет зашел новый ученик.

– О-о, здравствуй Марк. Ты тоже планируешь сдавать биологию? Нам как раз не хватало кого-то вроде тебя.

Дальше я слушать не стала, опустившись за парту. Я планировала просидеть в раздумьях, пока не начнется урок, ведь даже здесь, личные проблемы других людей заражали меня. «Юношеский максимализм». «Первая любовь». Неужели все мои чувства действительно переоценены?

Немного повернула голову в сторону девушки в наушниках. Наши взгляды пересеклись. Я тут же отвернулась, с широко раскрытыми глазами посмотрев в стену. Всё так неловко, я не знала, что рыжая все это время смотрела на меня. Боже, зачем я повернулась? Сзади раздался какой-то шум и скрип, словно от ножек стула. Я напряглась.

– Ты Алекс, правильно? – тихий и хриплый голос, настиг меня совсем близко и заставил занервничать еще сильнее.

Я медленно повернула голову, рассчитывая, что мне слышалось, но встретила с покрасневшими глазами девушки. Она смотрела прямо на меня, вытирая и так опухшую кожу вокруг глаз рукавом.

Ну что, пришло время показать себя.

Я натянула улыбку, отвечая:

– Да, а ты Ева?

Девушка кивнула, на что я улыбнулась шире.

– Приятно познакомиться.

– Мне тоже, – она как-то отстраненно посмотрела в сторону, затем опять уперлась в меня взглядом. Ее голос прозвучал тише, – всё, что сказала миссис Уитмор, н-ну, – она запнулась, продолжая, – про юношеский максимализм. Это неправда. Не хочу показаться очередным депрессивным подростком. У меня на самом деле проблемы, и серьезные. Мой Джон...

Она замолкла, губы её задрожали, словно она пыталась выдать дальнейшие слова, но ничего не получалось. Она сжала пальцами края парты, а взгляд потерял ориентир, больше не сосредотачиваясь на чем-либо.

– Джон, это твой парень? – попыталась догадаться, на что Ева нервно улыбнулась, кивнув, но вновь помрачнела. Её брови сошлись на переносице, а на глаза выступили слезы. Она всхлипнула, резко отворачиваясь от меня, от чего её

длинные волосы пронесли лентой в воздухе. Еву затрясло, как при сильном шторме, и она схватилась ладонями за живот.

– Ева, – я потянулась к девушке, поднявшись со своего места, – ты чего? Не может все быть так плохо, даже если он тебя бросил.

– Он не бросал меня, – Ева вскинула руки, обернувшись и впереv в меня злобный взгляд, – он пропал, понятно? Он не бросил меня, он, черт возьми, пропал!

– Девушки! – голос миссис Уитмор прозвучал предостерегающе. Она тут же вмешалась, переводя взгляд в нашу сторону, но Ева продолжила:

– Джон пропал, а всем вокруг наплевать! Мы обращались и к директору и к школьному Совету, но никто из них и пальцем не пошевелил! Никто его не ищет!

Ева надрывала голос, прерываясь лишь, чтобы набрать воздух для новой порции слез. В это время миссис Уитмор остановилась рядом со мной, взволнованно оглядев девушку. Она вытянула было руку, но убрала её. И я понимала оцепенение преподавательницы. У Евы была настоящая истерика, она рыдала, а когда не хватало воздуха, начинала хрипеть, руками вцепившись в парту.

– Ева, – ласково позвала преподавательница, – может тебе домой?

– Нет! Почему меня никто не хочет услышать? Мой парень пропал, а вы отправляете меня домой?! Отвалите от ме-

ня все!

Миссис Уитмор замолкла, прижав пальцы ко рту. Она перевела испуганный взгляд на меня, ожидая чего-то, но я смотрела на неё с не меньшим ожиданием, ведь не знала, как успокоить девушку. В нагнетенной тишине, нарушаемой только хрипом Евы, раздался звонок, известив о начале урока. В коридоре усилился топот, после чего звуки и вовсе пропали.

Только в кабинете биологии урок не наступал. Все присутствующие были в замешательстве, а новые ученики стояли под дверью, не решаясь зайти. Кто-то незаметно снимал трясущуюся от слез Еву на телефон, видимо тая надежду распустить новую сплетню. И это разозлило меня, подстегнув к действиям.

– Ева, – начала тихо, проглотив скопившуюся во рту жидкость. Аккуратно положила ладонь на плечо девушки, в попытке заглянуть в глаза, – я очень хочу тебя услышать. Не знаю, куда пропал Джон, но если все так плохо, то мы можем вместе сходить в полицейский участок, – Ева с недоверием посмотрела на меня, прищурившись опухшими глазами, а я кивнула, присев на корточки рядом с ней, – все обязательно будет хорошо, слышишь? Мы найдем Джона.

– Я н-не, – шмыгнула носом девушка, но я перебила:

– Главное, это спокойствие. Если ты будешь рыдать, то не сможешь помочь ему. Особенно если он и правда нуждается в помощи, понимаешь?

Девушка неуверенно кивнула, осмыслив мои слова.

– Вот и замечательно, – я улыбнулась и посмотрела на преподавательницу, заговорив чуть тише, чтобы слышно было только ей, – Миссис Уитмор, у вас есть успокоительное?

Женщина отмерла, часто заморгав, и одобрительно кивнула мне:

– Да, где-то был, сейчас поищу...

Я мягко погладила Еву по спине, замечая, с каким недоумением на нас смотрит Марк, так и не успев сесть за парту.

– ...видимо на самом дне сумочки затерялся. Ох! Вот оно, я нашла, только у меня не в таблетках, – преподавательница сняла очки, сначала осмотрев бутылочку, затем кабинет.

– Марк, сходи за стаканом воды, будь добр, – парень кивнул, с нескрываемой радостью выходя из кабинета. Миссис Уитмор продолжила, обращаясь уже к остальным ученикам, – А вы не толпитесь. Ничего не произошло.

12:43

Я шла в столовую, планируя встретиться там с Кристин. Меня распирало от всего увиденного, и я должна была с кем-то этим поделиться.

– Алекс!

Я обернулась, услышав собственное имя, и вгляделась в толпу. Кристин с покрасневшими щеками шла в мою сторону, быстро перебирая стройными ногами.

– Ты в порядке? – она остановилась напротив, взяв меня за руки и смотря в глаза, – мне сказали, что ты была в каби-

нете психолога. Это из-за Люка?

– Нет. Я отводила туда одноклассницу с биологии, ей стало плохо во время урока.

– Еву Сандерс?

– Откуда ты знаешь? – нахмурилась я, выгибая бровь. Ну вот, Кристин уже все известно.

– Догадалась. Она встречается с сыном мистера Ханта, нашего преподавателя по древним языкам.

– Его зовут Джон?

– Да.

Кристин отпустила мои руки и раскрыла дверь в столовую, я прошла вперед. Здесь былолюдно. Мы молчали, проходя мимо столов, словно то, о чем мы будем беседовать совершенно секретно. Даже когда мы стояли в очереди и все вокруг нас перешептывались на тему недавнего инцидента в кабинете биологии, я и Кристин молчали. После того как мы выбрали еду и сели за свободный столик, я пристально посмотрела на подругу. Кристин подозрительно затихла, сосредоточенно рассматривая баночку с мороженым и не начиная разговор даже в условной безопасности. Потому я заговорила первой:

– Ева говорила, что Джон пропал, ты знаешь про это что-нибудь?

– Знаю, – вздохнула Кристин, сокрушенно положив руки на стол, – нам урок назад сообщили об этом.

– Вам, это волонтерам? – догадалась я.

– К сожалению, да, – Кристин смахнула волнистую прядь с лица и открыла баночку с мороженым, продолжая, – Мистер Патрик организывает поисковую операцию. Сами поиски начнутся завтра, когда пройдет три дня, поскольку по-другому полиция не соглашается. Мистер Патрик говорил им, что Джон очень порядочный и ответственный мальчик и риск того, что он решил насолить родителям и сбежать или накурился где-нибудь, минимален. Но его не слушают, раз поиски не начали раньше, – вздохнула подруга, поправляя себя, – точнее не в таких больших количествах. Они давно могли подключить нас – волонтеров, но не стали.

– Все может быть, и алкоголь, и травка. Но даже если это, правда, почему о таких похождениях не знает его девушка? – отпила немного воды, спросив, – у него есть друзья?

Кристин накрутила на палец прядь, задумываясь:

– Нет, он мало с кем общался, в основном торчал в школьной библиотеке, а когда она закрывалась, шел в кабинет отца. Я его как-то раз так встретила, когда... – Кристин замерла, видимо что-то вспомнив, и её лицо тут же изменилось. Взгляд стал серьёзнее, но она постаралась сбросить это напряжение, улыбнувшись, – не важно. Самое главное, что на первом этаже можно записаться в поисковую группу и хоть как-то помочь в поисках.

– Надеюсь людей наберется достаточно. Джона нужно найти.

– Не переживай, я уже записала себя в добровольцы, – ска-

зала Кристин и положила тающее мороженое себе в рот, – так сказать, внесла свою лепту.

– Ты серьезно? Точнее, ты волонтер и я была уверена, что ты то сделаешь, но ты всё это время молчала?

– Я и тебя записала, а то ты вечно ноешь, что в городе ничего интересного не происходит. Так вот, возьмитесь и распишитесь.

С широко раскрытыми глазами я посмотрела на Кристин, пока она пыталась что-то сказать с набитым ртом.

– Но ты даже не спросила... и ничего не сказала.

– Это произошло урок назад, – оправдалась она, облизав ложку, – скажи спасибо, что вообще предупредила, иначе бы ты узнала об этом в три часа дня, когда нужно быть на месте.

Я поправила спадающую сумку и молча встала из-за стола. Мне было необходимо это осмыслить, а Кристин не трогала меня. Она молча доела свой обед, и мы направились к выходу из столовой. Кристин выбросила пластиковый стаканчик из-под мороженого и, догнав меня у самой двери, начала инструктаж.

– Во-первых, нужно в половину второго быть у школы, чтобы нас успели разделить на пары и выдать все необходимое. Во-вторых, нужно одеться теплее, так как никто не знает, куда нас пошлют.

– Мы же с тобой в паре?

– Конечно, я и ты, против всех ночных монстров, поджидающих нас в кустах.

Я не сдержала улыбки, разрушив всю серьезность, настроение немного поднялось, и я спросила:

– А если на нас нападет маньяк, что будем делать? Бить фонарем? Кидаться в него рацией?

– Ты смеешься? Это же шанс показать себя, а я прекрасно владею истеричным боем, – Кристин замахнулась рукой в воздухе, случайно ударив меня локтем в плечо, – он правда неконтролируем.

Я засмеялась, слегка толкнув подругу, но взгляд Евы пеленой настиг мое сознание. Она была в такой панике и отчаяние. А что, если Джон действительно пропал или его кто-нибудь похитил?

– А сейчас серьезно, если на нас нападет маньяк, что делать? – спросила я, останавливаясь рядом с кабинетом по истории, заполненным галдящими людьми.

– Тогда побежим в разные стороны. Кого догнали, тому не повезло, – просто ответила Кристин, и я перевела осуждающий взгляд на подругу.

– Твой план отстой.

Кристин повернулась в мою сторону и, выдохнув, опять посмотрела в кабинет:

– Я знаю.

II. Глава.

14:47

Школьный двор был заполнен людьми. Одни толпились в

одном месте, ожидая, пока их дальнейшие действия скоординируют, а другие шли на поляну, где можно было посидеть и набраться сил. В воздухе витало что-то тяжелое, от чего хотелось рухнуть. Прямо сейчас упасть и уснуть, лишь бы не испытывать этой эмоциональной тяжести, сдавливающей грудь. Она мешала двигаться, вращала в моей голове снова и снова плохие мысли, как в центрифуге. Люк не писал мне уже третий день. В школе я его не видела. Может с ним что-то случилось?

Я вздрогнула, когда над ухом чихнули, громко шмыгнув носом. Обернулась и посмотрела в лицо незнакомого парня, не задержав взгляд, ведь меня уже тянули дальше. Я пробиралась дальше через толпу, пока Кристин крепко держала мою ладонь. Возможно, она боялась, что я потеряюсь или уйду домой, но даже не догадывалась, что мне сложно быть одной в четырех стенах. Я хотела посвятить себя какому-то делу, чтобы отвлечься.

– Алекс, – Кристин окликнула меня, когда мы оказались у невысокого дерева рядом с парковкой. Она заглянула в глаза и убедилась, что я слушаю, – постой здесь, хорошо? Я узнаю, какую территорию нам выделили, и принесу рацию.

Я почти не пошевелила губами, произнеся тихое «хорошо» и проследила за тем, как блондинка скрылась в толпе. Какое-то время я стояла неподвижно, переминаясь с ноги на ногу, чтобы согреться в этот пасмурный день, и прислушивалась к шепоту вокруг. Люди обсуждали исчезновение Джона

и были настроены найти его живым.

Вибрация. Я отмерла, пальцами нащупав телефон в заднем кармане, и открыла смс от Кристин. Подруга просила подойти к главному входу в школу. Срочно. Неужели что-то случилось?

Пришлось идти к входу, и я заметила, что там менеелюдно, ведь большинство участников поисков столпились у столиков на поляне. Там, кажется, раздавали горячие напитки. Поёжившись от холода, я спрятала подбородок в горле любимого свитера и натянула рукава сильнее. Мне бы не помешала чашка горячего кофе, но это в другой стороне, а я уже вышла к крыльцу, осматриваясь. Здесь было пусто, не считая пару человек, затягивающихся сигаретой, и парня на крыльце, переминающегося с ноги на ногу.

Ток. Он пронзил кончики пальцев.

– Черт, – прошептала, стремительно развернувшись спиной к входу.

Что он тут делает? Почему стоит там?

Инстинктивно сделала шаг обратно, чтобы раствориться в толпе, но так и замерла. Почему я должна убегать? Да, я не желаю подходить первой, но и избегать его не хочу. В животе нарастает гнетущее ощущение от любой мысли об уходе, когда вот он, стоит рядом.

Прикусила до боли губу, тяжело выдохнув воздух через нос, и все-таки развернулась. Я хотела позвать Люка, но голос засел где-то в горле, так и не вырвавшись, когда я встре-

тилась с парнем взглядом. Он был рядом. Буквально в паре метров. Смотрел в глаза, от чего я нервно дернула рукава свитера, проглотив жидкость во рту. Люк подошел ближе, остановившись напротив меня. Его светлые кудряшки слегка спадали на лицо, прикрывая левый глаз, но он смахнул волосы, встряхнув головой, и улыбнулся:

– Привет, котик.

Несмотря на все его старания, я различила в зеленых глазах Люка усталость. Поэтому мой боевой настрой тут же ушел, оставив после себя только горькое послевкусие.

Люк тяжело вздохнул, так и не дождавшись от меня приветствия, и достал что-то из-за спины.

– Это тебе, чтобы согрелась.

Опустила взгляд, приняв из рук Люка белый стаканчик, от которого в воздух клубился белый дым. Заледенелые пальцы тут же обожгло, и я перехватила стаканчик второй рукой, натянув сильнее рукава.

– Спасибо, – поблагодарила, подняв недоуменный взгляд на Люка. Парень молчал, но и не улыбался. Повисло тяжелое молчание. Рядом прошла компания людей. Я отпила из стаканчика, ощутив сладкий привкус шоколада, – Это какао, спасибо еще раз, но... что ты тут делаешь?

– Я доброволец в поисках.

– Я не про это. Что ты делаешь тут? Со мной.

Люк поджал губы, посмотрев куда-то вверх. Скулы были напряжены, а пальцы сжаты в замок. Люк был чем-то взвол-

нован. Если это из-за нашей ссоры, то я и подумать не могла, что парень воспримет её так серьёзно.

Я вытянула руку к лицу Люка, коснувшись пальцами его холодной щеки. Он тут же опустил на меня взгляд и поморщился, словно раздумывал над чем-то неправильным.

– Что случилось, Люк? Чем ты был занят эти дни?

– Я-я, – он запнулся, а зрачки метали от моего лица к небу, – я не могу сказать.

– Почему?

– Потому что это касается не только меня.

– А меня это касается?! – повысила голос, не выдержав.

Люк тяжело вздохнул, надавливая пальцами на прикрытые глаза, и с сожалением посмотрел на меня. Я ждала, что он скажет хоть слово. Ждала какого-то объяснения, но, по всей видимости, я не достойна узнать правду.

– Хэй, – прошептал Люк, повторив мое движение и накрыв горячей ладонью мою щеку, – ты чего плачешь?

Пришлось взмахнуть волосами, опустив голову, и отвернуться. Я не хотела, в очередной раз показать свою слабость. Не хотела его сочувствия вместо правды и доверия, которое он должен испытывать ко мне.

– Алекс, не отворачивайся от меня, – взмолился он и его голос звучал так, словно Люк подразумевал что-то другое, – не отворачивайся, пожалуйста. Я не хотел тебя обидеть.

– Но обидел.

Он коснулся моего плеча, обойдя меня. Другой рукой уже

поднял мой подборок, нежно поглаживая его большим пальцем. Остановился напротив, наклонившись ближе. Очередной порыв ветра оказался бессилён, ведь дыхание Люка согревало меня. Он аккуратно прикоснулся к моему кончику носа своим, таким холодным, но при этом обжигающим. Где-то в животе сжались мышцы, оставив напряжение во всем теле.

– Прости меня, пожалуйста, я виноват, – прошептал, соприкасаясь лбами. Я прикрыла глаза, только и делая, что ловя его тяжелое дыхание, – прости меня за то, что не отвечал и не звонил, но я правда не мог. Это важно.

– Что важно, Люк? Я же не чужой человек, почему ты не расскажешь мне? Это же я. Алекс.

– Я знаю, – парень отстранился, сжав мои плечи, – просто поверь мне, ты не хочешь этого знать.

– А если ты не прав?

– То гореть мне в аду, – на полном серьёзе заявил он, одарив меня тяжелым взглядом.

19:49

Спустя пять часов поиска мы дошли до лесополосы, у которой примерно сто человек разделили на пары. Кристина сразу знала, что не будет со мной в паре, ведь Люк вышел на неё раньше, чем нас распределили. Скажем так, он воспользовался её давнейшим чувством вины и надавил на это. Она согласилась помочь ему и устроила нашу встречу у школьного крыльца.

– Можно я понесу рацию?

– Нет.

– Тогда фонарик.

– Нет-т, – ответила подрагивающим от холода голосом.

Перешагнула очередную ветку, что лежала на сырой земле, и вновь осветила на стволы деревьев.

– Ты несешь всё сама несколько часов, – подметил Люк, плетясь где-то позади меня, —наверняка устала уже.

– Я не устала.

Стволы елей утопали во тьме и со временем перестали показываться вовсе, оставив только теплые шапки изумрудных иголок. Я остановилась на пригорке, осветив фонариком куда-то вниз небольшого склона. Шмыгнула носом, вдохнув сырой, смешанный с хвоей, воздух. Люк остановился рядом со мной и слегка наклонился вперед, осмотревшись.

– Не переживай, спуск маленький. Свети себе под ноги и старайся не упасть.

– Легче сказать, чем сделать, – заключила я, сдерживая мысли, что именно в такие «канавы» и сбрасывают трупы.

Теплые пальцы обвили мое запястье. Я выгнула бровь, осветив наши сцепленные с Люком руки. Парень даже не уделил внимание моему предостерегающему настрою и аккуратно растирал большим пальцем тыльную сторону моей ладони.

– Ты замерзла, – заметил, подняв руку к губам, и подул теплым воздухом на мои оочечневшие пальцы. Я не сдержала-

ла улыбки, – почему не взяла перчатки?

– Они у Кристин в портфеле, а она, благодаря тебе, попала в другую группу.

– Она просто согласилась помочь.

– Конечно, – кивнула, с наигранным недовольством отведя взгляд.

Примерно в метрах пятнадцати от нас, среди деревьев, я заметила движущийся свет фонарей. Другая группа. Они больше не кричали имя Джона, а просто обследовали полученный нами квадрат.

– Ты под ноги светить будешь?

– Да. Просто там другая группа.

Люк больше не грел дыханием мою руку, всматриваясь в свет фонаря. Я же смотрела на его пальцы, которыми он поглаживал мое запястье. В этой темноте и сыром из-за недавнего дождя холоде, он стоял рядом со мной, не выпуская моей руки. Согревая меня. Защищая.

Я посмотрела на Люка из-под полуопущенных ресниц, с теплом заметив, что он то же смотрел на меня. Наши взгляды встретились и все, что происходило недавно, показалось таким пустяком. Он рядом и мы оба молчим, страшась нарушить этот миг.

Воздух вокруг нас поменялся. Он стал не таким сырым и пронизывающим до костей. Дыхание ускорилося. Люк осторожно провел костяшками пальцев по моей щеке, заставляя сердце затрепыхаться в грудной клетке. Он посмотрел мне в

глаза. Наблюдал за реакцией, когда наклонил свое лицо ближе, словно спросив разрешения. Его дыхание вновь обожгло замерзшую кожу щек.

От возникшего внизу живота тепла, фонарик выпал из расслабленных пальцев, ударившись о землю. Луч света лизнул стоящие рядом ели и исчез. Мы остались в темноте окруженные только замершими деревьями и звездами, что с любопытством наблюдали за нами.

Я не выдержала первой и притянула Люка к своим губам. Он обхватил меня, оторвав от земли и ответив на поцелуй. Чувство невесомости приятно вибрировало в животе, пока Люк не прижал меня к рядом стоящему дереву спиной. Смело, но аккуратно коснулся моего тела и, поддавшись нахлынувшим чувствам, мои глаза закрылись. С каждым движением губ, ласковым касанием огонь между нами вспыхивал с новой силой, а в нем сгорали все обиды и молчание недавних дней. Мы словно пытались наверстать упущенное.

Я не замечала ни мороза, жалящего кожу, ни сильного ветра, что бросал в лицо колючие капли дождя. Время пролетало мимо нас, пока Люк не отстранился от меня, тяжело дыша. Мои глаза были затуманены, но я постаралась сосредоточиться на парне. Он поднял руку, приглаживая мои растрепавшиеся волосы, и замер в таком положении. Я пыталась успокоить сердцебиение, с улыбкой сосредоточившись на лице Люка. Взгляд парня стал напряженным и цеплялся за что-то позади меня. Даже в темноте я заметила, как Люк

прищурился, а брови его сошлись на переносице. Я попыталась что-то сказать, но он шикнул, прижав палец к губам. В его действиях больше не было ничего романтического, он выждал молчаливые секунды и отстранился от меня. Он неотрывно смотрел за мою спину.

Я повернула голову, наклонившись в бок, чтобы посмотреть туда же, но Люк с силой прижал меня обратно к дереву.

– Ты что делаешь?! – воскликнула я, но голос был слаб.

Прижав голову к холодной коре дерева, я вновь требовала ответа, но Люк лишь сказал:

– Стой и не двигайся, – его голос прозвучал настолько тихо, что я невольно прекратила дышать.

Он убрал руки с моих плеч и медленно, переступая с ноги на ногу, обошел меня. Хруст веток под ногами и последующее за ним чавканье земли, вывели меня из ступора. Я поняла, Люк спускался по склону.

Холод вернулся и я задрожала. Губы затряслись. В этом мраке я больше не видела света от фонариков других групп. Так я и стояла, вжавшись в ствол высокой ели и морщась под ледяными каплями дождя.

– Люк, – пропищала, тут же прикусив губу. Прошла минута, но мне никто не ответил.

Страх в груди нарастал так ускорено, что сердце грозило переломать ребра. Его стук пульсировал в голове.

Я развернулась лицом к дереву, прижавшись лбом к охлаждающей коре. Задержав дыхание, я выглянула из-за ели.

Словно из-под земли блеклые лучи механического фонарика освещали маленькое пространство подле склона. Это мой фонарик?

Выйдя из-за дерева, я осторожно пробралась к краю склона и наконец-то увидела Люка. Его спину подсвечивал мой фонарь. Видимо, когда я его выронила, он скатился по склону.

– Люк? – позвала парня, аккуратно передвигаясь по влажной земле. Я помогала себе руками, чтобы не поскользнуться, но к ладоням прилипала грязь и иголки.

– Не ходи сюда, – прежде звонкий голос Люка, прозвучал очень глухо. Я полностью поднялась на ноги, вытирая руки о ботинки:

– Почему? – прокряхтела, ведь грязь не отлипала, – Ты что-то нашел?

– Джона.

Я замерла. Даже сквозь грязь ощутила, как мои ладони стали влажными от пота, не смотря на холод вокруг.

Я выпрямилась, делая шаг к Люку. По пути подняла фонарь. Дрожащий луч смазал стволы елей и все же осветил ту часть земли, у которой стоял Люк. Его спина была напряжена, а когда я подошла ближе, напряжение передалось и мне. Я не чувствовала, как Люк отцепил от моих джинс рацию.

То, что я увидела, лишило меня возможности нормально реагировать. Шум рации, взволнованный голос Люка, называющего нашу группу и квадрат, всё это звучало отдаленно,

словно парень не стоял сбоку от меня. А страх острым лезвием разрезал позвоночник, полоснув меня по спине. Я хотела закричать, но во рту стало сухо. Мое тело задрожало. Страх забирал голос, лишая меня сил мыслить.

– Алекс, отвернись!

Но я не слышала, невидящим взглядом рассматривая Джона. Его тело было прикрыто ветками и землей, которая из-за дождя немного расплзлась, открывая грязную ткань джемпера. Но совсем немного. Четче всего виднелась голова. Она была наклонена в бок, словно парень прилег отдохнуть, укрывшись ветвями. Но он не спал. Его глаза были широко раскрыты и направлены в никуда. На серой коже виднелись синяки и коричневые разводы. Волосы сосульками свисали на лоб. Они были в грязи. Или это кровь?

21:57

Мужчина устало потер лицо и задал очередной вопрос:

– Ты утверждаешь, что нашел Джона именно в секторе «41Е»?

Мы сидели в отделении полиции. Под потолком тихо дребезжала лампочка, незаметно моргая. На мне был плед, но я продолжала мерзнуть. Не смотря на то, что нас запустили в вполне приятную комнату и усадили на диванчик, что располагал к дружеской беседе, разговор велся вовсе не дружеский. Люк нервничал, сжимая мою ладонь:

– Мы же сказали, что нашли его в этом секторе, – повторил он намного громче, чем в прошлый раз. Я заметила, ка-

ким убийственным взглядом он посмотрел на офицера, но тот даже бровью не повел. Люк сдался, отвернувшись. Видимо он принял сложившуюся ситуацию куда ближе, чем я. Возможно страх и потерянности как первые стадии принятия уже прошли и сейчас Люк переживает что-то иное, что мне только предстоит?

– А что на счет вас, мисс Саттон? – спросил офицер.

Я вырвалась из своих размышлений, встретившись взглядом с утомленным мужчиной. Под его глазами собрались мешки, а трехдневная щетина перекрывала бледноватый тон лица. Он тоже устал и явно держал нас здесь не по собственной воле.

Я качнула головой, отвечая:

– Мы нашли его у склона, под кучей осыпавшихся иголок и веток. Почему вы спрашиваете это в пятый раз, офицер?

– Первичный анализ только закончили, скоро тело вашего одноклассника передадут в морг, если уже не передали, – мужчина прикрыл глаза, откинувшись на спинку кресла, – я лишь должен убедиться, что вы отдаете себе отчет о произошедшем. Человек под влиянием страха может не заметить за собой многого. У нас был случай, когда женщина тащила тело своего мужа вдоль дороги почти километр, пока ее не заметили прохожие. В больнице она рассказала про аварию. Она якобы побежала за помощью, но даже не упомянула, как тащила тяжелого мужика. Почти километр. Оказывается, этого она не запомнила, – произнес офицер, разводя

руками, и тихо добавил, – На теле Джона есть следы волочения. Я лишь хочу убедиться, что никто из вас его не трогал.

– Мы же не идиоты! – неожиданно вспыхнул Люк, сжав от злости край моего пледа, – Мы хоть и подростки, но не тупые...

– Люк, – прошептала, перебивая его. Накрыла его ладонь своей, на что парень поджал губы, но продолжил сверлить взглядом офицера. Люк задрожал, поэтому я подсела ближе, прижавшись к плечу.

– Офицер, – начала я, обращаясь к мужчине. Его сочувственный взгляд сполз с Люка на меня, поэтому я продолжила, – всех проинструктировали, что делать в случае обнаружения. Люк сразу сообщил по радиации, где мы находимся и что мы нашли. Тело никто не трогал.

– Я верю вам, – мужчина кивнул. Он наклонился к столу и по-хозяйски положил на него руки. Взгляд стал серьезнее, – теперь мне нужно, чтобы вы никому не говорили, что видели сегодня.

Люк переспросил с тем же напряжением:

– Вы имеете в виду, насколько все было плохо?

– Да, незачем пугать людей перерезанными глотками.

– Перерезанными!?! – Люк скинул мою руку, вскочив с дивана, – Что значит перерезанными глотками? Отец сказал, что Джона сбило что-то тяжелое, из-за этого большие гематомы на теле.

– Твой отец шериф, а не эксперт-криминалист. Грязь и

многочисленные кровавые подтёки помешали определить причину смерти на глаз. Потом приехали криминалисты. Они и заметили разрез, почти до шейных позвонков, – монотонно рассказывал офицер, пока мой желудок скручивался в болезненных спазмах, – убийца был очень сильным и...

– Извините, – прохрипела, перебив мужчину.

Все взгляды тут же устремились на меня. Я прикрыла рот ладонью и поднялась с дивана. Люк хотел что-то сказать и коснулся моего локтя, но я качнула головой и тут же выбежала из кабинета. Меня сейчас вырвет.

[...]

– Мам, я в полицейском участке, – громкое щебетание на другом конце провода заставило отпрянуть от телефона и посмотреть на экран. Как бы убедившись, что звоню нужному человеку и, осознав, что разговор начала не с тех слов, я поспешила приложить телефон обратно к уху:

– Мам, – перебила родительницу, вклиниваясь в её поток тревоги, – ничего я не натворила, все хорошо. Ты только не нервничай.

Я подняла взгляд выше и заметила Люка. Через большое окно в стене я видела, как он медленно ходил по кабинету своего отца, сложив руки у переносицы. Он что-то говорил, может даже молился.

– Алекс, – голос матери настиг меня, – не пугай. Почему ты в полиции?

– Я говорила тебе, что записалась на поиски пропавшего

мальчика, помнишь? Так вот, все закрутилось и сейчас я с Люком в полицейском участке.

– Люком? А где Кристин? С ней что-то случилось?

– Нет. Она в другой группе, но, – встряхнула головой, – дело не в этом.

– А в чем? Боже, я с ума сейчас сойду. Дочь, говори, что случилось!

– Мы нашли... – и я замолкла, не веря тому, что собиралась сказать. Казалось, что как только я это произнесу, пути назад не будет, поэтому перешла на шепот, – Мы нашли тело Джона, – ко мне вновь подкатила волна неконтролируемых эмоций. Губы задрожали, как и пальцы, но я все же призналась, – мы столько сил вложили, чтобы найти его живым. Я верила, что мы найдем его живым, но... мне так страшно, мам. Забери меня.

– Жди меня, я уже выбегаю с работы, – она бросила трубку.

В горле встал ком. Он поднимался все выше, пока не вышел из меня тихим всхлипом. Я прикрыла рот тыльной стороной ладони, в которой все еще находился телефон, и старалась успокоиться. Да, я нашла тело. Да, в темном лесу. Да, мертвое изувеченное тело покрытое грязью и ветками настолько, что первоначально я не узнала в нем человека. Но рядом со мной был Люк. Такой же растерянный, как и я, но готовый в любую минуту защитить.

Но от кого? Кто оставил там Джона и что, если этот кто-

то был рядом, когда мы нашли тело?

Еще один приглушенный всхлип вырвался из самого горла, и я сжала глаза, чтобы слезы не успели наполнить их. Меня трясло.

– Мисс Саттон, – голос застал меня врасплох и я вздрогнула, осмотревшись. Из-за стены показался офицер, который беседовал со мной недавно, – с вами все в порядке?

– Да, – голос дрожал и звучал, по всей видимости, очень жалко, – все в порядке.

Мужчина понимающе кивнул и вновь скрылся за стеной, но через пару минут вернулся ко мне со стаканом воды:

– Выпейте, – он протянул воду, но увидев мой протестующий взгляд, добавил, – это успокоительное, сейчас оно вам нужно.

Дрожащей рукой, которой все это время обнимала себя, я приняла стакан. Сделав пару глотков, тут же поморщилась. Холодная жидкость стекала по моему горлу, остужая меня изнутри.

– А вы уже сообщили... – спросила я спустя время в надежде, что мою незавершенную фразу поймут, но офицер лишь неясно посмотрел в ответ, – ну, отцу Джона.

– Да, сообщили, он уже направляется в морг на опознание.

– Ясно, – кивнула, после чего одним глотком осушила стакан и вернула его, – спасибо большое.

Мужчина участливо кивнул и оставил меня одну.

А ведь вчерашний день начинался с того, как я давала Еве

успокоительное и уверяла, что с ее парнем все хорошо, что не нужно переживать, так как он вернется сегодня или завтра живой и невредимый.

Я подняла руки к голове, сжав виски, и опять посмотрела на Люка.

Нас разделяла стена, но я ощущала его страх. Видела, как он нервно поднялся с места, вытирая видимо вспотевшие ладони о штаны, когда в кабинет кто-то вошел. Шериф прикрыл за собой дверь и, сжав виски, со злостью швырнул какую-то папку на стол. Люк сразу же подошел к отцу, что-то говоря и активно жестикулируя руками, но, к сожалению, нас все еще разделяла стена.

7:03

В соседней комнате довольно громко совещались два женских голоса и, через пару минут, дверь в мою комнату раскрылась с тихим скрипом. Уловив знакомые духи и ощутив, как прогнулся матрас на кровати под весом неизвестного, я нахмурила брови. Но глаза не открыла. Чьи-то руки аккуратно коснулись моего лица и убрали прядь волос с лица.

– Алекс, – позвали меня ласково, заставив выйти из полудрема и разлепить глаза, – я пришла, как только смогла.

Смутно, но я разглядела очертания Кристин. Девушка смотрела на меня сверху вниз с какой-то скорбью в карих глазах.

– О чем ты? – прохрипела, тут же откашлявшись, чтобы говорить стало легче, – Это я долго сплю или ты рано при-

шла? – я перевернулась набок, нащупав телефон и посмотрев на время – Шесть утра, ужас то какой, тебя же раньше двенадцати вилами не поднять. Ты чего так рано?

– Протри глаза, а то похожа на крота, – заметила Кристин, а я растянула уголки губ и, сжав кулачки, протерла ими прикрытые глаза, – так лучше. Я принесла тебе вредную пищу на завтрак, чтобы ты почувствовала себя лучше. Так что вставай и приступай.

Кристин положила большой пакет на прикроватную тумбочку и потянулась за моим одеялом, откинув его к краю кровати.

– У меня два вопроса. С чего такая забота и есть ли там чизбургер?

– Про чизбургер я бы спросила в первую очередь, – усмехнулась Кристин, раскрывая пакет, – здесь чизбургер с двойной порцией сыра и картошка, как ты любишь. А на счет заботы, ты не представляешь, как я вчера за тебя волновалась. В участок меня никто не пустил, трубку ты не берешь, Люк тем более со мной не разговаривает. Я места себе не находила...

– Стой, – перебила поток слов, сев на кровати и взяв еду, – почему ты волновалась за меня?

– Ну как же, – Кристин заерзала на кровати, с подозрением спросив, – ты помнишь, что вчера произошло? Поиски. Джон.

Я так и замерла с раскрытым ртом, будучи готовой отку-

свить мягкую булочку. Ком в горле появился так же быстро, как и картинка вчерашнего вечера, вплоть до пустых глаз, уставленных во тьму. Меня начало подташнивать, и я закрыла рот.

– Уже все знают, да? – мой тихий голос разрезал тишину. Я обессилено посмотрела в глаза Кристин, а та, наморщив нос, с сожалением кивнула. Она подседа ближе, обняв:

– Хочешь обсудить это?

Я отрицательно качнула головой, не произнося ни слова. Какое-то время мы сидели молча, погружившись в свои мысли и переживания. Кристин обнимала меня, а я держала в руках уже остывший чизбургер. Когда аромат котлетки все-таки пробился к моим рецепторам, я опустила взгляд на еду. Откусила мягкую булочку, возобновляя разговор.

– Ты поменялась напарниками, потому что Люк попросил или чтобы быть с Диланом в паре?

– Я всегда рада помочь твоим отношениям, Алекс, ты же знаешь. Но я солгу, если скажу, что не хотела встретить Дилана, – Кристин тяжело вздохнула, улыбнувшись самой невеселой улыбкой, – но это уже не важно.

– Что произошло?

Кристин взяла палочку картошки, удобнее расположившись на моей кровати:

– Оказывается, на обход кварталов выставляют группы по три человека, а не по два. Вот и получилось, что вокруг Дилана постоянно кружила я и Сесилия.

Я удивленно посмотрела на Кристин, заметив, как она кусала сухую кожицу на губе. Все еще сжимая в руке картошку, я легонько подтолкнула ее к губам подруги. Ей пришлось переключиться на нормальную еду, больше не истязая себя.

– А что Дилан?

– А Дилан прекрасно. Он отвечал ей. Не знаю, было ли это назло мне или нет, но они чуть ли не облизывали друг друга. Если бы по рации не сообщили, что пора заканчивать поиски, то клянусь, один из них съел бы второго.

– Почему ты не помешала им? Ты ведь знаешь, что эта Сесилия настоящая Сосилия, – возмутилась, а Кристин закатила глаза от моих слов, улыбнувшись. Но улыбка вышла нервной, уголки губ тут же опустились и подруга с обречением выдала:

– Может поэтому он с ней.

– Кристин, – заглянула в карие глаза, продолжив, – он просто не знает правду.

– И не узнает, – резко ответила блондинка, серьезно посмотрев на меня.

III. Глава.

9:15

– Приветствую вас, ученики старшей школы Агригент Стилл. Сегодня в истории нашего города трагический день. Как стало известно совсем недавно, тело нашего ученика, Джона Ханта, обнаружили в лесу. Как бы страшно это не зву-

чало, поднимать панику не стоит, ведь в полиции уже ведется расследование. Если у вас есть какие-либо сведения, сообщите их уполномоченному лицу как можно скорее, дабы помочь следствию. Теперь переходим к объявлению. Завтра, в двенадцать часов дня, состоится прощание с погибшим, в связи с чем уроки отменяются. Также в городе вводится комендантский час, пока все обстоятельства произошедшего не будут выявлены. Ровно в восемь вечера все несовершеннолетние должны быть дома. Мы все будем скорбеть по Джону Ханту, одному из лучших ученику старшей школы Агригент Стилл. С вами был ваш директор, Арчибальд Фелтон, сохраняйте достоинство. Оставайтесь спокойными.

Монотонный голос мужчины, что доносился из приемника, стих и вся школа погрузилась в горькую тишину. Эта горечь, как кислота, поднималась по горлу и оседала во рту. Все чувствовали её. Все молчали.

Одна я сидела за партой и, крепко сжав пальцами ее края, старалась выкинуть из головы ужасные картинки. Но они все равно прорезались перед глазами. Картинка за картинкой. Пока встреча со стеклянным взглядом не настигала меня, сбивая с ног. Весь тот страх, ему не было предела. Он увеличивался вдвое и готов был вырваться наружу с криком ужаса.

В тот день все эмоции смешались, и я не могла трезво соображать. Мне хотелось лишь спрятаться, осмыслить все. Но сейчас. Я ощущала страх так остро, словно меня насаживали на иглу и протыкали каждую мышцу.

Волосы слиплись из-за сгустков крови. Неестественный наклон головы, словно она держится только на коже. Рот слегка приоткрыт. И взгляд. Пустой.

Я моргнула, сильнее сжав парту руками.

Этот взгляд. Глаза. Они пробирают до противных мурашек, и я тянусь в бок, чтобы схватить Люка за руку, но ловлю пустоту. Вокруг никого. Только нарастающее жужжание мух. Словно над протухшим телом, которое смотрит на меня и... моргает.

Из моего горла вырвался тихий писк.

14:37

– Перестань мне врать, – Кристин ругалась, идя сбоку, – ты думаешь, я не вижу, какой ты по школе ходишь? Просто поговори со мной, и мы во всем разберемся, – она прохрустела пальцами, чем заставила с отвращением посмотреть на источник звука. Она замечает мой взгляд, сдаваясь, – Прости, я просто волнуюсь за тебя.

– Я понимаю.

– Тогда поговори со мной, расскажи, что тебя пугает и мы... – не успела договорить, ведь я перебила:

– Я не могу! – голос прозвучит громче, чем хотелось, поэтому я отвела взгляд.

Солнце ярко освещало дорогу, по которой почти не ездили машины в то время суток, ведь мы находились в тихом, спальном районе. Желтые листья, устилавшие тротуар, только усиливали то сонное впечатление, которое вызывала ули-

ца. Я постепенно успокоилась, с тяжелым вздохом возвращаясь к подруге:

– Я не могу. Когда речь заходит о Джоне, мне становится очень страшно. Он словно находится рядом, где-то в моей голове, – указала пальцем на висок, – и это пугает меня.

Перевела взгляд на Кристин, что хмуро шла рядом, наблюдая за своими ногами. О чем-то думала.

– Когда ты говоришь, что он находится рядом, ты хочешь сказать, он тебе мерещится?

– Не совсем, – в моем голосе была горечь, – когда я закрываю глаза, я мысленно возвращаюсь в тот день, и с каждой картинкой, он постепенно оживает. Я боюсь, что в какой-то момент, он просто поднимется из-под веса этих веток с землей и... – дыхание перехватило. Я остановилась, растерянно посмотрев по сторонам. Только сейчас заметила, что меня трясет. Слез не было, просто все тело колотило.

Кристин с сожалением посмотрела на меня, держа за руку, а я не могла остановить воспоминания.

– Выдохни, Алекс. Ты должна успокоиться.

– К-как? Как если он в моей голове? Прямо сейчас, словно копошится там.

– Для начала, дыши. Давай вместе, – блондинка повернула мое лицо к своему, раскрыв рот, – глубокий вдох и выдох. Молодец, теперь еще.

Я дышала, хоть и рвано. У меня медленно получилось отвоевать свое тело у страха и побороть дрожь.

– Умница, а теперь послушай меня. Тебе нужно прийти на прощание с Джоном. Я знаю, что это страшно, но ты должна отпустить его и тебе станет легче. Если ты увидишь его в костюме, чистого, без крови, то из твоей головы уйдут те страшные воспоминания. Ты запомнишь его другим.

– Я не хочу идти одна.

– Мы будем все вместе. Я и Люк будем с тобой и в твоей голове, просто думай о нас. Вспоминай что-то хорошее и цепляйся за это, как делала раньше.

Кристин мягко улыбнулась, заглянув мне в глаза, прежде чем обнять:

– Я всегда буду рядом с тобой.

Получив медвежьи объятия от маленькой и хрупкой на вид девушки, я слегка улыбнулась. Оставшуюся дорогу я уже не переживала так сильно.

Когда мы подошли к моему дому, ветер поднял с земли листья и пронес их у моих ног, загнав в лужу. В мутной воде отражалось чистое небо и силуэт Кристин, уходящей вдаль. Я тем временем, достала ключи из кармана и открыла дверь. Меня встретил пустой коридор и собственное отражение в зеркале. Не стоило говорить, как я переодевалась в напряжении и жалко пыталась напевать песню, чтобы отвлечься. Когда я поняла, что это не помогает, я вспомнила о Люке. Сегодня мы с ним не виделись, ведь он был занят у отца.

Взяв телефон в руки, я набрала знакомый номер, после которого в динамике послышались гудки. Когда я легла на

кровать, на другом конце раздался сонный голос:

– Алло.

– Привет, я хотела узнать как ты.

– Алекс, это ты?

– Да-а, – протянула, улыбнувшись, – я тебя разбудила?

– Немного, но мне уже нужно вставать, так что все хорошо.

– Ты куда-то собрался?

– Ну да, к тебе приехать, – ответил Люк, – не могу же я тебя одну оставить. Или ты хочешь побыть одна?

– Нет. Ты мне нужен. Спасибо, что приедешь.

Завершив разговор, я так и продолжила прижимать телефон к уху, ожидая то ли теплых слов, то ли родного голоса. И вскоре я поймала себя на мысли, что ожидаю чего угодно, лишь бы не впускать в голову кошмарные картинки.

[...]

Напряжение. Оно переполняет все тело, словно затопляя его. С каждой вещью, которую беру в руки, ощущается жгучее отчаяние. Оно выжигает глаза, стекает по щекам и капает на бумаги Джона. Рядом уже стоит фотография, с которой он смотрит на меня так важно и гордо, от чего эмоции переполняют до предела. Я больше не могу это терпеть. Мне нужно остановить это. Не в силах чувствовать эту боль, поэтому, отставляю цветы и свечи, которые должна расставить.

Я больше не выдерживаю такого внутреннего напряжения и ухожу. Ноги сами ведут меня. Я бреду вдоль дорог, пока не

останавливаюсь у высоких елей. Я была здесь, но даже если потеряюсь, пока буду искать это место... Если пропаду здесь, то я этого хочу.

Перешагнув с ноги на ногу от переполняющих чувств, я стягиваю кроссовки, спускаясь к деревьям. Тут же ощущаю, как в мои ноги впиваются острые веточки и раздрают кожу пят, но эта боль заглушает другую, заставляет меня двигаться дальше. Прямиком в лес.

Мне не страшно. Я ищу это место как успокоение. Но поиски длятся долго и я, лишь спустя время, замечаю, как солнце садится за горизонт. Все вокруг темнеет, поэтому я достаю телефон, светя перед собой фонариком, пока не наткнуюсь на что-то.

Останавливаюсь, посмотрев на огороженную лентой местность. Ничего примечательного, но это пока.

Проглотив скопившуюся во рту жидкость, я незамедлительно делаю шаг вперед. Хруст. Он раздаётся под моей ногой, и сердце на секунду пропускает удар. Тут же смотрю вниз, отступив, но вижу лишь раздавленную, сухую ветку. Невольно передернув плечами, я двигаюсь дальше, аккуратно переступая с ноги на ногу. Услышав очередной хруст, останавливаюсь.

Задерживаю дыхание.

Спустя пару секунд хруст повторяется.

Сердце словно перестаёт биться, ведь я стою на месте.

Глаза бегают по местности. Они ищут источник звука,

неожиданно расширяясь от увиденного.

Я не успеваю подумать, не успеваю осмыслить, как мне на плечо опускается тяжелая рука, разворачивая мое тело. Мир сужается до парня со стеклянными глазами, стоявшего напротив. Он смотрит со злобой. Его переполняет ярость. Она бурлит в глазах, темной дымкой заполняя белки.

Изувеченный Джон стоит, тяжело дыша и наклонив голову чуть в бок, напротив меня. Его длинные пальцы сжимаются и медленно, еле сдерживая напряжение, разрывавшее каждую мышцу, он поднимает кулак к моему животу, закричав.

Перепонки разрываются.

[...]

Меня окутал холод, а тело покрылось каплями пота.

– Не трогай меня!

– Алекс! Ну, давай же, – тяжелые руки опустились на плечи, устроив мне встряску, – проснись Алекс.

– Не трогай! Отпусти!

Краем сознания я услышала свой голос и с ним постепенно вернулась в собственное тело. Уже осознанно шевелю руками, чтобы вырваться из хватки Джона. Он сжал мои плечи, придавив к кровати, пока я не раскрыла глаза.

Вокруг все плыло, но сознание вернулось. Я больше не вырывалась.

– Алекс, это Люк, – он переместил руки с моих плеч на лицо, заставив посмотреть на него, – видишь, это я. Все хо-

рошо, это всего лишь я.

Пелена, что застилала мои глаза, скатилась по щеке, оставив влажную дорожку.

– Мне так жаль, – хныкнула я, – я не могу контролировать все это.

– Нет, все хорошо, я понимаю тебя. Мне тоже страшно, но это пройдет. Мы справимся со всем, не смей думать по-другому, поняла меня?

Люк перехватил мой потерянный взгляд, повторно спросив:

– Поняла?

Он смотрел с такой уверенностью, что страх понемногу покинул мое тело. Я кивнула, слабо поджав губы.

– Тебе снился Джон?

– Да, он был зол на меня, – замялась, оговорившись, – точнее не на меня.

– А на кого?

– Я словно была в теле другого человека, – рука поднялась к животу, накрывая его, – не знаю почему, но все казалось таким реальным. И его кулак, Джон словно пытался угрожать, чтобы я, точнее та девушка...

Замолкла, уставившись в одну точку.

– Что «та девушка»? – поддержал Люк, помогая мне сесть на кровати.

– Ничего. Это просто сон. Не хочу думать о нем.

20:45

– Я не буду этого делать, – Люк улыбнулся в вежливой попытке отказать, но я стояла на своем.

– Ты мог бы и помочь своей девушке, неужели так сложно? – постаралась говорить серьезно, но улыбка овладела губами, когда Люк оставил влажный поцелуй на виске. Он целовал осторожно, прервавшись, чтобы сказать:

– Мы вернулись в начало. Я не буду подставлять Дилана, и ни о каких встречах ты можешь не просить. Если Кристин хочет, пускай сама все и решает, почему ты должна делать за неё грязную работу?

– Она не знает о том, что я прошу тебя. И она тебе в помощи не отказала.

Бровь Люка изогнулась и я поняла, что разговор начал напрягать его.

– Это несравнимо. Ты моя девушка, а Дилан ей чужой человек, которого она, к тому же, предала. Прости, но мой ответ не изменится, – поставил он точку.

Я пристально посмотрела в голубые глаза Люка, словно надеясь сломит его уверенность. Но мой телефон сломил меня раньше, громко прозвенев, чем и напугал. Люк ухмыльнулся, признавая свою победу, и подал мне мобильник в руки. Я ответила, не посмотрев на экран:

– Алло.

– Алекс, ты немедленно должна это услышать.

Кровать скрипнула. Люк попытался поцеловать меня в щеку, но поймал мой настороженный взгляд и замер.

– Что услышать?

– Сейчас по новостям показывают, включи телевизор на центральном канале и посмотри, – тараторила Кристин, голос которой казался очень взволнованным.

Правильно расценив мой жест, Люк включил телевизор и добавил звук, после чего по всей комнате раздался голос ведущего новостей. По всей видимости, мы попали на конец программы:

– И самое важное, не гуляйте в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, во избежание подобных ситуаций. С вами был ведущий новостей Эндрю Скотт и история о несчастном случае Джона Ханта, до скорых встреч, – четко проговорил мужчина на фоне покачивающихся от ветра елей. После этого картинка сменилась, и вещание продолжила женщина с крысиным хвостиком в кабинете.

Я неосознанно перевела взгляд на Люка. Парень медленно осмысливал отрывок новостей, не отвечая мне, но громкий голос Кристин нарушил образовавшуюся тишину:

– Ты слышала это? Они списали все на алкоголь и наркотики, но ты говорила, что ему перерезали горло. Что это значит? Что происходит?

Я сглотнула скопившуюся жидкость. Футболка прилипла к мгновенно вспотевшей от напряжения спине.

– Кто-то пытается замять дело? – тихо предположила я и внезапно взорвалась. – Почему они не сказали о порезах? Почему упомянули алкоголь, когда у Джона было перерезано

горло? Люди должны знать, что где-то среди них есть убийца. Мы должны знать это!

– Алекс, копы не знают кто убийца. – Люк перехватил мое лицо, твердо произнося, – Если сейчас сказать о реальном состоянии Джона, то поднимется паника. Люди и так напуганы смертью школьника. Я спрошу у отца про это дело, но ты должна понимать, это тайны следствия. Он вряд ли мне скажет хоть что-то конкретное

11:19

На улице ярко светило солнце, но его света не хватало, чтобы осветить этот траурный день. Девушки в черных платьях с опущенной головой входили в ворота школы. Парни в костюмах несли по паре белых лилий, которые по слухам любил Джон. Возможно поэтому воздух вокруг наполнился давящим и резким ароматом, от чего болела голова.

Я стояла в школьном дворе вместе с Люком и Кристин. В нем и устроили прощание, поскольку церкви у нас нет, а дом мистера Ханта не смог бы вместить в себя всех желающих попрощаться с Джоном. Ну и бонусом, мистер Хант посвятил двадцать лет преподаванию в той школе, она должна была отдать ему должное.

– Гроб закрыт, как мы его увидим? – обычно звонкий голос Кристин звучал приглушено.

Люк посмотрел на девушку сверху вниз и перевел пренебрежительный взгляд куда-то в сторону, раскрыв рот:

– Я его видел и не советую тебе того же.

Я последовала за взглядом парня, находя в толпе мистера Ханта. Старый костюм скорбно висел на мужчине средних лет. Плечи были опущены, словно под весом той печали, что охватывала его сознание. Преподаватель стоял, окруженный людьми, и опустошенно смотрел себе под ноги. К нему подходили выразить соболезнование ученики, но мужчина не отвечал, даже не в силах поднять взгляд. За него вступали другие преподаватели, постоянно кивая и держа ладонь на плече мистера Ханта.

В поле моего зрения попала рыжеволосая девушка, сидевшая на скамейке с парой гвоздик в руках и отстраненно наблюдавшая за подходившими к мистеру Ханту людьми.

– Кажется, я нашла Еву.

Я сделала шаг в ее сторону, но мою ладонь перехватили, останавливая. Я посмотрела за плечо.

– Ты уверена, что хочешь поговорить с ней? – спросил Люк, не отпуская.

– Да, – ответила без сомнений, ведь мне необходимо было опровергнуть тот отвратительно глупый сон. Люку же я сообщила другое, – я хочу выразить соболезнование, это займет несколько минут. Вы пока можете сходить куда-нибудь.

Перевела молящий взгляд на Кристин. Она кивнула, развернулась на каблуках и пошла в сторону школы. Судя по её реакции, Кристин доверяла мне и признавала мои решения. А что Люк?

Я вновь посмотрела на парня. Под моим взглядом он все-

таки отпустил ладонь и недовольно сложил руки на груди:

– Ладно, но не говори ей, от чего Джон умер на самом деле.

– Я и не собиралась.

Люк махнул рукой. Ему определенно не нравилась эта затея.

От Автора

Она сидела на подоконнике, наблюдая за толпой людей, что стекались как реки крови в чашу на судном дне. На ее бледном лице отражалась злость, ведь девушка считала, что вся эта бессмысленная толпа и их слова, лишь причинят боль отцу Джона. А мистер Хант и без этого убит морально, вынужденный проживать эту боль снова и снова, когда кто-то подходит выразит соболезнование. Но при этом она сама пришла сюда, и привела друзей. Зачем?

– Не знал, что увижу тебя здесь, – произнесли с характерной хрипотцой и девушка узнала до боли знакомый голос. Кристин хрустнула пальцами. Внутри все затрепетало и приятная дрожь разлилась по телу, но девушка не обернулась и смотрела в окно.

До боли знакомый.

– Все пришли проститься с Джоном. Я не исключение.

– Я имел в виду окно. Ты давно здесь не сидела.

Он не знал, почему вспоминал прошлое. Почему помнил её любимые места для грусти, её запах и привычку хрустеть пальцами при сильном стрессе. Он не знал и молился ско-

рее забыть ту, что сломала его. Он должен был ненавидеть её, но меланхолия, витавшая в воздухе, словно обнажала его истинные чувства. Если бы раньше он прошел мимо, то сейчас, что-то останавливало.

Девушка грустно улыбнулась, прикрыв глаза:

– А ты следил за мной?

– Нет.

Дилан засунул руки в карманы и поднялся по лестнице к девушке. Она продолжала сидеть на подоконнике, не уделив парню и взгляда. Кристин возможно и вызывала в нем бурю эмоций, но все они должны быть бессмысленными и ненавистными парню. Но тогда почему он продолжал идти к ней?

– Зачем мне следить за тобой, если я не хочу иметь ничего общего, забыла? Просто сегодня день скорби и я скорблю по твоей душе, которой ты давно лишилась.

Сердце словно пропустило удар, но Кристин неотрывно смотрела в окно. Она больше не наблюдала за толпой и всеми силами пыталась унять дрожь. Дилан приближался, а сердце девушки стучало сильнее, рвась к нему на встречу. У него всегда был резкий и узнаваемый запах, напоминавший лес после дождя, и вот он полностью заполнил ее голову. Этот запах.

– Я соболезную тебе, ведь такой продажной сукой на свете должно тяжело житься.

Сказал он стальным голосом и остановился за спиной Кристин. Но девушка молчала. Это злило сильнее, ведь Ди-

лан хотел услышать ее. Хотел услышать оправдания. Извинения. Ругательства. Что угодно, лишь бы вывести на эмоции, но в ответ тишина.

– Твои «случайные» появления рядом со мной, напрягают Сесилию и меня. Прекрати искать встречи, мне это не интересно. Я забыл тебя.

Кристин задержала дыхание. Её всегда прямая спина напряглась, словно ожидая очередного унижения, которое она должна стойко вытерпеть. На глаза уже накатывались слезы, но она сдерживала себя. Кристин запирала все свои чувства и голос, который сидел в голове, но разрывал гортань. Который кричал, что она ничего не забыла.

Она не забыла Дилана.

11:16

Я подошла ближе к лавочке, на которой одиноко сидела Ева. Она не отреагировала на меня, когда я поздоровалась и узнала, можно ли составить ей компанию.

– Ева, – опустилась рядом с девушкой, после минуты молчания, – мне очень жаль.

Она поджала губы и еле заметно кивнула головой.

– Посмотри на меня, пожалуйста, – я взяла свободную от гвоздик руку девушки и аккуратно сжала ее, – я понимаю насколько тебе плохо, ведь я проходила через похожую ситуацию. Ты можешь доверить мне свои чувства. Тебе не нужно держать их в себе, чем быстрее ты примешь эту новость и научишься жить с ней, тем быстрее у тебя это получится.

Жить дальше.

Ответом мне послужило молчание, настолько гнетущее, что я ощутила недомогание физически. Но мне было необходимо кое-что проверить, поэтому я продолжила:

– Ты, наверное, знаешь, что мы с Люком нашли Джона, – девушка подняла на меня пустой взгляд, а я заговорила мягче, – у психолога ты говорила, что он звонил тебе, перед тем как пропал. Я думаю, что сейчас, он бы тоже хотел поговорить с тобой, успокоить, возможно, узнать от тебя что-то новое, – произнесла, поглаживая руку Евы.

Я действительно ожидала услышать хоть одно слово или всхлип, но Ева молчала. Она не издавала ни звука, что бы я не говорила. Тяжело выдохнув, я опустила взгляд под ноги, краем глаз заметив, как девушка положила ладонь на свой живот. Примяла черное, висящее на ней платье, и мой сон прорезался в сознании четкими картинками.

– Ты ведь беременна? – спросила, понизив голос.

Девушка с изумлением подняла на взгляд. Она сильнее обняла себя руками, с недоверием осматривая меня.

– Откуда т-ты... – не успела договорить, как ее перебили:

– Ева, начинается, – хриплый мужской голос раздался где-то за моей спиной, и я вздрогнула, тут же развернувшись. Наши взгляды встретились на секунду.

– Соболезную, мистер Хант, – выпалила я, проглотив скопившуюся во рту жидкость, и встала с лавочки, в знак уважения. Мужчина кивнул в ответ, и все внимание уделил Еве.

Он протянул ей руку, видимо, чтобы помочь подняться, но девушка встала сама, не принимая помощь.

Она украдкой посмотрела на меня, но ничего не произнесла. Когда они уходили в школу она кинула на меня последний наполненный скорбью и тревогой взгляд.

12:00

Нас собрали в красном актовом зале. От старых сидений пахло устоявшимся запахом пыли, а огромная люстра у потолка так и грозила упасть. Зал, рассчитанный на множество гостей, предполагал, что каждому школьнику хватит места. Но проводить Джона в последний путь пришли не только ученики, но и все желающие, потому кто-то стоял вдоль стен, а кто-то сидел на сидении. Людей было много, и вскоре зал наполнился трауром и устойчивым запахом ладана. Ева и мистер Хант стояли на сцене, где находился закрытый гроб.. Недалеко от них стояли офицеры и преподаватели, молча окружившие пристанище погибшего ученика.

– Как прошло? – Люк поправил пиджак и посмотрел на меня, когда я опустилась в соседнее кресло.

– Она не говорила со мной, сильно расстроена.

– Ты знаешь, что я не об этом.

Я сделала вид, словно не понимаю о чем речь, но после того, как Люк вопросительно поднял правую бровь, я сдалась.

– Она ничего не ответила и давай не распространяться на этот счет. Я тебе говорила по секрету.

Люк нахмурился, выпрямляясь, но больше не задавал мне

вопросов. Он смотрел на сцену и думал о своем. В это время, рядом со мной мелькнула Кристин и, как мне кажется, смахнула с щеки слезу.

– Кристин, ты чего?

– Это похороны, мы можем и поплакать, – ответила подруга и опустилась на соседнее кресло.

Неожиданно по залу пронесся глухой стук. Кто-то проверял микрофон на работу, стукнув по нему пальцами. Все подняли вопрошающие взгляды на сцену, посреди которой уже стоял мужчина. Он смерил всех тяжелым взглядом и с тяжелым вздохом начал:

– Спасибо всем, кто пришел проститься... с моим сыном, – его голос сорвался, и мистер Хант отвернулся от микрофона, сжав пальцами переносицу. Он громко всхлипнул, немного подождав, прежде чем повернуться обратно. На его глаза выступили слезы, все лицо покраснело, но мистер Хант продолжил с надрывом в голосе, – Для меня присутствие каждого из вас значит очень много. Вы живое доказательство того, что мой сын был хорошим человеком. Спасибо вам, – мистер Хант вновь осмотрел зал, оперившись рукой о крышку гроба, после чего перевел взгляд на свои руки. Его плечи расправились и мужчина продолжил более уверенно, не отходя от гроба, – Я хочу, чтобы вы знали. Джон никогда не употреблял наркотики и тем более не злоупотреблял алкоголем. В ту ночь, он возвращался домой и...

– Мистер Хант...

– Нет! – мужчина перебил полицейского, который шагнул к нему из-за кулис, – Я не знаю что произошло, и не хочу подыгрывать вам. Полиции лишь бы скорее закрыть дело и подsunуть мне какие-то бумаги!

В это время на краю сцены начала происходить какая-то суматоха. Коллеги мистера Ханта перешептываются, наклоняясь друг к другу. Особенно впечатлительные учителя прикрыли, раскрывшийся от удивления, рот ладонью. Мужчина в форме сдержал за руку первого офицера, порывавшегося выйти на середину сцены. Тому удалось вырвать руку, раздраженно что-то сказав другому копу, но в зале этого не было слышно. Зал зашептался. Градус повысился.

– Мой сын подвергся нападению, – по всему залу прокатился удивленный гул, – Он погиб не по своей вине, а то, что говорят в новостях – ложь!

Молодой офицер, вырвавший руку, твердой походкой направился к мистеру Ханту. Он отодвинул микрофон и что-то начал говорить преподавателю. Лицо мистера Ханта моментально изменилось, брови сошлись на переносице, в глазах блеснул злобный огонек, как у Джона в моем сне. Офицер положил руку на плечо мистера Ханта, но тот одернул его, размахнувшись.

Удар в челюсть. Зал закричал.

Полицейский отлетел в сторону от силы удара и неожиданности. Он врезался спиной в стоящий рядом гроб. Раздался треск. Что-то сломалось, после с грохотом отлетав на

лакированный пол. Началась паника.

Микрофон выпал из рук мистера Ханта, ударяясь о паркет. По всему залу пронесся высокий звон, разрезая барабанные перепонки. Я закрыла уши руками, кривя лицо от боли. Вокруг все застыли в немом ужасе. Люди поднимаются со своих мест, пытаясь что-то разглядеть. Поднялась волна голосов, пока мистер Хант не сорвался на крик:

– Г-где? Где мой сын? Где Джон?!

«Что он сказал?»

«Что произошло?»

«Кажется, Джон пропал»

«Тела Джона нет в гробу?»

Зал захлестнул гул. Люди тонули в догадках и воплях отчаяния мистера Ханта.

IV. Глава.

Воспоминания о дне, когда было сорвано прощание с Джоном, не давало покоя всей школе уже неделю. На каждом углу обсуждали срыв мистера Ханта и его горе. Люди шептались, когда их предположения о пропаже тела доходили до заговора в полиции. В тот день полиция оцепила территорию и проверила каждого присутствующего, не выпуская из зала примерно до шести вечера. Они обшарили каждый закоулок и вызвали дополнительную бригаду, но прошла беспокойная неделя, а тело Джона так и не нашли. Я не знала, кто и куда спрятал тело, но слышала различные теории, вплоть до при-

шельцев и сектантских кружков.

18:49

Школьный коридор был освещен бледным светом ламп. Они размеренно трещали, нарушая тишину. Я стояла рядом со шкафчиками, молча наблюдая за копошением Кристин в соседнем кабинете, считавшимся в школе радиорубкой. С развешанными на стене флажками и плакатами известных групп, это больше напоминало уютную каморку.

Кристин возилась там уже пару минут, тщательно поднимая каждую бумажку, что валялись на столе. Я видела, как рыскали её глаза по всей комнате, и как она насупила брови от недовольства. На мгновение наши взгляды встретились, и она скривила лицо, словно извиняясь. Я лишь поджала губы и перевела взгляд на Люка.

Он стоял в дверях, устало наблюдая за поисками. Под его глазами залегли тени, волосы были слегка растрепаны, словно со всей этой суматохой Люк забыл о наличии расчески. А может просто не успевал дойти до неё, ведь каждую ночь он ждал отца. Тот приходил домой и стремился скрыться в кабинете со стаканом виски, но Люк отправлял отца спать. Точнее пытался, в основном наблюдая, как спивался отец, пока сидел в своем кресле для раздумий и пустым взглядом смотрел в дело Джона.

Внезапный голос Кристин отзвенел от стен, привлекая мое внимание.

– Нашла, – она продемонстрировала в руке металличе-

ский ключ и вышла из радиорубки, погасив за собой свет, – теперь можно забрать деньги и ехать по домам.

Люк отошел от двери, больше не подпирая её плечом, и недовольно посмотрел на Кристин:

– Ты не могла этого утром сделать?

– Не могла.

– А должна была...

– Только не начинайте, – перебила я их, отталкиваясь от шкафчика, и подошла ближе к Люку, – у нас одна общая цель, помочь мистеру Ханту, поэтому хоть здесь забудьте о своих разногласиях.

Люк открыл было рот, но я одарила его всей серьёзностью, на какую была способна, и он промолчал. Кристин молча выставила руки, словно сдаётся, и принялась запирать кабинет на ключ.

Я понимала, что у обоих нервы были на пределе, но никто из нас не хотел оставаться в школе дольше положенного. Особенно за пару часов до комендантского часа, но Кристин стало необходимо разобраться с пожертвованием для мистера Ханта как можно быстрее. Она боялась, что сами пожертвования пропадут вслед за Джоном. А я боялась отпускать её одну вечером, поэтому увязалась следом. Узнав о том, Люк подобрал нас на середине пути и решил отвезти самостоятельно, чтобы уж точно никто ни во что не вляпался. Такая вот нехилая цепочка из людей, следующая на поводу своих страхов.

Кристин заперла радиорубку и пошла к ящику с пожертвованиями. Стук ее каблучков нарушал тишину, что возникла в ходе мини-перепалки. Я посмотрела на Люка с огорчением, но тот лишь спародировал Кристин: приподнял руки и выставил ладони, словно сдается. Пришлось закатить глаза и ускорить шаг, чтобы нагнать Кристин.

Ей не стоило больших усилий открыть ящик у самого входа и забрать деньги. Она пересчитала их и сложила в сумочку на бедре, похлопав по ней. Мы встретились взглядами, улыбнувшись, но ничего не сказали. Выходя на улицу, я думала, что нам обеим нужна перезагрузка, чтобы не затонуть в том шторме, что бушевал в наших сердцах. Мой шторм, после находки тела, и Кристин, после... так и не знаю чего. Она не рассказывала, а я уже привыкла не допытываться, ведь в этом вся Кристин. Она расскажет сама, когда захочет и сможет открыть эту часть своей жизни мне.

Прохладный воздух окутал меня, остужая голову. Я спрятала подбородок в вороте свитера, когда ветер ударил в лицо и растрепал мои короткие локоны. Люк взял меня под руку, когда мы разделились с Кристин, чтобы нормально идти по тропинке к парковке.

– Как вы думаете, – голос подружки звучал отстраненно, – Джона найдут?

– Мы не знаем, – это был Люк.

– Мне просто интересно, что если одна из школьных теорий верна? – тихо продолжила Кристин, – Вдруг полиция

как-то причастна к исчезновению? Они ведь даже сам факт насильственной смерти скрыли. . .

Люк сильнее сжал мою ладонь, повысив голос:

– Ты в своем уме? Хочешь сказать, что мой отец как-то причастен к тому, что произошло?!

Кристин сбавила шаг, но не обернулась. Я лишь с щемящим сердцем смотрела, как она выгибает свои пальцы, но, словно что-то вспомнив, одергивает себя. Сжав ладони в кулаки, она подняла плечи и медленно их опустила. Тихий всхлип все же долетел до меня с очередным порывом ветра.

Ее обижало отношение Люка, но она считала его заслуженным и молча принимала, скрывая свой секрет. Она нарочно разрушила свои отношения и разбила сердце. Сделала больно окружающим, но еще больше сделала себе. Я уверена, что рана до сих пор не зажила, продолжая пульсировать в крови. Заставляет находиться в постоянном движении. Возможно, поэтому Кристин и заставила себя продолжить разговор:

– Все ищут тело на территории школы, – голос её был холоден, – но что, если оно пропало еще в другом месте?

– Где, к примеру? – поинтересовалась я.

– Тело простояло всю ночь в морге и только утром его перевезли в школу, – Кристин прошла через дорогу к парковке и остановилась за пределами света фонаря, – Возможно ли, что тело украли во время перевозки, ведь в пункте А его видели, а в пункте Б уже нет. Могли ли его похитить по-

сле морга, когда полицейский патруль сопровождал машину с гробом или его похитили, когда только подъехали к школе, и полиция отгоняла зевак и прохожих? В любом случае, здесь его нет.

– Прошла только неделя, – занервничала я, предположив, – вдруг его найдут? Где-нибудь здесь. Рядом.

Дрожь моментально вернулась, когда я представила, как натыкаюсь на изувеченное тело Джона в этих сумерках.

Я сжала ладонь Люка, прижавшись к нему плотнее. Кристин в это время тяжело выдохнула, кривя от отвращения лицо, и я ее прекрасно понимала. Осознавать, что где-то поблизости гниет тело, с теми пустыми глазами и практически отрезанной головой, держащейся лишь на коже и мясе...

Резким, неосознанным порывом, я обняла живот, сжав другой рукой рот. Ссутулилась, наклонившись к земле. Над ухом послышался взволнованный голос Люка.

– Ты чего?

Он схватил меня за плечо, потянув вверх, но я закачала головой, хрипя:

– Меня сейчас вырвет.

– Черт, – Люк наклонился к моему лицу, суматошно задавая вопросы, – Хочешь присесть? Или воды? А может воздуха больше?

– Ребя-ят, – протянула Кристин совсем рядом.

– Тебе сильно плохо? Как ты себя чувствуешь?

– Ребя-ят...

– Хочешь, я отвезу тебя в больницу. Или домой, а я сгоняю в аптеку?

– Ребят! – крикнула Кристин и мы подняли головы. Пока она пятилась в нашу сторону, я сквозь пелену различила темный силуэт, которого не касался желтый свет фонаря. Силуэт медленно, словно растягивая удовольствие от нашего страха, надвигался на нас.

Люк выпрямился, опустив мои плечи, а я от страха сжала глаза. В нос проник запах тухлятины. В темноте сознания появились очертания высоких стволов и груды веток на сырой земле. Я увидела Джона, а он меня. Те самые пустые глаза, смотрящие одновременно и на меня и проходящие сквозь, моргнули. Мне захотелось кричать, но как только я раскрыла рот, эти глаза молниеносно залетели в него, проскользнув в глотку. Заставив себя проглотить их, я поморщилась от неприятной слизи, и картинка тут же пропала.

Я раскрыла глаза, вновь оказавшись на школьной парковке, но больше не смогла сдержаться. Мой желудок вывернулся наружу, а все его содержимое громко плюхнулось на землю.

Спина вспотела, к коже прилипли ворсинки свитера. Я тряслась от появившейся слабости и уперлась руками в колени. Моя разгоряченная кожа стала походить на гусиную. Слезы заполонили глаза. Я вздрогнула от чьего-то касания, когда меня обняли за плечи и подняли волосы выше. Собрали их, видимо, чтобы я не испачкалась, пока прочищаю же-

лудок.

– Выдохни, Алекс, – раздался голос над ухом, перекрыв жужжание в голове, – все хорошо, ты в порядке. Я рядом.

Я еле заметно кивнула, но меня начало рвать во второй раз, прямо на тротуар у школы, но рвота быстро закончилась. Я посмотрела на испачканные носки ботинок, и кожа щек зачесалась от новой порции слез. Во рту горчило, и я с отвращением вытерла губы рукавом свитера.

– Все, – женский голос кружил надо мной и становился отчетливее. Я наконец-то поняла, кто разговаривал со мной. Распрямилась, встретившись с широко раскрытыми глазами Кристин. Она беспокойно осматривала меня, – тебе лучше?

Я молча кивнула.

– Ну и хорошо, – подруга слабо улыбнулась, отпустив мои волосы и положив их на плечи.

– А он что... – мой голос прозвучал тихо, когда я посмотрела за спину Кристин, поэтому прокашлялась, продолжив, – он что тут делает?

О'Коннелл стоял чуть позади Люка, засунув руки в карманы джинс, и смотрел в мою сторону:

– Хотел присоединиться к разговору о Джоне, но смотрю, вам не до этого.

Кристин хмыкнула, но не повернулась к парням. Я поняла её настрой и спросила сама:

– А тебе есть, что добавить?

– Да брось, мы вчетвером единственные, кто знает по-

дробности о смерти Джона, — ответил Дилан, наклонив голову, словно чеширский кот, — остальные не догадываются и о половине. Ну знаете, маленькой половине, типа о безжалостном убийце и почти отрубленной голове. Сущие пустяки.

— Люк, — позвала я парня, недоумевая, — ты сказал ему?

— Сказал, — Люк кивнул и указал на Кристин, — ей же ты сказала.

— Это другое, она никому не растреплет.

— О да, ваша тайна останется с ней до гроба, — съязвил Дилан, с едкой улыбкой посмотрев на Кристин, — просто со мной она не хотела закрывать свой рот.

Мои ноздри расширились от сильно вдоха и я было рванула душить О'Коннелла собственными руками, но Кристин остановила меня. Она кротко качнула головой и незаинтересованно посмотрела на Дилана. Тот убрал руки в карман, без улыбки наблюдая за ней в ответ.

— Так, — начал Люк, становясь между ними, — просто сядьте все в машину, я развезу вас по домам.

[...]

На задних сидениях развязалась безмолвная война между Диланом и Кристин, которым пришлось сесть вместе. Между ними ощущалась напряженность, от которого я невольно вжалась в спинку сиденья. Дилан смотрел с вызовом и ухмылкой, на что Кристин скривила лицо и отвернулась к окну, наблюдая за пейзажем.

– Гхм... – прокашлялась я, намереваясь разрядить обстановку, – Дилан, как же ты нашел нас?

– Мы договорились с Люком встретиться, чтобы посидеть у него немного, – отвлекся на меня О'Коннелл, заговорив с привычной хрипотцой.

– А почему сам не поехал? У тебя ведь есть машина.

– Она в сервисе.

Раздался звонкий голос Кристин:

– Ты опять разбил её?

– А ты опять лезешь не в свои дела, Кристин Пекус? Ничего я не разбил, просто плановый осмотр.

– Понятно, – она немного выжидала, прежде чем пренебрежительно добавить, – О'Коннелл.

Я посмотрела в зеркало заднего вида, в котором отразилось сердитое лицо подруги и схожее по настроению лицо Дилана. Они отвернулись друг от друга, и каждый упрямо смотрел в свое окно. Воздух в салоне накалялся. Никто больше не пытался заговорить, поэтому я с грустью посмотрела на сосредоточенное лицо Люка. Он вел дорогу, задумавшись о чем-то своем.

Я расстроено подперла щеку рукой, и попыталась отвлечься от шара негатива, что грозился лопнуть в любой момент. Понаблюдав за меняющимся за окном пейзажем, стало понятно, что мы едем к дому Кристин, который был дальше моего. Видимо Люк планировал сделать небольшую петлю, чтобы на обратном пути завести меня.

Дорога казалась бесконечной, а тихое гудение машины убаюкивало, поэтому я включила радио. Немного покрутив кнопку, я настроила нужную волну, и салон тут же наполнила знакомая мелодия. Она приятно успокаивала, поэтому я удовлетворенно развернулась обратно к окну. Кажется, я наткнулась на волну классической музыки, поэтому следила за дорогой под уверенное звучание симфонического оркестра. Все бы ничего, вот только спустя какое-то время у рядом с полосой леса, что с двух сторон окружал дорогу, поднялся мрак, приняв знакомые очертания. Я выпрямилась на сидении и вгляделась в темное пятно, стремительно поднимающееся к дороге. Его почти не захватывал свет фар, но с каждой секундой он приближался, тяжело волоча свое тело.

С каждым метром.

– Л-люк... – прошептала, коснувшись парня. Реакции не последовало

С каждой секундой.

– Люк! – голос стал громче и Люк отвлекся от дороги.

Пятно выбралось на край дороги, поднявшись на две ноги и, размахивая руками, бросилось к нам под колеса. Его движения были быстры и отчаянны. Я закричала. Схватила за ремень, а другой рукой потянулась к рулю. Рядом выругался Люк. Послышался визг колес. Машину зашатало из стороны в сторону. За стеклом все поплыло. Ночное небо смешалось с елями, превращаясь в одно месиво.

Резким движением кто-то скинул мою руку с руля. Сердце

стучало в висках. Уши заложило. Крики на заднем сидении отдаленно доносились до меня.

От Автора

Машина с визгом объезжает человека, что в поисках помощи выскакивает на проезжую часть. Опасно вывернув руль, водителю удается остановиться в паре метров от человека. Пассажиры обходятся легким испугом, тяжело дыша.

Алекс больше не вжимается в кресло. Зажмурившись, она нащупывает свитер Люка, волнение за которого возможно превосходит собственное.

Кристин, не пристегнутая ремнем безопасности, сжимается в комок на груди О'Коннелла, рвано дыша. Дилан не акцентирует внимание на слабой боли, которую приносят ноготки Кристин, ведь он сам прижал к себе девушку, когда Алекс закричала.

– Все в порядке? – спрашивает Люк обеспокоенно и, сжимая руль одной рукой, смотрит на зеркало заднего вида. Дилан кивает в ответ, вновь посмотрев на макушку блондинки. Кристин не жмет к нему. Он прижимает к себе. Сам.

Люк переводит ошеломленный взгляд на Алекс, но все плохие слова остаются не сказанными. Девушка поджимает губы, с силой закрыв глаза.

– Ты поранилась? – Люк тянется к ней, проверяя на возможные ушибы.

На заднем сидении начинает двигаться Кристин. Неуверенно убирает от себя руки Дилана, выпуская ткань его коф-

ты, которую держала между пальцев. Она тянется вперед, наклоняясь к подруге:

– Какого черта ты творишь?

В ответ тишина, но в салоне продолжает играть симфонический оркестр, от чего блондинка повышает голос:

– Что, черт подери, было?! Алекс!

– Не тронь ее, – вмешивается Люк, заставив Алекс распахнуть глаза, испуганно посмотрев в бок.

Дилан также наклоняется вперед:

– Она орала как резанная. Что случилось?

Сердце Алекс продолжает стучать в висках, когда она раскрывает рот:

– Кажется, – её рассудок мутнеет, – мы кого-то сбили.

– Нет, – твердо произносит Дилан, больше пытаясь убедить себя, чем других, – мы никого не сбили.

Алекс переводит на Люка взгляд, полный животного страха. Парень проглатывает скопившуюся во рту жидкость, прошепав в ответ:

– Я тоже видел.

Через пару секунд двери распахиваются, и из машины выходит разъяренный Дилан. За ним по сидениям выползает Кристин и, выпрямившись, идет за парнем, неуверенно перебирая ногами. Дилан обходит машину и резко останавливается, отказываясь верить в происходящее. Злость пропадает, ведь он видит его.

На дороге, ближе к обочине, лежит тело.

По позвоночнику парня проходит разряд тока. Его на мгновение охватывает страх, затем смех, но он молчит, не показывая ничего из этого. Он не может поверить, что оказался в подобной ситуации. Черт подери, опять.

Кристин смотрит в спину Дилана, ожидая дальнейших шагов, но тот не двигается, неотрывно наблюдая за одной точкой. Дорогу освещает пурпурный свет задних фар, но этого не хватает, чтобы девушка заметила тело. Она руководствуется порывами чувств.

Аккуратно, переступая с ноги на ногу, с каждым шагом преодолевает свой страх темноты и подходит ближе к Дилану. Становится сбоку и смотрит на его сосредоточенный профиль. Ловит его взгляд, переводя свой туда же. Неожиданно в горле заседают крик ужаса. Она закрывает рот руками, обессиленная от страха. Колени подгибаются, но девушка держится на ногах.

Через какое-то время компания окружает тело. Тело девушки.

Алекс ходит вокруг, не в силах сдержать истерику:

– Господи, она вся в крови! Вы видите это?! – она хватается за волосы на голове, крича, – Мы ее сбили. Сбили!

Люк молча смотрит на девушку.

Кровь стремительно растекается под телом брюнетки. Одна ее рука неестественно выгнута, вторая лежит на животе, ноги выпрямлены. Голова повернута в противоположную от ребят сторону.

Дилан сидит рядом с ней, испытывая тот же дикий страх, как полторы недели назад. Он вспоминает, как пытался держать себя в руках. Вспоминает, но в этот раз не может.

– Эй, – он двигается ближе, пытаясь приподнять девушку. Держит за талию и шею.

– Не нужно, – Кристин вытягивает руку к Дилану, но замирает, когда голова брюнетки опрокидывается, а губы слегка открываются.

– Э-эй, Сесилия, эй, – шепчет, пока его рассудок мутнеет, – Сесилия? – придерживает её голову, сжимая губы, – Хэй?

Глаза девушки открыты, а на бледной коже лица множество царапин и следов от крови.

– Сесилия? – голос Дилана срывается, – Эй! – он аккуратно трясет её голову, в попытках заставить девушку что-нибудь сказать. Но та молчит, смотря куда-то вверх.

Парень хмурится, стискивая зубы. Поглаживает её волосы, касаясь рукой лица девушки. Да, она не вызывала в нем бурю эмоций и общаться с ней приходилось через силу, но сейчас ему по-настоящему страшно, ведь на его руках кто-то умирает. И уже не первый раз.

– Дилан, – на плечо парня опускается ладонь. Кристин аккуратно сжимает его, пытаясь перевести внимание парня.

– Мы должны позвонить в полицию! И в скорую! Мы не можем просто так стоять и ничего не делать, – Алекс трясет, она не может стоять на месте и просто смотреть, – где другие

машины? Скажите мне, где они все, черт возьми!?

В это время Кристин опускается на коленки рядом с парнем. С дрожью тянет руки к его лицу, дотрагиваясь до холодной кожи скул:

– Дилан, – зовет, сдерживая внутри себя слезы, ведь ей жаль, – Дилан, пожалуйста...

Парень с мокрыми глазами косится на блондинку, не выпуская из рук Сесилию.

– Она больше не с нами, – шепчет, кивая. Кусает губу до боли, пока сердце болезненно сжимается, – отпусти ее, пожалуйста.

Его губы дрожат, когда он смотрит обратно на брюнетку, приглаживая ей волосы, прежде чем аккуратно опустить на землю.

– Дилан, – Кристин зовет, – нужно встать.

Она поднимается на коленках, подтягивая за собой О'Коннелла, но тот не поддается. Кристин начинает скулить, с силой поднимая парня за собой. Неожиданно Люк подхватывает друга под руки, помогая девушке. Она смотрит на него с благодарностью. Люк слабо кивает.

– Откуда взялась кровь? – спрашивает он и его дыхание сбивается, – Я ведь не сбил ее, объехал.

Все погружаются в тишину, когда замечают кровавые следы, уходящие к краю дороги. Вчетвером они смотрят в сторону леса, из которого, как каждому начинает казаться, за ними наблюдают.

Пару часов назад

На кухне разговаривают, но когда я вхожу, родители замолкают. Удивившись моему растрепанному внешнему виду и бледной коже, мама поднимается с места и с обеспокоенным видом подходит ближе.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает, прикладывая руку к моему лбу. Я немного мнусь, переступая с одной ноги на другую, но в итоге привираю:

– Чудесно.

– Правда? – убирает руку и прижимает губы, при этом наклоняя мою голову вперед, – а вот я бы так не сказала. У тебя лоб горячий, Сесилия. Нужно померить температуру, ты куда ведь не собираешься?

Подхожу к столу, без аппетита посмотрев на дымящийся чай:

– Собираюсь, в школу.

– Значит, не пойдешь, – отец допивает кофе, поднимаясь, – Останешься дома, а мы утром привезем тебе лакрицу.

Я изгибаю бровь, не веря.

– Вы опять куда-то уезжаете? – смотрю на маму, которая вытирает руки о полотенце.

– Да, маленькая встреча с иностранными партнерами, – отвечает она и смотрит на отца, – Ты билеты взял?

– Погодите, – наконец, доходит до меня, – так вы оставляете меня одну на целый день?

– Да, я теперь даже не знаю, – мама задумчиво смотрит на

меня, – ты сможешь температуру самостоятельно сбить?

– Ну да, – киваю, расстроено добавляя, – я тогда позже выпью таблетки, а сейчас полежу.

Разворачиваюсь, идя в комнату. Медленно поднимаюсь по лестнице вверх, ощущая вялость в мышцах. И где я могла заболеть? Иду по коридору, освещенному светом из окна, створка которого приоткрыта.

Весь вечер приходится лежать под одеялом, смотря сериал. Никакого интереса он не вызывает, но заняться больше нечем. Температура спала, но я все равно мерзну, из-за сквозняка в комнате.

Сажусь на кровати, откладывая ноутбук, и встаю на ноги, направляясь к шкафу. Вытаскиваю свитер, надевая на себя, и поправляю пучок волос на голове. Поворачиваюсь левее, смотря в зеркало. Разглядываю себя, неожиданно замирая.

Прекращаю дышать, уставившись в зеркало, в котором отражается дверной проем. Моргаю, не веря тому, что вижу. Приходится чуть отклониться назад, но спина противно хрустит. Мне видно только часть темного коридора до угла, за который нужно сворачивать, чтобы выйти к лестнице. Но, не скрою, я отчетливо могу разглядеть чье-то плечо, словно кто-то стоит за углом, неудачно прячась.

Или специально выдает свое присутствие.

Я морщю лоб, напрягая зрение. В горле першит, когда я сжимаю ладони в кулачки, и оборачиваюсь, не моргая. Смотрю в дверной проем, медленно передвигая ногами. Я подхо-

жу ближе, надавливая на дверь.

Но, выйдя за порог комнаты, никого не встречаю.

Выдыхаю, схватившись за сердце, чтобы то не выпрыгнуло из груди. Пускаю смешок с того, какая я трусиха, и возвращаюсь в комнату.

Больше не смотрю в зеркало.

Со временем на лбу появляется испарина, в комнате становится невыносимо жарко, поэтому подхожу к окну, раскрывая его, и глотаю свежий воздух. На улице потемнело, и лишь фонари освещают пространство. Смотрю на дорогу, замечая очертания стоящей рядом машины такси.

Неужели родители приехали раньше, и даже не позвонили? Ноги становятся ватными, когда прохожу по темному коридору. Пытаюсь сохранять спокойствие, но останавливаюсь, слыша скрип ступенек. Странно. Неужели они уже поднимаются?

Скрип становится отчетливее, словно кто-то нарочно медленно переступает с одной ноги на другую, топчась на месте. Играя со мной. Я проглатываю ком в горле, осознавая, что не слышала хлопка дверей. Отец всегда очень громко ими хлопает, но сейчас...

Невольно опускаю глаза, чтобы не смотреть по сторонам.

Если это не родители, то кто?

Подхожу к лестнице, выглядывая. Никого нет, это был сквозняк, так? Так. Передергиваю плечами, понимая, что холод сковывает тело. Или то страх?

Сжимаю кулачки, заставляя себя начать двигаться, но стоит мне сделать шаг, как позади раздается тот же скрип половиц, только громче и отчетливее, чем прежде. Это может означать лишь одно.

За моей спиной.

Холодок вновь проходит по спине, заставив меня ускориться. Я не оборачиваюсь, не смотрю по сторонам. Я просто спускаюсь по лестнице, желая быстрее встретить родителей. То все мой страх, здесь ничего нет! Никого нет!

Спрыгиваю с последних ступенек, подбегая к входной двери, и раскрываю ее. В лицо ударяет ветер, и мое сердце начинает бешено колотиться. Я хватаюсь за грудь, глубоко дыша и раскрывая рот. Где машина? Где родители?

Закрываю двери и прислоняюсь к ним спиной.

Они все-таки не приехали.

Мне просто нужно им позвонить.

Отхожу от дверей, устало вздыхая, и нащупываю в кармане телефон.

Сосредоточено смотрю на экран, пока набираю номер. Легкий скрип раздается на лестнице, и я поднимаю взгляд вверх.

Мое сердце начинает рваться на части, а дыхание сбивается. Руки дрожат, и я вздрагиваю, когда мой телефон начинает звенеть. Поднимаю его, уставившись на экран, на котором узнаю наш домашний номер. Кто-то звонит мне с моего же дома?

Медленно, почти не дыша, перевожу взгляд в сторону гостиной комнаты. За углом опять же виднеется чье-то плечо, только теперь я отчетливо вижу часть тела.

Резко разворачиваюсь к двери, начиная дрожащими руками тянуть на себя. Несмотря на то безумие, что творится в моей голове, создавая шипящий шум, я отчетливо слышу тот самый скрип половиц, только теперь он нарастает, словно кто-то очень тяжелый бежит вниз по лестнице. Бежит ко мне.

– О, Боже, – на глазах появляются слезы, – Боже, – мои руки дрожат, но я успеваю раскрыть двери и выбегаю на улицу.

Задыхаюсь, хватая воздух как рыба, пока несусь прочь от дома. Тело дрожит, горло режет от сухости. Ноги становятся ватными, когда я на мгновение оборачиваюсь, остановившись перед дорогой. В горле заседает крик ужаса. Перестаю дышать.

Существо в черном плаще спрыгивает с порога дома. На нем маска птицы с длинным клювом, которую носили во время чумы. Он расправляет плечи, а его взгляд пронизывает меня насквозь.

Настоящее время

20:05

Мужчина в форме полицейского подошел к нам ближе, держась за свой ремень.

– Скажите, как вы умудрились погрязнуть в этом, – он обвел нас пристальным взглядом, добавляя, – дважды?

Мое горло болело от сухости, поэтому молчу. Не в силах ответить даже тогда, когда мужчина сделал шаг ближе, открыто наблюдая за нами. Я отвела взгляд.

– Они ничего не скажут, – полный мужчина в белой форме стоял рядом с нашим фургоном. Он оторвался от бумаг, продолжая, – у них стресс. Так сказали медики.

Полицейский недовольно выгнул бровь, одарив нас не самым приятным взглядом. Но что-то в нашем внешнем виде его зацепило. Поправив свой ремень с кобурой, он отошел к коллеге, перейдя на шепот. Через пару минут они оба удалились.

– Как ты себя чувствуешь? – хриплый голос Люка разрезал уличную тишину.

Он сидел рядом, бесцельно уставившись в одну точку. Мы были укрыты красным пледом, который должен был успокоить или согреть. Но ни того, ни другого я не ощущала.

– Чувствую себя проклятой. А ты?

Люк фыркнул и спрятал лицо в ладонях:

– Чувствую себя полным неудачником.

– Где Дилан? – спросила, а из моего рта вырывалось облачко пара.

– Переодевается. Он весь испачкался в крови, когда пытался поднять её к себе на колени. Не понимаю, как у меня хватило сил смотреть на все это спокойно, – Люк уронил голову, с силой сжимая пальцами края фургона, – я даже не помню, как позвонил отцу. Помню только, как у тебя нача-

лась истерика. Лужу крови, и она все течет и течет...

Поджала губы, сочувственно накрыв его ладонь своей.

Если бы я знала, что Сесилия лежит на дороге, умирая от множественных колотых ударов, я бы не вышла из машины. Мне хватило Джона, а сейчас она. Вся в крови и разорванном свитере. Босиком. Все ступни в грязи и листьях.

Раздался цокот каблучков, и я подняла взгляд. К нам шла Кристин, характерно сжав ладони в кулаки. На ее щеке бала размазана кровь, но Кристин старательно делала вид, что не замечает её. Я подумала, что она спокойна, пока не услышала дрожащий голос подруги:

– Они не дают мне увидеть Дилана, – начала она, подойдя к фургону, и остановившись напротив нас.

Люк поднял голову:

– Что значит, не дают? Мне сказали, он пошел переодеваться.

– А мне сказали, что его забрала мать и он уехал. Но мы все знаем, что она находится в другом городе и старательно его избегает, – эмоционально сказала Кристин, гневно хрустнув пальцами на левой руке и принявшись за правую.

За спиной Кристин множество машин освещало своими фарами территорию аварии. Было видно людей в форме и длинные тени, исходявшие от них. Они подняли тело Сесилии в черном мешке и понесли к серому фургону.

Я моргнула, отведя взгляд от того зрелища:

– Тогда, где Дилан?

– Его могли забрать в участок, – предположил Люк, с заминкой, будто тоже наблюдал за труп Сесилии.

Кристин прохрипела:

– Почему не забрали всех? Зачем им понадобился именно Дилан?

– Я узнаю все у отца, ждите меня здесь, – сказал Люк, тут же скинув с себя плед и спрыгнув на землю.

Я проводила его уставшим взглядом, все также сидя в фургоне и свесив ноги вниз. Сирена и люди в форме. Разве я не видела вас неделю назад?

V. Глава

6:42

Мама прихорашивалась у зеркала, цепляя на уши серьги. Она улыбнулась краешком губ, заметив меня в дверном проеме:

– Куда-то собралась?

– Еду в участок, – ответила, остановившись возле неё, чтобы взглянуть на свое отражение. Мало заметные, но все-таки мешки под глазами, отекшее от недосыпа лицо с красноватым оттенком и подобие пучка на голове. Увиденное меня не устроило, но больше сидеть дома я не могла.

После аварии приехала мама и забрала меня. Я не успела узнать, что произошло с Диланом, не смогла увидеть Люка, ведь меня просто посадили в машину и увезли. Вся ночь прошла в жутком напряжении и безостановочной проверки

телефона.

– Тебя не вызывали в участок, – мама поправила костюм, добавив, – но если ты вспомнила что-то важное, то я могу довести тебя.

– Я поеду с Люком.

– Алекс, – серьезно начала она, сжав в руке раскрытую помаду, – если ты не будешь посвящать меня в свои дела, то мне придется запереть тебя дома и отпускать только в школу. Люка к нам не пущу.

Я почувствовала, как мой лоб прорезают глубокие морщины от удивления:

– Почему нет?

– Именно с Люком ты находишь себе неприятности. Поиски в лесу, ваша несчастная поездка, будь она не ладна, всё это с ним. Я не хочу, чтобы в следующий раз, всё закончилось очередной смертью, особенно твоей, – распаляется мама, взволнованно теребя мочку уха, —чтобы такого не произошло, нужно все мне рассказывать. Делиться всем, где есть хоть намек на опасность и полицию. Я знаю, ты считаешь себя взрослой, но по закону ты ребенок. Для меня ты всегда ребенком. Я отвечаю за тебя и чувствую, когда ты что-то скрываешь.

В серьезном голосе мамы проскальзывало волнение, а с ним уходил мой негатив. Она ведь волнуется, тогда какое я имею право злиться на её запреты? А тем более скрывать что-то?

– Возможно, Дилану выдвинули обвинение. В чем я не знаю, и как помочь тоже, но если я приду в участок и увижусь с остальными, то мы что-нибудь придумаем. Это ведь Дилан, у него уже были приводы в полицию, ты помнишь. Но сейчас происходит что-то серьезное и я должна быть там.

– Так... – мрачно начала мама после длительной паузы, – Его мать так и не вернулась?

– Кристин сказала, нет.

Мама прикусила губу, задумчиво сжав подбородок. Её красивое лицо переменилось, глаза беспокойно металась по полу, а губная помада на губах медленно была съедена из-за нервов. Мама подняла взгляд, её глаза продолжали метаться по комнате, но натолкнувшись на меня, остановили свои поиски. Брови больше не сходились на переносице, мама перестала кусать губу, с сожалением вытянув ко мне руки:

– О-о, милая, это очень серьезно, я понимаю, но ты можешь рассчитывать на мою помощь. Я позвоню мистеру Эвему, нашему шерифу, и поговорю кое о чем, – она обняла меня, погладив по спине, а я с прикрытыми глазами вдохнула родной запах. Это успокаивало и дарило какое-то тепло, – единственное, если у твоих друзей сейчас сложный период, поддерживай их, но не забывай про свое ментальное здоровье.

Я отстранилась с легкой улыбкой, кивнув, и направилась к двери.

– Удачи! – успела сказать мама, прежде чем я вышла на

улицу, пожелав ей того же.

Тело тут же окутала утренняя прохлада. В лицо ударил свежий ветер, всколыхнув ветви большого дерева на лужайке. Я спустилась с крыльца, заметив, как отблёскивает под лучами солнца росса на лужайке. Глубоко вдохнув свежий воздух, я осмотрелась в поисках машины Люка. Ни рядом с домом, ни на дороге её не было. Странно, Люк должен был забрать меня.

Достала из кармана телефон и набрала номер парня. Прикусила палец от волнения, медленно шагая по тротуару, и оглянулась в поисках машины. Но даже спустя минуту гудков мне никто не ответил, вызов сбросили, после чего телефон Люка и вовсе стал недоступен.

Боже, куда он мог пропасть? Неужели ему вчера не передали мое сообщение, и он не увидел кучу смс на телефоне? Может что случилось? Нет, Алекс, никаких плохих мыслей. Тебе нужен позитивный настрой, чтобы справиться с этой ситуацией.

Я втянула через рот воздух, сосредоточившись на дальнейших действиях. Тут же решила отправить Люку смс, после чего набрала номер Кристин. На улице было прохладно, поэтому я спрятала руку в карман джинс, переминаясь с места на место.

Почти сразу же их телефона донёсся звонкий голос подруги:

– Алекс?

– Кристин, ты не знаешь где Люк? – тут же спохватилась я.

– Знаю, он уже в участке. Честно, я ничего не понимаю, – с досадой выдала она, – его закрыли в кабинете и не выпускают. Судя по тому, что я подслушала под дверью, пока меня не выгнал охранник, полиция как-то связала смерть Джона и Сесилии и обвиняет в этом Дилана.

– Но... что за бред?

От Автора

Двое парней стоят по разным углам комнаты, мрачно гипнотизируя кафель. Они предусмотрительно молчат, ведь, за ними могут наблюдать. Каждый из них пытается контролировать свои эмоции, но у Дилана это получается хуже, в силу своих врожденных особенностей. Его тело подсознательно холодеет при одной только мысли, что это конец. Вот он, ожидает процедуры допроса по делу, где он виноват. Дело, в котором придется лгать. А самое страшное, что его друг стоит рядом и знает об этой лжи.

Люк погряз вместе с Диланом добровольно и это разрушит не только его жизнь, но и жизнь отца. Его, безусловно, снимут с должности, ведь шериф должен иметь безупречную репутацию. Как говорится, он должен родиться сиротой и не иметь детей, чтобы не скомпрометировать себя на высшей должности. Естественно это все утрировано, но уголовник в семье точно подпортит имидж.

Дверь в комнату раскрывается, своим скрипом разрезав и так тяжелую тишину. Парни тут же отошли от стен, встрепе-

нувшись. Напряженным молчанием они встречают полицейского, провожая его взглядом. Вслед за ним в темную комнату входит и шериф, закрыв за собой тяжелую дверь. Он проходит к центру, садясь за стол, а другой офицер встает вдоль стены, словно охрана.

Мистер Эвем окидывает парней сосредоточенным взглядом, жестом приказывая присесть. Его выстриженная по-военному прическа слегка отросла, но форма идеально выглажена и сидит как влитая. На груди блестит металлическая звезда шерифа, но вот взгляд его зеленых глаз потух. Казалось бы всегда ровная осанка, как того требовали в армии, сейчас не такая ровная. Плечи опущены, словно под тяжестью проблем. Еще немного и они так накрелятся под весом этих трудностей, что сломается спина.

– Итак, – начинает шериф, когда парни садятся за металлический столик, – я знаю, что вы что-то недоговариваете. Да вы и сами должны понимать, что в вашем рассказе не все вяжется, поэтому, – он смотрит на Дилана, не отводя от него взгляд. Шериф боится встретиться с Люком, ведь сам факт допроса собственного сына в таком омерзительном деле уже причиняет много боли, – расскажите все, что знаете, и я обещаю, вас не тронут.

– Ты что, угрожаешь нам? – недоверчиво переспрашивает Дилан.

– Нет. Я лишь гарантирую вам защиту, в случае, если вы что-то видели и скрываете это, потому что боитесь убийцы, –

отвечает шериф, так и не посмотрев на сына, – Вам будет достаточно просто сообщить мне все, что знаете о произошедших убийствах.

Парни подозрительно переглядываются. Вопрос, созревший в голове, становится общим на двоих. А подозревают ли их вообще в чем-то? Если да, то почему не говорят прямо? Смысл следствию скрывать что-то, или это выстрел, направленный на несколько шагов вперед? В таком случае, им нет смысла сознаваться сейчас.

Люк опускает голову, хватаясь за нее руками, но через мгновение уже смотрит на отца, уверенно начиная:

– Если бы мы что-то видели, то давно уже рассказали. Нам нет смысла скрывать правду и мешать следствию. Ты сам это знаешь, иначе бы допрашивал по одному.

Выражение лица шерифа меняется. В глазах наконец-то загорается огонек, но это не жизнь, это ярость. Мужчину злит, что Дилан прав, он должен допрашивать их по-другому, но... он просто не может. На его лбу появляется испарина, и он решается посмотреть на сына. Люк смотрит с вызовом, но шериф все равно видит в нем своего маленького Люка. Он не мог совершить ничего плохого. Только не его сын.

Шериф, после минуты молчания, смотрит на другого офицера, жестом заставляя его выйти. После того, как дверь захлопывается, он поворачивается к парням. Его голос становится в разы тише.

– Дилан, – зовет шериф, на что парень с раздражением

смотрит на шерифа исподлобья, – что с твоей машиной?

7:34

Поднялась по широкой лестнице, громко топнув, чем нарушила тишину утреннего города. Несмотря на раннее время в полицейском участке находилось много людей. Они все носились с какими-то бумажками, шуршали, переговаривались и отвлекали друг друга. Пройдя в той суматохе незамеченной мимо пункта охраны, я услышала знакомый голос. Где-то за углом все отчетливее раздавался звон голосов, стремящихся перекрыть друг друга.

Добежав до поворота, я наткнулась на девушку с высоким хвостом белых волос. Кристин стояла посреди коридора и препиралась с мужчиной в форме, который был на порядок выше блондинки. Он смотрел на нее сверху вниз, перекрывая дорогу. Даже каблуки не спасали Кристин, но судя по её угрозам в адрес офицера, её это никак не пугало.

– Кристин?

Услышав мой голос, подруга обернулась. Она бросила что-то гневное офицеру и направилась в мою сторону:

– Алекс, – выдохнула мне в плечо, обняв в ответ. Я погладила её по спине, касаясь волос. Краем глаз заметила, как полицейский косится в нашу сторону, поэтому тут же отодвинула Кристин от себя, держа за плечи:

– Что происходит?

– Они держат его здесь всю ночь, понимаешь? – лицо Кристин скривилось, и вся злость исчезла, сменившись на бес-

помощность. Её голос задрожал, – Всю ночь, в одной камере, а я не могу ничего сделать, – она отвела взгляд, посмотрев в пол, и я ощутила, как она пытается подавить дрожь. – Я не могу ничего сделать. Ничего. Его отец не отвечает на звонки. В комнату меня не пускают. Я не знаю, что с ним происходит. Не знаю.

– Мы во всем разберемся, – наклонила голову, найдя взгляд Кристин, – все будет хорошо, слышишь?

Девушка устало кивнула, и я прижала ее к себе. Посмотрела выше, встретившись взглядом с полицейским, что внимательно следил за нами.

– Скажите, – обратилась к нему, подход ближе, – почему нашего друга не отпускают?

– Потому что могут справиться только с беспомощными подростками! – возмущенно вскрикнула Кристин, с толчком стараясь отойти от меня, но я перехватила ее за локоть, остановив.

В это время офицер заметно напрягся, сдвинув брови:

– Еще одно слово, и я вызову ваших родителей в участок. Вы все утро буяните.

Я тут же задвинула Кристин за спину и перехватила взгляд мужчины:

– Простите ее, мы в последнее время все на нервах.

За моей спиной послышалось возмущенное бормотание. Офицер вытянул шею, вслушиваясь, но я лишь сконфуженно улыбнулась, вновь перехватив его взгляд. Наш дальней-

ший разговор не дал никаких результатов, офицер оказался не общительным.

Спустя какое-то время дверь за спиной мужчины раскрылась, заставив офицера отойти в сторону. Кристин выглянула из-за меня, и мы вместе наблюдали, как из кабинета вышел Дилан. Следом за парнем появился Люк и шериф.

Я на мгновение улыбнулась, увидев, что с парнем все хорошо и его никто не трогал. Но тихое лязганье метала, заставило опустить взгляд на пояс шерифа, где тот держал наручники. Он провел по ним пальцами, зацепившись за них.

Я ахнула, словно меня пнули по груди, выбив весь воздух, и тут же подскочила к шерифу:

– Мистер Эвем, пожалуйста, – взмолилась я, схватив его за рукав выглаженной коричневой рубашки, – вы не можете арестовать собственного сына. Он ничего не сделал. Никого не убивали, поверьте. Люк не такой. Они оба не такие, как...

– Алекс, – шериф мягко перебил меня, накрыв мою руку своей, – я никого не собираюсь арестовывать. Постарайся успокоиться, эта ночь выдалась крайне тяжелой. Я понимаю. Ваши парни свободны, но если что-то понадобится, – поднял он на Люка стальной взгляд, – то будьте готовы явиться в участок. Понятно?

Люк кивнул, и тогда довольно отвернулся, обведя коридор взглядом.

– Кристин, – неожиданно возмутился он, и я посмотрела на бледную девушку, что стояла за спиной О’Коннелла, – я

же сказал тебе идти домой.

– Простите, – прошептала она, на что шериф покачал головой:

– Не нужно было сидеть здесь всю ночь, я же сразу сказал, все с твоим другом будет в порядке. Нужно было догадаться, что у твоей мамы ночная смена и отвести до дома самому.

Я посмотрела на Кристин более осознанно. И правда, на ней была вчерашняя одежда, мешки под глазами отдавали синевой, взгляд рассеянный. Значит, она действительно всю ночь провела в участке, а мне сказала, что уже приехала домой. Неужели она так волновалась за Дилана?

Смотрю на Дилана, наблюдая, как он задумчиво осматривает пол, затем переводит недоуменный взгляд за свою спину, где прячется Кристин. Неужели его удивило её волнение?

От лица Дилана

9:47

Мы выскочили из квартиры, закрыв дверь, и спустились по лестнице.

– Алекс и Люк уже дошли до дома, – заметила Кристин.

Я криво улыбнулся:

– Потому что не Люк провел ночь в камере, и не ему нужно было переодеться.

Она согласно кивнула.

Дело в том, что машину Люка на время изъяли из-за дела. Он этим воспользовался и решил проводить Алекс до дома пешком. Кристин с ними идти отказалась, чтобы не мешать,

поэтому мы решили, что я сам доведу её домой. Машину мне уже пригнали, но для начала нужно было снять грязные вещи, что я испачкал в крови.

Мы вышли из подъезда, неуверенно обсуждая дальнейшие действия, но Кристин неожиданно замолкла. Я остановился, следуя за ее взглядом, и увидел темную девушку, что стояла у моей машины. Она заметила меня и улыбнулась. Я помедлил, прежде чем ответить тем же. Эмили, так звали эту девушку, подошла ближе:

– Я узнала о Сесилии и поняла, что тебе нужна поддержка, – она положила руки на мою грудь и наклонила голову в бок, показательно не замечая Кристин, – Ты в порядке?

Я приоткрыл рот:

– Я...

– Что ж, увидимся в школе, – Кристин хрустнула пальцами, обходя Эмили, и направилась вниз по тротуару, что вел к ее дому.

Я сделал шаг в ее сторону, но остановился, сжав губы. Эмили улыбнулась:

– Надеюсь, ты готов к новому дню?

– Да, – кивнул, натянув улыбку, – Ты все это время ждешь?

– Я решила сделать тебе приятно, – объяснила она, – поддержать тебя, ведь вы вроде как были близки с Сеси, хоть и не встречались.

– А, спасибо, – я убирал с груди руки девушки.

– Эм... – она замялась, скрывая свое недовольство, – тогда поехали, посидим где-нибудь.

– Да, – я тронулся с места, когда Эмили схватила меня за руку и направилась к моей машине. Поднял взгляд на тротуар. Кристин уже пропала с поля зрения. Я нахмурил брови, ускорив шаг, чтобы поспеть за брюнеткой.

От лица Алекс

7:53

Кристин задумчиво почесала щеку ногтями, вынося вердикт:

– Мне кажется, это плохая идея.

– Да брось, мы встречаемся почти год, время пришло.

– Вот и повстречайтесь еще годик, куда торопиться?

Я посмотрел на подругу, поджав губы:

– Меньше чем неделю назад погиб человек. Опять. Я чувствую, что не могу терять время, – перевела взгляд вдаль, на дорогу, – когда я вижу Еву, то чувствую, как ее покидают силы. Она словно засыхает, не понимая, как дальше жить.

Кристин обняла себя руками, видимо ощутив на себе мое волнение:

– При чем тут ваше мгх... – она многозначительно подняла брови, – ну, в общем ваше?

– Когда-нибудь это произойдет. Зачем ждать и оттягивать время, особенно если его может быть не так много?

– Как у Евы с Джоном, сравнение конечно жесткое, но доходчивое, – Кристин приободрилась, потрянув головой, – лад-

но, занимайтесь своими делами и не забудьте позвать меня на крестины вашего ребенка.

В глазах блондинки тут же загорелся игривый огонек, и я улыбнулась из-за этого:

– Прекрати так смотреть, мне еще нужно Люка предупредить.

– Так он даже не знает? – Кристин широко раскрыла рот от удивления, пытаясь догадаться, – Или ты не с ним собралась?

– Конечно с ним, – пихнула подругу локтем, когда она начала смеяться, – с ним, просто не знаю, как сказать.

– Думаю, он и без слов тебя поймет.

Я не ответила, молча пройдя в ворота школы. Осмотрелась, заметив неподалеку машину Люка и резко отвернулась, зажмурившись. В голове сразу всплыл визг колес и расплывающийся за окном пейзаж.

Голос Кристин привел меня в чувства, заставив вынырнуть из воспоминаний. Подруга смотрела вдаль, недовольно прикусив губу:

– Как всегда.

Я последовала за её взглядом, заметив у крыльца Люка и Дилана, рядом с которым уже крутилась темноволосая девушка в ярком красном свитере, что-то щебеча.

– Им не надоело тереться друг о друга? – с холодом в голосе спросила Кристин. Я лишь улыбнулась, встретившись взглядом с Люком. Он словно почувствовал меня, найдя сре-

ди толпы, поэтому я ускорила шаг, кинув подружке тихое:

– Ревнуешь?

– Вот еще, – шепнули в ответ и, задрвав подбородок, Кристин ускорила шаг. Она обогнала меня и прошла мимо парней, даже не удостоив Дилана взглядом. Но он смотрел на неё. Через секунду Кристин растворилась за стенами школы.

Люк удивленно посмотрел вслед Кристин и повернулся в мою сторону:

– Она вроде на каблуках, а ходит быстрее тебя.

Я улыбнулась парню, оставив легкий поцелуй на его щеке, после чего кивнула Дилану. Он стоял в паре метрах от нас и кивнул в ответ. Его глаза еле заметно закатились, когда Эмили повисла на его плече, что-то шепча. Я с озорной улыбкой также повисла на Люке:

– Знаешь, о чем я подумала? – промурлыкала я.

– О чем?

– Сегодня мама уезжает, и я решила позвать тебя на ночевку.

– Неужели? – выдохнул мне в губы.

От лица Кристин

13:17

Окно на третьем этаже было единственным местом, где я могла расслабиться и нормально подумать. Разобраться в том, что тревожило меня, либо отвлечься от навязчивых мыслей. Могла забыться и сделать все вышеперечисленное, но кое-кто помешал мне. Опять. Он как будто чувствовал,

где я нахожусь.

– Тебе не надоело здесь сидеть? – хриплый голос раздался за моей спиной, и я вновь услышала тяжелые шаги.

Это было нашим местом.

Закрыла лицо ладонями, в надежде стать невидимой, и ответила вопросом на вопрос:

– Сидеть здесь запрещено законом?

– Как ты могла заметить, у меня проблемы с законом, – за спиной раздался тихий смешок, и моя кожа тут же покрылась приятными мурашками.

Боже, когда я прекращу так реагировать на его появления? Я должна уметь контролировать свои эмоции, не показывать их, но все же... почему мне так хочется продолжить разговор?

– Где Эмили? – спросила я и, запрокинув голову назад, стала наблюдать боковым зрением за действиями О'Коннелла.

– Не знаю, но точно не прогуливает урок, как ты.

– Как я могу заметить, ты тоже прогуливаешь.

Дилан ухмыльнулся, смотря куда-то в пол. Засунул руки в карманы и медленно направился в мою сторону. Я тут же выпрямилась, развернувшись к нему всем телом, и свесила ноги с подоконника. Парень остановился напротив меня, так близко, что слегка коснулся моих коленей своими ногами.

Я облизнула сухие губы, не в силах сдержать дрожь в голосе:

– Что ты...

Замолкла, когда Дилан расставил руки по обе стороны от меня, наклонившись к самому лицу. Мой лоб обдало горячим дыханием, и я нервно проглотила скопившуюся во рту жидкость. В груди все запылало, когда Дилан наклонился чуть ниже, перехватив мой взгляд. Он смотрел сосредоточенно. Изучающе. Он испытывал меня молчанием. Только дышал. Долго. Мучительно долго. Словно размышлял, чем можно меня зацепить больше.

– Я не понимаю, – прохрипел он, и я вздрогнула от неожиданности. – Я не маленький мальчик, чтобы носиться вокруг тебя. Опять, – подчеркнул он, заставив меня виновато опустить голову, потупив взгляд, – Если ты что-то хочешь, то скажи сразу. Не заставляй меня мучиться в догадках, я ведь пытаюсь тебя забыть, Кристин, но ты... – его голос стал мягче, а меня удивило такое изменение.

Он оторвался от моих глаз, скользя к волосам, и я зажмурилась. Дилан обжег мое ухо своим дыханием, но не коснулся его.

– Помоги мне, Кристин, – прошептал он, а мое тело пронзил разряд тока, – скажи, почему не даешь забыть себя? Зачем опять находишься рядом? Заставляешь меня вспоминать о нас?

Я заморгала, словно находясь в оцепенении, и слегка качнула головой:

– Никаких нас не было, Дилан.

– Это не так, – прохрипел он, раздражаясь, – ты мешаешь мне забыться. Специально влезаете в мою жизнь, крутятся под ногами. Для чего? Ради забавы? Чтобы себя порадовать или... – замолчал он и отстранился. Его глаза расширились, словно Дилан сам ошалел от своего предположения, – может, ты хочешь денег?

Я тут же отстранилась, прижавшись спиной к прохладному стеклу, а Дилан продолжил:

– Я дам денег, если тебе нужно это. Только скажи и я заплачу, если тебе не хватило прошлой суммы. Скажи, какова твоя цена сегодня? Сколько ты стоишь?

Где-то в моем теле, возможно в каждом его участке, вспыхнул гнев. Я хотела крикнуть, но мой голос дрожал и больше походил на шипение:

– Это тебе гребаный фильм, О’Коннелл? «Дай забыть», «Я заплачу», – передразнила парня, – что за хреновая пародия на дешевую короткометражку? И дня не пройдет без твоего «забыть», может тебе уже стоит так сделать, а не напоминать об этом?! Такое ощущение, что я сама ищу с тобой встречи. Прости, но ты не центр мира, – практически выплюнула ему это, не скрывая яд в голосе и холод в глазах, но это было всего лишь маской. Внутри же я судорожно вытирала слезы, сгибаясь пополам, – мне самой не нравится происходящее. Я не хочу быть рядом, – врала я, а Дилан лишь зверел, начиная что-то шептать в ответ, но я перебила, откинув его руки. Я вскочила с подоконника и ткнула пальцем в его грудь, – мне

плевать на тебя, Дилан О'Коннелл! Вот мой ответ.

Оттолкнула его от себя и спешно спустилась по лестнице, оставив Дилана у нашего места. Сердце трепыхалось в груди, болезненно сжимаясь. Не прошло и минуты, как слезы выступили на глазах.

От лица Алекс

19:59

– Та-ак, – протянул парень, прежде чем задать вопрос, – куда мисс Саттон уехала?

Люк сидел на моей кровати, наблюдая за моими манипуляциями. Я же зажгла последнюю свечу и повернулась лицом к парню, ответив:

– Она толком не объяснила, но вроде как на конференцию. Завтра вечером уже должна вернуться и привезти тапочки из отеля, – тихо хихикнула я, – а может и халатик захватит, не знаю.

Подошла к стене, выключив свет, и комната тут же погрузилась в приятную темноту, которую скрашивал нежный свет, исходящий от свеч. Не то, чтобы я хотела много романтики в свой первый раз, но свечи пахли лавандой, и это меня успокаивало.

– Ты уверена? – Люк нахмурился, когда я подошла к нему.

– Да, – я нервно улыбнулась, ощутив, как горят мои щеки от неловкости, – а ты разве не хочешь?

Люк приоткрыл рот, дернувшись:

– Хочу, конечно, хочу, но я уважаю, твой выбор и если ты

передумаешь, то...

– Я тоже хочу, – повторила на выдохе, и Люк улыбнулся мне своей самой искренней улыбкой.

– Тогда, желание дамы закон.

Он принял попытку подняться, но я не выдержала и охватила его лицо, целуя в губы. Люк набирал больше воздуха в легкие через нос. Он потянулся к моим губам, когда я наклонилась, чтобы спиной лечь на кровать. Люк последовал за мной, не рассоединив губы.

Дыхание участилось, когда он обхватил мое тело и прижал к своему. Поцелуи Люка кружили мне голову, и я растворилась в омуте спокойствия и тепла.

– Я могу остановиться... – прошептал он, пытаясь не разрывать поцелуй.

– Продолжай, – прохрипела и ухватила за края его футболки, стягивая ее.

Его руки потянули мою футболку вверх. Я сняла её через голову, вновь воссоединяя наши губы. Люк отстранился, осматривая мое тело. Он заглянул в мои глаза, и с силой сжал челюсть. Я сглотнула, судорожно кивая.

Люк наклонился, покрыв мои скулы волнующими поцелуями. Он двинулся ниже, оставив полоску из поцелуев до груди. Моя спина выгнулась, а рот раскрылся от удовольствия.

Я наклонила голову в сторону окна, позволяя целовать ключицы, и через приоткрытые глаза убедилась, что это идеальная обстановка для первого раза. Аромат лаванды витал

по комнате, приглушенный свет от свечей аккуратными лепестками расцвел по стене и голова птицы размером с человеческую, наблюдала за нами своими черными, стеклянными глазками.

Я замерла, не отвечая на поцелуй Люка, и мой крик разнесся по комнате. Я судорожно столкнула с себя Люка. Приподнялась на руках, в попытке отползти к стене, но могла лишь хватать руками атласную ткань одеяла и кричать. Наши взгляды словно встретились. Голова Птицы медленно наклонилась, словно изучая меня со всех ракурсов.

Я закрыла уши и с силой сжала веки. Подогнула колени к себе, сжавшись от страха.

Меня затрясло из стороны в сторону, и через мгновение я поняла, что кто-то трясет меня за плечи. Взволнованный голос Люка настиг меня и я на ощупь схватилась руками за его плечо, крича:

– В окне! Оно там! Оно смотрит.

Люк взял мое лицо в свои теплые руки, заставив раскрыть глаза, и попытался восстановить зрительный контакт:

– Там никого нет, Алекс, смотри на меня...

Я со сбитым дыханием рыскала глазами от окна к парню и обратно. Вокруг было темно. Свечи дьявольски отбрасывали свой свет на стены. Я потянулась к выключателю. Щелчок. Свет озарил комнату. Перед глазами стояла пелена, и я протерла их. Часто поморгав и привыкнув к свету, и бросила взволнованный взгляд на окно.

Черт. Там никого не было.

Голос Люка звучал обеспокоено:

– Алекс, что ты видела? Посмотри на меня. Посмотри.

Я проглотила ком в горле и почувствовала, как больно мне говорить:

– Птицу. Огромная голова. Ее клюв, он... как маска чумного доктора.

Люк потер мое лицо большими пальцами и прижал к себе.

– Там никого нет, успокойся.

Я тут же вспыхнула, попытавшись вырваться из объятий:

– Но оно было там, правда! Стояло прямо там!

Из глаз полились слезы.

– Эй, не плач. Я тебе верю, но сейчас там никого нет. Я могу проверить, – я посмотрела на Люка, который часто закивал, – хочешь, я посмотрю на улице?

Накрыла руки парня своими и благодарно кивнула в ответ. Шмыгнула носом, когда поднялась с кровати вслед за Люком и наступила на ледяной пол. Остаться одной в комнате и смотреть в окно я не могла, поэтому аккуратно двигалась по коридору за парнем.

Он задвинул меня одной рукой за свою спину, когда мы дошли до двери, и медленно положил ладонь на ручку. Я видела, как его мышцы на спине напряглись, и в этот момент Люк резко раскрыл дверь. Ничего опасного не произошло, и на нас никто не выскочил, только ветер ворвался дом, обжигая мои влажные от слез щеки.

Я выглянула из-за спины Люка и оглядела улицу. Фонари освещали дорогу, неподалеку стояла припаркованная машина. Вроде ничего подозрительного.

Я подтолкнула парня, чтобы он начал двигаться, но его внимание что-то привлекло. Люк стоял на месте, при этом задвигая меня обратно за спину.

– Люк, – прошептала, – что там?

Он шагнул вперед, и я вышла за ним на носочках, прижавшись к его спине. Неужели я опять испытываю страх? Ужас? Да. Это именно то чувство, которое не просто щекочет нервы, а добивает их к чертям.

– Алекс, зайди в дом, – шикнул на меня Люк и присел у порога.

Я, ничего не понимая, села рядом с ним.

– На тебе один лифчик и джинсы, зайди в дом, – проворчал он, но я его не слышала. Мой взгляд замер на лежащем на пороге листе бумаге. Его край был придавлен булыжником.

12:53

– Так, значит, она помешала вам... того? – Кристин шла рядом со мной по библиотеке, хмурясь.

– Я увидела огромную голову птицы в своем окне! О каком сексе ты говоришь? – сорвалась я на подругу, сама удивляясь, что такое произошло в мой почти первый раз.

Кристин вскинула руки, что-то пробормотав. Она первая завернула за стеллаж с книгами и неожиданно врезалась в плечо мужчины. Из его рук выпали книги, упав к нашим но-

гам.

– Смотри куда идешь! – воскликнула Кристин, отходя назад. Она потирала ушибленный нос, но замерла, когда посмотрела на мужчину. Ее голос моментально сменился, – мистер Хант, извините, пожалуйста, я вас не видела.

Мужчина, волосы которого поседели за неделю, аккуратно присел, начав подбирать с пола книги. Кристин повторила его действия, помогая, но преподаватель выхватил книгу из ее рук, даже не посмотрев на девушку. Кристин, немного опешив, поднялась.

Мистер Хант встал с колен, и косо посмотрел на ученицу, приветствуя:

– Здравствуйте, Пекус, – перевел на меня взгляд и кивнул, – Саттон.

– Здравствуйте мистер Хант, – кивнула в ответ.

Учитель повернулся боком и обошел нас у стеллажа, видимо, собираясь уйти.

– Хорошо выглядите, – кинула вслед Кристин и, не дождавшись ответа, прикусила кулак. Она растерянно посмотрела на меня, давая деру с места событий.

– Хорошо выглядите? – скорее переспросила я, чем передразнила.

Кристин схватилась руками за голову, раскрыв рот:

– Какой кошмар! Вот же тупица, – она посмотрела вслед удаляющемуся учителю и прикрыла глаза, – с другой стороны, если бы я сказала дежурную фразу «соболезную», было

бы намного хуже. Так что пускай думает, что он не так плох.

Я промолчала, подходя к читальному залу.

– Это был настолько плохо? – переспросила Кристин, не дождавшись ответа, и с опущенной головой последовала за мной.

В большом помещении с высокими потолками было много столов из темного дерева. Они стояли по рядам, чтобы читателям было удобно подходить к своему месту. Здесь пахло пылью и сосной, но во время обеда читальный зал был единственным охраняемым местом в школе, где почти не было посетителей.

Парни сидели за лакированным столом в самом конце зала, где никого не было. Как подобает в библиотеке, они тихо переговаривались. На этот раз Дилан сидел без своей новой спутницы, что странно, ведь Эмили терлась вокруг него каждую минуту.

Я подошла ближе и, скинув с плеча сумку, положила ее на стол:

– Нужно разобраться с тем, что произошло вчера ночью, – начала я серьезным тоном, опустившись на стул, рядом с Люком.

– Ничего особенного, думаю, вы встретились с вуайеристом, – Дилан ухмыльнулся, продолжив, – в зависимости от того, чем вы занимались, он мог быть и онанистом.

Люк пихнул друга в плечо, предостерегающе бросив на него взгляд. Я хмуро посмотрела на парня, но все-таки до-

стала с сумки свернутый напополам лист бумаги:

– Это мы нашли на пороге.

Дилан устремил взгляд на лист, после поднял его на меня:

– С чего вы взяли, что его не принесло ветром, мои повзрослевшие дети?

– Потому что он был прижат камнем, – шикнула Кристин и тоже толкнула Дилана в плечо.

– Да что с вами такое? – воскликнул О’Коннелл, потирая болезненное место.

– Дело в том, что мы не можем понять, на каком языке это написано, – принялась объяснять я, добавив, – и что самое пугающее, сделано это кровью.

На тот раз Дилан поднял руку, прежде чем спросить:

– Можно еще один тупой вопрос? С чего ты взяла, что это не краска?

Кристин посмотрела на Дилана и тяжело вздохнула:

– Тебе Люк хоть что-то рассказал? Они капнули перекисю и кровь вспенилась. Если даже не человеческой написано, на что я надеюсь, то возможно свиной или той, чью тушку легче найти на рынке.

Я кивнула в знак согласия. Дилан тяжело выдохнул и отклонился на спинку стула, стуча пальцами по столу:

– Тогда на каком это языке?

– Это на латыни, – спустя какое-то время ответила Кристин. Она прищурилась, проводя пальцем вдоль незнакомой мне буквы, – не могу разобрать всё, пятно от перекиси разь-

ело почти весь текст, кроме слова «Marcus». Оно переводится как «Знак», но в контексте может означать совсем другое.

– Ты знаешь латынь? – совершенно серьезно спросил Люк.

Кристин легко кивнула в ответ:

– Изучаю на элективном занятии.

Все замолчали.

Что говорилось перед этим «Знак»? Если это действительно что-то значит, мы все равно не узнаем, перекись действительно повредила бумагу. Этого мы не учли, когда вводили в Гугл запрос. Если забыть про значение слов, можно задаться другим вопросом, почему послание написано кровью? Это шутка? Предупреждение? Или это угроза и направлена она, по всей видимости, на кого-то из нас?

– Знаете, что я вспомнил, – тихо произнес Люк, переведя на меня задумчивый взгляд. Он не сильно верил, что я вчера кого-то увидела, и списывал это на стресс, – отец называл убийцу Сесилии «Птицей».

Кристин напряглась, подскочив на стуле, и встретила со мной взглядом. Это правда. Теперь они все мне поверят, потому что таких совпадений, просто быть не может. В таком случае, зачем эта Птица приходила вчера к моему дому? Чтобы подкинуть бумажку? Предупредить, что я следующая или хотела сделать меня следующей, но ее спугнул Люк?

– Ты как-то побледнела, – с волнением сказала Кристин, наклонившись ко мне. – Все нормально?

Я кивнула и задала вопрос:

– Что мы будем делать?

– Нужно рассказать все полиции, – заявила Кристин, – это ведь не шутки.

– Нет, – Люк вмешался, махнув рукой, – для начала нам необходимо удостовериться, что то, что видела Алекс, в ту ночь напало на Сесилию.

Все посмотрели на парня с недоумением, даже Дилан стал мрачнее обычного.

– Понимаете, – начал Люк, – если мы пойдем сейчас в полицию, то кроме вот этого листочка и словесных показаний нам даже нечего будет предъявить, – он сжал в руках эту бумажку. – Полиция на такое нам просто у виска покрутит и отправит по домам. Плюс они нас и так уже в чем только не подозревают, ведь оба тела нашли мы с Алекс, и записку нам подкинули. Но если мы убедимся, что Птица действительно существует, и в тот вечер именно он напал на Сесилию, то мы сможем воспользоваться этим. Мы будем готовы, если он решит напасть еще раз, но уже на нас, понимаете? И полицию предупредим. Главное не спугнуть его, если он правда решил выйти с нами на связь.

– Как мы это сделаем? – спросила я, сама не веря в то, что решаюсь на это.

Люк сжал мою ладонь и по-заговорщицки наклонился ближе:

– У меня есть отличная идея.

20:04

– Господи, какая ужасная идея! – простонала Кристин, устало посмотрев на дорогу.

Их с Диланом оставили следить за входом в полицейский участок и в случае чего тут же подавать сигнал, чтобы Алекс с Люком могли незамедлительно вернуться обратно. В принципе, Люк мог проверить все самостоятельно, ведь у него есть все ключи от участка, но как увидеть на камерах у дома Сесилии того, кого ни разу не видел? Поэтому ему пришлось взять с собой Алекс.

О’Коннелл ударял кулаком о кулак, чем выдавал свое волнение:

– Хватит ворчать, Кристин, – не менее раздраженно прохрипел он.

– Если их поймают, то нам всем достанется. А еще комендантский час, – девушка схватилась за лицо, пуская недовольный стон. Она осознавала, чем все может закончиться. Предлагала всем честно попросить видео у шерифа, но нет, в каждом же проснулся дух авантюризма. Им нужно все по-своему сделать. Черт.

В салоне машины играла спокойная музыка, но девушке было не спокойно. Шестое чувство подсказывало, что что-то идет или пойдет не так. Но озвучивать свои опасения Дилану она не собиралась. Злость к нему уже утихла, но его слова о деньгах. Они так зацепили ее, напоминая ситуацию, произошедшую меньше полугода назад.

От лица Дилана

Я нервно перебирал пальцами и смотрю в окно, наблюдая за входом в участок. Если вернется отец Люка, то Кристин права, конец придет всем. И тут я словил себя на мысли, что правота этой блондинки меня раздражает.

Заметив краем глаз движение у тротуара, я наклонился ближе к стеклу. Эмили улыбнулась, распознав мою машину, и направилась к ней. Я вжался в сидение и хотел незаметно сползти на дно машины, но она уже увидела меня, приветливо махнув рукой. Я кивнул, нервно сжав пальцы, и бросил взгляд на Кристин. Она хрустела пальцами, что-то бубня под нос.

Посмотрел обратно в окно и понял, что выбор у меня не велик. Если я сейчас выйду к Эмили из машины, то мое появление точно заметят, здесь же везде камеры, а не так давно меня подозревали в убийстве. Нет, это не вариант. Если я позову, Эмили в машину, то больше чем уверен, Кристин тут же выйдет из нее. Она слишком гордая, чтобы сидеть с мили в одном салоне. А если не выйду к Эмили, у нее появится много вопросов и она может поднять панику. Никому ненужную сейчас панику. Единственное, что мне остается, это не самое приятное, но самое логичное:

– Кристин, выйди, пожалуйста, и постой рядом с машиной.

Девушка подняла на меня вопросительный взгляд своих карих глаз, но тут же сосредоточила его на чем-то позади

меня.

– Серьезно? – только и спросила, с непонятной для меня горечью в голосе.

Я кивнул, наблюдая, как Кристин злобно открыла рот, но потом закрыла, так ничего и не сказав. Она все-таки вышла из машины, оставив дверь открытой. Поправила прядь волос, убирав ее за ухо, и я словил себя на мысли, что желаю сделать это сам. Прикоснуться. Отворачиваюсь, качнув головой. Нельзя допускать таких мыслей.

От лица Алекс

20:41

Мы с Люком подбежали к машине, садясь на задние места. Я немного поерзала, устроившись удобнее, чтобы начать рассказ всего увиденного, но мой голос неожиданно прервался. Я наклонилась вперед, удостоверившись, что место, на котором должна сидеть Кристин пустое.

– Где она? – тут же спросила, сжав пальцами края сиденья.

Дилан отрешенно обернулся в мою сторону, словно не понимает о чем речь, но через мгновение его взгляд изменился. Он задумчиво посмотрел в окно, что-то выискивая, и в итоге прижался к стеклу, что-то рассматривая.

– Где. Кристин? – с расстановкой спросила я, скинув с себя ладонь Люка, когда тот попытался успокоит меня, – Где она?!

– Она вышла, чтобы я смог поговорить с Эмили, – растерянно проговорил О’Коннелл, сжав кожаный руль.

– И? – это Люк.

– Мы поговорили, и она ушла совсем недавно. Потом вы написали, что возвращаетесь, и я забыл про неё. Сейчас я ее не вижу, она скорее... – продолжил Дилан, но я перебила его, сорвавшись на крик:

– Ты хоть представляешь, что ты натворил?! Да по улице же маньяк ходит!

В груди все вскипело.

Дилан постучал пальцами по рулю, нахмурившись от моего крика. Я хотела треснуть его, но Дилан сам неожиданно ударил по рулю с силой, и тут же вышел из машины, хлопнув дверью. Люк сказал позвонить Кристин, и тоже вышел из машины, оставив меня одну в салоне.

От нервов у меня задергался левый глаз. Я суматошно начала хлопать по карманам в поисках телефона. Нужно успокоиться. Это же Кристин, она почти не влипает в истории. А если и влипает, то сразу по-крупному

Найдя телефон, я вышла из машины, собираясь звонить подруге. Неожиданно на экране высветился неизвестный номер, и я вздрогнула, слушая неприятную для уха трель. В животе завязался тугой узел, плохие предчувствия окутали меня. Я оглянулась, прикусив губу, но на улице никого не было, совсем никого, поэтому я ответила на звонок:

– Кто это?

Парни тут же обратили на меня внимание. Переглянувшись друг с другом, они встали по обе стороны от меня. Ди-

лан сильно нервничал, сжимая длинные пальцы на талии.

– Это Кристин? – спросил он, ожидая ответа. Но я промолчала, поглощенная размеренной тишиной на другом конце провода. Что-то в этой тишине пугало меня.

– Это вы, Птица? – я сама не узнала свой голос, когда задала вопрос. В ответ послышался скрип. Кем бы ни был человек, звонивший мне, его звонкий, словно игрушечный голос неожиданно разрезал мой слух визгом. Скривив лицо, я приложила телефон обратно к уху

– А ты красивая в белье, – проговорил тот голос, звонко засмеявшись.

Я подняла испуганный взгляд на Люка, раскрыв рот от шока. Увидев мою реакцию, Дилан ударил кулаком по дверце позади меня. Его лицо покраснело, ярость накатывала, и Дилан ударил еще раз. Люк перехватил его руку, успокаивая друга, но тот уже ничего не замечал. Дилан что-то крикнул, препираясь с Люком, а я не могла дышать от страха. По лбу стекала капля пота. Я накрыла телефон второй рукой, чтобы лучше слышать, но Птица молчал. Когда тишина с его стороны затянулась, я решилась задать вопрос:

– Где Кристин?

На другом проводе еще пару секунд ничего не говорили, после чего тишина нарушилась. Раздался резкий визг колес и грохот, словно машина сбила что-то тяжелое. Я подпрыгнула на месте и раскрыла рот. Губы начали дрожать.

– Ну, – липким, противным голосом ответили мне, – я

нашел её первым.

VI. Глава

Часом ранее

Брюнетка улыбается, рассматривая лицо Дилана:

– Ну вот, я здесь, – протягивает руку, желая коснуться его щек, но парень останавливает её:

– Зачем? – его голос холоден, от чего неприятные мурашки тут же покрывают кожу Эмили. Она мнетя, убирая руку.

– Ты же меня сам позвал...

– Я звал? – пускает смешок, привычно выгнув бровь, – у меня нет на тебя времени, особенно сейчас.

Эмили нервничает, перекинув ногу на ногу:

– Но ты прислал смс, – она ныряет в сумочку, доставая телефон, и спешно включает его, что-то ища, – вот, – тычет пальцем в экран, поднимая телефон к лицу Дилана, – вот, посмотри. Это же с твоего номера смс. Ты сам меня позвал, а сейчас отрицаешь. Это такой способ привлечь меня?

Дилан все больше хмурится, вчитываясь в текст сообщения.

«Приходи сейчас. Я соскучился»

Дальше идет адрес. Номер действительно принадлежит О'Коннеллу, но он точно помнит, что не отправлял смс. Более того, он пытается минимизировать встречи с Эмили. Она не интересуется его ни как девушка, ни как способ отвлечься и расслабиться.

– Ты ошиблась, – после минуты молчания говорит он, – это писал не я.

Эмили хмурит брови, опуская взгляд на телефон:

– Но кто тогда?

Парень переводит на нее незаинтересованный взгляд, что насквозь пронзает её рассудок, заставляя почувствовать себя неуютно. Она тут же мнется, тяжело сглатывая. Дилан поджимает губы и возвращается к дороге, складывая руки на руль. Сосредоточенно смотрит вперед.

– Ты высматриваешь ее? – спрашивает серьезно девушка, забывая про телефонную шалость.

– Тебя не касается.

– Да ты что, – фыркает, складывая руки на груди, – думаешь, я ничего не понимаю? – её голос звучит громче, – Она ведь опять пудрит тебе мозги, Дилан. Крутится вокруг тебя, привлекает внимание. А ты даешь ей это внимание, хотя она его не заслуживает.

Парень напрягается, сжимая челюсть, а глаза становятся темнее.

– Я делаю все, чтобы помочь тебе, но в итоге только жду. Жду, когда ты забудешь Кристин. Когда уделишь мне внимание. Когда отпустишь произошедшее с Сесилией, но, что-то мне подсказывает, что ее смерть тебя не так сильно волнует. Ты словно помешан на *этой*, — Эмили будто выплевывает это, не понимая, что от ее слов Дилан злится.

Он отводит взгляд от дороги. Смотрит на девушку, черты

лица которой смягчаются. Она позволяет себе легкую улыбку, увидев злость и ошибочно рассчитав, что Дилан понимает ее агрессивный настрой в сторону Кристин и даже подхватывает его. Стоит ему напомнить о ее промахе, как к парню вернется былая ненависть, Эмили в этом уверена.

– Ты ведь помнишь, что Кристин предала тебя? – смахивает со лба волосы, вода пальцем по плечу Дилана, – Она ни во что не ставит твои чувства, и ты не ставь ее ни во что, – с улыбкой шепчет девушка.

Дилан резко перехватывает её руку.

– Тебе пора, – угрожающе хрипит О’Коннелл.

Возможно, в чем-то Эмили права, но она не осознает главного. Чувства не поддаются логике. Они стихийны и метаются от ярости к нежности, словно море в шторм. Они поглощают без остатка и, сколько бы люди не сопротивлялись, пока чувства есть, ты будешь испытывать боль, счастье, гнев, любовь. Весь спектр эмоций, и в большинстве своем он будет положительным. Если ты будешь сопротивляться, то сердце будет болезненно сжиматься в когтистых лапах судьбы, извергая кровь наружу. Поэтому просто стоит признать, что ничего не изменилось с тех пор, как она ушла. Кристин до сих пор в его голове. Со своей раздражающей улыбкой. Блестящими глазами.

В настоящее время

20:30

Желтый свет фонаря освещал охваченную мраком улицу.

У заднего входа в полицию не было машин, поэтому мы стояли одни на тротуаре, окружив джип Дилана. Тишина стала оглушающей. Ветер невидимыми лапами забирался под кобуху, заставив дрожать.

Парни смотрели на меня, затаив дыхание. А я на них, страшась произнести то, что изменит наш мир.

– Это Птица, – все-таки произнесла одними губами.

Люк схватился за голову и встревожено посмотрел на Дилана. Тот дернулся, словно получил пощечину.

– Интересно, – произнес голос, – она жива или я перестарался?

– Не делайте ей больно, – мой голос дрогнул. Глаза стало жечь от скопившихся в них слез. Я не успела смахнуть их, как из телефона раздался громкий хлопок, словно с силой закрыли дверцу машины, и слезы покатались по щекам.

Шаги. Я слышала, как шуршит под ногами галька. Птица шел размеренно, словно охотник, наконец-таки поймавший дичь. Он подходил к Кристин.

– Вы ведь не убьете ее? – все, что я была способна выдать из себя.

Дилан резко поднял голову и попытался вырвать телефон. Грубо. Он практически оттолкнул меня, но Люк оттянул Дилана к машине. Держа друга за плечо, Люк попытался встать между нами и у него это получилось. О’Коннелл больше не стремился ко мне, в его глазах была пелена. Плечи дрожали от дыхания. Сжав кулаки, он вперил взгляд в небольшое

здание рядом с нами.

– Мы рядом с гребанным участком! Они должны хоть что-то сделать, – прорычал Дилан, но Люк закачал головой:

– Там один охранник и то, он вырубился.

Глухой толчок. Громкое, срывающееся с губ дыхание. Стон. Звуки с телефона вновь накрыли меня, пока я переступала с ноги на ногу. В мозгу что-то напряглось, мысли суматошно пронеслись перед глазами, сравнивая звук со всеми возможными, как неожиданно ко мне пришло озарение. Это был удар.

– Не смей трогать ее! Гребанный ублюдок! – зашипела я, – Даже не касайся ее! Не трогай.

– Не приказывай нам, – неожиданно завизжали в трубку. Я отдала телефон, сжав уши, но все равно услышала, – ты не в том положении, Алекс.

Дилан, с диким желанием в глазах, оторвался от участка и посмотрел на телефон. Ударяя кулаком о кулак, он жестом заставил вернуть телефон к уху.

Ладони потели от волнения. Что говорить? Что мне делать?

Приложив телефон обратно к уху, я прислушалась. Птица кряхтел, тяжело дыша, после чего послышались шаги и голос:

– Ты хочешь ее спасти, – он утверждал.

– Хочу.

– Тогда, найди убийцу Джона?

Я раскрыла рот, начав скулить:

– Только не это. Невозможно, даже полиция не в силах, как смогу я?

– Думай. Кто убил Джона? С кем ты общаешься? – провокационный вопрос, после которого по моим щекам вновь стекли слезы. Я прохрипела в ответ:

– Вы?

– Ошибаешься, – едко посмеялся Птица, – когда найдешь убийцу, напиши мне его имя и я дам адрес места, куда скину Кристин. Живую или мертвую, зависит от тебя, Алекс Саттон, – и он бросил трубку.

Руки обессиленно опустились вдоль тела. Истерика медленно протягивала ко мне свои кривые пальцы, сжимая их на горле.

– Где она? – ледяным тоном спросил Дилан.

– У Птицы, – ответила, хмурясь еще сильнее, – чтобы её спасти, я должна найти убийцу Джона.

– Что?! – воскликнули парни.

– Это какая-то уловка? – Люк напрягся, закачав головой, – Птица тянет время, я уверен. Сейчас нам нужно лишь найти Кристин, плевать на Джона и...

– Это единственный выход! – сорвалась я, и крик пронесся по пустынной улице, – Чтобы найти Кристин, мы должны найти убийцу Джона! Все!

Люк поднял ко мне руки, медленно подступая:

– Алекс, только выслушай меня...

– Нет времени, мы должны пойти к твоему отцу и узнать все, что можем. У шерифа должна быть какая-то зацепка, – повернулась к машине, открыв дверцу дрожащей рукой, – они должны помочь, мы не имеем права рисковать жизнью Кристин. Она не умрет. Мы не дадим, остановим Птицу.

Мой язык заплетался, когда я посмотрела на парней. Они не двигались. Дилан смотрел в землю, а Люк так и замер с протянутыми руками.

– Не стойте! Садитесь же в машину, – толкнула Люка, но тот не двинулся, – плевать, – хлопнула дверцей, собираясь сесть на место водителя, – поведу сама. Кристин у Птицы. А вы стойте. Идиоты. Нужно найти убийцу. Я должна спасти её. Должна. Там Кристин...

– Это мы.

Я замерла. Сжала ручку дверцы, подняв глаза на стекло. В отражении было видно, как парни покраснели. Люк кусал губу, на выдохе повторив:

– Это мы.

– Что? – обернулась я, – нет времени для шуток, Люк!

Он сжимает мою руку, повторяя с раскаянием:

– Прости, но Птица говорил о нас.

Его лицо поменялось, в глазах ни капли юмора, только боль и скорбь, но я все равно спросила:

– Ты шутишь?

Люк выпрямился, попытавшись взять второй рукой мою ладонь, но я не вырвала её. Люк опустил голову, и весь мой

мир сузился на его раскрасневшихся глазах. Он не шутил. Это словно кнутом ударило меня по спине. Я вздрогнула, прижавшись спиной к машине.

– Выслушай меня, все не так просто.

– Ты же не хочешь сказать, что вы его убили? – прошептала, старательно контролируя голос. Перевела отчаянный взгляд на Дилана, в надежде, что тот засмеется и скажет, что они не это имеют в виду, но парень отвернулся. Да что здесь творится?!

– Алекс, посмотри на меня, – так же прошептал Люк, – мы его сбили, а потом он пропал.

– Его сбил я, – Дилан все же заговорил, как-то обреченно посмотрев в сторону Люка, – не ты.

Я раскрыла рот, но воздуха не хватало. Мои глаза метались от парня к другу, но ни одного из них я не узнавала. Шальная мысль, что это все сон, прокралась в сознание, но подсушивающий дорожки слез ветер, шептал о обратном. Я посмотрела на парней другими глазами. Внутри меня все выворачивалось от разочарования. Ладони потели сильнее, и я судорожно вытерла их о ткань джинс, прежде чем глухо заявить:

– Вы должны рассказать мне все, что произошло.

– Там нечего рассказывать, – Дилан нервно ударил кулаком о кулак, – шел дождь, я ехал к Люку, как вдруг на дороге вылетел этот ненормальный и я... – он прикрыл глаза и сильно сжал челюсть. Желваки исказили лицо, но Дилан

приложил достаточно сил, чтобы продолжить, – я сбил его.

– Что было дальше? – потребовала.

– Я хотел проверить, жив он или нет, но лил дождь. Было темно. Я не мог нащупать пульс. Вернулся в машину, тут же позвонил Люку. Думал, тот скажет отцу, потому что сам я... не мог. Но Люк приехал один, и когда мы пошли посмотреть Джона, его не было.

– Что значит, не было?

– То и значит, Алекс, – Дилан сморщил лоб, – На дороге никого не было. Мы даже решили, что он встал и ушел. Только вот на следующий день узнали, что Джон не вернулся домой, а мистер Хант устроил поиски сына. Потом его нашли вы. С перерезанной глоткой.

Мои руки сжали ткань джинс. Прошло время, прежде чем Люк протянул ко мне руку, а я вжалась спиной в дверцу машины. Свет от фонарей потускнел, оставив нас во мраке.

– Почему я должна верить вам? – тихо спросила, недоверчиво покосившись на Люка, – Ты этим был занят, когда мы поссорились? Прятал тело Джона, пока я ждала тебя дома?

– Мы не прятали его, – выпалил Люк с горечью.

– А я не верю тебе, – повысила голос, тут же замолкнув. Силы покинули меня вместе с голосом, и ругаться я не могла. Вся ситуация схватила меня металлическим кольцом, сжимаясь. Сдавливая голову. Поэтому я не сразу отреагировала, когда в кармане что-то завибрировало.

– Нужно ехать к той дороге, – предложил О’Коннелл.

– Почему туда?

– Алекс не просто так сказали найти убийц. Кем бы ни был Птица, он знал, что случилось с Джоном. Значит, он либо видел аварию, либо приложил руку к пропаже тела. В любом случае, все произошло в том месте, и возможно должно там закончиться, – доказывал Дилан, направившись к машине, – плюс он позвонил Алекс, а она стоит в окружении людей, что приложили руку к убийству Джона.

– Но мы не убили его! – стонет Люк.

Телефон вновь завибрировал, и я достала его, прочитав сообщение. Оттолкнулась от машины, осмотрев пустую, но темную улицу. Метнула взгляд на спорящих парней и про-изнесла:

– Птица с этим не согласен.

Подняла телефон и ткнула пальцем в сообщение, где указывалась геолокация.

От Автора

Пока не поздно.

Голова Кристин начинает опрокидываться и Дилан тут же хватает ее, пытаясь восстановить зрительный контакт:

– Все будет в порядке, – выдавливает улыбку, – ты только не закрывай глаза, я хочу их видеть, да, смотри на меня, – Кристин заставляет себя раскрыть потухающие глаза.

Дилан трет ее лицо, вытирая кровавые пятна, и поджимает губы, сдерживая маты.

Алекс не перестает кидать взгляды в зеркало заднего ви-

да, в надежде, что подруга встанет и улыбнется как обычно. Она вытягивает руку к зеркалу, чтобы поправить его, пальцы начинают судорожно трястись, когда голова Кристин вновь опрокидывается с прикрытыми глазами.

– Не дай ей уснуть, – срывается девушка, одергивая руку от зеркала и сжимая ее в кулак.

Пока не поздно.

Его руки трясутся, когда он вновь сжимает в ладонях холодное лицо Кристин. Большими пальцами Дилан судорожно смахивает мокрые волосы, что падают на глаза блондинки:

– Эй, покажи мне свои красивые глазки, я хочу их видеть, эй! Кристин, будь со мной.

Капли пота стекают по его лицу. В голове кавардак. Все, на что парень сейчас обращает внимание – это разбитая губа, которая трясется, ссадина на подбородке, висок с запекшейся кровью и потухающие глаза.

Пока не поздно.

Люк внимательно смотрит на дорогу, крепко сжимая в руках руль. Главная его задача – не опоздать. Его взгляд бежит к зеркалу. Напряжение витает в салоне машины. Лицо Кристин покрыто каплями пота, через приоткрытый губы доносится тихий хрип, но слов не подобрать.

Люк отводит взгляд, выпрямляя плечи, и переключив передачу, давит педаль в пол. Все вжимаются в сиденья.

От Алекс

Чувство потерянности охватывает все больше, а паника не дает нормально размышлять.

Я распахнула дверь, оказавшись в длинном коридоре, освещенном яркими кварцевыми лампами. Запах хлорки ударил по носу. Замерла, когда двери позади громко хлопнули, ударяясь об стену.

Развернулась, наблюдая, как мимо пробегает парень с девушкой на руках. Обменялась взглядом с подбежавшим ко мне Люком, тяжело дыша.

В глубине коридора раздались стуки и гул. Топот. Толкнула Люка в плечо, и понеслась за Диланом. Подбежала к каталке, на которую уже опускали Кристин, и схватилась за нее двумя руками:

– Помогите ей! Вызовите ее маму, она работает здесь.

Каталка двинулась с места, и я по инерции последовала за ней вместе с Диланом, Люком и людьми в белых халатах. Врач достал из кармана фонарик и начал светить им прямо в глаза Кристин, раскрыв их пальцами.

Она вспотела. Тяжело дышала, хрипела, словно умирает.

– Сделайте что-нибудь, – надорвала я голос, вытирая со лба Кристин капли пота.

Фонарик потух, и голос врача разрезал окружающий нас шум:

– Внутривенно десять кубиков Викасола, кровь первую отрицательную и подготовьте операционную.

Его голос был твердым и решительным. Два человека по-

слушно отбежали от каталки и скрылись в коридоре.

Кристин все еще дрожала, её кожа была непривычно холодной.

Я подняла глаза на Дилана, когда он убрал с лица Кристин мокрые от крови и пота волосы. Его пальцы дрожали и были как никогда в жизни нежны.

Мы подбежали к дверям, над которыми большими буквами горела надпись: «Операционная».

– Дальше вам нельзя.

Я продолжила толкать каталку в сторону операционной:

– Вы не можете, я должна быть с ней, – резко отрезала я, смотря то на врача, то на Кристин.

Врач сказал громче:

– Нельзя!

На плечи опустилось что-то тяжелое, и я останавливаюсь, выпустив из рук ладонь Кристин. Ее рука соскользнула с каталки, свисая.

Халат врача надулся как парашют пока он стремительно скрывал от меня подругу. За ними хлопнула дверь.

Это все...

Это все такое неправильное!

Развернулась и уткнулась носом в грудь Люка, начиная всхлипывать. Он обнял меня, ставя подбородок на макушку, и погладил по спине.

Если ей не помогут, то я не знаю, что будет со всеми. С ее семьей. Я не могу видеть ее такой. Я потеряю частицу себя.

Положила ладони на грудь Люка и сжала его колючий свитер в своих пальцах. Сквозь пелену слез, которые выжигали мои глаза, заметила, с каким опустошением Дилан смотрел на дверь. Он запустил ладонь в волосы, ярко почесав голову и вскинув наверх руку.

[...]

Темнота.

Замечаю стволы деревьев, что уходят ввысь и растворяются в ночном небе. Ели. Очень высокие и темные Ели. Кажется, это похоже на тот злополучный лес.

Но почему я здесь?

Иду босыми ногами по холодной и влажной земле. Слышу, как под стопой хрустят ветки, некоторые из которых настолько острые, что раздрают кожу ног. Холодный ветер проникает под футболку, вызывая мерзкие мурашки на спине. Медленно переступаю, осматриваясь.

Впереди виднеется фигура. Щурюсь, чтобы разглядеть в темноте хоть что-то примечательное, но деревья не пропускают даже лунный свет. С каждым шагом фигура становится отчетливее, и я останавливаюсь, прекращая шаг. Растерянно моргаю, не веря своим глазам.

Я вижу себя.

Сердце пропускает удар.

Наблюдаю за собой со стороны. Находясь в нескольких метрах. Другая я стоит в одной ночной рубашке, боком ко мне. Её голова, отвернутая в противоположную от меня сто-

рону, медленно поворачивается. Руки дрожат, ладони сжаты в кулаки. Она осматривается, вновь отворачиваясь.

Передергиваю плечами, в попытке скинуть с себя вуаль страха, и делаю шаг в сторону от той себя. Бледной и с дрожащими губами.

Поскальзываюсь на сырой земле, когда натыкаюсь глазами на знакомую фигуру. Обхватываю тонкий ствол ели, чтобы не упасть. Кожа щеки тут же начинает печь. Мое дыхание учащается, когда взгляды встречаются.

На меня в упор смотрит пара пустых глаз. Они не похожи на мои, но это я. Огромные, синие мешки под глазами, под стать к губам. Спутавшиеся короткие волосы.

Сбоку мерцает тусклый свет, и я медленно, не отрывая глаз от другой себя, отворачиваюсь. Страх сковывает тело, когда беглый взгляд натыкается зеркала. Они подвешены на тонких стволах ели, скрывая их. Отражают лунный свет, лучи которого освещают поляну, где... стою я. Точнее не я, а множество моих отражений. Они все прижимаются к дереву, пытаюсь не упасть. Озираются с опаской, бегая зрачками от одной девушки к другой. Их лица вытягиваются от страха. Они выглядят как утопленницы. А я выгляжу как они.

Кожу охватывает холодок. Я поднимаю взгляд выше, упираясь в зеркало, в нескольких сантиметрах от моего носа. Больше не сжимаю ствол, отходя на несколько шагов назад.

Щурюсь, всматриваясь в отражение. За моей спиной, в центре поляны, виднеются две фигуры, в одной из которых

четко различаю Кристин, а в другой... Крупное существо с широкими спинами и на две головы выше Кристин. Маска как тьма окутывает дымкой его лицо. Но Кристин продолжает упорно смотреть ему в глаза.

Она дрожит. Трясется как ветка под сильным потоком ветра.

Движение. Резко. Мужчина грубо поднимает руки, сжимая Кристин за шею, от чего ее ноги подкашиваются. Она тянется к горлу, накрывая ладони существа. Хрипит, пытаюсь сбросить их. Отбивается, но ничего не помогает. Её лицо краснеет. Раздается звук похожий на хрип вперемешку с хрустом.

Разворачиваюсь, бросаясь в сторону подруги, но застываю на месте. Пространство сжимается. Что-то словно обхватывает мою шею, пригвоздив к земле. Покалывание в кончиках пальцев. Мне страшно.

Смотрю в центр поляны на мужчину, в уже знакомой мне маске птицы. Он хрипит. Просто, издает этот странный звук, что заполняет все пространство вокруг, превращаясь в шум.

Кристин пропала. На её месте стоит другая девушка, задыхаясь от боли и нехватки кислорода. Она дергается, бросая на меня отчаянный взгляд и сознание вспыхивает. Это я. Я заняла место Кристин, позволяя сдавить свое горло.

Судорожно тру шею, хватая пальцами воздух, но другая я... Она задыхается в спазмах, не в силах глотнуть и капли кислорода. Сражается, когда Птица отрывает её от земли,

поднимая в воздух.

Меня тянет вверх, и я корчусь от боли. Дергаю ногами, но не могу коснуться земли. Время уходит. Каждый капилляр взрывается в моем мозгу. На грани смерти я отворачиваюсь от убийцы в центре поляны, цепляя взглядом кучу зеркал. Они все также окружают Птицу, и каждое мое отражение задыхаются, вися в воздухе... смотрят в глаза убийцы в последний раз. Задыхаются, синея. И умирают.

Я умираю.

[...]

– Алекс, – кто-то сжал мои плечи, – Алекс, проснись.

Раскрыла слипшиеся глаза и закрыла их обратно, щурясь от яркого света. Мы все еще в приемном покое. Черт.

Голос Дилана раздался где-то над ухом:

– Вот ты и проснулась.

Протерла глаза, веки которых будто налились свинцом. В голове тоже свинец. С каждым движением мозг словно перекатывался по черепу, больно ударяясь о его стенки. Прижалась головой к стене, устроившись удобнее на лавочке.

Перевела усталый взгляд на О'Коннелла.

– Ты не знаешь, когда придет мама Кристин? – парень упал рядом со мной и протянул мне стакан с кофе.

– Скоро должна, – посмотрела на время, отвечая, – она больше не звонила мне, но скоро должна.

– Хорошо.

– А где Люк? – я отпила немного горячего напитка, после

чего подняла глаза на Дилана. Он ударил кулаком о кулак. Нахмурился:

– На счет этого, – начал он вяло, – Пока ты спала, мы с Люком все обговорили и решили, что рассказывать всем о Птице не стоит.

Я поджала губы, не понимая:

– Но почему?

– Потому что у нас мало информации, по ней полиция не выйдет на Птицу, но вытрясет из нас всю дурь.

– Вы с ума сошли? А кто если не полиция выйдет на него, – прорычала я, – думаешь, я хочу, чтобы в следующий раз сбили кого-то из вас?

– Тогда придется все рассказать, понимаешь? И я сейчас не только о Птице. Если в аварии с Джоном виноват я, то в ее сокрытии уже мы с Люком. Это статья, Алекс.

– А если не говорить об аварии, – запинаясь, произнесла я, – мы можем рассказать только о звонке и Кристин.

– Нет. Это будет слишком подозрительно. Зачем звонить и предупреждать об убийстве? Чтобы мы смогли его остановить. В таком случае, какая от этого выгода Птице. Почему он выбрал Кристин? Да хотя бы, как мы ее нашли, Алекс. – в резком голосе звучали нотки пронзительности, – Каждая смерть сопровождается нашим присутствием. Джон, Сесилия, теперь еще и это... Мы вызовем большие подозрения. Так нельзя.

– Но ведь, – я замаялась, сомневаясь в собственной право-

те. Дилан это почувствовал, добив мою решимость:

– Если мы все расскажем, то в какой-то момент полиция догадается и о причастности Люка. Не только в аварии, но и проникновение в кабинет шерифа. Его арестуют и посадят в тюрьму до дальнейшего выяснения обстоятельств, – он проникновенно заглянул мне в глаза, продолжая давить. О’Коннелл не был зажат в рамки морали, поэтому манипулировал с завидной легкостью, – Ты ведь не хочешь рисковать свободой Люка, правда? Как бы ты не была зла на него, он тебе дорог.

Я потупила взгляд. Осознание, что Дилан прав, медленно забиралось в закрома сознания.

Хлопок. Рядом раздались голоса.

Я посмотрела на дверь, выглядывая из-за Дилана.

Мужчина в белом халате, что помогал спасти Кристин, заметил меня. Надавив на веки, он направился в нашу сторону. Свет от кварцевых ламп, что висели на потолке в металлических корзинах, залег под синеватые мешки под глазами. На лбу врача отблёскивала испарина.

Я отставила кофе на пол и протерла вспотевшие ладони. Мы с Диланом встали на ноги, обернувшись к врачу. Мышцы живота сжались, когда мужчина подошел ближе и произнес:

– Кристин в стабильно-тяжелом состоянии. Мы сделали все что смогли, остальное зависит от нее.

Рядом громко выдохнул Дилан, закрыв лицо руками и отвернувшись от нас. Его нога нервно стучала по полу, а я ошущала, как видимая только мне рана затягивается глубоко-

ко внутри.

– А теперь расскажите все, что произошло, – начал врач и встретил меня препарирующим взглядом, – внутреннее кровотечение и множество ушибов – это не шутки, – практически навис он надо мной.

Дилан незаметно покосился в мою сторону, прислушиваясь.

Все ожидали от меня верного ответа.

Но какой верный?

VII. Глава

Ложь – это игры разума с огнем. Ты никогда не знаешь, как далеко зайдут твои выдумки, попытки оправдаться, пока не окажешься сбитой с толку. Пока ты не запутаешься во лжи, а люди будут наблюдать, как ты давишься словами. Ты говорила себе, что за окном солнце, но выйдя на улицу, попала в центр урагана.

– Я н-не знаю, – прошептала, смотря в глаза мужчины, – не знаю, как объяснить.

– Уж постарайтесь найти нужные слова, ведь то, что происходит с Кристин, не шутки! – Врач ткнул пальцем в свою грудь, и заговорил с большей горячностью, – Я знаю ее с пеленок. Я был в ночь, когда Кристин родилась и все последующие года, когда она росла, рисовала на бинтах в перевязочной или помогала сворачивать повязки в процедурной, делая из них розочки. Я все это помню. Я был здесь каждый

раз, когда она ждала маму с работы и делала уроки, сидя на посту. Я был тут. И подозревал, что когда-нибудь, застану в стенах этой больницы и ее слезы. Но это... – голос мужчины дрогнул, – это все, слишком даже для меня. Да, я буду вытаскивать Кристин из-за грани каждый раз, когда она ее пересечёт, но я обязан знать, что с ней происходит. Я обязан, поэтому будьте добры найти подходящие слова.

Врач уперся в меня грозным взглядом, его глаза покраснели. Он ждал. Его взгляд умолял и одновременно испытывал меня.

И тогда наступил тот момент. Как в детстве, когда я притворялась спящей, чтобы родители унесли на кровать и укрыли одеялом, но что-то шло не так. Пальцы непроизвольно начинали шевелиться или нога еле заметно дрожала, выдавая мое настоящее состояние. Тело словно отторгало и малейшую ложь, всем естественным пытаюсь побороть сознание.

Так происходило сейчас. Я должна была выдержать этот взгляд спокойно, что бы мужчина поверил маске, которую я надела. Поверил испуганной, ничего не осознающей девушке, которая находилась в полнейшем шоке. Но меня выдали жесты и взгляд. Нервная улыбка, сбившийся голос. Я чувствовала все это, а спина покрылась капельками потами. Стало невыносимо жарко.

Давай, Алекс, сыграй на чувствах. Тебе должны верить.

Я опустила растерянный взгляд, зрачки забегали по кафе-

лю.

– Все произошло так быстро... – хлопнула носом, для лучшей убедительности, – эта машина, а потом... так быстро.

– Что именно произошло? Что за машина? Ты увидела, кто за рулем? – посыпались вопросы Врача.

Я качнула головой, заставив мужчину заскрипеть зубами. Он раздражался, но не перестал требовать ответы.

– Почему вы нарушили комендантский час? Почему не вызвали полицию?

Ответа не последовало.

Я вытянулась по струнке, когда образовавшуюся тишину нарушил шум тяжелых шагов.

Прикусила внутреннюю сторону щеки, пока в голове носился безумный голос, твердя, что к нам идут полицейские с собаками. Они уже готовы устроить допрос и вывернуть мою душу наизнанку...

Теплые руки опустились на плечи, прервав поток мыслей. Я вздрогнула, но не успела и оправдаться, как меня завели за спину, скрыв от врача. Взмолвлено подняла глаза, наблюдая с каким подозрением, врач осматривал стоящего перед ним парня.

– Что происходит? – спокойно поинтересовался Люк.

– Ничего особенного. Как лечащий врач, я пытаюсь узнать, что произошло с больным.

– В таком случае, – вежливо начал Люк, – вы можете обратиться к шерифу и узнать все из разрешенных источников.

С нами он уже беседовал.

Я сжала на спине колючий свитер Люка, ведь тот соврал и с нами никто не беседовал. Посмотрела на О'Коннелла, который вел себя вполне спокойно, насколько это позволяла ситуация.

– Но для моего пациента... – продолжил, было, врач, но Люк перебил его:

– Будет лучше, если вы обговорите это с шерифом, а не испуганными школьниками.

Повисла тишина, после которой мужчина натянуто кивнул и скрылся дальше по коридору.

Он оставил нас наедине со своей правдой. Вот только я не знала, защит она Кристин или подвергнет еще большей опасности.

[...]

Она не чувствует своего тела. По крайней мере, это не дает ей ощущать ноющую боль.

Кажется, что Кристин отдыхает и ей снится обычный сон, как это бывает после тяжелого учебного дня. Тебе не снится что-то плохое или хорошее, тебе просто что-то снится. Ты как будто находишься в ожидании чего-то, не осознавая этого.

Плывешь по течению.

Проходит время. Девушка слышит непонятный писк, который нарастает с каждой секундой, возвращая ее в реальность.

Кристин распахивает глаза и глотает воздух, перед тем как попытаться пошевелить пальцами. Перед глазами все плывет, но девушка моргает и в этой темноте различает потолок. Хмурится, поворачивая голову в бок. Она узнает это место, ведь бывала здесь ни раз. Большая часть ее осознанной жизни проходит в стенах этой больницы, где работает мама. Но как Кристин попала сюда сейчас? И сколько сейчас времени?

Ком застревает в горле, когда глаза девушки находят мать. Белокурая женщина спит на стуле, ее лицо выглядит таким спокойным и родным под светом луны. Еле заметные морщинки на лице Дженис выдают ее возраст. Кристин следует взглядом за рукой женщины, что лежит на одеяле рядом с перебинтованным запястьем девушки. Горячая слеза скатывается вниз, пересекая переносицу и щеку, оставляя обжигающий след.

В палате слышится одинокий всхлип.

[...]

– А когда к ней будет можно?

Из динамика прозвучал усталый, но ласковый голос женщины:

– Возможно завтра, часы приема с утра и до половины восьмого вечера. А пока я побуду с ней, поменяюсь сменами, чтобы было удобно.

Спустя пару минут мама Кристин попрощалась со мной, и я выдохнула напряжение.

Утро выдалось пасмурным, это в какой-то степени влия-

ло на мое самочувствие. Обняв колени, я обвела взглядом пустую комнату. Даже лучи солнца отказывались проникать на мою территорию, от чего комната выглядела серой и заброшенной.

Посидела так несколько минут, жалея себя и бесцельно смотря в пол, после чего решила встать с кровати. Переступил с ноги на ногу по холодному полу, и подошла к письменному столу. Возникло странное чувство, словно вещи лежат по-другому, и это напрягает. Отвела взгляд от полки с книгами и блокнотами для рисования в сторону окна.

Не так давно он наблюдал за мной.

Цокнула языком и, тряхнув головой, все-таки подошла к окну, поспешив опустить фиолетовые жалюзи.

Все это напрягало.

Я не могла сидеть дома, зная, что происходит в городе. Зная, что происходит вокруг меня. Не хочу быть эгоцентричной, но в моей голове засело убеждение, что в большей части произошедшего есть львиная доля моей вины. Эта мысль приходила на подсознательном уровне, словно кто-то дергает за веревочки, будоража мою интуицию. И она твердила мне, что дальше станет только хуже.

С кухни послышался женский голос, зовя меня, и я подчинилась.

9:50

– Тебе не кажется, что много случайных смертей? – девушка наклоняется к зеркалу, широко распахнув глаза. На-

носит на ресницы слой туши, – этот парень, потом Сесилия. Я кстати виделась с ней на вечеринке совсем недавно. Кто бы мог подумать, чем все обернется.

Девушка выпрямляется, посмотрев на свое отражение в зеркале.

Совсем рядом слышится приторно-сладкий голос:

– Я думаю, что все это череда нелепых случайностей, – лицо подруги отражается в экране телефона, ведь девушки общаются по видео связи, – не больше, чем совпадение.

– А я не верю в случайности, – небрежно роняет Анна, поправив невидимые складочки на плечах кофты, – Думаю, кто-то разозлился на старшие классы и решил устроить резню. Моя кузина говорила, что у них в Джорджии угрозы еще давно стали мейнстримом, чтобы детки, так сказать, хорошенько испугались, прежде чем во взрослую жизнь вступать. Словно есть что-то страшнее взрослой жизни.

– Да кому нужно так пугать людей?

– Не знаю, может шерифу, чтобы меньше народу по ночам разгуливало. Не зря же комендантский час ввели...

– Он никого не волнует, – недовольно добавляет подруга, но приободряется, – ты готова?

Анна одобрительно кивает, опуская взгляд на экран телефона.

– Тогда встретимся на месте. Люблю тебя.

– И я тебя.

Анна в последний раз улыбается, прежде чем завершить

звонок. Задумчиво смотрит в окно, выходящее прямо к дороге, но из-за того, что ванная комната находится на втором этаже, кроме домов на другой стороне улицы ничего не видно. Поморщив лоб при виде пасмурного неба, Анна все-таки выходит в коридор.

Обводит взглядом комнаты, проверяя, не забыла ли выключить свет на втором этаже, прежде чем спуститься вниз. У девушки патологический страх темноты, поэтому она всегда зажигает по одной лампе в каждой комнате.

Погасив свет и на первом этаже, Анна подходит к входным дверям, на ходу надевая куртку. Она поворачивает дверную ручку, но та не поддается. Дверь заперта.

– Черт, опять заклинило.

Анне ничего не остается, как выйти через черный ход. Девушка морщит нос, уже представляя, как будет перепрыгивать через забор, чтобы выбраться на улицу, но она девушка спортивная, справится. Вдобавок, Кейт очень пунктуальна, и опаздывать к ней навстречу себе дороже.

Анна, шаркая ногами по полу, заворачивает за угол. Чуть ли не носом врезается в грудь человека, отпрыгнув от него. Растерянно осматривает крупного мужчину в черном плаще и в маске птицы.

В голове проносятся мысли.

Он зашел через черный ход?

А может, ждал с самого вечера, ночуя в доме?

Это неважно.

Сейчас он стоит перед ней, медленно наклоняя голову в бок.

Анна пятится назад, и Птица взмахивает рукой, срываясь с места. Хрипит, а у девушки пропадает голос. За секунду Птица оказывается совсем близко, хватаясь за шею. Сжимает двумя руками, нависая.

Страх сковывает все тело. Нехватка воздуха отдается пульсацией в голове. Анна не может кричать, только скулит. Паникует, пытаясь освободиться от рук мужчины, что в два раза больше. Она царапает его руки ногтями, впиваясь в кожу черных перчаток, и со всей силы бьет коленом между ног.

Хватка слабеет. Птица горбится, прохрипев, и накрывает руками больное место.

Анна переступает с ноги на ногу. Черный выход перекрыт Птицей, главную дверь опять заклинило. Единственное, что приходит в ее голову – это бежать в свою комнату. И она бежит.

Птица косится в сторону девушки и через боль срывается за ней. Если бы не маска, то можно было увидеть, как пугающе налились кровью глаза.

Анна уже поднимается по лестнице. Адреналин разжигает кровь, когда девушка слышит, как натужно скрипят ступени под весом мужчины, что бежит за ней. Она пытается быстрее переставлять непослушными от страха ногами, но холодная рука уже обхватывает ногу, резко дергая на себя.

Она вскрикивает. Падает на деревянные ступени, успев

выставить ладони, чтобы не ударится головой. Переворачивается, дергая ногами.

Птица держит крепко, но его хватка слабеет, когда девушка попадает ногой по его горлу. В секундной заминке Птицы она выдергивает ноги.

Вскакивает, игнорируя боль, и бежит к комнате. Громко топает. Ее зрачки расширяются, а ноги ноют, но это несравнимо с той болью, которая разрывает ее сердце от страха.

Анна поднимается на последнюю ступеньку, хромая. Мужчина, перешагивая по две сразу, уже подбегает к девушке. Практически дышит ей в затылок.

Раздается всхлип. Слезы горячими дорожками скатываются по щекам. Она, рыдая, забегает в коридор, всеми фибрами души ощущая ладонь мужчины на своем плече. Скулит, когда Птица опять хватает ее за горло, разворачивая к себе. Корчится от боли, заставив себя держаться на ногах, не смотря на подкашивающиеся колени. Кислорода становится меньше и Анна из последних сил кричит. Дергает руками, в попытке оттолкнуть мужчину, но тот сдавливает горло с новой силой.

На его влажной шее проявляются вздутые жилки, пульсируя.

В его глазах бусинках сияет злоба.

Глаза Анна готовы закрыться, а из рук утекает сила. Девушка дергается в последний раз и перестает сопротивляться.

Птица замечает слабость Анны, но ему нужно больше боли.

Он поднимает девушку за шею в воздух и оборачивается, опуская Анну на край лестницы.

Толчок.

Блондинка поддается и делает шаг назад. Сердце замирает над обрывом, под ее ногой исчезает земля. Анна не может собрать силы, чтобы схватиться за перила или картины, что наблюдают за ее смертью, поэтому падает, ударяясь всем телом. Безвольной куклой катится вниз, остановившись лишь на первом этаже и ударившись головой о кафель. Её руки по инерции заносит в бок, ноги согнуты. По комнате пронесется металлический запах, а рот заполоняет горько-соленая жидкость. Она прикусила язык.

Анна лишается сил. Все тело болит, а горло чешется на столько, что хочется чесать его изнутри. Рвать трахею.

Сверху раздаются размеренные шаги.

Неужели это все?

Нечто темное спускается по ступенькам, подходя к девушке. Птица переворачивает тело девушки на спину, подтолкнув ногой.

Из носа Анны вытекает струйка крови. Её голова раскалывается. Руки невозможно согнуть в локтях.

Птица наклоняет голову на бок, наблюдая. Что-то металлическое отблѣскивает из кармана плаща, когда он медленно оголяет острие.

– П-п... – Анна давится кровью, что уже скопилась в ее глотке, – п-прошу...

Она хрипит в последний раз.

Глаза слезятся, а тело пронзает дикая боль, когда Птица вонзает нож, со звоном пронзая плоть.

9:52

– Плохо, – я стучала ногтями по столу, посмотрев на маму, – но ни одна кость не сломана.

– Это хорошо.

Мы сидели за столом, поглядывая друг на друга. Я чувствовала, как в воздухе витали мамины духи, которые, по всей видимости, она взяла с моего стола.

– А как ты? – мама вновь посмотрела на меня, – не знаешь, что именно произошло с Кристин?

Я напряженно выпрямила спину, наблюдая, как мама поднесла вилку ко рту. Раздался визг.

Резкий визг колес и грохот, словно машина сбивает что-то тяжелое.

Вскочила со стула, испуганно озираясь, пока не нашла источник визга.

– Алекс? – мама обеспокоенно поднялась за мной, без должного внимания отклоняя звонок на телефона.

Это всего лишь телефон. Телефон. Не машина.

Я закрыла глаза, сжав веки пальцами, и смущенно прошептала:

– Все... все произошло так быстро, – раскрыла глаза, –

главное, что Кристин в порядке.

Я сейчас разорву себе лицо. Врать. Это. Ужасно.

– Ладно, – резко произнесла, пока мама обеспокоено смотрела в мою сторону, – я хотела прогуляться.

Она тут же нахмурила выделенные брови, опустив взгляд. Устало проткнула вилкой еду:

– Не хочешь дома сидеть?

– Хотела бы, но Люк с Диланом позвали в гости.

– Конечно, – озабоченно проговорила она, – гости это важно.

Проглотила скопившуюся во рту жидкость, потея. Стыд заставил кончики ушей гореть, и я не смогла скрыть все, что творилось в душе:

– Со мной не все в порядке, но я обещаю, что расскажу тебе. Когда буду готова, – подошла к маме, – Просто доверься мне.

Обняла, аккуратно сжав ее плечи, и оставила поцелуй на теплой щеке.

Мама опустила за стол и начала ковыряться в тарелке с едой, но через пару минут вздохнула, сокрушенно покачав головой:

– А если я посажу тебя под домашний арест?

– Тогда я точно ничего не скажу, – улыбнулась уголками губ.

– Угрозы, – констатировала она, но голос прозвучал прощительно.

– Скорее предупреждение.

10:23

Холодный ветер обдувал лицо. Грязные, пожелтевшие листья шуршали, нарушая тишину города. Меня настораживал тот факт, что улицы действительно были тихими, можно сказать пустыми. Я оглянулась, покрутившись вокруг себя. Никого не было. Странно.

Спустя пару минут я вышла к перекрестку и остановилась, выжидая зеленый свет. До уха донесся шум. Прищурилась, заметив на другой стороне дороги столпотворение.

Сердце пропустило удар. Неужели это происходит опять?

Подняла глаза на светофор, сжав кулак и мысленно отсчитывая оставшиеся секунды.

8 – 7 – 6

Переступила с ноги на ногу.

5 – 4 – 3

Вытерла тыльной стороной ладони рот и сорвалась с места, не дождавшись зеленого света. Поддерживала одной рукой лямку рюкзака, а другой вытащила изо рта пряди волос. Одна нога сменяла другую, и вот я подбежала к людям. Сердце стучало в ушах от неожиданной нагрузки.

Ноги вросли в землю, когда блик металлического фургона труповозки коснулся меня. Этот холодный металлический блеск въелся в мое сознание еще несколько недель назад.

Проглотила скопившуюся во рту жидкость и заметила, как оцепляют территорию вокруг небольшого двухэтажного

дома. Шаркая ногами, я пробралась через толпу. Кто-то ругался мне в ухо. Толкался. Но я вышла вперед, встав у ограждения. Посмотрела по сторонам. Рядом стоял фургон, где в свое время сидели мы с Люком, одна машина скорой помощи и три полицейские.

Все это было знакомым. Люди. Их галдеж. Полиция. Но теперь, во мне что-то изменилось. Я не ощущала того липкого страха, дымкой осевшего в легких, и перехватившего дыхание. Я просто стояла, сжав ладони в кулаки от отвратительного бессилия.

Резкий толчок.

Группа подростков кинулась к дому, что-то крича. Они галдели, тыча пальцем в сторону входа. Я посмотрела туда же.

Шериф вышел на порог, спрятав голову под шляпой, за ним вышел один из офицеров и врачи. Лоб шерифа прорезали морщины, и он обернулся, что-то сказав напарнику.

В дверях показались санитары. Они вынесли черный мешок на носилках и толпа взорвалась. Несокрушимой волной, частью которой стала я, толпа двинулась вперед, но вовремя подоспевший напарник шерифа с другими полицейскими преградили путь. Какофония звуков мешала сосредоточиться, но я смотрела на труп.

Рядом к входу в дом стояла бледная девушка. Она сделала слабые шаги в сторону носилок, но санитары жестами приказали ей отойти. На глаза девушки навернулись слезы, и она

упала на колени, хватаясь пальцами за траву. По улице пронесся громкий крик отчаяния. Боли.

11:54

Я осторожно потянула на себя дверь, остановившись у комнаты Люка. Из приоткрытой створки раздалась голоса. Кто-то спорил.

– Но мотив должен быть. Он есть всегда!

– У маньяков его нет, они убивают ради удовольствия, – раздался голос с хрипотцой, очень похожий на О’Коннелла.

– Тогда должна быть система, по которой он выбирает жертв. Нам нужно выявить последовательность. Лучший способ, это визуализация, смотри, – кто-то прошел совсем рядом с дверью, – Джона нашли во вторник, Сесилию через семь или восемь дней...

– Семь, – глухо отозвался Дилан.

Прислонилась к дверному проему, переступив с ноги на ногу. Половицы скрипнули, выдав мое присутствие. Тут же задержала дыхание, пытаясь не шевелиться. После той ночи, я не разговаривала с парнями и не знаю как вести себя с ними. После всего сказанного. После того, как я узнала про Джона...

– А Кристин сбили через сколько? – раздалось через секунду вместе со скрипом кровати.

В груди тут же болезненно заскреблись когтями, реагируя на имя родного человека. Неужели Кристин не просто оказалась не в том месте, не в то время? Она была целью Птицы

изначально?

Двери резко распахнулись, и я отшатнулась, оказавшись у всех на виду.

– Семь дней, – голос О’Коннелла стал резким, властным, – верно, Алекс?

– Алекс, – выдохнул Люк взволнованно, – я думал ты не придешь.

Поджала губы, попытавшись не реагировать на взгляды парней:

– Ну вот, – переступила порог комнаты, обходя взлохмаченного Дилана, – пришла.

Дилан запустил руку в свои волосы, а вторую положил на бок:

– В таком случае, ты должна была прийти еще час назад. Почему опоздала?

– Тут такое дело, – еле слышно отозвалась я, не веря в то, что произнесу это, – у нас новый труп.

Рассказав парням все, что видела, мне стало легче.

– Ты уверена, что это Птица? – спросил Люк.

– Нет, конечно, но только про него мы знаем.

Дилан сидел на краю кровати, свесив ноги. Он бил кулаком о кулак и задумчиво хмурил брови. Наши взгляды встретились.

– Ты говоришь так, словно после этого должно стать легче, – грубо и отрывисто бросил он.

Я качнула головой:

– Не должно.

Дилан с раздражением ухмыльнулся, отвернувшись от меня, и опять перевел взгляд на свои пальцы. Он выглядел болезненно: круги под глазами, возможно от бессонной ночи, растрепанные черные волосы, на фоне которых кожа казалась еще бледнее, чем обычно. Темная футболка облегла худой торс.

Неужели дело в Кристин. Она заставляет его изрядно помучаться, даже находясь в больнице. Боже. Закатила глаза, пряча лицо в ладонях. О чем я говорю? Она же не виновата в этом.

– Знаете, что я понял? – раздался голос Люка.

Я посмотрела на парня, встретившись взглядом.

– Сесилия умерла через семь дней после Джона, так? – мы кивнули, – но Кристин сбили на шестой день. Я сначала подумал, что связи нет, но когда ты рассказала о теле, – Люк возбужденно прошел по комнате, указав на меня двумя руками, – тогда я понял, что прошло семь дней.

Я обняла колени и удобнее устроилась на кровати чуть дальше Дилана:

– Как это может быть?

– Кристин сбили ночью, когда до седьмого дня оставалось пару часов. Птица отвез ее на дорогу и бросил на обочине. Получается, что, не пересилив себя и не сознавшись, мы бы нашли ее, в лучшем случае, на седьмой день. К этому времени она могла умереть, – воскликнул Люк, и голос его выдал

волнение.

– Но зачем так усложнять? – это Дилан, – Он мог просто убить ее в нужный день, а так, получается, он должен находиться все время рядом, чтобы убедиться, что она умрет в нужный день.

– В этом то и дело, – продолжил Люк, – Его главной задачей было не убить кого-то, а заставить нас признаться. Птица хотел, чтобы мы раскрыли себя, правда, я не понимаю для чего. Ему это ничего не принесло, только если, – парень зачих, поэтому я подняла на него глаза, неожиданно встретившись с ним взглядом, – только если он не рассчитывал, что Алекс расскажет все полиции.

Я чуть не проглотила язык, тут же вперив взгляд на свои пальцы. А ведь правда, первым делом я пыталась побежать к шерифу, лишь бы помочь Кристин. Если бы парни не сознались, я бы сделала это, но они все рассказали. Я могла подставить Люка, но никогда бы этого не сделала, в этом Птица ошибся.

Дилан глухо отзывается:

– Если Птица знает, какая ты трусливая и правильная, то он точно знаком с тобой в жизни.

Я едко улыбнулась Дилану, но внутри все съёжилось от паники. Получается, я могла видеть этого человека в жизни. Убийцу.

– Кто Птица мы сейчас не узнаем, но теперь становится понятно, почему он убил еще кого-то.

– Он нашел другую жертву, – прохрипел Дилан, – Кристин выжила, а ему нужна была смерть на седьмой день.

– Именно! Кристин на седьмой день была уже в больнице, и он не мог закончить дело, – Люк нервно улыбнулся, – мы нашли последовательность. Но зачем такая пунктуальность?

– Этого я не знаю, – прошептала я, не поддерживая радость парня, – но Люк, значит ли это, что через восемь дней, он закончит начатое?

Дилан резко поднял голову и покосился на меня:

– Пускай только попробует. Я. Его. Уничтожу, – четко произнес каждое слово.

От лица Кристин

На мгновение от яркого света фар в глазах темнеет. Я падаю на асфальт, сдирая кожу на руках. По улице раздается визг колес. В моей груди начинается пульсация, сопровождаемая болью в сердце.

Слышу, как дверца машины распахивается и из нее кто-то выходит.

Сильно хмурю брови, ощущая тяжесть во всем теле. Медленно поворачиваю голову в сторону мужчины, что идет ко мне, а я не в силах даже моргнуть.

Сердце ноет, когда изуродованная маска опускается к моему лицу. Под светом фар она кажется настолько изрезанной и пугающей, что складывается ощущение, что маска сшита из кожи разных людей.

Медленно поднимаю дрожащую руку, пытаюсь остановить

этот кошмар, но вызываю этим лишь шепот, пробирающий до костей. Мужчина достает нож.

– Не... – приоткрываю рот, начиная задыхаться, – надо... – чувствую, будто мне заливают кислоту в голову.

Над ухом проносится хрип:

– Надо.

Мои глаза слезятся, а в горле застывает крик, когда мужчина резко вонзает нож в мой живот. В ужасе раскрываю рот.

Мужчина хватая своими пальцами мое лицо и, сильно сжимая щеки, поворачивает его. Заглядывает в мои глаза:

– Ну, давай, позови на помощь. Ты даже не представляешь, как бесишь этим людей, – я пытаюсь отвернуться, глотая воздух, – как же ты бесишь. Ты всегда. Просишь. Помощи.

Мое лицо корчится, и я начинаю скулить.

Мужчина вытаскивает нож, вновь и вновь вонзая его в меня. Боль отдается в каждой клеточке моего тела и что-то ужасно теплое расплывается под спиной. Меня окутывает холод.

Из горла вырывается глухой крик.

Мужчина начинает улыбаться, заглядывая мне в глаза:

– Ты ведь не думала, что судьба приготовила тебе хороший конец?

[...]

Вскочила на кровати, сжав одеяло в пальцах. К спине прилипла ночная рубашка. Я замерла, смотря в стену.

Неужели это был сон?

Откинула одеяло, проверив свое тело: синяки фиолетового оттенка заполняют каждый участок моего тела, особенно на ногах. Царапины, а где-то и слабые порезы зияют на моей коже. Ощувив боль, я опустила обратно на кровать.

Это был сон. *Отчасти.*

От лица Алекс

8:45

Я держала Люка за кисть, проходя в сторону палаты. Позади нас, с опущенным лицом и спрятанными в карманах джинс ладонями, шел Дилан. Пройти незамеченными, конечно, не получилось, слишком много людей оглядывалось на нас.

Мы вышли в знакомый коридор и прошли двоих полицейских, заметив у входа в палату мисс Пекус. Мама Кристин в белом халате разговаривала по телефону, устало потирая свой лоб. Ее белые волосы, такие же, как у дочери, были собраны в пучок.

– Здравствуйте, – поздоровались мы с Люком тихо, остановившись рядом с женщиной.

Посмотрела на Дилана, который правда пытался состроить что-то наподобие улыбки, но был слишком утомлен.

Мисс Пекус накрыла телефон ладонью:

– Ребята, я рада вас видеть, – она одарила нас искренней улыбкой, – вы пока заходите, я скоро приду.

Кивнула в ответ, и подтолкнула Люка к двери.

Мои зрочки тут же забегали по комнате в поисках девушки. И нашли ее. Она лежала на кровати, а услышав скрип двери, оторвала взгляд от потолка, посмотрев в нашу сторону.

Я искренне улыбнулась, выдохнув:

– Кристин.

Подруга тут же скривила лицо от напряжения, уперев руки в матрас. Она попыталась сесть на кровати.

Я подбежала к ней, выставив руки:

– Нет-нет, лежи. Тебе нельзя вставать.

Сглотнула, заметив на подбородке бордовую ссадину

– Как я рада тебя видеть, – прохрипела Кристин, смотря на меня красными глазами, и слабо растянула губы в улыбку.

– А я как рада, — кивнула, шмыгая носом, прежде чем погладить девушку по белым волосам.

За моей спиной раздался голос Люка:

– Приве-ет, – протянул он, а в голосе скрывался оттенок нетерпения, – как ты?

Кристин так округлила глаза, словно только сейчас заметила остальных. Она посмотрела на Люка, но словно увидела кого-то другого. Улыбка ее на мгновение пропала. Кристин прикрыла глаза, тут же возвращая улыбку, словно ничего не произошло.

– Привет, – прошептала подруга, ответив Люку, – вроде хорошо, но...

– Расскажите ей уже, – это Дилан.

В палате повисло молчание. Я сокрушенно опустила лицо, когда Кристин нахмурила брови. Отвернувшись к О'Коннелла, я всем своим видом излучала недовольство и желание треснуть его по голове. Мы могли и потерпеть с этой темой, Кристин нельзя волноваться, черт его дери.

Дилан стоял, облокотившись о дверь, и вызывающе кивнул мне:

– Чем быстрее, тем лучше.

VIII. Глава

– Я... – разбитая губа Кристин дрожала, – да, я толком не помню, что произошло, – она подняла на меня растерянный взгляд, – а вы говорите, что это может повториться? К-как? Он въедет на машине в больницу и будет сигналить в палаты пока не найдет мою? Так? – не без сарказма спросила.

Карие глаза Кристин давно покраснели, а сухие и разбитые в некоторых местах губы растягивались в нервную улыбку. Такой вид подружки откровенно пугал меня. Ей не хватало только вцепиться в волосы и вырвать их клочками от страха. А я не хотела её пугать. Хотела помочь Кристин и сделать все, лишь бы не видеть ее такой забитой.

Но мои слова пугали.

– Мы не знаем, – к горлу подошел ком, но я продолжила. Сжала ладонь Кристин, – честно не знаем, может он больше и не подойдет к тебе. Скорее всего, ты больше не его цель и он не тронет тебя, но пойми, Кристин. Я буду переживать за

тебя в любом случае. Поэтому нам нужно подстраховаться. Это необходимо.

Темные брови Кристин сошлись на переносице:

– Как именно подстраховаться? – тяжело ворочая языком, спросила она.

– Спрятать тебя.

– Что? Как? Неизвестно сколько мне еще лежать в больнице, ясно одно, эти две недели я проведу именно в палате. А вы хотите меня спрятать? – недоумевала Кристин, пытаюсь привстать с кровати. Я тут же аккуратно надавила на её плечи, но получила в ответ укоризненный взгляд. Убрала руки, позволив подруге приподняться на локтях. Она обвела комнату взглядом, и неожиданно её истинное настроение вышло наружу.

– Где меня можно спрятать? В перевязочной или кладовке на первом этаже? Может сразу на пару этажей ниже спуститься. Морг сейчас как никогда актуален... – начала она, но я перебила:

– Кристин!

– Что Кристин? – ее зрачки пробежали по моему лицу, а глаза заблестели, – Ты сама сказала, что меня хотят убить. Что мне нужно спрятаться, но, черт подери, посмотри на меня! Я калека! Самая натуральная калека и я не могу никуда убежать. Не могу и все тут.

Девушка обессиленно выдохнула, плюхнувшись обратно на подушку. Ее лицо тут же скривилось, словно тело пронзил

разряд неконтролируемой боли. Пальцами сжала края одежды, выпустив мою руку, а я лишь растерянно подняла ее к лицу, не зная, чем могу помочь. Повернулась к двери, кусая ногти, и посмотрела на Люка.

Парень стоял у стены, сложив руки на груди, и смотрел в одну точку над моей головой. Задумался. Скорее всего, пытался придумать новый план, ведь мы не брали в расчет две недели в больнице. Да мы вообще много чего не брали.

– Люк, – позвала я шепотом.

Он поднял на меня извиняющийся взгляд и, поджав губы, отрицательно кивнул. У него не было идей.

Уронила голову, а горло сдавила безнадежность и паника, но я проглотила их. Кристин ни в коем случае не должна видеть такой настрой. Хоть кто-то из нас должен оставаться на позитиве.

Неожиданно заговорил Дилан:

– Ты можешь ходить? – в голосе его сквозил холодный расчет, если бы я не знала о его наплевательском отношении к Кристин, то подумала бы, что он постарался и придумал план спасения.

– Я не пробовала, – Кристин раскрыла глаза и встретилась с требовательным взглядом Дилана. Проглотила ком в горле, – не пробовала, но постараюсь.

– Прекрасно, – заключил О’Коннелл, – значит, мы устроим побег.

– Что?

– Какой побег? – Люк прыснул, не веря своим ушам, – Куда ты с ней убежишь? Вы даже если сейчас начнете, то через неделю на первом этаже и окажетесь. Посмотри на Кристин и реально оцени наши возможности, – начал, но Дилан недовольно прервал его:

– Это лучше чем сидеть и ждать смерти. Птица может оказаться кем угодно, даже лечащим врачом и ему ничего не будет стоить вколоть ей смертельную дозу чего-нибудь. Мы должны сделать хоть что-то и, если ты не поможешь мне устроить побег, то я приму меры. Если придется пойти к шерифу и рассказать все про ту ночь, то сделаю это! Все, лишь бы избежать очередной смерти, – уверенно сказал Дилан.

– Как мы это сделаем? – спросила я.

Дилан посмотрел на меня, но его взгляд скользнул на кровать Кристин. В его взгляде мелькнуло что-то уязвленное, словно О’Коннелл страдал, но через секунду он опять принял невозмутимый вид. Оттолкнулся от стены, отводя глаза, и задумчиво протянул:

– Нужно думать проще, мы просто уйдем.

Дверь за ним хлопнула, заставив всех отмереть. Я растерянно посмотрела на Люка, но и тот направился к двери. Прежде чем выйти улыбнулся за мою спину и закрыл за собой дверь.

Развернулась к Кристин, разведя руки в стороны. Блондинка на этот лишь слабо растянула губы и эта улыбка затмила само солнце, что заструилось в полупустую палату из

не зашторенного окна.

– Дилан так смотрел на тебя, – прошептала, тут же готовясь дать себе по лбу, ведь улыбка Кристин резко пропала. Она отвернулась к окну, замолчав на какое-то время. Я пересела на другую сторону кровати и смотрела бледное и болезненное лицо Кристин. Мне даже не хотелось смеяться с ее темных бровей, которые стали на оттенок темнее.

– Кристин, – вздохнула, – не думай о плохом, мы найдем способ вытащить тебя. Я найду. Даже если придется бежать из больницы, – сжала челюсть, когда тело подруги напряглось. Она опять пыталась подняться. Все провода, воткнутые в её руки, потянулись за ней.

– Не нужно, – аккуратно надавила на плечи Кристин, – сохрани силы, они тебе еще понадобятся.

– Я хотела обнять, – прошептала, все-таки опустившись обратно на подушку.

– Я тоже, – глаза заполонили слезы, когда я наклонилась, аккуратно обняв подругу. Вдохнула запах чистого белья с примесью таблеток, – тебе нужно отдыхать, хорошо?

– Хорошо, – она кивнула, прикрыв глаза.

– Хорошо, – так же кивнула и поднялась с кровати.

По комнате пронёсся скрип, за которым последовали мои шаги. Кристин нужен отдых, но пока она истязала себя плохими мыслями, ее тело не могла оправиться после аварии. Ей было необходимо думать о хорошем.

Остановилась в дверях, развернувшись к койке:

– Дилан внес тебя на руках в больницу. Таким напуганным я его еще никогда не видела.

Ни один мускул на лице Кристин не дрогнул, она лежала с закрытыми глазами. Но я чувствовала, что Кристин слышит меня.

– Он волнуется за тебя, – прошептала и вышла в коридор.
14:28

Атмосфера в комнате накалялась. Ладони привычно потели, и я вытирала их о ткань джинс. Терла бедра, не заметив, насколько напряглись мои мышцы, пока мы общались на такую тему.

– Опасно рассказывать кому-то о плане, ведь Птица может все пронюхать. Он может быть кем угодно, потому необходимо молчать. Кроме нас троих, о плане никто не должен знать, – заявил Дилан и вперил в меня предупреждающий взгляд.

Развела руками, недовольно спросив:

– Ты думаешь, что я побегу кричать об этом на каждом углу?

Дилан молча кивнул. Я, с неожиданной для себя горячностью, встала с кровати, грозно посмотрев на О’Коннелла, но не успела ничего сказать.

– Нет, – начал Люк, встав между нами, – Дилан боится, что ты расскажешь все мисс Пекус.

Выгнула от удивления бровь. Глаза метались от Дилана к Люку. Они серьезно думают, что я провалю единственный

план, который у нас есть, только потому, что меня гложет совесть? Даже если с мамой Кристин нас и связывают теплые отношения, я не стану рисковать. Останавливаю взгляд на Люке, негодуяще раскрыв рот:

– Не говори, что ты думаешь так же.

– Не думаю, – вкрадчиво ответил он и шагнул ко мне, – но ты сейчас уязвима и можешь, сама того не желая, сболтнуть лишнего.

Люк остановился напротив, но не решился коснуться меня.

После той ночи, наши отношения изменились. Люк соврал. Он не доверился мне, когда это было необходимо, а наши отношения не должны строиться на лжи. Как бы меня не злило поведение Люка, он был хорошим другом. Не выдал Дилана, приехал помочь, сознался мне в итоге. И я больше не злилась. То была минутная вспышка гнева или страха. Страх за дальнейшую судьбу Люка и его отца, да даже Дилана. Все они находились в опасности.

– Я никому не скажу, – заверила я, – главное скажите, что это получится. Что весь этот бред с исчезновением сработает и никого из вас не посадят за похищение.

– Алекс, – позвал Люк. Тяжелые руки опустились на мои плечи, притянув ближе, и я уткнулась носом в его грудь. Он осторожно погладил меня по спине, еле слышно бормоча, – просто скажи, что не хочешь носить мне свитера и сладости.

– Люк! – взорвалась, толкнув парня в грудь, но он не от-

пустил, лишь сильнее прижав к себе. Его грудь затряслась, но не от напряжения, как моя, а от смеха. Я промычала, – это не смешно.

– Я знаю, прости...

Качнула головой, прикрыв глаза. В голове всплыл образ разбитой Кристин, в луже крови. Мое лицо скорчилось, и голос неожиданно сломался. По комнате пронесся первый всхлип. Судорожно вдохнула ртом воздух.

– Прости, Алекс. У нас все получится. Иначе и быть не может, только контролируй себя и не плачь, – шептали рядом, наглаживая мою спину. Его голос действовал успокаивающе. С каждой минутой тело расслаблялось, и я спокойно задышала, наслаждаясь теплыми объятиями.

Рядом раздался едкий голос Дилана:

– Может, и меня так успокоите?

12:05

Прошло два дня. Долгих сорок восемь часов. До нашего побега оставалось примерно столько же, и это изматывало меня.

Я шла по школьному коридору, опустив голову, и боковым зрением наблюдала за поведением людей. Их взгляды. Он пробирали до костей. Возникало такое ощущение, что каждый ученик знал, в чем я замешана. В чем *мы* замешаны. Все словно играли в игру, правила которой я не знала. Я бегала мышкой из угла в угол, загнанная котом в темный угол.

Проглотила сухость во рту, когда над головой прозвенел

звонок на урок. Зайдя в наполненный школьниками класс, я извинилась за опоздание и прошла к своей парте. По пути заметила Еву и сидящего рядом темноволосого парня. Интересно, он сел рядом с девушкой, потому что в первый учебный день принес Еве воды с успокоительным? Он чувствовал ответственность? Не знаю, но в любом случае сейчас его голова была занята другим. Марк смотрел на меня с интересом, но все-таки опустил взгляд. Он уже подходил несколько раз, чтобы узнать о самочувствии Кристин, но я ничего дельного не сказала.

Сосредоточилась на Еве, что расположилась сбоку от моей парты, внимательно следя за мной. Я опустила на стул, быстрыми движениями достав нужные тетради, но спину стало жечь, словно ее буравило несколько десятков взглядов.

– Алекс, – мягкий голос позвал меня.

Облизала губы, мельком обернувшись к Еве:

– Привет, – поздоровалась, тут же отвернувшись, чтобы уделить внимание преподавателю, но Ева продолжила шептаться.

– Ты не считаешь меня странной, если я тебе кое-что расскажу?

– Нет, но это может подождать? – ответила, не отводя взгляда от доски, на которой уже вырисовывали корни какого-то растения.

– Я недавно была на месте, где нашли Джона. И я кое-что видела.

Замерла с тетрадкой в руках. Воздух словно вышибли из легких, когда я повернулась на стуле к девушке, внимательно посмотрев на нее.

– Что... – прохрипела, откашлявшись, – что ты видела?

– Ева Сандерс, вас вызывает директор! – громкий голос миссис Уитмор заставил меня вздрогнуть, от чего тетрадь выпала на пол.

Я тут же потянулась за тетрадью и, из-за нависающих на лицо волос, как из-за шторы, наблюдала, как Ева складывала учебники в рюкзак. Постоянно оглядываясь, Ева вышла из кабинета, оставив меня в безмолвной панике.

16:57

– И потом она как будто растворилась, понимаешь? Я везде ее искала, но Ева сквозь землю провалилась.

Ходила из угла в угол, измеряя шагами комнату. Меня распирало от эмоций и я вываливала этот шквал на Люка.

– Она не знает, с кем еще может поделиться своими чувствами, Алекс. Поэтому и ходит к Джону, он ведь нигде не похоронен, а лес единственное место, где он точно был. Если бы где-то там опять лежало его тело, то Ева сообщила бы это давно. И не тебе, а сразу шерифу.

Перед глазами мелькнула картинка изувеченного Джона. С силой прикусила губу, кожа которой порвалась, заставив меня вскрикнуть.

Скрип кровати. Люк шел ко мне.

Моя дрожащая ладонь коснулась больного места, после

чего я посмотрела на красный отпечаток, оставшийся на пальце.

– Котик, – прошептал Люк, осторожно подняв мою голову за подбородок двумя пальцами. Подставил лицо свету механической лампы. Сжал челюсть, разглядев мою треснувшую губу, – ну что ты так неаккуратно.

Он отпустил мое лицо и, смотря в глаза, аккуратно вытер каплю крови. Я поморщилась, но сдержала шипение. Люк расценил это правильно, тут же убрал руку.

– Прости меня, – виновато опустил глаза.

– Мне не так уж и больно, не извиняйся.

– Не за это. Точнее и за это тоже, но в основном за то, что я такой придурок. Я не имел права врать тебе и мне больно при одной мысли, что ты узнала правду *так*, – скривился, когда я коснулась его щеки. Глаза парня заслезились, – я помню, как ты тогда посмотрела на меня. Как на чудовище. Мне никогда не было так больно. Я никогда так не боялся...

– Чего?

– Боялся потерять тебя, Алекс, – он выдохнул теплый воздух мне в лицо, и слеза все-таки скатилась по его щеке, – Ты для меня очень многое значишь, и я так боялся. Прости меня, пожалуйста, прости.

Потянулась к Люку, погладив влажную от слез щеку. Шмыгнула носом и поняла, что сама давно плачу. Чтобы Люк не натворил, я не готова его терять, и эти чувства, они воспаляют сердце, заставляют жить. Проживать каждый

день от начала и до конца. Если бы не Люк, я бы рыдала каждый день, из-за плохих оценок, ссор с мамой, потери отца, но нет, я справилась, и все благодаря этому родному человеку с кудряшками на голове.

– Спасибо, – шепнула, прежде чем аккуратно чмокнуть в губы. Люк замер, посмотрев в мои глаза, и резко наклонился ближе. Его губы коснулись моих.

Набрала больше воздуха в легкие через нос. Люк потянулся к губам, когда я отступила назад, чтобы стать на шаг ближе к кровати. Он следовал за мной, не рассоединяя губы. Дыхание участилось. Люк обхватил мое тело, прижав к своему. Продолжил покрывать поцелуями.

– Люк... – я раскрыла рот, закинув голову и давая больше пространства. Люк придержал её рукой.

Аккуратно опустил на кровать и навис надо мной, позволив заглянуть в его глаза. Мои щеки вспыхнули, горя, и я ничего не могла с этим поделать. Я желал, чтобы парень не останавливался. И он не остановился.

22:09

Приятная тяжесть сковала тело. Небывалое счастье и спокойствие текли по венам. Да, впервые я не волновалась и не тряслась от страха, а просто нежилась в теплой кроватке со своим парнем, наслаждаясь моментом.

Вытянула руку, попытавшись нащупать спину Люка, но схватила пустоту.

Тут же разлепила слипшиеся глаза. Моргнула. Вокруг

темнота. Лишь луна освещала белым светом клочок моей комнаты.

Приподнялась на локтях и потянулась к выключателю. Комната озарилась светом, я бросила взгляд на часы. Уже ночь.

Черт. Так поздно?

Села на кровати, протерев глаза. Комната значительно опустела, когда Люк ушел.

Видимо он сделал это, когда я уснула. Но почему? Ему что-то не понравилось? Он ушел и даже не попрощался. А может он побоялся встретиться с моей мамой и собрался раньше, чем она вернулась с работы. Как бы ни было, но он должен был предупредить.

Проверила телефон, щурясь от яркого света, но новых сообщений не было.

За стеной раздался приглушенный смех. Замерла, сжав телефон. Поджала губы, потрепав небрежно лежавшие волосы, и поднялась с кровати.

Аккуратно приоткрыла двери, выглянув в коридор. Весь дом погряз в темноте, за исключением кухни, свет от которой падал в прихожую.

Раздался очередной смех и на этот раз, кто-то подхватил его. Вот сейчас мне совсем не весело. Мама не звала гостей в дом со смерти папа, она всегда встречалась с ними в кафе или ресторанах. Но кто смеялся сейчас на кухне в такой поздний час?

Поднесла пальцы ко рту, начиная грызть ногти, и тихими шажками пробралась к кухне, выглянув. Мама с пучком на голове приглушенно засмеялась, прикрыв рот ладонью. Напротив нее кто-то сидел. Я не успела рассмотреть мужчину, как мое присутствие тут же заметили.

– Алекс, ты проснулась? – голос мамы был обеспокоенным, и улыбка пропала с лица. Она вышла из-за стола. По комнате раздался скрип от ножек стула и сидевший ко мне спиной мужчина обернулся.

Сердце ушло в пятки, ведь я узнала в нем Люка. Глаза расширились, и я даже приоткрыла рот от изумления, ведь это их первое знакомство и оно проходило без меня.

– Ты должна отдыхать после такого, – заявила мама, подойдя ближе и закрыв собой Люка. Я недоуменно моргнула, неожиданно покраснев. После чего я должна отдыхать? Мама спросила, – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

Она подняла ладонь, измерив температуру, после чего коснулась лба губами:

– Вроде холодная, – заключила, все-таки отпустив меня, а я нервно улыбнулась, не понимая:

– Со мной все в порядке. После чего я должна отдыхать?

– Ну как, – мама села за стол, – Люк мне все рассказал.

Рассудок окончательно собрал свои вещи и махнул мне ручкой, отчалив. Лицо запылало.

– Ч-что рассказал? – пропищала я.

– Не смущайся, как все было, так и я рассказал – хитро улыбнулся Люк, заметив мою нервозность. Я была готова провалиться под землю, уши горели, – тебе в школе стало плохо, и я довез тебя до дома. Не спускал глаз, чтобы лично передать твоей маме.

– Ах, – кивнула я, с широко раскрытым ртом, – ну да, мне стало плохо, но сейчас все гораздо лучше. Нужно было просто *отлежаться*.

Выделила последнее слово, бросив наигранно гневный взгляд на Люка. Он спокойно пил чай, и не подавился ведь.

8:12

Машина размеренно двигалась по трассе.

– Весь вечер. Весь долбаный вечер я ломал голову, и ничего, – Дилан нервно провел языком по губам, – никакого сходства, не считая того, что все убитые были девушками.

Взъерошил волосы и, поставив руки в бока, опустил голову. Спустя время он нервно улыбнулся, обратившись к Люку:

– Зато, нам ничего не грозит.

– Птица, просто боится не справиться с такими сильными парнями, как мы, – с улыбкой отозвался Люк.

Он вскинул руку, как бы спрашивая, почему я смеюсь, но я лишь отвернулась к окну, рассматривая пейзаж за окном. Веселье оказалось разовой акцией, и суровая реальность уже напомнила о себе. То, что Птица не нападал на парней, не означало, что такого не будет в дальнейшем. Все бывало в первый раз.

Прикрыла глаза, лоя на лице солнечные лучи. На улице светло, но все также прохладно.

– Алекс, что там, на счет Евы? – спустя пять минут тишины поинтересовался Люк.

– Ничего, я планирую сегодня с ней поговорить, а что?

Дилан неожиданно оживился:

– А причем тут Ева?

– Ну-у – тяну, укоризненно посмотрев на своего парня, который должен был сам все рассказать. Тот развел рукой, одними губами прошептал «забыл», и я вернулась к О’Коннеллу, – она вчера хотела рассказать мне кое-что, но не успела.

– Что рассказать?

– Что-то про Джона и её недавнюю прогулку по лесу, но Ева пропала после того, как её вызвали к директору.

Дилан нахмурился. Спустя пару минут размышлений он откинулся обратно на спинку кресла, начав:

– Я видел ее вчера. Ева была серьезно расстроена и шла в сторону выхода. Это было на первом уроке, я еще подумал, почему она прогуливает, а я иду на чертову учебу?

– Ну конечно, что ты еще мог подумать, – вздохнула я, когда машина Люка заехала в ворота школы.

12:43

Вышла из столовой, поправив сумку, и опять огляделась. Куда могла запропасться девушка с ярко рыжими волосами? Неужели она не должна выделяться из толпы?

– Алекс, Алекс! Подожди...

Подняла голову, остановившись посреди опустевшего коридора. Ко мне бежала девушка с завитыми кудрями и активно махала рукой.

– Привет, Эмили, – выдавила из себя улыбку, когда она остановилась напротив, – ты чего так спешишь?

– Я хотела позвать тебя на вечеринку. Завтра в шесть, в моем доме.

– Даже не знаю Эми...

– Не переживай, я позвала всех, поэтому ты найдешь с кем пообщаться. А еще лучше приводи с собой кого-нибудь, – девушка понизила голос, – к примеру, Дилана.

– Эм... Боюсь, что не смогу прийти, но, – запнулась, заметив черную макушку Дилана. О'Коннелл замедлил шаг, но увидев Эмили ускорился, проходя мимо.

– И вот так постоянно, – сокрушенно произнесла она, когда Дилан скрылся в столовой, – он не отвечает на звонки и избегает меня уже шестой день.

Поджала губы, чтобы скрыть довольную улыбку:

– Прости, Эмили, но боюсь, ничем не могу помочь.

Девушка грустно кивнула и собралась уходить, но я вдруг схватила её за запястье.

– Ты сказала, на вечеринке будут все?

– Ну да, все, – она пожалала плечами, словно это само собой разумеющиеся.

– А Ева Сандерс придет?

– Я же сказала, будут все, – отчеканила девушка, опасливо вырвав запястье из моей ладони.

– Ох, прости. Я тут вспомнила, что завтра свободна и смогу прийти.

Эмили с долей сомнения посмотрела в мои глаза:

– Ну... чудесно.

От лица Дилана

17:04

Сжал в руках пакет и на негнущихся ногах завернул в коридор. В груди теплилась надежда, что никто не обратит на меня внимание. Я должен пройти незаметно, чтобы план прошел как можно успешнее.

Усмехнулся, когда два полицейских, что подперли собой автомат с кофе, обратили на меня внимание. Посмотрели исподлобья, наблюдая. Я ускорил шаг, собираясь завернуть за угол, но из-за него вышел мужчина. Он врезался в меня, всплеснув руками. Теплая жидкость окутала руки.

– Черт! – я прикусил язык, осмотрев влажное пятно на бумажном пакете, который я выставил перед собой при толчке.

– Простите... я не специально, простите...

Бросил взгляд на полицейских. Они распрямили спины, наблюдая за нами с большим интересом.

Нельзя привлекать внимание, черт.

– Все нормально, – отрезал я, даже не посмотрев в лицо мужчины.

Завернул за угол, поджав к себе пакет. Быстрыми шагами

направился в сторону палаты, но сморщился, ведь пакет лип к руке. Практически подбежал к двери и закрыл ее за собой, заставив Кристин вскочить на кровати.

– Дилан? – мягкий голос разнесся по комнате, и я выдохнул, отойдя от дверей.

Опустил глаза на пакет, вновь вспыхивая:

– Черт, этот мужик вылил что-то, – встряхнул рукой и высыпал все содержимое пакета на пол, – черт, – поднес влажную ладонь к лицу, понюхав.

– Что это? – Кристин аккуратно отпустила одну ногу с кровати и замерла.

– Кофе. По крайней мере, воняет им.

– Я не про это, – перевел взгляд на Кристин, задержав дыхание. Её белые волосы струились, волнами спадая на плечи. На губе виднелась алая ссадина, как и на лбу. Тонкие ноги выглядывали из-под больничной майки и я проглотил вставший в горле ком. Кристин указала куда-то пальчиком и я заставил себя отвернуться.

– Да что ж такое! – откинул пакет и наклонился, подняв с пола грязный и влажный свитер. Осмотрел остальные вещи. Вроде сухие.

– Здесь есть раковина, – робко произнесла Кристин.

– Ты хочешь вещи постирать?

– Не-ет, – она легонько улыбнулась, встретив мой взгляд, – помой руки.

Голос Кристин звучал иначе, будто нотки радости про-

скальзывали в нем, но я не был уверен.

Заметил, как девушка спустилась с кровати, морщась, когда отсоединила от своих рук провода и достала воткнутую в запястье иглу.

– План немного изменился, – предупредил, domыв руки, и развернулся к Кристин. Она стояла в паре метрах от меня. Разглядывала вещи, что валялись на полу. А я разглядывал ее.

На ногах, которые закрывала больничная майка лишь до колена, можно было разглядеть фиолетовые синяки и маленькие ссадины. На руках и подбородке то же самое. Карие глаза, словно стали темнее на фоне бледной кожи. Взгляды встретились.

– Чего?

Качнул головой, опустив глаза в пол. Зрачки нервно забегали по кафелю. Как я мог разглядывать ее лицо и не заметить, что Кристин смотрела на меня?

– Мне нужно надеть этот свитер?

– Да. Нет, черт, – протер глаза, и прикрыл рот руками. Свитер, который Кристин должна была надеть слишком липкий и мокрый. Она точно в нем замерзнет на улице.

– Тогда, что мне надеть, – блондинка сжала кулачки, когда я не ответил, – Дилан?!

– Сейчас решим, – повысил голос, судорожно перебирая в голове варианты, где достать новый свитер, но ответ пришел в голову неожиданно. Я тут же посмотрел на Кристин, а она

лишь сжалась под моим взглядом:

– Знаешь, – совсем не кстати начала она, – ко мне как-то раз туалетная бумага прилипла, – я медленными шагами подошел к ней, а она старательно продолжала отвлекать себя, – и я шла по коридору с туалетной бумагой, которая пристала к моим каблукам, поэтому... хм, я не удивлена, что свитер промок.

Остановившись в шаге от Кристин, я вновь осознал, какая она маленькая, особенно без своих вечных каблуков. Одним движением снял с себя черную кофту. Краем глаз заметив, как Кристин тяжело проглотила жидкость во рту.

– Надевай ее, – протянул теплую кофту и встретился с растерянным взглядом Кристин.

– А ты не замерзнешь в одной футболке?

– А ты в одном бюстгальтере? Или... – замолкнул, ухмыльнувшись, – Или ты без него?

Кристин стремительно вырывала кофту из моих рук. Сморщила лицо, сжав словно от резкой боли пальцы, и отвернулась от меня.

– Эй, – позвал, но не решился коснуться её плеча, одернув себя, – как твое самочувствие?

Кристин что-то промычала, а я заставил себя оставаться холодным, безразличным. Это давалось тяжело. Она обернулась, осмотрев пол, и я помог поднять остальные вещи, но замер:

– Мне нельзя выйти из палаты.

– Почему?

Поджал губы:

– Потому что я уже достаточно привлек внимания, пока шел к тебе.

Замолкнул, пытаюсь придумать, как же поступить. Осмотрелся, но в голову ничего не пришло. Спустя секунды молчания меня подтолкнули в грудь. Я опустил взгляд на маленькие ладони Кристин, а она прохрипела, продолжая подталкивать:

– Отвернись, Дилан. И желательно сядь за кроватью, – подтолкнула меня в угол комнаты, – и смотри в стену.

Я подошел к краю кровати и опустился на пол. Смотрел в голубую стену перед собой, на которую падали лучи солнца, и нервно перебирал пальцами.

Кристин топталась на месте, тяжело вздохнув.

Поднес руку к лицу, прикусив кулак. Все тело напряглось, когда на стене мелькнула тень. Кристин встала напротив окна, медленно выпутываясь из больничной рубашки. Я слышал, как ткань скользит по ее коже. Сжал губы, ведь хорошо мог представить то, как она сейчас выглядела. Тень падала на стену, темной вуалью очерчивая изгибы тела. Кристин взмахнула волосами, скользнув пальцами по талии, и я с силой сжал челюсть. Отвернулся, уткнувшись в свои руки.

– А где Алекса? – произнесла она и, от неожиданности, я вздрогнул.

– Она с Люком на вечеринке, – ударил кулаком о кулак, –

мы встретимся с ними на месте.

– Что ты будешь делать, если Птица не появится?

– Я не знаю.

– А если появится?

Кристин тяжело задышала. Захрипела, пытаюсь преодолеть боль и натянуть на себя оставшиеся вещи.

– Я не знаю, – выдохнул, признаваясь.

– Хорош... щ-щ, – она запнулась, зашипев, – хороший план. Я все.

IX

. Глава

18:03

Как и обещалось, стены дома гудели под напором толпы, что пришла как следует оторваться. Громкая музыка била по ушам. Заряженный, горячий воздух облипал тело сладкой ватой. Старшеклассники бились в конвульсиях, выплясывая странные танцы. Задирали руки к потолку и прыгали, качали головой в бит, вываливали языки. Вдоль стен в основном топтались на месте, цепко обхватив красные стаканы.

– Алекс, – прорвался через музыку Люк, сжав мою ладонь, – ты найди Еву, а я наберу Дилана.

Кивнула, морщась от битов, и пошла вглубь дома. Я пыталась пробраться в ближайшую комнату. Свет от нее желтым пятном мазал стену и освещал мелькавшие лица. Места было мало. Я проталкивалась через людей, пока какой-то парень

не выскочил из толпы, перехватив мое запястье. Кожа обжигала. Ладонь была влажной. На его лице сверкнула улыбка, но глаза были мутны. Он дернул меня на себя, прокрутив в незамысловатом движении, и также неожиданно исчез в толпе. Немного опешив, я прижала к себе руки, и все-таки пробралась в комнату. Странное ощущение свободы запылало в груди. Так же, как пылала кожа того парня.

Мне определенно нравилась эта атмосфера. Веселье, пьяные подкаты и простота. Да. Никаких убийств, маньяков или опустошения. В жизни, которой живут эти подростки и в которой жила я, плохое самочувствие возникало только на утро. Сейчас же – ежедневно.

Просторная кухня с нейтральными обоями и коричневым гарнитуром. Посередине стоял небольшой островок, захламленный пустыми коробками из-под пиццы и смятыми стаканчикам. Небольшой блик на окне привлек мое внимание, но разглядев за окном нарастающую тьму, я нервно отвернулась. Мне показалось, что я видела знакомые очертания длинного клюва, но бросив на окно более осознанный взгляд, ничего не заметила. Передернула плечами, оглянувшись. В самой кухне было не так много людей и среди них не было Евы. В гостиной, на которую открывался хороший вид, девушки также не было видно. Я уповала на примечательные рыжие волосы Еву, но даже когда я поднялась на второй этаж, их все равно не было видно. Но две другие фигуры привлекли мое внимание. Одна стояла у входа в дом,

подпирая стену, а вторая только приближалась. Я невольно прикусила губу, нависнув на перилах.

Люк улыбнулся дежурной улыбкой, отреагировав на появление Эмили. Она подошла ближе, что-то говоря. Немного покачиваясь, Эмили неожиданно запнулась о свою ногу и оказалась в объятиях моего парня. Засмеялась, сжав его плечо и не выронив пластиковый стаканчик. Люк поджал губы, поставив ее на ноги, но Эмили лишь продолжала сокращать расстояние.

От лица Кристин

18:07

Потерла перебинтованное запястье, продолжив переставлять ноги. Голова опущена как можно ниже. Не могу объяснить это словами, но ощущала себя неуютно в данной ситуации. Больше всего меня пугала возможная реакция мамы. Будучи довольно строгой к себе и сильной, мое исчезновение, пускай на одни сутки, могло сломить её. Но меня возможно хотят убить и оставаться в больнице нельзя. Расскажи я все маме, и она не отойдет от меня ни на шаг, закроет собой, если понадобится. Тогда жертв может стать куда больше. Лучше пострадаю я, чем она.

В кармане что-то зажужжало, заставив тут же нащупать телефон. Он зазвенел, и я вытащила его, опустив взгляд на экран:

- Да... – проглотила сухость во рту, ответив, – Дилан?
- Где ты? – его тон ровный.

– Еще иду, прости, что так медленно, но...

– Я спрашиваю, где ты? Конкретно.

– На дороге, Дилан. Я, правда, стараюсь идти быстрее, но, – я теряюсь, поглядывая на свои ноги, что изнывали от собственного веса, – я стараюсь...

– Стой на месте, я сейчас подъеду.

– Что? – нахмурилась, – а разве план не состоял в том, чтобы я самостоятельно дошла до места? – прикусила нижнюю губу, посмотрев на небо, – не уверена, что прошла район с камерами, если ты подъедешь, то полиция узнает, кто помог мне сбежать.

– Просто стой там, – бросил трубку, а я вздохнула, прижав к уху телефон. Слушала гудки.

От лица Люка

18:05

– Я знаю, что надоела ему, – икнула мили, и потянула губы к стакану.

– Дилану тяжело.

Эмили отпила содержимое, после чего вытерла рот ладонью. Посмотрела по сторонам, что-то сказав про громкую музыку, но я перебил, перейдя к единственной интересующей меня теме:

– Ты случаем не знаешь где Ева?

– Какая?

– Которая была девушкой Джона Ханта.

– А-а, Ева Сандерс, – кивнула так, что я испугался за её

голову. Она посмотрела на толпу и громко закричала, – ЕВА САНДЕРС! ТЫ ТУТ?

Входные двери, у которых мы стояли, открылись, впустив свежий воздух. Эмили оглянулась, пошатнувшись. Её рука вновь взлетела выше головы и остатки содержимого стакана выплеснулись на только что вошедших в дом людей. Они переглянулись, что-то сказав под нос, но прошли дальше, кинув сначала на Эмили, затем на меня пренебрежительный взгляд.

– Кажется, ее здесь нет, – с досадой произнесла Эмили, надув губы, и развела руками.

– Но ты сказала Алекс, что Ева придет.

Эмили спрятала взгляд, больше не улыбаясь:

– Да. Сказала. Я хотела, чтобы Алекс пришла на вечеринку. Она должна была привести Дилана с собой.

– А Ева здесь причем? – спросил, на что Эмили накрыла лицо руками, – погоди, – догадался я, – ты приманила Алекс тем, что будет Ева, но не знала наверняка? Ты хоть звала её?

Эмили качнула головой, как вдруг развернулась под напором чьей-то руки.

– Эмили, – обманчиво улыбнулась Алекс, держа Эмили за плечо и отодвинув от меня, – ты не знаешь где Ева?

Не раздумывая накрыл ладонь Алекс, и повернулся к выходу. Она что-то сказала, возмущаясь, но я раскрыл двери и ветер ударил по ушам. Поэтому я не услышал, просто желая скорее оказаться на улице. У нас есть дела намного важнее.

– Стойте! – вдруг повысила голос Эмили, подбежав к нам.

Сжал челюсть, остановившись, и все же повернулся к Эмили, наблюдая как её пальцы дрожат.

– Если вам так нужна Ева, то позвоните ей. Я дам номер.

– Ее здесь нет? – Алекс больше не сопротивлялась, но продолжила хмуриться, – ты же сказала мне, что она придет. Зачем?

Эмили отвела взгляд, сдавив в руке красный стакан:

– Просто, – немного погодя ответила она, – не говорите Дилану, и запишите номер Евы.

От лица Дилана

18:15

– Люк, – выехал на дорогу, крепче сжав руль, – зайдите к Алекс и захватите какую-нибудь девчачью одежду.

– А что произошло с одеждой для Кристин? – сразу понял он, но я отмахнулся, продолжив:

– Ничего криминального. Просто захватите, а я поехал за Кристин.

– Чувак, все идет по плану?

– Фактически.

Бросил трубку и откинул телефон на заднее сидение. Конечно же, все шло по плану. Кроме того, что не шло по плану. Допустим медлительность блондинки или камеры на стоянках. Намокшая одежда, копы в больнице. Все это не шло по плану.

На горизонте появилась девушка, лицо которой закрыва-

ли волнистые пряди..

Притормозил рядом и потянулся открыть дверь.

– Спасибо, – Кристин села на сидение и накрыла перебинтованной ладонь ручку двери, скорчившись.

Цокнул языком и опять потянулся к двери, захлопнув дверь. Кристин задержала дыхание, напрягая мышцы живота, когда я случайно коснулся ее ног.

Она замялась:

– Ну... что дальше?

– Ты о чем?

Перевел взгляд на дорогу и опустил руки на руль.

– О дальнейших действиях. Я пыталась вслушаться в ваш план, но...

– Пристегнись, – мой голос ровный.

Девушка опустила глаза в поисках ремня, после дрожащими руками попыталась пристегнуться:

– Я вслушивалась в ваш план, но он звучал как спасение собственной... – Кристин фыркнула, когда из ее рук дважды выпал ремень, – собственной задницы.

– Если ты не перестанешь мельтешить, то я привяжу тебя к этому креслу, – бросил я и, убедившись, что девушка все-таки пристегнулась, двинулся в сторону пригородного дома. Какое-то время мы ехали молча. Солнце уже село, поэтому я включил фары.

– Не знала, что ты забрал машину.

Бросил взгляд на лицо Кристин:

– Забрал, там была небольшая вмятина.

– После того, как ты сбил Джона?

Она развернулась в мою сторону. Я сильнее сжал руль.

– Мне рассказала Алекс. Сказала, что все произошло случайно и что ты...

– Я виноват. И я буду виноват в этом вечно, – перебил Кристин, напрягаясь и поджав губы. Да. Это моя вина. Я му-
дак, раз не смог признаться в этом полиции. Меня давно на-
до осудить. Посадить на десять лет или что еще делают с та-
кими идиотами, как я?!

– Спасибо, – прошептала, но я вздрогнул.

– Что?

– Ты мог бы не сознаваться в этом, ну знаешь, сказать,
что не в курсе о делах с Джоном, – Кристин тяжело дышала.
Раскрыла рот, желая что-то сказать, но замялась, – я имею в
виду, ты сознался, чтобы спасти меня. Спасибо.

Повернул голову в ее сторону. В салоне стало душно.

– Ты не считаешь, что я ужасен или еще что-то?

– Нет, – отрезала блондинка, – тебе должно быть плевать
на мнения других. Знай, —горячая ладонь Кристин опусти-
лась на мое плечо, – ты поступил смело.

Сглотнул, скользя взглядом от перебинтованного запя-
стья к карим глазам. Кристин поджала губы в улыбке и после
неловкого молчания отвернулась.

Перевел взгляд на дорогу. Такое чувство, что с моих плеч
спала целая гора переживаний. Дышать стало легче. Неуже-

ли я так волновался, что подумает обо мне эта девчонка?

Краем глаза заметил, как Кристин трясется.

– Тебе холодно?

– Нет.

– Почему тогда дрожишь?

– Через капельницу вводили обезболивающее.

Через пару секунд я уже остановился у старого неприметного домика с коричневой крышей. Он находился на окраине города, здесь было разрешено ставить заборы, поэтому холодный блеск металла встретил нас одиноким бликом. Местами он зарос вьющимся кустом, что пустил свои пальцы и по стене дома.

Я вышел из машины, заметив обеспокоенный взгляд Кристин.

Обошел и раскрыл двери. Она сидела на кресле, поджав ноги. Под джинсами, которые задрались, виднелась фиолетовая гематома с желтым оттенком. Поджал губы.

– Где именно болит?

Посмотрел в глаза Кристин, но она прикрыла лицо руками, качнув головой. Молчание.

Серьезно? Не будем говорить?

Встряхнул руки, ощутив, как холод царапает лицо при движении, и просунул руки под спину и ноги Кристин. Поднял её, аккуратно вытащив из машины.

Она задержала дыхание, ахнув, и как-то странно посмотрела на меня снизу вверх. Непослушные пряди подлетели в

разные стороны от резкого ветра. Она спрятала лицо на моей груди. Прикрыл ногой дверцу машины. Всем телом ощутил, как Кристин прижалась ко мне, пальцами сжав ткань футболки.

От лица Алекс

20:06

Машина размеренно двигалась по трассе, которая вела к выезду из города.

– Что она сказала? – это Люк.

– Сказала, что это не телефонный разговор и, возможно, расскажет завтра, – я сжала пальцами виски и прикрыла глаза. – говорит это очень важно и касается Джона.

Рука Люка опустилась на мое колено, сжав его:

– Не переживай, все будет хорошо, – подбадривает он, на что я слабо улыбнулась. Спустя время Люк сбросил скорость, гравий затрещал под колесами и машина остановилась.

– Мы приехали.

Раскрыла глаза, рассматривая в свете фар небольшой дом, покрытый черепицей, с небольшим количеством окон. Он стоял чуть поодаль от других домов, но это не делало его странным и пугающим, скорее наоборот. Он напоминал пряничный, уютный домик, с зеленой изгородью.

– Это дача Дилана?

– Его отца, но Дилан любит приписывать ее себе.

Люк вышел из машины, хлопнув дверцей, и я последовала

следом. Люк спокойно улыбался. Если он спокоен, значит и мне бояться нечего. С таким настроем я и прошла по заросшей травой тропинке в дом.

Громкий голос О'Коннелла настиг меня у порога, и я остановилась в дверном проеме, прислушиваясь.

– Это самый крутой фильм, ты смеешься?

Изнутри дом оказался очень уютным и милым. Темная мебель сочеталась с обделанными деревом стенами и картинами природы.

– Я смотрела его в детстве, и он буквально ломал мой мозг, поэтому нет.

– Твой мозг и до этого был сломан, раз тебе не нравятся «Звездные войны».

– Ах так!

Я переглянулась с Люком и пошла на звуки. Из ближайшей комнаты раздался смех, и только я появилась в дверном проеме, как рядом с лицом пролетела небольшая подушка. Я пригнулась, схватившись за сердце, и изумленно посмотрела в комнату.

Ко мне спиной стоял Дилан, поставив руки на талии. На диване, что стоял посреди комнаты, лежала Кристин. Сжав еще одну подушку, она замахнулась, с прищуром пытаясь прицелиться. Ну конечно, из этой парочки, только она способна решать конфликты боем подушками. Завидев меня, удивленно вскрикнула. Искренняя улыбка озарила её лицо:

– Алекс!

Оббежав Дилана, я запрыгнула на диван к подруге и обняла ее. Раздалось странное кряхтение.

– Немного больно.

Я тут же отстранилась от Кристин, но продолжила держать ее за плечи. Осмотрела её с головы до ног, не скрывая улыбки:

– Что на тебе надето?

Она заправила волосы за ухо:

– Это долгая история.

– Не такая и долгая, просто её свитер в стирке, – обернулась на голос Дилана, а он продолжил объяснения, – я немного испачкал его в кофе.

Он развел руками. В его темных глазах плескались искорки, но выражение лица оставалось непроницаемым. Дилан не улыбался, но по его нежному взгляду было понятно, что творилось в его душе.

Внезапно раздался сосредоточенный голос:

– Ну, как прошло твое освобождение, беглянка?

– И тебе привет Люк, – ответила Кристин, но голос ее выдал волнение, – кажется, что все прошло хорошо.

Отпустила плечи подруги, и уселась удобнее, в её ногах:

– Мы выполнили план. Нас не раскрыли. Разве это не успех? Осталось только провести вместе полтора дня.

– Ага, дожидаясь маньяка, – пробубнил Дилан, потирая костяшки пальцев. Встретившись с нашими взглядами, он загадочно растянул губы и сорвался с места, подняв подуш-

ку. Я вскрикнула, когда заряд попал в плечо.

– За что?

– Это война, Алекс. Либо ты, либо тебя, – пожал плечами Дилан и пошел на выход из комнаты, – Пока осмысливаете это, я приготовлю еду, – и он обратился к Люку, – Ты со мной?

Тот кивнул.

– Но вы не умеете готовить, – заметила Кристин.

Дилан замялся, развернувшись:

– Значит, разогреем еду в пакетиках, чего привязались?

Я засмеялась, проводив парней взглядом. Посмотрела на Кристин, любуясь её радостью. Она выглядела так же, как и вчера, но с искрой в глазах. Возможно, это блеск от камина, что горел напротив нас, но я видела жизнь, в глазах Кристин.

– Будет ужасно, если я скажу, что рада тому, что парни не умеют готовить? – Кристин наклонила голову, прикрыв глаза.

– Будет ужасно, если я скажу, что у меня был секс?

Кристин резко распахнула глаза, замерев. Я больше не смеялась, сжавшись под внимательным взглядом карих глаз:

– Что?

Кристин молчала, рассматривая мое лицо. Резкая смена настроения меня пугала. Уж лучше бы она начала ругаться, или шутить над этим, но никак не молчать. Мои зрачки забегали по лицу подруги, а с лица спала улыбка. Мнение Кристин для меня важно и я ни в коем случае не хотела терять

её уважения. Вдруг ей показалось все то неуместным и ужасным? Тогда ее мнение обо мне ухудшится.

– А... – Кристин раскрыла рот, но тут же его закрыла, – может, – она прищурилась, – что?

– Тебе повторить или что-то конкретное сказать?

– Я имею в виду, ЧТО?! Ты не шутишь?

Качнула головой, разобрав на лице Кристин удивлённую улыбку.

– Меня не было шесть дней, а тут такое произошло. Ну... поздравляю тебя, ты вышла из непорочного круга девственниц.

Она вытянула ко мне руку, и я с благодарностью пожала ее. От такого признания мне стало куда легче, ведь я не любила скрывать что-то, а больница не была подходящим местом для такого рассказа. Да и подходящего времени не было.

01:43

– Давай! Добеги до непонятной зеленой штуки! – крикнула Кристин, поднявшись на диване и тыча пальцем в телевизор, что висел над камином.

Дилан вздрогнул и запрокинул голову на диван:

– Хватит разговаривать с плазмой, а тем более орать на нее. Ты и так лучшее место выбила себе.

Да. Парни сидели на полу, пока мы оккупировали бордовый диван, удобно вытянув ноги.

– Не-ет, – простонала Кристин, скривив лицо, – зачем за-

брал мяч у того красавчика? Уж лучше бы красавчика забрал.

Люк подавился макаронами с сыром, засмеявшись. Вилка упала на ковер, а за ней и пара макаронин. Увидев покрасневшее лицо Люка, комнату разрезал мой дикий смех. Словно припадок, когда дал волю эмоциям, а живот заболел от непрерывного смеха. Все плохие эмоции исчезали, оставляя легкость.

– Лучше бы «Звездные воины» посмотрели, – где-то на полу обиженно пробубнил О’Коннелл.

Я прекратила смеяться, вытерев пальцами слезы:

– Я поняла, что совсем не разбираюсь в этой игре.

– Ты под конец игры это поняла? – спросил Люк, улыбувшись.

Я толкнула парня в плечо и вытянула ноги на диване. Кристин с прищуром повернулась в мою сторону, когда мои ноги заняли ее половину дивана.

– Вернись на свою территорию, – с наигранной серьезностью попросила она, опасно сжав в пальцах подушку.

Я высунула язык, качнув головой, и тут же получила по этой же самой голове.

Голоса на заднем плане прекратились. Экран телевизора неожиданно погас, и мы с Кристин перестали перекидываться подушкой, замерев на диване.

Дилан поднялся с пола, отложив джойстик и пульт.

– Ну все, девушки, вам пора спать, – заявил он.

– Не-ет, – я поморщилась, переведя взгляд на Люка, но тот лишь пожал плечами.

– Почему только девушки? – задала Кристин вполне резонный вопрос.

Я запрокинула голову на диване и увидела комнату вверх тормашками. Зашторенное окно и книжные полки вдоль стены. Прищурилась, когда заметила в самом углу гитару.

– Потому что, парни будут по очереди сторожить вас, – сказал Дилан.

– Что, каждую? – голос Кристин звучал приглушенно.

Я поднялась с места, переступив Люка, чем заставила его насторожиться. Подошла к гитаре и вернулась на диван, подняв глаза на О’Коннелла:

– Может одну песню и спать?

Кристин развернулась в мою сторону и её губы приоткрылись, в глазах застыла растерянность. Неожиданно я вспомнила, как Кристин рассказывала мне про мать Дилана. Она любила играть на музыкальных инструментах, и гитара стала единственной вещью, которую та отдала Дилану, прежде чем выгнать из дома.

Посмотрела на гитару в моих руках, затем на встревоженную Кристин. Пазлы сошлись. Тут же подняла взгляд на Дилана, чтобы извиниться, но парень опередил меня:

– Только одну, – он сжал ладони, а губы превратились в тонкую ниточку, но Дилан продолжил, – после этого сразу спать.

Я кивнула, встретившись взглядом с Кристин.

– Споешь? А я сыграю.

Люк тут же засуетился, опустив руку в карман джинс:

– О-о, я должен это снять.

Достал из заднего кармана телефон, наводя на нас камеру, и начал съемку.

– А что мне спеть? – робко спросила Кристин. В комнате воцарилось молчание.

– Спой о том, что тебя волнует, – тихо попросил Дилан, и сел на пол, завороченно посмотрев на Кристин. Его глаза были полны восхищения и некой... искренности.

Она встретилась с ним взглядом и тяжело сглотнула, прошептав:

– Ну раз ты попросил...

Кристин прикрыла глаза, а я приняла это за знак и перебрала струны. Вспомнила все известные мне аккорды, пытаясь составить из них красивую мелодию и подложить их под слова подруги. Нежный, тихий голос Кристин сплелся с треском дров в камине, пустив мурашки по телу:

Если я умру молодой,

Уложите меня на постель из роз,

Дайте мне утонуть в рассветной реке,

Развейте меня

Вместе со словами любовной песни,

Господи, сделай меня радугой,

*Я буду сиять для своей матери,
Она будет знать,
Что я в безопасности с тобой,
Когда будет стоять
Под всеми моими цветами*

Голос Кристин заставлял перебирать струнами, хоть мрак и возвращался в мое тело.

*Жизнь не всегда такая, какой ты считаешь она должна
быть, нет,*

*Она не мрачна,
Она просто хоронит своих детей
Острый нож недолгой жизни, что ж,
У меня было достаточно времени*

*И я буду в белом,
Когда приду в твое царство,
Я неопытна так же, как и безыскусна
Кольцо на холодном пальце,
Я не познала любви мужчины,
Но было даже очень приятно, когда он держал мою руку,*

Оглянулась, заметив, как Дилан задержал дыхание, также не в силах прервать Кристин.

*Есть парень в городе, что клянется любить меня вечно,
Кто бы мог подумать, что вечность можно разделить
Острым ножом недолгой жизни, что эж,
У меня было достаточно времени*

*Баллада голубки,
Иди с миром и любовью,
Собери слезы свои, сдержи их,
Сохрани их на случай,
Когда они правда понадобятся тебе,
Острый нож недолгой жизни, что эж,
У меня было достаточно времени,
Так наденьте свои лучшие одежды, а я надену жемчуг.*

Перебрала последнюю струну, прекратив играть, и наблюдала за тем, как Кристин раскрыла глаза. Атмосфера в доме поменялась, воздух стал тяжелее. Никто не знал, что сказать или как возразить, ведь то, что спела Кристин, отражало состояние каждого.

– Кажется, – прохрипел Дилан, выйдя из транса, – вам точно пора спать.

От лица Люка

02:37

Я опирался руками о стол, что стоял посередине кухни, и перевел взгляд на друга:

– Ты напряжен.

– Вовсе нет, – Дилан бил кулаком о кулак, сидя за столом, и исподлобья посмотрел на меня, – с чего ты взял?

– Ты молчишь почти час, хотя до этого даже улыбался.

Дилан уронил голову, запустив пальцы в волосы, и оттянул их. Его голос прозвучал встревоженно:

– Почему она спела именно это?

– Ты сам попросил спеть то, о чем она думает. Кристин боится, это понятно. Но я не понимаю, почему ты так боишься за неё.

– Не боюсь, просто... – запнулся, посмотрев на поверхность стола, и неожиданно взорвался, ударив по столу, – Да, я переживаю! Я боюсь за ее жизнь и это нормально, ведь, что бы Кристин ни сделала, она не заслуживает смерти. Она должна жить как нормальный человек, но своими мыслями может сделать себе только хуже, поэтому да, черт подери, я боюсь за нее.

– Тогда почему не скажешь ей?

Дилан встал из-за стола. Нервно прошелся по комнате, измеряя её шагами, и остановился у окна.

– Я не знаю, – он сжал переносицу, после чего устало растер лицо, – Я не хочу, чтобы прошлое повторилось.

– Расслабься, – выпрямился на стуле, пытаюсь уверить друга, – ничего не повторится, вы ведь больше не планируете быть вместе. У тебя есть Эмили, верно?

Дилан скривил лицо еще больше, с непонятной досадой кивнув. Он вновь опустился за стол и начал гипнотизировать

салфетки.

– Она кстати подходила сегодня, – как бы невзначай сказал, выдержав паузу, но Дилан даже не пошевелился, продолжив смотреть на салфетки, – спрашивала, где ты и почему ее избегаешь.

– Что ты ответил?

– Сказал, что это не так и, что у вас все хорошо.

Дилан едко усмехнулся.

– Значит избегаешь? С чего вдруг? – наклонился к столу, ощутив себя собственным отцом на допросе, – ты уже как месяца четыре во все тяжкие пустился, я даже всех твоих бывших не помню, но с каждой из них ты расходился нормально.

– Я не могу порвать с Эмили.

– Потому что она тебе нравится? – логично предположил я.

– Потому что если я брошу Эмили, то буду знать, что это из-за чувств к Кристин, —проскрипел он, признавшись.

Я тяжело вздохнул, едва сдержав гримасу отчаяния. Он до сих пор ее любит и это расстраивало меня. Кристин причинила ему столько боли, унизила перед всеми, а он продолжает ее любить.

От лица Кристин

7:45

Постепенно сознание выплывало из помутнения, и я все отчетливее ощущала ноющую боль и покалывание в бедре.

Аккуратно перевернулась на другой бок, помогая себе руками, но все равно поморщилась от неприятных ощущений. Некоторое время держала глаза закрытыми, ведь пока они закрыты, я фактически сплю и не могу ощутить весь спектр боли.

Спустя время стало только тяжелее, поэтому заставила себя разлепить глаза. Вдохнула, прищурившись от странного, светлого освещения. Комната утопала в солнечном свете, лучи которого просачивались через незанавешенное окно.

Потянула руки вверх, распрямив пальцы. Осталась в таком положении, задумавшись. Мне больно шевелиться, но я должна дойти до кухни, где Дилан вчера нашел обезболивающее.

Опустила руки, медленно повернув голову на бок: рядом, нет, слишком близко на животе лежал Дилан. Он подложил себе под голову руки, ведь обе подушки, как я понимаю, были оккупированы мною.

– Ого, – только и протянула я, открыв рот. Вновь посмотрела в потолок, стараясь вспомнить, как Дилан оказался здесь, но ничего в голову не приходило. Я точно засыпала с Алекс, но сейчас... Перевела взгляд на О'Коннелла, нахмурившись. Нет, это точно не Алекс, но в таком случае, где она?

Теперь мне точно нужно было встать. Но я не могла, засмотревшись на спящего Дилана.

Он лежал лицом вниз, оперившись лбом в свою руку. На его черных, как непроглядная ночь волосах играло солнце,

и я заметила, насколько спящий Дилан не походил не бодрствующего. У него не было вечных складочек между бровей, когда он хмурился, он не говорил всякие гадости, а лишь тихо сопел. И даже сейчас, я словила себя на мысли, что считаю его красивым.

Вздохнула, все же отвернувшись от Дилана, и решила уйти на кухню за лекарством.

Как можно тише села на кровати, все время, поглядывая на лицо парня, но взгляд сам скользил по его оголенным плечам и спине, что усыпана родинками и чуть прикрыта одеялом.

Почему он спит без верха, оголив все свои мышцы? И тут я почувствовала, как горят мои щеки. Я провела весь вечер в свитере О'Коннелла, и даже сейчас он был на мне.

Свесила ноги с кровати, оперившись рукой о матрас, и потянулась к тумбочке. Посмотрела на время, замерев. Слишком рано для меня. Нахмурилась, словив себя на мысли, что это не так рано, если знать, что скоро тебя могут убить. Есть время посмотреть на солнышко и насладиться погодой. Может в последний раз.

Мой взгляд замер на пейзаже за окном, когда я подошла ближе, прислонившись лбом к прохладной поверхности. Прищурилась, задержав дыхание.

Темная машина стояла на другой стороне дороги и все мое утро сжалось, словно кто-то в ней наблюдал за мной. Не смотря на то, что окна отражали солнечный свет, я все равно

заметила движение в салоне на интуитивном уровне. Вгляделась, кусая губы. Окно машины начало опускаться, не торопясь, вновь трепля мои нервы. От напряжения мои зубы застучали.

Касание.

Я подскочила на месте.

– Твою мать! – вскрикнула, развернувшись спиной к окну и лицом к парню, – Идиот! Что ты делаешь?!

Дилан прищурил сонные глаза, поднеся палец к своим губам:

– Не кричи!

– Не кричи?! Да я же с ума чуть не сош...

Он резко накрыл мой рот ладонью, надавливая, из-за чего я коснулась затылком оконного стекла.

– Тише! – вгляделся, подняв глаза на окно позади меня. Я уверена, что он рассматривал машину, но его интерес к ней быстро пропал.

Возмущенно подняла брови, но промолчала. Дилан вновь посмотрел на меня, убрав ладонь:

– Отлично, всю обслюнявила.

Ударила его в плечо, но сама сморщилась от боли, прижав к себе ладонь.

– Больно? – взволнованно спросил он, наклонившись ближе и коснувшись моей руки.

8:13

Села на стул, наблюдая за тем, как Дилан перемещался

по кухне. Он подошел к шкафчикам, висящим на стене, но остановился, протянув к ним руку:

– Тебе вчерашнюю?

Кивнула, поджав к себе колени:

– Да.

– Как тебя там лечат, – проворчал, начав рыться на полках, – у тебя все болит и ничего не заживает?

Поджала губы, вспомнив свое отражение в зеркале. Синяки, порезы и ссадины. Это ужасно. В первые три дня я даже смотреть на себя не могла, настолько мне было противно. Сейчас просто стыдно.

После минуты молчания, Дилан протянул мне две таблетки и стакан воды. Я поблагодарила и запила лекарство, исподлобья разглядывая парня. На нем были темные хлопковые штаны и мятая серая футболка. Не удивительно, что он переоделся, это же его дом, тут должны быть вещи. Дилан сел на стул, взъерошив волосы, и оглядел меня.

– Где Алекс и Люк?

– Алекс позвонила твоя мама. Сказала, что ты пропала, поэтому Алекс, как верная подруга, тут же выехала на место преступления. Ты уверена, что не попала ни под одну камеру в здании?

Я вздохнула, опрокинув голову, и посмотрела в потолок:

– Уверена. Я все детство провела в этой больнице и знаю, где есть камеры, а где нет, — сказала, а Дилан промолчал, — ты и сам это знаешь.

– Знаю.

– Думаешь, Алекс не проболтается, чтобы успокоить мою маму? – спрятала лицо в коленях, – она наверняка будет молить рассказать все, что Алекс знает, а та никогда не умела врать...

Молчание. Дилан вообще меня слушает?

Подняла голову, чтобы убедиться в этом, но тут же отвела взгляд, ведь парень внимательно смотрел на меня, словно перебарывая сказанное и размышляя над этим.

– Ничто не утешит твою маму, даже Алекс. Поэтому для меня важно охранять тебя.

– Для тебя важно?

– Имею в виду, для всех важно, – запнулся он. – Никто не хочет смотреть на мучения твоей семьи.

Я молчу, обдумывая его слова:

– Не думаю, что моей пропажей заинтересуется кто-то кроме мамы и бабушки.

Дилан пересел на стул, что ближе ко мне и устало вздохнул:

– Уверен, что твой дедушка за пару часов обзвонит всех родственников, и, хотя бы они того или нет, а под его напором им придется заинтересоваться.

– Он такой... – кивнула, улыбнувшись про себя, – а что на счет твоего папы?

– При чем здесь мой отец?

Я вжалась спиной в стул, осознав, что сказала.

– Просто, давно его не видела.

Лицо Дилана меняется, и это, честно говоря, не самое приятное из его выражений:

– Я тоже. Эти взрослые постоянно заняты. А кто-то настолько, что у них нет времени на собственных детей. Завели себе питомцев и бросили, лишь бы свои идиотские желание осуществить.

– Не говори так, – сильнее поджала колени к груди, ведь Дилан начал говорить о своей матери.

Он медленно перевел взгляд на меня:

– Поверь, я прав.

– Какими бы не были родители, они наша семья...

– Вот оно! Это дерьмо! – перебил, повысив голос. Пробил легкий страх, когда Дилан встал со стула, неотрывно смотря на меня. Я вжалась в спинку, касаясь ладонями своей груди. Сердце бешено заколотилось, мешая ровно и спокойно дышать, – Прекрати делать вид, что правильно бросать людей в погоне за мечтой. Прекрати делать вид, что я чего-то не понимаю и моя мать права!

Дилан запустил пальцы в темные волосы, чтобы взъерошить их. Я взяла себя в руки, говоря:

– Знаешь, в чем твоя проблема? Ты все время думаешь о других.

Дилан еле сдержал смех, но я продолжила, ведь он не понял смысл сказанного:

– Я имею в виду, ты все время осуждаешь. Ты только и

делаешь, что осуждаешь каждого, ты говоришь о том, что ненавидишь в людях, ты сам же накручиваешь себя, сам заставляешь думать о других, – мой голос ослаб, когда Дилан сжал ладони, – прекрати тратить время на размышления о других людях. Сам же говорил, что твоя мама и отчим этого не достойны и да, я все помню, поэтому не смотри на меня так. Когда ты говоришь о ком-то, ты становишься другим, и, если честно, – выдавила недовольным голосом, – в такие моменты, ты меня всегда пугал.

О’Коннелл продолжил смотреть на меня, ничего не ответив, поэтому я начала беспокоиться, что он развернется и уйдет.

– Ты удивительна, – его слова окончательно лишают рас-судка, – Почему ты всегда, черт возьми, такая удивительная? – его голос спокойный и ровный, поэтому не могу оценить эмоциональное состояние.

– Не думаю, что ты подобрал верное слово.

Он вздохнул и медленно прошел мимо меня. Я занервничала, думая, что стоит уйти в комнату и не раздражать его, но Дилан произнес охрипшим голосом:

– Это было верное слово.

Прикрыла глаза, всем телом ощутив движение за спиной. Я готова была разорваться на тысячи кусков, когда теплая ладонь опустилась мне на плечо. Все внутри тут же стало невыносимо тяжелым. Дилан наклонился ближе, его дыхание коснулось моего затылка, отчего все тело пронзила при-

ятная дрожь. Ладонь скользнула под мою руку, остановившись на талии, и я мысленно была готова сдаться ему, но вместо этого выдавила из себя:

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь понять, – ответил ровно, словно контролируя ситуацию.

Хлопок двери. Я дернулась, не в силах сейчас нормально воспринимать громкие звуки. Дилан убрал руку, развернувшись. Он выглядел спокойным, уверенным в себе, ни один мускул не дрогнул, но я... Каждая клеточка моего тела дрожала. Кожа в местах, где Дилан прикасался меня, пылала как от перца.

Топот ног. На кухню, прямо в обуви, забежал Люк:

– Случилось!

– Что? – спросил Дилан, не отходя от меня.

Вслед за Люком вошла Алекс, тяжело дыша:

– Их убили, – потерла шею она, ответив за парня, – прямо на вечеринке.

Х

. Глава

От лица Алекс

4 Часами ранее

Я стояла у окна, рассматривая утреннее небо. Оно было перламутровым, сверкало и затухало, словно живое. Точнее это делали звезды, слившись с ним в одно целое.

Громкий и резкий звук разрезал тишину, такое продолжительное время царившую в комнате.

Сердце сжалось, и осознав, что это рингтон телефона, ускорилоь. Большими шагами я подскочила к прикроватной тумбочке. Схватила телефон в руки и нервно провела пальцем по экрану, не посмотрев на номер. Главным сейчас было не разбудить подругу, что так тревожно спала всю ночь.

Прижала к уху мобильник и услышала голос:

– Алекс! Это ты?!

Прикрыла рукой рот и часть телефона. Голос вроде женский и даже знакомый, но звонить в пять утра от скуки вряд ли кто-то будет, поэтому я перешла сразу к делу:

– Да, что-то случилось?

– Алекс, я везде посмотрела. В каждой палате! Кристин нигде нет, – растерянно начал женский голос, – не нужно мне было ее оставлять без присмотра, ох не нужно было.

Осознание того, кто мне звонил, окатило меня и мой голос засел где-то в горле. Никто не думал, что пропажу Кристин обнаружат так скоро, ведь никаких процедур до восьми утра делать не должны. Но ее хватились. И что мне делать?

Я метнулась в сторону подруги, что спала лицом к окну, но одернулась. Чем мне поможет её паника? Прикусываю нижнюю губу, поглядывая то на дверь, то на Кристин.

– Алекс, ты слышишь меня? Я места себе не нахожу. Ты знаешь, где она?

– Я-я даже не понимаю о чем вы, мисс Пекус, – прошеп-

тала в телефон, выходя из комнаты.

Включить дурочку сейчас – это единственное, что могло мне помочь, особенно когда пропажа лежала в соседней комнате.

Прикрыла двери, стараясь не издавать лишнего звука, и развернулась в сторону зала.

– Кристин, моя дочь, пропала! Ты ничего не знаешь? Куда она могла пойти или еще что-нибудь, – голос женщины был приглушенным и шипящим, словно человек тратил все усилия на то, чтобы сдержать слезы, – хоть что-нибудь. Скажи, что знаешь где она.

Я прошла голыми ступнями от дверей к бархатному дивану, на котором вчера расположилась вся наша компания, и поднесла ладонь к лицу, начав грызть ногти. Нервы.

– Нет, я не знаю, – вру, почти не дыша, – Вы уверены, что Кристин пропала? Больница большая и вдруг она просто вышла в туалет...

– Я знаю эту больницу, как свои пять пальцев, и я точно знаю, что Кристин в ней нет.

В поисках парней я вышла из гостиной и, перейдя коридор, оказалась на кухне. Черная копна волос сидела за столом и, кажется, почти вырубалась.

– Мисс Пекус, – громко сказала я, и Дилан испуганно подскочил, оперившись руками о спинку стула, – не волнуйтесь, это же Кристин, с ней все будет хорошо. Я сейчас приеду и мы вместе ее найдем.

На другом конце провода меня поблагодарили и отключились.

Дилан нахмурился:

– Что это было?

– Не знаю как, но в больнице уже поняли, что Кристин пропала.

– Это я понял, – съязвил парень, сдержав зевок, – не тупой. Но с чего вдруг ты решила поехать? Чтобы расколоться? – О’Коннел прохрустел шеей, внушительно посмотрев на меня, – ты же врать не умеешь.

– А что ты мне делать прикажешь, сидеть и делать вид, что моя лучшая подруга не пропала? Это будет не подозрительно?

На наши громкие голоса вышел Люк, что засел в ванной комнате и, кажется, там же и уснул. Его лицо было помятым, а красная полоса красовалась на щеке.

– Чего расшумелись? – он почесал живот, приподнимая черную футболку, и широко зевнул, – моя очередь охранять?

– Твоя очередь быть таксистом, – сказал Дилан и на этот раз не сдержал зевок. Цепная реакция.

[...]

Спустя пятнадцать минут мы с Люком были готовы ехать, но нас смущало одно.

– Ты уверен, что не вырубись? – спросил Люк, завязывая шнурки.

– Я спал за два дня шесть часов, не хочу нагнетать, но

сделаю все возможное.

Люк выпрямился и посмотрел на меня в полной готовности, однако мой взгляд выражал тревогу. Он дотронулся до моего плеча, но я одернула его.

– Что не так?

– Это не опасно? – спросила я, поясняя, – Имею в виду, Дилан же вырубится и проспит все на свете. Как мы можем на него положиться?

– Я вообще-то здесь, – помахал перед лицом парень и наиграно улыбнулся.

– А что мы можем сделать? Я могу поехать один, а ты останешься с Кристин, – Люк потянулся рукой к двери, но я тут же замотала головой. Если он приедет один, то это станет слишком подозрительно, потому как звонили и звали именно меня, а не Эвема. Но в таком случае, приехать одна я не смогу, ведь у меня нет прав, а вызывать такси слишком опасно. Так нас могут найти.

– А что если, – я перевела на парней задумчивый взгляд, предлагая, – что если Дилан закроет входную дверь, а затем пойдет в спальню к Кристин и закроется изнутри еще и там, – проговорила с наигранным недовольством, словно сама не рада таким стечением обстоятельств, но внутри что-то грело душу.

Дилан поставил руки на талию, старательно сосредоточивая свой взгляд на мне. Внутри него все бушевало, разбиваясь об острые скалы. При виде такого О’Коннелла я всегда

мысленно сжималась от страха, но Кристин умудрялась находить в нем проблески света и даже нежности.

– Сомнительная идея, – заявил Люк, сложив руки на груди, – но ты сможешь в случае чего уснуть и не бояться, что кто-то вломится в дверь и пройдет мимо тебя.

Дилан цокнул языком и ничего не ответив, скрылся в комнате.

6:33

Наши тяжелые шаги громом разносились по пустому коридору. Казалось, что на этаже мы одни. Запах спирта и бинтов бил в нос, от чего лицо скривилось. Люк заметил это и сильнее сжал мою ладонь, пытаясь поддержать, но одернул руку, принимая серьезный вид, когда из-за угла выбежала женщина в белом халате. Она пронеслась мимо. Сжимала в руках пачку бумаг и оставила после себя шлейф из усталости и аромата крепкого кофе.

Завернув за угол, мы с Люком немного замедлили шаг. Несколько полицейских, мама Кристин и врач, все они столпились у палаты. Шерифа не было, и я ощутила, с каким облегчением выдохнул Люк.

Мисс Пекус сидела на лавочке, опустив лицо на ладони. Ее белые, как у Кристин, волосы растрепались и держались в неряшливом подобии пучка. Напротив стоял смуглый мужчина в белом халате и пытался что-то объяснить. На секунду я остановилась, признав в этом мужчине врача, допрашивающего меня, но Люк потянул меня дальше.

Первым нас заметил офицер, что заполнял бумаги. Он стоял у противоположной стены, пристально наблюдая за нами. Толкнув локтем своего напарника, он указал в нашу сторону ручкой и что-то сказал. В ответ ему кивнули и теперь две пары глаз разглядывали нас.

Мое напряжение, появившееся взамен спокойно-радостному настроению, передалось Люку. Мы прошли кофейный аппарат, и нас заметила мама Кристин. Она поднялась, опустив руки, и я смогла различить красные, опухшие глаза.

Сердце пропустило удар, когда я услышала голос:

– Вы пришли, – он был таким тихим, но звучал с надеждой.

– Здравствуйте, мисс Пекус, – прошептала я, подходя ближе.

– Я так рада, что ты пришла, помоги мне найти её...

– Я постараюсь, – что-то во мне кричало и хотело рассказать правду, но я приложила все усилия, чтобы заглушить этот голос.

Громкий кашель заставил меня развернуться, не выпуская из рук ладоней мисс Пекус. Молодой мужчина, с серыми глазами и четко выраженным носом оглядел меня:

– Вы подруга Кристин Пекус?

– Да, – я мельком посмотрела на Люка, что подошел ближе, – здравствуйте.

– Вы знаете, где может находиться Кристин?

– Нет, но я пришла сюда, чтобы помочь ее найти.

Рядом стоящий полицейский с густыми усами записал что-то в документы и опять посмотрел на меня.

– Хорошо. Расскажите, когда вы последний раз видели Кристин и где были вчера с пяти вечера до сегодняшнего утра? Чем занимались? И если вас не затруднит, предоставьте список людей, которые смогут подтвердить ваши слова.

Люк нахмурился, сложив руки на груди:

– Вы её в чем-то обвиняете?

Двое мужчин перевели взгляд на моего парня.

– А вы, простите, кто? – извинение было для формальности.

– Люк Эвем, восемнадцать лет, друг Кристин и, ах, да, – наигранно остановился парень, поднимая палец к потолку, словно что-то вспомнил, – если хотите узнать более подробную информацию, то обратитесь к шерифу. Он вам и про допрос растолкует.

Полицейский проговорил спокойным голосом, переводя на меня взгляд:

– Это обычная процедура, не допрос. Если вам нечего скрывать, то вы ответите.

Мисс Пекус сжала мои ладони, заглянув в глаза.

– Я провела весь день дома, а с Кристин общалась два дня назад, когда приходила её проведать.

– Это кто-то может подтвердить?

– Я могу подтвердить, – привлек к себе внимание Люк.

Полицейские переглянулись и, кивнув мне, отошли к про-

тивоположной стене, переговариваясь. По всей видимости, на остальные вопросы я могла не отвечать.

Люк слабо улыбнулся:

– Здравствуйте, мисс Пекус.

– Привет Люк, – женщина опустила мои руки и присела обратно на лавочку.

– Как вы узнали о том, что Кристин пропала? Насколько я знаю, сегодня не ваша смена, – прошептала я, присаживаясь рядом.

Врач, стоявший все это время молча, заговорил:

– Нам позвонили и сообщили, что видели одну из пациенток, гуляющей по городу.

Наши с Люком взгляды встретились, и мы оба напряглись.

– Мы не знаем, кто звонил, но после проверки, оказалось, что только палата Кристин была пустой.

– А когда вам позвонили? – спросила я.

Врач прикрыл глаза, мысленно прикидывая:

– Примерно полтора часа назад.

По моему телу прошла дрожь. Дыхание перехватило.

В указанное время Кристин никак не могла гулять по городу, ведь спала рядом со мной. Это можно объяснить только одним. Птица приходил в больницу, и не застав Кристин в палате, решил позвонить на регистратуру, поднимая панику. Но для чего?

Для чего ему нужно сконцентрировать здесь врача и дежурных полицейских, что явно досаживают ночную смену

и... Сердце пропустило удар, после чего забилося быстрее.

Птица поступил умно. Он направил отряд полиции в больницу, оставив улицы города без присмотра, чтобы без опаски провернуть свое дело. Пока большинство людей собиравались на работу, ему не составило бы труда завершить начатое и уйти безнаказанным.

7:23

Мы просидели с Люком в больнице еще полчаса, делая вид, что пытаемся помочь в поисках. Но, естественно, мы ничем не помогли.

– Ты слышала, как они ее пугали?

Я перевела взгляд на Люка, что вел машину.

– Кто?

Люк хмыкнул:

– Копы, типа сегодня самая холодная осенняя ночь и что она вполне может умереть от холода.

Я посмотрела на дорогу, пытаясь выбросить из головы гримасу ужаса на лице мисс Пекус. Закусила губу, нервничая все больше. Совесть поела меня, но засветившийся кран телефона, отвлек. Беру его в руки, проверяя.

– Ты как-то напряглась...

– Ева смс прислала.

Люк вытянул голову, продолжив смотреть на дорогу, но поглядывая на экран телефона:

– Что пишет?

– Ну-у, – почувствовала легкую тревогу, – просит встре-

титься на перекрестке, рядом с закуской Билла.

– А это не рядом с домом Эмили?

– Да, кажется рядом.

Спустя какое-то время машина затормозила у обочины. Я приоткрыла дверцу, выглянув на тротуар и заметив рыжую копну волос, поспешила выйти из машины.

Ева стояла неподалеку, смотря на свои ноги, и перекатылась с пятки на носок. Ее зеленый вязаный шарф закрывал половину лица. Другую половину закрывали длинные волосы. Из-под теплой ткани черного пальто вырисовывался уже округлившийся животик.

Я перевела мимолетный взгляд на Люка. Парень сидел за рулем и одобрительно кивнул. Еще в машине мы договорились, что я поговорю с Евой одна, но сейчас я не уверена в своем решении.

– Алекс, – разнёсся звонкий голос по сонной улице.

– Привет Ева, – выдавила улыбку, подходя ближе, – ты хотела что-то рассказать?

– Да, – она кивнула, не поздоровавшись в ответ, – давай пройдемся, – лицо девушки было напряжено.

Мы пошли вдоль домов, машина Люка осталась далеко за спиной, как Ева опять заговорила:

– Я не знаю, как тебе рассказать, но я видела кое-что, что меня напугало, – рыжая нервно перебирала пальцами шарф, поднимая глаза на дома, – это было не так давно.

Заметила, что Ева выдавливает из себя слова, словно не

желает того, потому я предложила:

– Если не хочешь, то не рассказывай.

– Нет, – девушка нервно улыбнулась, переводя на меня взгляд, – нет, я хочу.

– Тогда я слушаю.

– Хорошо, – прикусила губу, – я поссорилась с родителями из-за беременности и решила пройтись. Мне было тяжело, поэтому я пошла к месту, на котором в последний раз видели Джона, но я не знала, как именно туда идти, понимаешь? Не знала.

Губы Евы задрожали, но я не решилась ее останавливать. Она должна выговориться.

– Не знала, поэтому я не виновата, да?

– Невиновата в чем?

– В том, что Кристин оказалась в больнице.

Я открыла рот, остановившись. К чему она ведет?

– Понимаешь, я не знала, как идти и, наверное, зашла откуда-то с боку, со стороны дороги. Поэтому он меня не увидел, – Ева замолчала, на ее глазах появились слезы, – он кинул ее как пакет с картошкой к этому дереву. Прямо напротив меня. Я могла выбежать и отпугнуть его, или выбежать после того как он ушел и помочь ей. Сделать хоть что-то. Но мне было безумно страшно, а когда он достал нож, я поняла что не в состоянии даже убежать. Я была прикована к этой грязной, холодной и влажной земле. Понимаешь? Не в состоянии даже дышать.

Сжала челюсть, наблюдая за девушкой, которая вызывала во мне и злость и жалость. Я даже не могла подумать, что Ева видела Кристин в ту ночь, хотя это было логичным. Геоолокация, которую мне прислал Птица, указывала на то место, где мы с Люком нашли Джона. Тогда у нас не было времени обдумать это, вед Кристин умирала, но сейчас... Все мои чувства смешались в комок противоречий и обид.

– Он отрезал у нее часть волос и ушел. Больше я его не видела, но мне хватило и одного раза. На нем была маска и черный костюм, а сам он был сгорбленный. Знаешь, как монстры в фильмах ужасов? И мне было страшно, я еле встала на ноги, а потом бежала. Слышала хруст веток и шаги. Чувствовала, что он бежал за мной.

Я отвернулась от девушки, смотря на дорогу. Пыталась сдержаться, чтобы не ударить её. Чтобы не залепить такую пощечину, от чего в ушах засвистит.

– Алекс, мне страшно.

Хмыкнула, засунув руки в карманы, и развернулась к Еве:

– А как ты думаешь, было Кристин?! Неужели ты не могла вызвать скорую или полицию, раз сама забилась в угол?!

Крупные слезы неожиданно скатились по щекам Евы.

– Я боялась.

– А Кристин наслаждалась! – крикнула, не сдержав эмоции, – она могла надеяться на тебя.

Ева прикрыла шарфом лицо, вздрагивая от рыданий. Её рука сама направилась к животу, оглаживая его, и видя это,

я прикусила язык. Она думала не только о себе.

С усилием отвернулась к дороге, выдохнув горячий воздух, и попыталась успокоиться. Она испугалась за себя и ребенка, я не смею ее ни в чем винить. Но это же Кристин. Ее могли спасти намного раньше.

Громкое завывание серены разрушило тишину. Мимо нас пронеслась машина скорой помощи, завернув в знакомый мне закоулок. Там живет Эмили и там вчера устраивали вечеринку, не удивительно, что кому-то вызвали скорую. Но следом проехала полицейская машина, а в мое голове что-то щелкнуло.

Несколько часов назад

– Я даже не пила толком, каких-то два жалких стакана, – бросаю смешок, но Алека это не забавляет, – ты можешь за мной приехать? – закусываю губу, вглядываясь в темное небо. Звезд не видно.

– Ты прикалываешься? – кажется, я только злю его.

По спине пробегает холодок, когда слышу тихий хруст в кустах позади меня. Оборачиваюсь. Как бы я не щурилась, понимаю, что не могу ничего разглядеть в темноте и даже этот тусклый фонарь, на противоположной стороне дороги, мне не помогает. Но это может быть птичка, так что...

Отбрасываю все мысли, вспоминая, что уже несколько минут молчу в трубку, а Алек возможно уснул.

Пытаюсь заставить свой язык не заплетаться, но слыша очередной звук, начинаю икать.

– Извини, – кусаю губы, направляясь к входной двери. Лучше ждать Алека в доме, – надеюсь, ты не злишься, – продолжаю, – просто я не хочу оставаться здесь. Вечеринка закончилась, но почти никто не разошелся, все легли спать. Серьезно, кто на полу, кто друг на друге, – произношу с улыбкой, но замираю у двери, которая не открывается.

Алек бросает смешок, ведь знает, как я не люблю такой беспорядок. Отхожу от двери, наклоняясь, чтобы понять, что случилось.

– Ты такая брезгливая, как тебя вообще угораздило туда пойти, – спрашивает парень.

Я улыбаюсь, выпрямляясь. Кажется, дверь закрылась изнутри и я не только брезглива, но и неудачница.

Тихий шелест в районе кустов.

Торможу.

– Так, как так получилось? Неужели Эмили тебя уговорила? – Алек задает вопрос, но я не слышу. Медленно оборачиваюсь, щурясь. Смотрю на огромные кусты человеческого роста, не моргая. Делаю шаг, затем ещё.

Показалось? Может алкоголь?

Но мой рот распахивается, когда вижу, как кусты шевелятся и из них на секунду показывается что-то черное.

Разворачиваюсь, начиная дергать ручку. Дверь не открывается, ведь она захлопнулась за мной. Нужны ключи.

– Люси, не беси меня, – голос Алека заставляет подпрыгнуть.

Пищащий гудок бьет в ухо. Зарядка скоро кончится.

Я отхожу по узкой тропинке в сторону гаража, но каждый шаг дается мне с трудом, ведь паника и страх уже захватили разум.

– А-Алек, – шепчу, – ты где?

– Ты меня хоть слушаешь? Я же сказал, что выезжаю уж...

– Алек, кто-то следит за мной, – я не контролирую эмоции, поэтому голос срывается.

– Что? – парень понижает голос.

Я поднимаюсь по ступеньке и дергаю за дверь, которая оказывается открытой, все время оборачиваюсь, и твержу одно и то же:

– Кто-то следит за мной, через кусты, Алек, – дыхание выходит из нормы, поэтому начинаю трястись, стуча зубами.

– Это новая шутка, чтобы я забрал тебя быстрее? Не смешно, – заключает, все больше раздражаясь.

Я не отвечаю, молча оборачиваясь у самой двери, и выглядываю в сторону кустов. Моргаю чаще, все больше напрягая зрение. Руки дрожат, а дыхание сбито.

Шелест. Намного громче.

Глаза слезятся, а я подношу ладонь ко рту, кусая кожу, чтобы не зарыдать от страха в голос.

– Люси, – Алек подает голос, – если тебе страшно, то набери 911, – слышу хлопок дверцы машины, – а вообще, за тобой могут следить твои друзья, чтобы посмеяться.

Перебираю в голове друзей, которые остались со мной се-

годня. Но все они спят. Я уверена.

– Люси?! – Алек повышает голос, когда молчание затягивается, поэтому я пугаюсь сильнее, больше не контролирую дрожь.

– 911 не придет раньше тебя, поэтому поторопись! – мои зубы стучат, а всхлипы становятся громче, – Вспомни тех двух девушек.

Воспоминания сами всплывают в голове, и я тру горячий лоб. Хмурюсь, прикрывая глаза:

– Две жертвы это не шутка.

– Успокойся, ты не станешь следующей. Я же с тобой.

– Пока только на телефоне – всхлипываю, продолжая выглядывать из гаража.

Алек пыхтит в трубку:

– Успокойся, где ты именно?

Свет фонарей гаснет, а биение моего сердца становится очень громким. Замираю. Всклип вырывается из моего горла.

– Чего ты замолчала? – кажется, его голос только что дрогнул.

Вся улица погрязла в темноте. Но, боюсь, сейчас этого никто не заметит, все же спят.

– Что-то произошло, – сглатываю.

– Что? Ты позвонила 911? – спрашивает он.

– Нет, свет отрубили...

Мне страшно. Я зверски боюсь стоять здесь одна и я, черт

возьми, сойду с ума, если...

Пищащий гудок. Кажется, мое сердце замирает. Оно не бьется, а дыхание больше не срывается с губ. Я медленно опускаю руку, смотря на экран телефона.

Не горит. Он отключился. Зарядка села.

И я замираю. Не шевелюсь, боясь сама погрязнуть в темноте. Застыть в воздухе, в пространстве.

Я осталась здесь. В темноте. Одна. Или нет.

Хруст.

Трава хрустит под весом тяжелых шагов. От них сжимается сердце.

Нет, я не одна. Здесь кто-то есть.

Аккуратно пячусь назад, уходя вглубь гаража. Смотрю перед собой, но мне словно глаза выкололи. Слишком темно, спиной касаюсь обжигающей стали металлического шкафа, вздрагивая. Оборачиваюсь, не дыша. Трясущейся рукой тут же раскрываю дверцы, ныряя внутрь. Создаю много шума, но он растворяется в темноте.

Однако взгляд цепляет то, что куда чернее самой тьмы.

Плащ. Силуэт. Я замечаю его, когда прикрываю дверь шкафа дрожащей рукой, вздрогнув от тихого щелчка.

Шум усиливается. Кто-то ускоряется, останавливаясь у входа в гараж, поэтому мычу, прижимая ко рту обе ладони, и медленно скатываюсь на пол. Колени прижаты к груди. Ноги больше не держат меня. Я понимаю, что никто из этих пьяных тел не проснется даже на мой крик. Сжимаюсь в углу,

стараясь отползти как можно дальше.

Буквально вжимаюсь в стену, в попытке слиться с ней.

Скрип.

Не могу контролировать дыхание, продолжая рвано хватать воздух. Давление в висках увеличивается, а сердце уже сходит с ума, причиняя мне боль. Кто-то входит внутрь, раз-меривая территорию тяжелыми шагами.

Кто бы он ни был. Он здесь. И нас разделяют створки шкафа.

Сжимаю глаза, пряча лицо в коленях..

В груди гремит сердце, затмевая все вокруг. Не слышу ни шагов, ни музыки, ни Алека. Хочется смочить пересохшее горло, но боюсь сглатывать. Щурю мокрые глаза. Убираю руки от лица, откидываю прилипшие ко лбу волосы.

Ничего, абсолютно.

Большими глазами смотрю в сторону щелки. Ничего не вижу. Темнота. Готова выдохнуть, но вдруг до ушей доносится тяжелое дыхание. Темнота в щелке становится чернее, и в следующую секунду дверцы шкафа распахиваются.

[...]

Хлопает дверцей и направляется в сторону дома. Щурится, не в силах что-то разобрать. Он практически не видит. Ничего. Но Алек сосредоточен. Прислушивается к каждому звукам.

Выходит на тропинку, неожиданно спотыкаясь о камень. Материться, тут же замерев на месте. В окнах дома горит

приглушенный свет, поэтому парень может рассмотреть двери. Но он смотрит в сторону гаража. Тишина. И тьма.

По крайней мере, Алек не может услышать едва уловимый шелест кустов. Шарканье ног. Он слишком сосредоточен, когда зовет Люси. Тишина. Абсолютно ничего. Его голос растворяется во тьме.

Медленно идет вдоль дома, оглядываясь. Пальцы хрустят, когда он сжимает ладони в кулаки. Останавливается рядом с темной постройкой. Напряжение. Оно витает в воздухе, засоряя легкие.

Осторожно, аккуратно. Заглядывает в гараж, хмурясь: помещение плохо освещено, точнее вообще не освещено. Как и улица. Это и пугает. Алек нервно проходит языком по нижней губе, делая еще шаг.

Невольно раскрывает рот, останавливаясь. Его легкие сжимаются от нехватки воздуха, пульсируя, когда на бетонном полу гаража замечает Люси. Девушка лежит на спине. Неподвижно. Глаза закрыты, а руки нехарактерно вывернуты.

И тут Алек делает ошибку.

Срывается с места, закатывая рукава. Шепчет имя девушки. Но не успевает опуститься на колени, как резкая боль разрезает затылок, принижывая до костей. Он получает удар по голове. Холодное железо сминает череп, от чего тьма вокруг становится совершенно непроглядной.

Алек больше не может двигаться. Просто отключается,

упав на холодный бетон, в лужи крови. Чужой крови.

В настоящее время

– Их убили, – потеряла шею, что заболела от пронизывающего ветра, – прямо на вечеринке.

В глазах Кристин мелькнуло непонимание и немой страх. Она прикрыла рот рукой, прошептав:

– Кого?

– Твоих новеньких, – вспомнила про группу подростков, только вступивших в ворота средней школы и их наставников. Кристин было важно то, чем она занималась и кому помогала, потому я с сожалением уточнила, – Люси и Алека убили.

Кристин проронила вздох. Её глаза вмиг стали стеклянными. Она не моргала, смотря на меня.

– Мне жаль, – качнула головой, поджав губы.

Дилан возмущенно открыл рот, не сдерживая гнев:

– Вы куда, черт подери, ездили?!

– В больницу, но потом позвонила Ева и попросила встретиться, – вмешался Люк, а я лишь стояла рядом. Не знала как вести себя дальше. Следила за взглядом Кристин, что стала подниматься со стула. Ее ноги дрожала, поэтому она помогла себе руками, оперившись ими в стол. Но она все равно покачнулась.

Подскочила к Кристин, помогая устоять на ногах.

– Мы встретились рядом с домом Эмили, – объяснял Люк, потирая лицо от усталости и недосыпа, – потом Алекс уви-

дела, что его оцепили копы и внутрь никому нельзя.

Неожиданно раздался шепот:

– Я виновата, – Кристин тяжело сглотнула, прочистив горло, – я должна была быть на их месте.

Я опустила голову, заглянув в глаза блондинки. Ее зрачки забегали по полу, а я надеялась, что просто ослышалась:

– Ты что такое говоришь? – спросила тихо.

– Там был твой отец? Ты спросил у него что-нибудь? – Дилан одной рукой трепал темные волосы, второй нервно стучал по бедру. Он не слышал слов Кристин.

– Был и ты знаешь, что он мне ничего не скажет.

– Так ты попытайся спросить еще раз! – Сорвался О’Коннелл, отвернувшись.

Я вздрогнула от его крика и злобно посмотрела на Дилана. Люк не виноват, что это тайны следствия, не надо на него кричать.

– Отпусти, – вновь прошептала Кристин.

Я посмотрела на сгорбившуюся подругу. Непонимающе убрала руки, которые она отталкивала. Кристин сморщилась, словно сдерживая боль, мешающую даже дышать, и все равно расправила плечи. Выпрямилась, заглянув в мои глаза:

– Отвезите меня в больницу.

Волнистые светлые волосы спадали на лицо, скрывая его, поэтому я не могла точно оценить состояние Кристин.

– Зачем? – Дилан сжал губы, резко развернувшись в нашу сторону. Все в комнате замерли, наблюдая.

– Я не собираюсь прятаться. Если Птица хочет закончить начатое, то пускай это буду я, а не другие.

Мой рот раскрылся, когда Дилан схватил Кристин за локоть, развернув к себе.

Я тут же вышла из себя:

– Не тронь, – повысила голос в ответ на его грубость.

Парень меня не слушал, продолжив сжимать локоть. Он опустил взгляд, но видел лишь белую макушку, ведь был на порядок выше Кристин.

– Что за храбрость в тебе проснулась?

Я сжала кулаки, повторяя:

– Отпусти ее.

Дилан моргнул, подняв на меня взгляд. Он смотрел с такой скрытой яростью, что я невольно отступила назад. Перевела беспомощный взгляд на Люка, что стоял в стороне, наблюдая.

Помоги же мне. Помоги.

– Я не храбрая. Но я не позволю умирать людям, когда на их месте должна быть я, —прошипела Кристин, морща лицо от боли, – Не отвезете, я пойду пешком.

Люк ответил быстрее всех:

– Я отвезу.

Он пересек кухню, остановившись позади Дилана, и прикрыв кулаком губы, кашлянул. Этот жест не подействовал, и Люк растерянно кашлянул еще раз.

Кристин не боялась. Она смотрела прямо на Дилана. Он в

ответ. Его взгляд прожигал насквозь. Испепелял. Делал все, лишь бы не отпускать.

– Пускай попытается достать меня, – произнесла Кристин, смотря прямо на Дилана. И в тот момент, он неожиданно снял свою маску. Чувственно посмотрел на блондинку, почти задыхаясь.

– Прошу, – прошептал он, наклонив голову, и если бы я не знала Дилана, подумала бы, что он страдает, – не уходи.

Они смотрели. Друг на друга. Не отрываясь.

В тишине Кристин опустила голову, спрятав лицо в волосах. Еле заметно качнула ей, и Дилан все понял. Она не останется. Его взгляд тут же изменился.

Он выпустил локоть Кристин и отошел в сторону. Я тут же подскочила к подруге, отгородив её от опасности.

– Знаешь, – Дилан вдруг подал голос, фальшиво улыбнувшись, – если её прикончат, то вы оба будете виноваты.

17:04

Я удобно расположилась на кровати Люка, перебирая в руках свой браслет. Улыбнулась, вспомнив, что Люк подарил мне его на полгода наших отношений. Перекатилась с живота на спину, поднимая руки над лицом, чтобы рассмотреть вещичку.

Больше заняться нечем.

Воссоединение Кристин и ее мамы я не увидела, так как подруга настояла высадить ее в квартале от больницы, чтобы нас ни в чем не заподозрили. Но мисс Пекус вскоре позво-

нила в слезах, и успокаивала меня, говоря, что все хорошо и Кристин пришла сама.

Что наплетет Кристин, я не знала, но вряд ли ее выпустят из виду, пока она находится в больнице. Это нам на руку.

Скрип.

Люк вошел в комнату, закрыв за собой дверь, и направился в мою сторону. Кровать прогнулась под весом и, вскоре, он прилег рядом. Чувствую, как он смотрел на меня, в надежде, что я развернусь, но я любила не оправдывать надежды.

Прошептала:

– Ты прожжёшь во мне дыру.

– Я хочу любоваться тобой, – с усмешкой в голосе произнес он.

Я резко присела, от чего Люк дернулся и поспешил поступить также.

– Что не так? – непонимающе спросил он.

– Ты не хочешь поговорить?

– О чем?

Поджимаю губы, наклоня голову:

– О том, что произошло, той ночью. Только не улыбайся, – начала смеяться, сбросив весь настрой, – дурачок, я же серьезно поговорить хочу.

– Ты про ту ночь, когда мы занялись любовью?

– Так значит, мы занимались любовью?

– А как ты еще это назовешь?

Я потеряла вспотевшие руки, надев браслет обратно. Неловко улыбнулась, ерзая на месте:

– Любовью подойдет больше всего.

В комнате повисла приятная тишина. Я не решалась заговорить, чтобы не прервать нашего зрительного контакта. Лица находились в паре сантиметров друг от друга, и я заметила, как Люк быстро скользнул языком по нижней губе.

– Тебе было больно?

А ведь, правда, мы даже не спросили друг у друга о впечатлении или эмоциях.

Качнула головой, прикусив губу:

– Терпимо.

Люк убрал вылезшие локоны с моего лба за ухо и подался вперед. Накрыл мои губы своими. Я потянулась к его щеке ладонью, а вторую запустила в волосы, оттягивая их.

Скрип.

Отскочили друг от друга, как от огня и подняла глаза на дверь.

Дилан стоял в дверном проеме, сложив руки на груди.

Бросила на него гневный взгляд и прикрыла пальцами губы, словно ничего не произошло.

Он ухмыльнулся:

– Что делали, ребятки?

– Не твоего ума дела, – пробубнила через ладонь, закатив глаза, – чего ты сюда пришел?

– Я его позвал, – оправдал Люк, поднявшись с кровати, и

пригладил черную футболку.

Зачем? Тяжело вбираю воздух через нос. Почему мы не можем побыть вдвоем? Тем более это Дилан. После сегодняшнего инцидента, я даже видеть его не хочу.

Люк впустил того в комнату, закрыв дверь:

– Ты принес?

– Ага, – О’Коннелл полез в задний карман и достал свернутый листок.

Я прищурилась, подгибая к себе ноги и садясь в позу йога, попытавшись рассмотреть кусок бумаги.

В комнате было светло.

Люк забрал листок и развернулся, подходя к противоположной стене. Я с интересом следила за его действиями. Он взял со стола горстку разноцветных кнопок, развернул огромный разрисованный лист другой рукой, и прикрепил ими края бумаги.

Дилан, засунув руки в карманы и не проронив ни слова, подошел к Люку. Своими спинами она закрыли весь обзор, поэтому я поднялась с кровати, перебирая ногами по теплому махровому ковру, и остановилась по левую сторону от Люка.

Все внимание приковывала карта, которая уже повесили на стену. Люк с силой нажал, где-то в середине карты, на синюю кнопку и достал следующую.

Мои ладони вспотели, скоро ими можно будет мыть полы. Вытерла их о черные джинсы, поджав губы.

Отмеченным кнопкой местом оказался парк Овер-Холд, именно тот, в котором мы с Люком нашли тело Джона. Перевела взгляд на новую кнопку чуть правее от парка. Трасса, на которой нам под машину бросилась Сесилия.

Прикусила губу, ощутив напряжение и жар. В комнате стало безумно душно, от чего по виску скользнули капли пота. Кинула беглый взгляд на Дилана, перед тем как Люк воткнул в стену новую кнопку. Он сильно сжал челюсть, скрипя зубами.

Новая кнопка оказалась выше остальных, прямо над парком. И ей оказался дом Анны, смерть которой мы обсуждали неделю назад.

Вытерла тыльной стороной ладони лоб, продолжив следить за манипуляциями Люка.

Тот достал последнюю кнопку и, проведя пальцем вдоль карты, вдавил ее в стену. Чуть ниже и левее, чем парк. Это сегодняшние смерти. Сердце застучало быстрее.

– Что это значит? – не выдержала я.

– Ничего, – отвечает с едва скрываемой досадой, Люк, – что-то не сходится.

Подняла на него обеспокоенный взгляд:

– Что?

Рука Дилана потянулась к карте. Он вытащил синюю кнопку, что проткнула черную линию, обозначающую «трасса», и опустил руку чуть ниже, с уверенностью проткнув новое место. Этого места я не знала.

Дилан прохрипел:

– Он планировал убить Сесилию дома.

Так вот чей это дом. Сесилии.

Люк вздрогнул. Не прошло и секунды, как он вырвал свое плечо из моей хватки и подбежал к столу, схватив карандаш. Его движения были резкими, но руки дрожали, словно мозг вспыхнул от навязчивой идеи и перестал контролировать тело. Оглядев поверхность карты, Люк провел длинную линию, соединяя две точки. От кнопки до кнопки.

Когда он закончил, нашему взгляду пристал треугольник, в центре которого расположился злосчастный парк.

– Дай, – прохрипел Дилан, забрав карандаш и заняв свое место у стены.

Он уверенно очертил круг, охватив нужные точки.

– Кнопку, – сказал приказным тоном и вытянул ладонь, в ожидании. Получив желаемую вещь, он проткнул карту в новом месте и сделал шаг назад.

Выдох. Словно пнули под дых и весь воздух вышел.

Очередной точкой на карте стал полицейский участок, в котором мы с Люком искали видеозапись, и нашли Птицу. Так же как и он нас.

О’Коннелл прохрипел, запустив пальцы в свои черные волосы:

– Он сбил Кристин в этом районе.

Сбил Кристин. Это тоже считается? Видимо, считается, ведь он планировал её убить. Она была простой девочкой,

попавшейся ему на дороге, или просчитанной жертвой, за которой он следил до этого? А та ночь, когда я увидела его голову в окне. Неужели он следил и за мной? Получается, я могла быть на месте Кристин.

Голова начала пухнуть. Мысли заполоняли все пространство, грозясь политься из носа и ушей тягучим веществом. Это заставило меня содрогнуться от ужаса. Стенки горла неожиданно сжались, не давая кислороду попадать в легкие. Дышать стало тяжелее, от этого мое лицо скривилось, а рот широко раскрылся, в попытке сделать глоток воздуха.

Паника. Такая, как при большем количестве людей, словно все окружили и нависли. Словно ты сидишь на полу, сжавшись в комок, и пытаешься рассмотреть за слившимися головами хоть толику неба, но ничего не видно и это душит.

Люк обратил на меня внимание:

– Ты в порядке?

Промолчала, отрицательно качнув головой.

Он подхватил меня под руки, разворачиваясь, и подвел к окну у противоположной стены. Щелкнули створки, и я тут же высунула голову, повиснув на подоконнике и хватая воздух ртом. Освежающий ветер ударил в лицо, раскидывая в разные стороны волосы и охлаждая разгоряченную кожу. С новым глотком воздуха позывы к тошноте прекратились и постепенно, удалось нормализовать дыхание.

За спиной раздался громкий голос:

– Это звезда!

Я заправила волосы за ухо и нашла в себе силы отойти от окна. Рука Люка нашла мою, и парень сплел наши пальцы, успокаивающе поглаживая нежную кожу и не отпуская от себя. Я лишь удрученно посмотрела на него, после перевела взгляд на Дилана, что нервно водил пальцем по карте, повторяя как заведенный:

– Звезда, только гляньте. Это же звезда...

– Ты о чем?

Дилан прикусил кончик карандаша, что держал в руках, и осуждающе посмотрел в нашу сторону. По его сошедшим у переносицы бровям и широко раздутым ноздрям стало понятно, он крайне недоволен нашей проницательностью.

– Пентаграмма, – цокнул Дилан и отошел в сторону.

– Ты прав, – вдруг сказал Люк, подходя ближе и рассматривая карту под разными углами. – Только вот она не полная, не хватает еще одной точки.

– Двух, – прохрипел Дилан, – не думаю, что точка Кристин считается полноценной и завершенной, ведь... – выдержал паузу, во время которой у меня покалывало в ладонях, – она жива.

– Звучит правдоподобно. Это действительно похоже на пентаграмму, в центре которой нашли тело Джона.

– Все вертится вокруг Джона, – заключил Дилан, после чего добавил чуть тише, – которого убил я.

В комнате тут же стало тише. И мрачнее. Я подняла на него уверенный взгляд:

– Как бы ты мне не нравился, я знаю, ты не убийца. Ты смелый и честный, раз решился защитить Кристин.

– Кстати, сегодня утром кто-то следил за ней, – прохрипел он, сжав ладони в кулаки. Всё прохрустело.

Люк отвернулся от стены:

– Кто?

– Я могу ошибаться, но кажется знаю машину, – и без того хмурое лицо Дилана стало еще мрачнее, – это была машина Марка.

– Какого Марка?

Дилан потер костяшки:

– Который сидит с Кристин на Алгебре и Испанском.

Мои брови нахмурились. Неужели речь о Марк, что клеился к Кристин, на протяжении года. Все пытался затащить ее на свидание. Это он в начале учебного года принес Еве воды, когда мы сидели в кабинете биологии, и потом он странно смотрел на меня.

– Тот Марк, который свою разбитую машину у самого входа в школу ставит? – переспросил Люк.

– Да. По ней я его и узнал, – Дилан быстро провел кончиком языка по губам, после чего накрыл ладонями лицо. Надавил на веки.

Его тяжелое дыхание затопило комнату.

– Этот ублюдок, – резко вскинул руки, убирая их от лица, – он Птица, клянусь!

– Это серьезное обвинение, Дилан. Не торопись...

– Ты серьезно? Разве не понятно, почему он дал нам шанс спасти Кристин?! Потому что он влюблен в неё, психопат. Он как-то отследил её у моего дома, зачем ему это, если он не Птица?

Я потеряла ладони, и почесала щеку ногтями. Нужно переварить все это. Весь этот бред. Или не бред?

Подняла взгляд на Люка:

– Если он ее любит, то зачем убивать? – спросила, почти не дыша.

– Может, – осторожно начал Люк, – если она не достается ему, то не достанется никому?

Дилан прикусил губу, отрывая сухую кожицу. Его руки дрожали, пока он бил кулаком о кулак. Взгляд мрачнел, ведь он нашел Птицу.

XI. Глава

15:23

Прикрыла глаза, с силой захлопнув дверь. Кожу рук уже часа два что-то покалывало, словно тысячи иголок, и от этого мое желание громко закричать только росло. Такое ощущение, что я должна что-то предпринять, сделать, чтобы исправить ситуацию, но не могу понять, что! От того руки и чешутся. Мышцы ноют в ожидании.

Сняла кроссовки. С подошвы куском слетела грязь и плюхнулась на чистый пол. Сделала глубокий вдох и прикрыла веки, в попытке скрыть раздражение. Да. Плюс ко

всем проблемам в Агригент Стилл настал период проливных дождей, и я умудрилась вляпаться в грязь и промокнуть как белка. Сырая, голодная и злая белка. Или скунс. Не знаю на кого больше похожу сейчас.

Шаркнула ногами по ковру и направилась в свою комнату.

Да, прямо по коридору, никуда не сворачивать и я буду в своей кровати. Укутаюсь в одеяло и тогда, возможно, все проблемы уйдут. Хотя, кого я обманываю?

Сбоку раздался женский голос:

– Алекс?

Я неуверенно сделала пару шагов назад и заглянула на кухню. Мама сидела за столом в своем черном приталенном пиджаке и с красной помадой на губах, волосы были собраны в аккуратный пучок. Она как всегда держала спину ровно, сохраняя осанку, но в её взгляде читалась усталость. Видимо она только вернулась с работы и это странно, ведь рабочий день еще не закончен.

– Привет мам, – произнесла без особой радости в голосе и скрылась в коридоре.

– Вернись.

Остановилась, поджав губы. Что за тон? Расправив плечи, вернулась на кухню и подошла к столу, разглядывая маму чуть внимательнее. Она сидела все также прямо, лишь сложив руки на груди. В морщинках вокруг глаз засели тени.

– Сядь.

– Я постою.

– Сядь я сказала! – сорвалась на крик, резко подняв на меня взгляд, но тут же одернулась, перейдя на спокойный тон, – садись.

Отодвинула стул, царапнув деревянными ножками кафедру, и присела. Изумленный взгляд прикован к маме. Я не помню, когда она в последний раз повышала на меня голос.

– И так, Алекс, ответь мне честно, где ты сегодня была?

– Если это допрос, то я разочарована, мам. Ты мне не доверяешь?

– Просто ответь. Где ты была?

Закатила глаза, попытавшись спрятать внутренний страх, и сделала максимально непринужденное лицо:

– У Люка в гостях. Что-то не так?

Лицо мамы заметно расслабилось.

– Ты не позвонила и не предупредила о своем походе «в гости», – сказала она после минутной заминки и подняла руку к пучку на голове.

– Я просто, – прокашлялась, пытаясь придумать что-то убедительное, – просто мне было страшно оставаться одной, особенно, когда по городу прокатилась череда убийств, а тебя не было дома.

Мама распустила волосы и сморщилась, показывая, что эта тема ей неприятна.

– Да-да, ко мне уже перенаправили родителей погибших детей, ужасное дело, – проговорила она, и взгляд её тут же похолодел. Всё, что касается работы, держится строго в

пределах её кабинета.

Она поджала губы и устало посмотрела в мои глаза:

– Не бери в голову.

Я еле заметно кивнула, ощутив пульсацию в голове. Бросила взгляд в окно, но от перламутрового неба ничего не осталось. Все цвета смешались и превратились в мрачное пятно. Под стать моему настроению.

– Ты кстати знала, – осторожно начало мама и я неохотно перевела на нее взгляд, – что Кристин бродила по окрестностям целую ночь?

Качнула головой, пряча эмоции. Мне кажется, что сейчас я хочу смеяться. И плакать. Драться. А может все вместе.

– Мне Дженис позвонила, – мама поднялась со стула, снимая пиджак, – сказала, что Кристин не чувствовала себя в безопасности и поэтому сбежала. Сейчас они дома. Слава богу, хоть у них все не так плохо, но с Кристин стоит поработать, – мама прошла мимо, запустив руку в мои распущенные волосы, и пригладила их, – ты ведь мне сообщишь, если с ней что-то случится?

– Я... да, мам.

8:34

Мимолетные, незаинтересованные взгляды встретили меня, как только я вошла в двери кабинета. Прикрыв за собой дверь, я развернулась к учителю и замерла, так и не извинившись за опоздание.

– Да, Саттон? Вы хотите поведать нам интересную исто-

рию вашего опоздания? – спросил мужчина, не оторвавшись от доски и сжав между пальцев мел, – если нет, то прошу вас присесть.

Тот, кто пережил большое горе. Тот, кто узнал, что его сын мертв, а потом, что нет возможности его даже захоронить, ведь тело пропало. Тот, кто изменился до неузнаваемости за месяц и вернулся преподавать, стоял прямо передо мной, пока я виновато теребила в руках ляжку сумки.

– Спасибо, мистер Хант, – прошептала и поспешила к своему месту.

Как только села за парту и осмелилась еще раз взглянуть на мистера Ханта, перед глазами тут же пронеслись жуткие воспоминания, от которых кожа покрылась противными мурашками. Я взмахнула головой пытаюсь прогнать мысли о Джоне и его отце.

– Итак, сегодня темой урока станут преступления, а именно убийства и...

Вздрогнув, я вперила в учителя удивленный взгляд. С задних рядов послышался писклявый голосок:

– А вы уверены, что мы должны обсуждать именно это на мировых религиях?

– Мисс Кайли, – начал мистер Хант, видимо ожидав такого исхода, – дослушав меня до конца, вы бы поняли, к чему я подвожу. Но видимо сегодня вы не отличаетесь терпимостью, – он развернулся к классу и окинул нас всех взглядом.

Всегда удивлялась тому, насколько мистер Хант хорошо

знает учеников. Даже по голосу определить может, кто и откуда говорит. Учитывая, что мистер Хант сейчас заменяет профессора Данка и он вовсе не обязан знать чужих учеников, это правда удивительно.

Я развернулась, разглядев на заднем ряду ту самую Кайли, так как помнила её смутно. В принципе, как и большинство в моем классе, ведь я выбрала этот предмет в качестве дополнительного занятия. Но вот кого я точно не ожидала здесь увидеть, так это О'Коннелла, спящего на третьем ряду, подложив руки под голову.

Мистер Хант продолжил грубым и осипшим голосом, привлекая внимание:

– Вы слышали миф об убийстве Осириса? – выждал паузу, – Осирис и Сет, вот фигуры, которые нас интересуют. Оба величайшие, оба рискованные и оба цари Египта. Осирис был законным правителем, сыном богов. Он женился на своей сестре Исиде и вместе они научили людей обрабатывать земли, что позволило тем вести безбедную жизнь. Однако Сет, брат Осириса, жаждал завладеть тронem. Вот здесь и происходят разногласия. Мифы повествуют о коварстве Сета, когда тот превратился в крокодила или гиппопотама, источники не сходятся на едином мнении, и захотел напугать на берегах Нила Осириса. Безобидная, детская сказка, не так ли? Вот только Плутарх, греческий писатель, изложил эту историю по-другому. Сообщники Сета создали красивый сундук по меркам Осириса, после чего Сет устроил пир и позвал на

него брата. Особым подарком на этом пиршестве стал зло-
счастный сундук. Сет исхитрился и устроил игру. Все зала-
зили в сундук, но не могли в поместиться. Когда настала оче-
редь Осириса, у него все получилось и заговорщики тут же
захлопнули дверцу сундука и выбросили его в Нил.

Мистер Хант хлопнул ладонями, показав, как закрылась
крышка своеобразного гроба, и я тут же вздрогнула.

– На этом история не закончилась. Расстроенная Иси-
да, оплакивая смерть мужа, отправилась искать его холодный
труп. И нашло. Узнавший это Сет пустился за Исидой, и, до-
гнавши ее с телом в руках, разрубил Осириса на четырнад-
цать частей. Он разбросал останки по всему Египту, ведь
так никто и никогда не сможет вернуть Осирису жизнь. Пе-
чальный финал, не правда ли? Вот только если сильно захо-
теть, то можно вернуть любого к жизни. Так и поступила Ис-
ида. Она обратилась к Анубису, что охраняет врата мертвых,
и оживила Осириса. Конец... или начало, здесь как посмот-
реть.

В кабинете повисло молчание. Я сжалась от внутреннего
холода и огляделась: Дилан спал, его поддержали еще пароч-
ка учеников. Остальные сидели молча, занимаясь своими де-
лами.

Громкий, разрезающий уши, звук раздался в кабинете. Я
вздрогнула, сжав края парты, но сразу же успокоилась. Это
объявление.

– Итак, – высокий, несвойственный мужчине голос, про-

неся по кабинетам, – как не прискорбно, но все вы уже знаете о гибели учеников нашей школы. Мы соболезуем родителям и всем, кто был знаком с погибшими. Повторяю, это большой траур для всех, но мы хотим показать всю нашу стойкость и мужество, поэтому теперь, школа не будет освобождать вас от уроков, – в классе пронесся гул, – мы покажем, что достаточно сильны и можем продолжать жить, ради наших друзей и любимых.

Я почесала ногтями переносицу, закатывая глаза. Сейчас всех взорвет. Никто не может нормально учиться, постоянно ожидая нападения.

– Но также, весь педагогический состав решил провести благотворительный вечер. Ваше участие, как и присутствие, очень важно. Вечер посвящен родителям погибших детей, так что все собранные деньги будут направлены на материальную помощь для них. Наша же задача – присутствовать там, а для отдельно выбранных людей мы подготовили особые роли в этом вечере, об этом их известят отдельно. Должны вас предупредить, что к нам придут главы города и весьма обеспеченные люди, так что нам необходимо хорошо себя подать.

– Так я не поняла, мы должны родителям помочь, или хорошо показать школу? – прошептали рядом со мной.

Я обернулась, посмотрев на О’Коннелла. Парень поднял на меня взгляд, в котором читалась настоящая буря, хоть ни один мускул на его лице и не дрогнул. Ему эта затея не нра-

вилась.

9:10

Весь оставшийся урок Дилан просидел словно скала, о которую разбивались волны, накрывая с головой. Как только прозвенел звонок он сорвался с места и взъерошив черные волосы поспешил выйти из класса. Я, придерживая сумку, побежала за ним.

– Дилан! – выкрикнула, ускоряясь.

Он был зол, недоволен и одержим идеей прижать Марка к стене. Он искал ответы на вопросы и пытался поймать убийцу, но я бы не позволила ему сделать это в одиночку.

– Ты куда собрался? – спросила, когда выровнялась с О’Коннеллом, – Дилан?

– Иду на урок, – как-то грубо, раздраженно.

– И что это за урок? Основы мордобоя? Техника выжимания правды из всех, кого подозреваешь?

Дилан резко остановился, разворачиваясь ко мне и прожигая взглядом темных глаз. Я повторила его действия, старательно пряча страх как можно глубже. Он наклонил голову, изучая меня, словно хищник добычу, и с прищуром произнес:

– Чего ты хочешь, Саттон?

– Ничего.

– А-а, – протянул Дилан, медленно переступая с ноги на ногу и сокращая между нами расстояние, – ты хочешь узнать, что я собираюсь сделать с Марком, – произнес наро-

чито громко.

Поджала губы, оглядываясь, и заметила неподалеку светловолосого парня. Вот же черт, вспомнишь солнышко, вот и лучик. Марк стоял у стены, убирая вещи в шкафчик. Мышцы его лица расслаблены, и я с удивлением всматривалась в его черты, изучая как в первый раз. Признаю, что из-за своей скованности, никогда не позволяла себе вот так открыто рассматривать человека, но сейчас... это подозреваемый номер один. Других пока и не имелось. И смотря на него, я вспоминала редкие жалобы Кристин, ее сконфуженное лицо, когда Марк предлагал подвезти. В голове всплывали и его друзья. Сморщилась, ведь они куда неприятнее, чем тот же О'Коннелл.

О'Коннелл. Его образ вспыхнул в голове ярким пламенем и я тут же посмотрела на Дилан, шикнув:

– Зачем так громко? Он же услышит.

– Кто услышит? – наигранно удивился Дилан, но в глазах блеснул холод, – А-а, – протянул и угрожающе посмотрел вбок, дав понять, что тоже заметил Марка, – ты об этом ублюдке...

Шагнул, в стремительной попытке обойти меня. Я дернулась, тут же толкнув Дилана в грудь. Он изумленно опустил взгляд, пока я пыталась увести его из коридора. Молчал, тяжело дыша через нос. Его раздражали мои толчки. Карие глаза словно темнели от злости с каждым моим толчком, поэтому я опустила голову. Не смотрела на Дилана, а внутри все

сжималось от страха. Страх перед тем, что мог натворить О'Конелл, стоило ему сорваться. Как в тот раз.

18:34

– Ты уверена?

Раздался звонкий голос:

– Я не хочу сидеть дома и не хочу пропускать этот благотворительный вечер, когда он кстати?

Перевернулась на живот, продолжив держать одной рукой телефон:

– Через два дня, – закинула сухарик в рот, – нужно купить платье и туфли.

– Ну, – Кристин замялась, – обязательно платье?

– Да, съездим завтра. Знаешь, что меня настораживает? – в ответ послышалось глухое мычание, – сегодня на мифологии мистер Хант...

– Он там был?!

– Да, – закатила глаза, – но не в этом дело. Мне показалось, что у него были догадки на счет убийств. У нас даже тема урока была связана с убийствами и расчлененкой, но это ведь не значит, что в городе происходит такое же. Да?

Послышался громкий вздох:

– Насколько я знаю, он заменяет профессора Данка и мифология, вовсе не специализация мистера Ханта. Значит, вы были первым классом, над которым он решил поэкспериментировать. И вполне возможно, что тему выбрал такую из-за боли внутри. Или может он свой первый урок решил по-

светить сыну? Ну, знаешь, почтить честь?

Фыркнула:

– Там и близко этим не пахло.

– Ты же не думаешь, что мистер Хант, отец Джона, наш преподаватель, не последний человек в городе, тот бедный мужчина, что-то знает? Ты его хоть там не подозреваешь?

Я замолчала. Поднесла пальцы к лицу, начиная грызть ногти. Внутри меня шло сражение.

– Парни настаивали на том, чтобы я не рассказывала, но у нас уже есть подозреваемый.

Кристин замерла. По видео связи было видно, как медленно она повернула голову в мою сторону и раскрыла рот. Закрыла. Как рыбка, и глаза такие же, наполненные нерешимости.

– Кто? – все-таки спросила подруга на выдохе.

– Марк.

От лица Кристин

8:10

Я сидела перед зеркалом, смотря на маленький синяк на ключицах. Пальцами коснулась его. Мое лицо скорчилось, после чего я выдохнула. Такие отметины буквально на всем теле.

В дверь постучали. Скрип.

– Ты готова? – мама провела языком по зубам, осматривая меня, – почему свитер?

Я повернулась, поправив воротник, и с улыбкой кивнула:

– Готова.

Оставив без внимания второй вопрос, я прошла в коридор, обходя маму. Жаль, что Алекс пришлось идти без меня, ведь теперь меня будут подвозить. Но в принципе, если выбирать с кем ехать: с Люком или моей мамой, то выбор очевиден.

Я остановилась у выхода, согнувшись, и поджала губы.

– Ну-у, – выжидающе протянула мама, когда сравнялась со мной.

Я перевела взгляд с каблучков на кеды и опустила голову, безнадежно выдохнув. Волосы волнами упали на лицо, скрывая его.

Мама достала свою обувь на платформе и отошла к противоположной стене, наблюдая за мной. Я выпрямилась, подняв кеды, и улыбнулась, пожав плечам, когда мама вопросительно выгнула бровь.

– По крайней мере, в них удобно.

– Ну да, поэтому ты всегда на каблучках ходила, – мама подошла ближе, начиная потирать мои плечи, – если тебе страшно или плохо...

Я нахмурилась:

– Ни то и ни другое. Все хорошо, – положила руку на свое плечо, сжав мамину ладонь, – просто так действительно удобно, а в закрытой одежде не холодно, – растянула обкусанные губы в улыбке и обувшись, направилась на улицу.

Нет, я не вру. Ветер действительно холодный, но, а в

остальном. Мне не нравилось мое тело из-за следов на нем. Поэтому на мне сейчас серый мешковатый свитер и джинсы. Чтобы не привлекать внимание. А обиднее всего то, что я это заслужила. Я осталась жива и, черт возьми, зная всё, позволила умереть другим.

Захлопнула дверцу машины и устроилась удобнее на сидении.

Птица всегда убивал одного, а здесь не мелочился. Нет сомнения, что я должна была быть на их месте и, черт возьми, мне хотелось много материться, но язык не поворачивался. Я не могла выдавить из себя и слова, чтобы описать свои никчемные чувства, но нет. Оставалось только улыбаться.

Мама села за руль, хлопнув дверцей, и подала мне рюкзак, который я по всей видимости оставила дома.

Приняла его, растянув губы в улыбку:

– Совсем забыла, прости.

– Да ладно, – мама тепло улыбнулась в ответ, – растяпа.

Поставила его на коленки и посмотрела на дорогу. Мысли опять уносили меня. Их впервые было так много, что я путалась. Не могла разложить все по полочкам, но должна была.

В чем ты больше всего запуталась, Кристин?

Дилан. Не понимаю его. Совсем! То он сам касается меня, проявляя интерес. То я его раздражаю, и он всем своим видом показывает неприязнь. Просит уйти, чтобы пообщаться с любимой Эмили, при этом подвергнув меня опасности.

Стоп.

Он не виноват в этом. Не поддайся я своей ревности, то не ушла бы далеко и ничего бы не случилось. Он лишь попросил выйти из машины, а не уходить на прогулку с убийцей на поводу шаткой нервной системы.

Но и смотреть спокойно на этих голубков я не могла. Я должна была либо уйти, либо присоединиться к Алекс с Люком.

Прикрыла пальцами рот, коснувшись ссадины на подбородке.

А по их мнению кто все это устроил? Марк. Единственный парень, которой проявляет ко мне интерес и тот может быть психопатом-убийцей.

8:27

– Ну-у, – протянула мама, рассматривая школу, – вроде ты успеваешь.

Поблагодарила ее и, после поцелуя, вышла из машины.

Людей уже не было, только дворник, который стоял рядом со входом и курил. Прошла мимо, улыбаясь ему, и накинула рюкзак на спину, заходя в ворота школы.

Ветер пронес мимо серые листья и угрожающе завыл. Мои волосы подлетели в разные стороны и полезли мне в рот. Поймала пальцами прядку и вытащила ее, придержав у щеки. Вошла в школу.

Главным сейчас было дойти до кабинета и, по возможности, встретиться с Алекс и Люком. Поджала губы, двигаясь по пустому коридору. И Диланом.

Завернула в холл и непонятным для себя образом оказалась в центре огромной толпы. Люди толкались, бились и наступали друг другу на ноги. Почему раньше я относилась к этому спокойнее? Дикое желание вырваться из цепких лап этой толпы накрыло меня, и я со всей силой потянулась вперед. Шум начал душить.

Мои попытки остались безрезультатны, и я ощутила, как рюкзак застрял между двумя парнями, которые куда-то торопились и, не замечая того, тащили меня за собой. Злость во мне росла, и я все сильнее начала расталкивать людей, вырывая свой портфель. Хриплю. Барахтаюсь. Но вырвалась.

Спокойно выдохнула, когда прошла толпу и оказалась на лестнице. Поднялась по ступенькам, заметив парня с копной черных волос, болтающего с брюнеткой. Хрустнула пальцами, когда Дилан, улыбнувшись, поднял голову и краем глаза заметил меня. Мы встретились взглядами. Его улыбка померкла, а я отвернулась, ускорив шаг. Он стоял на нашем месте. Вместе с Эмили.

11:00

– Ты бледная, – громко заметила Алекс, вызвав у меня подавленную улыбку.

– Меня сбила машина, скажи спасибо, что я бледная, а не холодная, – проговорила с насмешкой, но подруга не разделила моего веселья, поэтому добавила более спокойно, – моя мама врач, помнишь, да?

Алекс в ответ кивнула и, поправив свисающую сумку,

продолжила идти в сторону столовой.

Спустя минуту молчания раздался голос:

– Так, мы поедem сегодня за нарядами?

Подняла глаза на Алекс и кивнула. Даже если я не хотела появляться на глазах у людей, посещать вечеринки, я не могла показать это Алекс. Не имела никакого права расстраивать ее.

– Я бы хотела бархатное платье изумрудного или бардового оттенка, – задумавшись, произнесла она, – с пышной юбкой выше колена, а ты?

Раскрыла двери и прошла в столовую. Зажала язык между зубами, ища глазами свободный столик, и двинулась на середину помещения.

– Так, какое платье? – повторила вопрос.

– Подожди, я столик ищу.

Алекс закатила глаза:

– Опять.

– Что? – развернулась к подруге, но заметила свободный стол, и, схватив Алекс за запястье, двинулась в его сторону.

– Ты всегда, когда не хочешь рассказывать, говоришь, что что-то ищешь или в зубах что-то застряло. Я же знаю тебя.

Бросила рюкзак на стул и перекинула одну ногу, присаживаясь. Алекс поступила так же.

– Я не знаю, какое платье, – вытащила из портфеля два сока и вручила один подруге, – но если увижу, то пойму. И я не делаю так.

– Делаешь.

Фыркнула в ответ, на что Алекс насмешливо кивнула. Как тяжело общаться с человеком, который прекрасно тебя знает. Даже не обмануть.

Проткнула сок, зажав трубочку губами. Осмотрелась и случайно, действительно случайно, наткнулась взглядом на Дилана. Он как обычно взъерошил волосы и удобнее расположился на стуле. Поднес карандаш к губам, коснувшись их. Я опустила глаза, наблюдая из-под ресниц за тем, как О'Коннелл быстро провел языком по губе. Отвернулась, откашливаясь. Кажется, я подавилась соком.

Алекс засмеялась громче, привлекая к нам внимание:

– Пей не так быстро.

Вытерла тыльной стороной ладони рот и огляделась, Дилан смотрел в нашу сторону, не проявляя никаких эмоций. Я вздрогнула, когда рядом с ним опустилась Эмили и впилась в его губы. Буквально выхватила из этого мира и сама поцеловала, нарушив наш контакт.

Огромный ком засел в горле и я отвернулась, сглатывая.

А чего я хотела?

Все что со мной произошло лишь моя вина. Целуйся он хоть с Марком, это исключительно его дело и я не могла помешать этому.

Но почему это так давило на меня?

Теплая ладонь опустилась на плечо, и я подняла глаза на Алекс. Она поглаживала меня, еле заметно сморщившись:

– Мне жаль.

– Мне тоже, – прошептала, но после добавила громче и с заученной улыбкой, – какой у нас урок?

В глазах Алекс отразилось сожаление и сильное желание встать и накричать на неё проскочило в голове. Никакой жалости не должно быть.

Я не жалкая.

Нет!

Нет?

13:45

Учебный день подходил к концу и все, что мне оставалось – это отсидеть Алгебру. К сожалению, именно на этом уроке должна была собраться вся семейка: Дилан, Эмили, Люк, Алекс и Марк.

Я ощутила себя такой маленькой и невзрачной, по отношению к ним. В сравнении с ними. Натянула серые рукава на ладони и придержала их пальцами. Опустила голову, когда в кабинет зашел О’Коннелл, держа на одном плече черный портфель. Серая рубашка облегал его худой торс, а на голове как всегда царил беспорядок. Я вжалась в спинку стула. На лицо вновь упали волнистые волосы, скрывая его.

Услышала тяжелые шаги и боковым зрением заметила, как Дилан сел справа от меня. Захотела хрустнуть пальцами, но сжала в них рукава свитера, поэтому стала измыываться над тканью. Мы одни в кабинете, ну кто меня просил прятаться здесь от всех и поэтому прийти первой?!

Дилан откинулся на спинку стула и опустил на второй свой рюкзак.

Молчание.

Хотелось сказать ему что-нибудь, возмутиться или похвалить. Хоть что-нибудь. Но в голову не лезло ничего, кроме как «Так вы с Эмили...». И даже мысленно, я не могла это произнести. Черт.

Оттянула края рукавов, повернувшись, и раскрыла рот:

– Так вы...

Стук от каблуков прервал меня на полу слове. Быстрыми и уверенными шагами в кабинет впорхнула Эмили, заставив меня заткнуться. Буквально проглотить все слова и самообладание. Резко отвернулась, пытаюсь спрятаться в своих белых волосах, но хриплый голос заставил меня невольно дрожать:

– Ты что-то хотела?

– Нет, – улыбнулась, не находя себе места, и вскинула руку, – просто хотела спросить где...

Замолчала, теряясь. Чувствовала тяжелый, взволнованный взгляд Дилана на себе и мне хотелось биться головой о парту. В это время Эмили оглянулась и, заметив Дилана, прошла в его сторону между рядов.

– Ничего важного, – кивнула, так и не повернувшись в сторону парочки.

Как неловко. Какая же я глупая. Ну, кто меня за язык то тянул?

Мягкий голос разнесся по кабинету, отчего мне захотелось проглотить язык:

– Ты съездишь со мной?

По сравнению с Эмили, я была обладателем прогнившего голоса алкоголика с большим стажем.

– Куда?

– Ну как, – возмутилась Эмили, а я расплзлась по стулу, невольно вслушиваясь, – ты же хочешь, чтобы твоя спутница на завтрашнем балу была самой красивой?

Моргнула. Она сказала спутница? Дилан пригласил её?

Бросила мимолетный взгляд на парочку и прикусила язык.

Ну как её можно не пригласить? Она же красивая. Намного красивее меня. Волосы прямые, в отличие от моих макаронин. Брови настоящие, в отличие от моих гусениц. Да и Эмили не нужны были каблуки, чтобы казаться выше. Плюс ко всему я не заправляла пряди волос за ухо, оставаясь при этом красивой.

Тяжесть в груди нарастала с каждой заведенной мыслью, которая была чумной в моей голове, поражая все тело. Дыхание сбивалось. Никаких слез. Не настолько я жалкая.

14:23

Закончила решать тест и бесцельно наблюдала за учителем, что читал газету. Желание покинуть этот кабинет и как можно скорее избавиться от прожигающей насквозь близости с Диланом, становилось такой же необходимостью, как

кислород. От этого я нервно ерзала на стуле.

– Ты чего? – прошептала Алекс.

Наклонилась к ней ближе, улыбнувшись:

– Я хочу уйти, – незаметно указала ручкой на парочку справа от меня. Алекс перевела взгляд на Дилана и понимающе посмотрела на меня, поджав губы:

– Ты можешь сказать, что закончила и ждать меня на улице.

Я кивнула и медленно собрала все принадлежности в рюкзак, оставив в руках лишь двойной листок. Поднялась со стула, пытаясь привлечь к своей персоне минимум внимания, и подошла к столу учителя. Положила вариант.

Учитель поднял на меня взгляд и, оторвавшись от газеты, приблизился к листку:

– Все решили, – он задумчиво насупил брови, – что ж, мисс Пекус, – громко проговорил он и привлек ненужное мне внимание, – похвально. Главное, чтобы все было правильно, да?

– Да, – улыбнулась.

Учитель посмотрел еще пару секунд на тест и отпустил меня. С небывалым облегчением я вышла в пустой коридор, не удержавшись и все-таки передернув плечами.

В сердце теплилась надежда, что больше я не увижу Дилана и Эмили. Никогда. Мне хватило на весь год вперед.

– Кристин!

Вздрагнула, остановившись. Подняла голову, проверяя,

не ослышалась ли я, и осмотрелась. В конце коридора заметила светловолосого парня, стоящего рядом с закрытым кабинетом.

– Привет, Кристин, – повторил Марк, направившись в мою сторону с широкой улыбкой.

Я осторожно оглянулась, осознав, что нахожусь с ним одна в пустом коридоре. Я не должна бояться, ведь он часто подходил ко мне вот так. Разговаривал, звал гулять и уходил, не получив нужного ответа. Но сейчас. Я смотрела на него с опаской, пытаюсь представить в его руке нож и маску на лице. К моему ужасу, все это вырисовывалось без труда. Даже кровь стекала с кончиков его пальцев и капала на пол.

С силой закрыла глаза, жмурясь.

Выдохни. Выдохни. Выдохни.

Опасливо раскрыла левый глаз и с облегчением увидела, что у Марка не было ничего в руках. Он смотрел на меня с улыбкой и так же дружелюбно. На нем не было маски.

– Привет, – бросила в ответ и продолжила идти по коридору, скрываясь на лестнице.

Не то, чтобы я боялась, но с недавнего времени ко мне пришло осознание, что я не железная. Раньше я могла быть уверена в том, что раздам всем подзатыльников и выйду живой, не смотря на то, что я якобы слабый пол. Я знала, что не дам себя в обиду и буду бороться до последнего. Но, черт возьми, когда Птица тащил меня по темному лесу, заставляя сжиматься от острой боли. Я боялась и пискнуть. Боялась

подать виду, что жива, потому что вдруг... Ну, а вдруг, он бы закончил дело. Поэтому я закусила свой язык и, захлебываясь в страхе, молчала. Знала, что мне никто не поможет. А потом сознание вновь пропало.

– Ты с Алгебры? – раздался звонкий голос позади меня и я вновь вздрогнула. Пора это прекращать, так и зайкой стать можно.

– Ага, – промычала в ответ.

Топот. Горячая ладонь обхватила мое запястье, прожигая кожу сквозь свитер. Мое лицо тут же искривилось от неприятных ощущений, и я развернулась к парню.

Марк изогнул губы в улыбке:

– А я вот не пошел. Подождешь со мной звонка?

Зеленые глаза сверкали, не замечая моих слабых попыток вырваться.

– Боюсь, что нет, – положила ладонь на запястье Марка, пытаюсь ненавязчиво скинуть его, но не получалось.

Мне не страшно, потому что все это было и раньше, и походило на заигрывания детсадовцев. Марк тыкал в меня пальцами, хватал за запястье и всячески пытался вызвать на эмоции. Но он бабник и я уверена, что проделывал это абсолютно со всеми.

Он улыбнулся:

– Ты уверена?

– Да, – отрезала и скинула его руку. Не остановилась на месте, тут же спускаясь вниз по лестнице. Заледеневшими

пальцами достала телефон и напечатала Алекс смс.

Сомневаюсь, что Марк убийца, но опасаться его нужно, меня попросили это делать.

Сжала телефон в руке, когда оказалась на первом этаже, и двинулась в сторону туалета по инерции. Алекс всегда тащила меня в женскую комнату, после каждого звонка, возможно поэтому я сейчас стою в темной комнате напротив зеркала.

Света в туалете как обычно не было. Что-то перегорело.

Включила фонарик на телефоне и направила свет на заляпанное зеркало, что висело над тремя раковинами. Слегка прищурившись, стала рассматривать себя, на секунду заметив, как расширились мои зрачки, когда на них попадал свет.

Подошла ближе к раковинам и специально посветила в глаза, после отвела фонарик. Зрачки то сужались, то расширялись.

Повторила эту манипуляцию, подметив, что мне просто нечего делать, но после шестого раза поняла, что позади меня кто-то есть и в комнате я больше не одна. Всмотревшись в темноту позади себя, действительно заметила силуэт и подскочила на месте, тут же развернувшись и осветив парня.

Марк стоял в дверном проеме и наблюдал за мной с легкой усмешкой на губах.

– Это женский, – прошептала, ощутив, как ярким бутоном расцветает стыд. Он наблюдал за мной, пока я думала, что меня никто не видит. Пока я была собой. Глупой, хмурой и уязвленной.

– Я еще не зашел, – подметил он.

Устало улыбнулась, кивнув, и все-таки вскинула руки:

– Я просто смотрела на зрачки, – оправдалась, чтобы

Марк понял меня правильно, – они расширяются.

Марк прикусил губу, но скрыть усмешку не получилось.

Он опустил лицо, но тут же вновь посмотрел в мои глаза.

– Что смешного? – спросила, а он закачал головой, сложив руки на груди:

– Ничего, просто это так по-детски.

Я раскрыла рот, удивляясь и желая возразить, но ничего не произнесла. Закрыла рот, немного потупив взгляд. Разве по-детски?

Раздался смех, и я бросила недоуменный взгляд на Марка.

– Это так мило, – захохотал он, вытерев рукой невидимые слезы и я... я позволила себе улыбнуться. Мой взгляд смягчился, но я при этом сложила руки на груди, делая вид, что обиделась:

– Не веришь, значит, – не спросила, а констатировала я.

– Во что?

– Что в темноте это выглядит необычно и совсем не по-детски.

Марк кивнул.

– Хочешь, сам проверь, – предложила, протягивая телефон с фонариком парню, и надеясь скрыть этим смущение.

Он широко улыбнулся, оттолкнувшись от стены, и сделал шаг в темную, маленькую комнату, разрушая между нами

безопасное расстояние.

XII

. Глава

От лица Дилана

14:30

Мысли путались. Каждый раз, когда я смотрел на логарифмы, значения плыли, буквы укатывались вверх по листку, целостное выражение превращалось в полный бред. От того я не мог сосредоточиться на тесте. Но и не сказать, что горел желанием, ведь мысли все равно текли в другом русле.

Марк. Птица. Возможный убийца. Он ходил по коридорам, улыбался друзьям, а по ночам резал их как свиней. И я ничего не мог сделать, кроме как вытрясти из него признание силой. Да, если бы попытка провалилась, то это его бы разозлило, подтолкнуло к насилию и ладно, если это насилие надо мной. Но, что было, если бы он опять решил убить Кристин?

Стук карандаша по столу заставил Эмили опустить на меня нервный взгляд. Проигнорировал его, ведь она сама села ко мне и прилипла, как жвачка к джинсам на пятой точке. Сжал между пальцев белый лист, разглядывая его, пока Эмили сверлила меня взглядом.

Рядом раздались щелчки, и я наклонил голову в сторону. Алекс крепко держалась за парту, наклонившись ко мне и щелкая свободной рукой.

– Посмотри, – произнесла одними губами, выставив перед моим лицом телефон.

Сморщился, в попытке разглядеть мелкие буквы на экране смартфона, и дыхание замерло само по себе, когда буквы соединились в связное предложение: «Шла в туалет, налетела на Марка».

Отвернулся, прикусив костяшки, и сжал с силой карандаш. Треск. Карандаш сломался в руке и я пустым взглядом посмотрел на остатки в побелевшей ладони, медленно наполнявшейся краской. Эмили с волнением коснулась моего плеча, что-то спрашивая.

Успокойся, Дилан.

Выдохнул через нос и бросил остатки карандаша в открытый портфель. Поднялся, закинув его на спину, и сжал в руке лист. Твердыми шагами направился к столу преподавателя.

Я пытался усидеть на месте, пока остальные спокойно проходили мимо этого уroda, но сейчас... О-о, сейчас мое терпение на пределе. Подходи ты, черт тебя дери, ко всем и я не трону тебя, но не к этой девушке.

Бросил работу на стол и направился к выходу, но за спиной раздался строгий голос:

– Я не приму пустой лист, – словно с насмешкой заявил преподаватель, и я остановился у двери. Уверен, он смотрел мне в спину, стараясь прожечь её, но я лишь сжал ладонь сильнее, бросив тихое «как хотите» и вышел из кабинета. Куча взглядов уперлось в мою спину.

Все знали о моей нестабильности и с нетерпением ожидали, когда же я сорвусь. Им было интересно, хоть они и боялись меня в эти моменты. Даже отец боялся и сторонился.

Кристин не сторонилась.

Запустил пальцы в волосы, после чего потер лоб до покраснения, спускаясь по лестнице. Нужно выкинуть эти мысли. Хватит. Чем больше я смотрю на неё, тем сильнее во мне растёт непонимание и злость. Кристин постоянно шла на принципы, игнорировала мои слова, не слушала, из-за чего я срывался, а после смотрела своими большими глазами, словно ни в чем не виновата. Её голос дрожал, словно это я довел её, а не она меня. Она как ребенок...

Как ребенок, один лишь взгляд которого заставил меня задержать дыхание.

Рука нервно дрогнула, когда я поднес кулак ко рту. Осталось пару метров до женского туалета и если этот урод стоял там, то я размажу его по стенке. Он ведь так поступал со своими жертвами.

Совсем рядом раздался знакомый голос:

– Все будут в парах.

Услышал ворчание Кристин и притормозил, задержав дыхание.

– Я даже не знаю.

– Да брось, что тебе терять? Я буду рядом. Будешь моей спутницей?

Скрип дверей.

– Не будет, – ответил за Кристин, зайдя в неосвещенную комнату. Поднял глаза на парочку, ощутив рвотные позывы. Кристин тяжело вздохнула, заметив меня:

– Это женский туалет, – произнесла с какой-то обреченностью.

Нахмурился, наклонив голову в бок, и рассмотрел Марка. Он стоял довольно близко к Кристин, буквально в шаге.

– Кажется, твой друг не расслышал, – улыбнулся он, с вызовом поглядывая в мою сторону.

– Это ты не расслышал, она с тобой никуда не пойдет.

Мне захотелось прямо сейчас размазать его самодовольную ухмылку и я даже поддался желанию, шагнув вперед, но путь преградила Кристин.

– Не говори, – она ткнула пальцем в мою грудь, заставив опустить на неё глаза, – что это ты решаешь с кем мне идти, а с кем нет. Какое право ты имеешь?

Я сглотнул, напрягая мышцы, но на лице не было никаких эмоций. Она даже не знала, что он мог быть убийцей, поэтому спокойно стояла рядом с ним в туалете. Действительно, с чего бы я решал за неё. С чего бы ни запрещал идти на бал с убийцей?

– Я слышал, что Дилан идет со своей девушкой, – начал Марк, но я перебил:

– А я слышал, что ты идешь нах...

– Хватит, – вздохнула Кристин, не дав договорить. Но я не сдался так просто.

– Вроде бы я упоминал, что ты не в её вкусе, – отошел к стене, – или ты забыл?

– А кто в ее вкусе? Ты?! – Марк засмеялся, сложив руки на груди подобно мне.

Кристин прошептала, пряча лицо в ладонях:

– Прекратите.

– Она выберет кого угодно, только не тебя, – заявил спокойно, но ухмылка появилась на лице, – ты только руки на себя не наложи. Или на кого-нибудь другого.

Кристин вскрикнула, схватившись за голову и расставив локти:

– Заткнитесь! – все замолкают, – завтра я иду с Марком, и если ты хочешь возразить, – она указала на меня пальцем, прошипев, – если правда хочешь, то скажи это Эмили.

По спине побежали противные мурашки. Опустил взгляд на бледное и обиженное лицо Кристин, проскрипев зубами. Неужели не понятно, что я забочусь о твоей пятой точке?

– Значит, решили, – торжественно заключил Марк, опустив ладонь на плечо Кристин. Внутри меня все сжалось, а взгляд приковался к его руке, – я заеду за тобой в семь вечера.

Почему он коснулся ее? Почему она позволила?

Вдохнул через нос, поджав губы. Марк убрал руку и с улыбкой кота, прошел мимо меня, задев плечом. Скрип двери. Тишина повисла в темной комнате. Я прислонил голову к стене, остужаясь.

Кристин тяжело дышала, смотря в мои глаза:

– Зачем ты это делаешь?

Посмотрел на неё в ответ. Серый свитер, который ей совсем не по размеру, закрывал бедра и свободно свисал. В этом мешке её ноги казались такими худыми, что возникло желание покормить девушку.

– Дилан, – голос Кристин ослаб. Не ответил, продолжив рассматривать, заострив внимание на бедрах и на том, что мы стояли одни в женском туалете, в полной тишине.

Может поцеловать ее?

Сжал веки, отлипнув от стены и молча вышел из туалета.

Нахер такие мысли.

Нахер такие поцелуи.

Нахер Кристин.

15:03

Прокрутил руль и машина свернула на дорогу. Я сжал челюсть, напрягшись:

– Нельзя допустить этого.

– Мы не можем запретить Кристин идти на бал, а рассказать о Марке тоже не получится.

– Почему нет? – бросил взгляд на Люка, что поедал гамбургер на переднем сидении, – пристегнись.

– Ты сам знаешь Кристин, она поднимет шумиху, а нам это не нужно.

Закатил глаза, ведь это не так важно, если поможет спасти её жизнь.

– Я у отца спросил по поводу Птицы, – нахмурился сильнее, сжав кожаный руль, – ну как спросил, просто порылся в бумагах, – усмехнулся Люк, – короче, знают они гораздо меньше чем мы, но подозревают, что Птица работает не один. Кто-то помогает ему, либо подражает, убивая вместо него.

Раздался гром.

Наклонился к рулю, подняв глаза на небо. Небо потемнело, не пропуская даже крошечные лучи света. Тучи все заполонили.

– Новенькое что-нибудь расскажешь? – спросил, после минуты молчания.

– Эксперты выяснили, что главное оружие Птицы это нож с односторонней заточкой, слишком мелкий для кухонного, но и не перочинный. У всех жертв нож воткнут по рукоятку, – Люк поморщился, – у всех кроме парня, того вообще вырубили куском железа.

– Почему так?

Люк выкинул в открытое окно салфетку и развернулся ко мне:

– Не знаю, но это железо стояло в гараже до и после убийства. Скорее всего, Алек застал Птицу за убийством девушки и тот вырубил его, оставив оружие на месте преступления, – догадка тут же посетила меня, и я раскрыл рот, но Люк предугадал вопрос, – отпечатков на железке нет. Птица был в перчатках, либо все стер. А еще, целью Птицы не является

ограбление или сексуальный подтекст, он скорее мстит. Так написано в заключении и его психологическом портрете.

С тяжелым чувством свернул к обочине, остановившись рядом с домом Люка.

– Обсудим это завтра, – бросил Люк и вышел из машины, когда я кивнул.

Остался один. С очередным грохотом о стекло разбились капли воды, нарастая с каждой секундой. Через мгновение начался настоящий ливень, отрезав меня от внешнего мира.

15:17

Дождь ослаб, ветер прекратил качать автомобиль, который я припарковал у гаража особняка в три этажа. Холодное здание. Холодное и пустое.

Вышел из машины, ступив на мокрый асфальт. Направился к огромным черным дверям, углубившись в свои мысли. Пахло сыростью, а прохладный ветер пролазил под ворот свитера.

Надеюсь, Алекс промыла мозги своей подруге, а если нет, тогда придется проследить за Кристин. Не то, чтобы мне этого не хотелось. Я бы следил за ней в любом случае, потому что... черт. Да пошло все это. Следопыт.

Толкнул массивную дверь, пройдя внутрь здания. Все как обычно: убрано, пусто и пахло хвоей.

– Дилан, – совсем рядом раздался женский голос, заставив меня посмотреть в сторону кухни, – это ты?

– Да, отец дома? – ответил спустя время, сунув руки в

карманы.

В огромный холл бодро прошла женщина в фартучке, о который вытерла мокрые руки. На ее лице виднелся белый след от муки:

– Нет, но чтобы скрасить твое одиночество я решила приготовить пирог, – Мелисса кокетливо улыбнулась, от чего её лицо покрылось морщинками, – все как ты любишь, с яблоками и карамелью.

– Спасибо, я не голоден.

[...]

Мужчина, кривя лицо, с силой отталкивает стеклянный шкаф от стены, громко крича. По комнате разносится звон бьющейся посуды, до этого момента спокойно покоящейся на полках, и страшный вопль.

Меня оглушает.

Спустя секунды на квартиру обрушивается тишина. Слышны лишь наши с мамой тяжелые вздохи.

Мужчина сгибается над стеклом, замирая и не двигаясь, опустив голову. Вижу его мокрую от пота спину, на которой отблескивает свет из коридора. Он сутулится. Дышит, словно зверь, готовящийся к нападению.

Мама сильнее прижимает к себе, закрывая ладонями мои глаза. Слышу ее быстрое сердцебиение и хочу прекратить все это. Защитить мамочку, но понимаю, что сам трясусь от страха. Стою на этом диване, который служит нам кроватью, и продолжаю трястись, обнимая ноги мамы.

Темнота давит на меня, а мужик продолжает стоять среди разбитого стекла, сжимая в руке нож.

Я не знаю, что он задумал, но мне страшно. Больше всего за мамочку. Она устала подрываться ночью и с криком прятать меня за собой, когда этот мужчина приходит пьяный в наш дом. *В свой дом, чтобы...* не убить, нет. Просто запугать.

Хрип разрезает тишину и мое сердце сжимается:

– Убери этого выродка, – мужчина выпрямляется, игнорируя стекло, скатывающееся по его спине. Оно звенит, ударяясь о пол.

Я сглатываю, сильно сжимая глаза, потому что не хочу смотреть на это.

Мне страшно.

Хватит.

ХВАТИТ!

[...]

Вскочил, сжав в руках края одеяла. Ужас медленно отступил, оставив леденящий холод внутри.

Просто сон.

Выпрямился, кинув взгляд в сторону окна, через которое сочился лунный свет. На улице ночь. Сглотнул, но стенки горла болезненно сжались. В горле пересохло.

Упал на подушку, ткань которой была влажной, как и моя футболка. Откинул одеяло, продолжив смотреть в потолок.

Почему-то, что я пережил, до сих пор преследует меня?

18:53

Постучал в дверь, отступив, когда Эмили открыла её, одарив меня широкой улыбкой:

– Ты приехал, – с каким-то облегчением сказала она.

– Мы же договорились, – поправил рукава рубашки, осмотрев девушку, – выглядишь красиво.

Эмили выпрямилась, надев каблуки, и покраснела:

– Спасибо, ты тоже, – игриво переглянулась со мной, выходя, и закрыла дверь, бросив взгляд в сторону опечатанного гаража, где недавно произошли убийства.

К слову, благотворительный вечер с танцами проходил в спортивном зале, так как это было самым большим помещением в школе. Играла громкая музыка и мероприятие это скорее походило на вечеринку, чем благотворительный вечер.

Шел по залу, наблюдая за мерцающими в темноте огнями. Гирлянды. Провел Эмили к трибунам, где уже находились Алекс с Люком. Они переговаривались в сторонке, не обращая на меня внимание.

– У неё красивое платье, – прокричала на ухо Эмили, повиснув на моем плече.

Непонимающе проследил за взглядом Эмили и нашел неподалеку Кристин. Серебряное платье в пол, сидящее строго по талии, с закрытыми рукавами. Волосы собраны в небольшой пучок, а некоторые пряди, словно серебряные нити самого аккуратного паука, спадали на лицо. Это очень не похоже на вкус Кристин, но я был бы дураком, если бы

не признал, что платье сидело хорошо, и сама она была очень... Поджал губы, отвернувшись, когда к Кристин подошел Марк.

Далекий голос Эмили дошел до меня, но здесь было слишком шумно, поэтому я не мог понять и половины из того, о чем говорила девушка. А она говорила, повисая все сильнее и сильнее на плече. Взмахнула руками, когда я скинул ее с себя, отойдя в сторону.

Направился к Алекс, которая весело что-то рассказывала, но заметив меня, помрачнела.

– Почему Кристин с Марком? – спросил, наклонившись к Алекс.

– Она сказала, что ей не с кем идти, поэтому пришла с ним.

– Ты хоть отговорить пыталась?!

– Да, но это же Кристин, тебя что-то удивляет?!

Я качнул головой, отступив от Алекс. Ничего, кроме того, что Марк убийца.

– Мы, наверное, – Алекс поймала ладонь Люка, – пойдём танцевать, – она обошла меня, нацепив влюбленную улыбку, – вы тоже развлекайтесь!

Проводил нейтральным взглядом, пока пара не потерялась в толпе.

– Дилан? – Эмили позвала, но я отвлекся на Кристин.

По телу прошла волна напряжения, когда увидел в толпе Марка. Он взял Кристин за руку, ведя за собой в центр за-

ла. Неотрывно следил за светловолосым Марком с широкой улыбкой и красной бабочкой. Мне все больше хотелось сломать ему нос, но я сделал подобие улыбки и развернулся к Эмили:

– Пойдем танцевать.

Она тепло улыбнулась, кивнув, и схватила меня за руку. В следующую секунду она уже бежала в толпу.

Заиграла медленная музыка. Я остановился, притянув к себе Эмили. Та послушно поддалась. Обнял за талию, а она обхватила мою шею. Глаза Эмили сверкали в темноте, когда я улыбнулся ей. Мы начали двигаться, медленно переступая на месте.

Бросил беглый взгляд на Кристин и остановился. Ком в горле стал отчётливее, когда руки Марка скользнули по телу Кристин.

Эмили опустила голову, уткнувшись носом в мою грудь. Я облизал губы, по инерции прижав девушку ближе к себе. Но мои руки сжали сильнее, когда я заметил слабые попытки Кристин вернуть ладони Марка на спину. Она перехватила его руки, поднимая их к спине, но те вновь сползли, словно испытывая меня.

Она что, скинуть их не может?

Сглотнул скопившуюся жидкость, когда Марк наклонился к её лицу, нависнув сильнее.

Невольно почувствовал, как его горячее дыхание коснулось её губ.

Сжал челюсть, скрипнув зубами, а Марк аккуратно взял Кристин за подбородок, подняв её лицо.

Я перестал слышать музыку, голоса, смех. Прекратил чувствовать Эмили на своей груди. Я ничего не видел, кроме лица Кристин. Кроме её испуганного лица и мечущихся от страха глаз.

Вздрогнул, когда Кристин оттолкнула Марка, что-то сказав ему. Нервно сжал ладони, заставив Эмили отпрянуть от меня и спросить:

– Что не так?

Я осмотрелся. Музыка ударила по ушам. Казалось, меня начало тошнить от шума вокруг.

– Прости, – я смахнул капли пота, – Мне нужно...

– Что?! – она не услышала из-за ритмичной музыки.

Увидел уходящую из зала Кристин и бегущего за ней Марка. Ударил кулаком о кулак и, недолго думая, выбежал за парочкой. Оставил Эмили в толпе.

В голове крутилось много мыслей. К примеру, сейчас я решил, что просто так Марк не уйдет. Вышел из спортивного зала, оказавшись в пустом коридоре. Двери за мной хлопнули, а музыка стала тише, приглушенной. Прохладный воздух немного остудил мою кожу.

За углом раздался голоса, и я поспешил туда. Вышел на всеобщее обозрение и заметил Кристин. Она нервно кусала губы, сложа руки на груди. Рядом с ней стоял Марк в своем голубом костюме и красной бабочке.

– Не хочешь объяснить, – грубо бросил тот, нависнув над Кристин.

– Что происходит? – привлек я внимание.

Кристин вздрогнула, обернувшись. Её глаза блеснули. Марк выпрямился, также посмотрев в мою сторону:

– Опять ты, О’Коннелл. Ничего у нас не происходит, иди куда шел.

– Я не у тебя спросил.

Кристин прикрыла лицо руками, которое приобрело такой же оттенок, что и платье:

– Просто возникло недопонимание, уже все хорошо.

– Он что-то сделал? – спросил, остановившись в шаге от них.

Взгляд скользнул по белым волосам, затем по набирающей цвет отметине на шее. Это новый синяк. Засос? Сжал челюсть, но выражение лица осталось прежним. Я ошибся. Это не мог быть засос, не должен быть.

– Тебе то что? – Марк повернулся к Кристин, – Ты сама меня взглядом пожирала, а потом видите ли я не такая, – плюнул в сторону, прошептав, – а казалась такой.

Меня обдал холодный пот, все мышцы моментально сжались. Схватил Марка за пиджак, развернув к себе. Удар. Костяшки обожгла глухая боли.

Кристин отскочила от стены, открыв рот:

– Что ты делаешь?! – встала на моем пути, когда я попытался подойти к упавшему Марку, – Дилан!

– Неужели мальчик сорвался с цепей? – Марк выпрямился на руках, смахнув большим пальцем кровь, потекшую с носа, – а я то думал, когда ты мне врежешь?

– Дилан, пожалуйста, – это Кристин.

– Ого... – мой охрипший голос звучал эхом. Я растянул рот в улыбке, – Тогда радуйся, дождался, – медленно наступил, не моргая. И что-то в моем взгляде испугало парня. Он вскочил на ноги, отступая назад.

Кристин толкнула меня в грудь, не уходя с дороги и пытаясь остановить, но застыла, когда Марк подал голос:

– После того, как сбил Джона, руки чешутся, да?

Я застыл.

Во времени.

В пространстве.

Кристин тяжело задышала, смотря мне в глаза. Молчала, приоткрыв губы, которые... дрожали. Неожиданно, взгляд девушки затвердел, она хрустнула пальцами, после чего качнула головой:

– Что ты несешь? – практически прорычала, бросив это за спину.

– Правду в массы, как ты когда-то.

Нахмурился, вспомнив предательство Кристин. Она подняла на меня взволнованный взгляд, как тем утром, и я тут же скинул ее руки со своей груди. Такое чувство, что пропустил удар. И в груди что-то заныло.

– Откуда ты знаешь? – прохрипел, подняв взгляд на Мар-

ка. И он понял, что я не про слитое Кристин видео. Я про Джона.

– Ничего он не знает, этого не было, – засуетилась Кристин, пытаясь заглянуть мне в глаза.

Марк нервно улыбнулся, ощутив, как власть постепенно переходила к нему:

– У стен тоже есть уши, – сложил он руки за спиной, – интересно, какого будет узнать, что всеми известный психопат Дилан О’Коннелл убил Джона Ханта?

– Бред, – прошептала Кристин и схватила мое запястье.

Теперь все встало на свои места. Марк знал о Джоне. Марк знал о моей вине в том деле, значит Марк – Птица. Но значит ли это, что спрятал тело Джона и перерезал ему глотку сам Марк? Неужели он действительно был способен на такое?

Кристин потащила меня к выходу, прикладывая к тому все силы, и я поддался, отвернувшись от убийцы. Внутри меня разрасталась пустота.

– Я расскажу всем, О’Коннелл. Лучше проваливай, – остановился, сжав челюсть. Рядом со мной затормозила Кристин. Мои плечи поднимались и опускались с каждым словом, которое произносил Марк, – совсем проваливай. Навсегда. Тогда я, возможно, сохраню этот секрет и...

– Заткнись! – это Кристин. Она крикнула, даже не обернувшись. Тряслась, сдерживая слезы, но больше не могла произнести ни слова.

– Его посадят, – произнес Марк спустя время. И в его го-

лосе я услышал наслаждение.

Кристин молча потянула меня к выходу.

От лица Алекс

19:59

Становилось жарче, от чего я прикрыла глаза, извиваясь в такт музыки. Запустила пальцы в волосы, отлипая их от влажной шеи. Чьи-то крепкие руки сжали мою талию, притянув ближе. Музыка била по ушам и мне это нравилось, я могла забыться, продолжая вилять задом, от чего подол моего платья приподнимался.

Раскрыла глаза, наблюдая за улыбкой Люка, что растворялась в темноте вокруг нас. Лишь редкие блики света озаряли наши лица на пару секунд. Вокруг терлись люди, изредка толкая меня, но мне было плевать, я замечала лишь эту улыбку. Родную и такую любимую улыбку. Все проблемы ушли на второй план.

Люк улыбнулся, выгнув брови, когда я раскрыла рот:

– Что?! – крикнул, наклонившись ближе к моему лицу, а я воспользовалась моментом и обхватила руками его шею. Притянула его ближе. Накрыла его губы своими, сквозь улыбку продолжив целовать.

Люк учащенно задышал, когда прижал мое тело к своему настолько, что между нами не осталось и миллиметра. Мое сердце бешено забилося, а голова поворачивалась в разные стороны, подстраиваясь под действия Люка. Инициатива перешла к нему. Руки медленно скользили от моей талии к яго-

дицам, сжав их. Я вздрогнула, улыбнувшись через поцелуй.

От лица Кристин

19:59

– Урод... – Дилан сжал губы, его скулы стали четче, – Черт возьми! – прокрутил руль и машина свернула.

Я поморщилась, качнув головой:

– Дилан, сбавь скорость... – пропищала, наблюдая за тем, как машина неслась посередине дороги, – пожалуйста...

Наехали на разделительную полосу.

– Он угрожает мне, – прохрипел и вжал в пол педаль газа.

По салону разнёсся мой жалкий всхлип и визг колес. Живот скрутило.

– Д-дилан, – посмотрела на него.

Он моргнул, облизав губы. Тяжело дышал, от чего плечи рвано вздымались. Машина набирала скорость по скользкой, после дождя, дороге.

– Дилан, мы справимся, – вскрикнула, понимая, что это не лучший способ, чтобы успокоить парня, но продолжила, – вместе, – заставила себя накрыть его бедро рукой, – я здесь, я рядом с тобой, – сжала. Ощутила, насколько он напряжен. Ощутила его срыв.

Глаза стало щипать сильнее, но я шмыгнула носом и продолжила просить Дилана остановиться. В груди защемило, когда машина резко свернула на обочину, заставив меня покачнуться. Но ремень безопасности, который Дилан с силой нацепил на меня, предотвратил встречу стекла с моим вис-

ком. Сильнее сжала бедро Дилана, испутив вздох. С силой прикрыла глаза.

Машина затормозила, чувство невесомости пропало.

Проглотила скопившуюся жидкость, промочив горло, и посмотрела на Дилана из-под дрожащих ресниц. Его дыхание сбито, а лицо корчилось от боли. Он сжал ладонь в кулак и, скинув мою руку, вышел из машины.

Мои зрачки застыли на дверце, которая с грохотом закрылась, отчего я вздрогнула, сжав губы. Отчего стало невыносимо больно.

Я не должна была идти с Марком. Не должна была позволить ситуации так развернуться. Не должно было быть никаких угроз

По моим щекам потекли соленые слезы, раздражая кожу.

От лица Алекс

20:17

Я держалась за обжигающе-холодную ладонь Люка и с улыбкой на лице, прошла мимо преподавателей. Они стояли сбоку, попивая пунш и громко переговариваясь с серьезными лицами. Краем глаза заметила Еву и мистера Ханта, бурно что-то обсуждающих, но при этом, стоящих в сторонке. Рыжеволосая держала руку на едва округлившемся животике и осматривала толпу, слушая преподавателя. Наши взгляды встретились, и я поспешила отвернуться, чтобы не портить себе настроение. Сжала влажную от пота ладонь Люка и продолжила пробираться сквозь танцующих учеников.

Люк вывел меня к выходу из спортивного зала и, отпустив мою ладонь, галантно открыл двери, пригласив пройти вперед. На наших лицах сверкнули глупые улыбки, и я кивнула, схватившись за подол платья и присев в подобие реверанса. В этой темноте Люк вряд ли видел мои горящие от желания глаза, но шлепнул меня по попе, когда я маленькими шажками пробежала мимо него...

Засмеялась, развернувшись к парню:

– Прекрати, – с напущенным возмущением попросила, а сама молилась, чтобы Люк не останавливался, – таким в школе не занимаются.

– Я не могу прекратить, – шепотом признался Люк, и плавно, словно вальсируя, подошел ближе, – ты слишком притягательна.

В тускло освещенном коридоре никого, кроме нас не было, поэтому я позволила себе покраснеть:

– Я обычная.

Люк остановился напротив меня, и я ощутила его дыхание. Такое горячее. Обжигающее. И поняла, что каждое движение мне давалось с трудом.

Люк заметил это и хитро ухмыльнулся, наклонившись ближе. Его губы коснулись моих, я прикрыла глаза. Потянулась руками к волосам Люка. Он обхватил мое тело и прижал к себе. Ближе. Услышала его тяжелое дыхание, когда он оторвался от моих губ, переходя к шее. Улыбнулась, ощутив влажную и горячую дорожку поцелуев от скул до ключиц.

Испустила тяжелый вздох, закинув голову, когда горячая ладонь коснулась моих ног, скользя выше.

Люк прошептал, не скрывая возбуждения:

– Мне нравится, когда ты в платье.

От лица Кристин

20:17

Я сидела на месте. Мои всхлипы растворялись в пустом салоне автомобиля.

Перестань рыдать. Самой не противно?

Противно.

Сжала ладонь, шмыгнув носом, и грубо растерла слезы. Глаза покраснели.

Перевела взгляд с дверцы на Дилана, что стоял спиной ко мне, оперевшись о капот машины. Дорого была пуста и скрыта от посторонних глаз высокими елями. Последний раз шмыгнула носом и вышла из машины. С первых секунд мое тело обволок холодный ветер, заставив покачнуться. Влажные щеки защипали от холода. Я задрожала, закрыв дверцу, и обняла себя, пока обходила автомобиль.

Дилан стоял между фарами, избегая их света, и, сложив руки на талии, смотрел на небо.

Подняла голову, наблюдая за звездами, и подошла к Дилану, пристроившись справа от него. Косо посмотрела на него.

С каждой секундой все отчетливее ощутила тепло, исходящее от Дилана, и задрожала еще сильнее. Попыталась унять тело, опустив глаза на трясущийся подол платья и за-

держав дыхание, но на мои плечи опустился пиджак. Он еще хранил тепло своего хозяина. Замерла, подняв взгляд на Дилана. Его плечи были обтянуты белой рубашкой, что не просвечивала, но явно не давала нужного тепла:

– Ты замерзнешь, – прошептала.

Дилан раскрыл рот, и облачко пара разрезало воздух перед ним:

– Мне плевать.

– Но... – начала, не успев закончить, ведь О'Коннелл перебил, посмотрев прямо в глаза.

– Не замерзну, – спокойно сказал, и очередное облачко пара растворилось в воздухе. Посмотрела сначала на него, потом на Дилана.

– Я не могу так, – призналась, скинув со своих плеч черный пиджак. Карие глаза Дилана словно стали темнее, заставив сомневаться в своих действиях

Неуверенно пододвинулась ближе, оперившись о капот, и накинула на Дилана часть его пиджака. Практически не дышала. Убрала руку, скользя ей по крепкой спине парня. Ощутила горячую кожу, когда коснулась его, чтобы самой уместится под своеобразным одеялом.

Сглотнула, встретившись с заметавшимся по моему лицу взглядом Дилана и отвернулась:

– Знаешь, – мой голос заметно дрожал, – то, что сказал Марк, полный бред, но мы в любом случае разберемся с этим.

Дилан продолжал смотреть на меня, но не нарушал тишины вокруг нас. Он лишь прижался сильнее, коснувшись меня не только плечом, но и бедром.

– Дилан? Я знаю, что у тебя на уме. Ты хочешь сделать то, о чем говорил Марк... – мой голос ослаб. Тело Дилана напряглось, поэтому я подняла глаза на его лицо. Оно было настолько расслаблено, что казалось равнодушным.

С силой прикусила губу, заставив себя сказать слова, которые давно сдавливали грудь:

– Останься. Я нуждаюсь в тебе больше, чем ты думаешь.

Он замер. Не смогла разобрать, что произошло, но его взгляд поменялся. Дилан горько хмыкнул и запустил руку в черные волосы, трепля их.

Он минуту сомневался в чем-то, но после встал, скинув с себя пиджак и резко отошел, оставляя одну.

Как порыв ветра. А я дрожащий листок.

Не уходи.

Я видела лишь спину, но заметила, как он тер глаза, после чего прикрыл рот руками и качнул головой:

– Не придумывай себе ничего и не ври мне, – его голос дрогнул, словно перегорел.

Раскрыла рот, желая возмутиться, но он продолжил:

– Мы поговорим с Марком и заставим его молчать, – развернулся, разглядывая мое опухшее от слез лицо, – даже если нет, то ему все равно не поверят, да? Меня уже допрашивали и ничего не нашли.

Он не уверен, но я кивнула, поправив на себе пиджак. Неожиданно Дилан бросил на меня свирепый взгляд. Развернулся на месте и сделал большие шаги в мою сторону, после чего расстояние между нами сократилось до минимума.

От лица Алекс

20:43

Его пальцы скользнули по моей руке к плечу, от чего тело покрылось мурашками.

– Нужно поставить галочку, над пунктиком «секс в подсобке» – прошептал Люк, оставив поцелуй на моем оголенном плече, после открыл мне дверь.

Я шуточно ударила его в плечо:

– Ты еще и пунктики со мной ставишь?

– Никто не сказал, что секс должен быть с тобой, – засмеялся.

Я выгнула бровь, сложив руки на груди, и одарила Люка своим «злым» взглядом.

– Я шучу, – он выставил ладони, сдаваясь, – не злись, котик.

– Нашелся тут, шутник, – обошла его, выходя из подсобки и громко стуча каблуками, – нужно найти Кристин и ехать домой. Я устала.

– А разве её не Марк подвозит?

– Это мне и не нравится, – сказала, как за углом раздались тяжелые шаги и в поле зрения попадал тот самый Марк.

Люк быстро преодолел расстояние между нами и обнял за

талию, прижав к своей груди:

– А где Кристин? – он тепло улыбнулся, когда задал вопрос, преграждая дорогу. Марк как-то странно поднял на нас взгляд, на его губах отразилась опасная ухмылка:

– Она с Диланом.

Тут же посмотрела на Люка, не скрывая паники в глазах, ведь это Дилан. Он мог обидеть ее и... Люк заметил как меняются мои эмоции и наклонился ближе, прошептал на ухо:

– Все будет хорошо.

И я задержала дыхания, вновь поддаваясь обаянию. Если Люк прав, то наконец-то у Кристин все наладится.

От лица Кристин

20:43

Он навис надо мной. Наклонился ближе, а я ощутила каждым окончанием нервов, как сердце отплясывало чечетку. Вздрогнула, задержав дыхание, когда Дилан коснулся холодным кончиком носа моей щеки:

– Если ты нуждаешься во мне, – прошептал, обдавая горячим дыханием, – зачем предала?

Рот раскрылся сам, от щемящей боли в груди, но также закрылся. От повторения темы, на которую я не могла ответить. Отвернулась, прикрыв глаза и сдерживая слезы.

«Почему ты такая слабая?» прошептала про себя, не сдерживая ненависти.

Дилан медленно отстранился, словно испытывая. Наблюдал за мной с непроницаемым лицом, а в глазах мольба. Он

не мог нормально жить, не узнав, почему я так поступила. Но если бы он узнал правду, его сердце было бы разбито, поэтому я промолчала. Дилан правильно расценил тишину, вздохнув:

– Так и знал.

Он ударил кулаком о кулак и... ушел. Слышу, как хлопнула дверца. Тяжело выдохнула воздух, после рукавами платья вытерла холодное лицо, сильно надавив на глаза.

Почему я загнала себя в такое положение? Что не так со мной?

Спрыгнула с капота, придерживав пальцами пиджак, и, спрятав лицо в своих же волосах, села в машину. В салоне горел свет, и играла грустная мелодия. Приглушенно, но все равно разрезала мое сердце.

– Пристегнись, – бросил, не смотря на меня, и завел машину.

Посмотрела на Дилана исподлобья, пристегиваясь дрожащими руками, и отвернулась, не найдя в нем ничего от моего Дилана. Перевела взгляд на окно. Темно. И я не про погоду.

От лица Алекс

8:11

– Мне кажется, что скоро все образуется, – сказала, повиснув на плече Люка.

– Конечно, образуется, осталось всего два убийства, и звезда будет завершена.

Дала подзатыльника, нахмурившись. Люк непонимающе

посмотрел на меня, пока мы шли по школьному коридору, и потер ушибленное место.

– Я имела в виду Кристин и Дилана, а не эти убийства, – объяснила, с легкой укоризной.

– Оу, – задумался он, – сомневаюсь на этот счет.

– Н-но как? Почему?

– Потому что я бы не простил, – вот так просто сказал он.

Прикусила язык, зная о чем говорит Люк и зная, что правда рвется наружу, но чувство долга перед подругой сильнее. Я знала правду. Мы с Кристин знали её, а вот остальные нет. Прикусила до боли язык, чтобы не сболтнуть лишнего, ведь я пообещала молчать.

Неожиданно из-за поворота выбежала Эмили, придерживав взлетающую сумку. Заметив меня, она остановилась, растерянно осмотрев Люка, словно искала ещё кого-то.

– Ребят, – позвала, привлекая внимание, – вы не видели Дилана?

– Нет, – ответили в унисон.

– Черт, – Эмили прижала пальцы к губам, задумчиво опустив глаза в пол.

– Что-то случилось? – это Люк.

– М-м, – промычала, словно вытягивая себя из раздумий, – нет, все хорошо, – натянула улыбку, продолжив, – если увидите его, передайте, что я его искала.

Кивнули в ответ, провожая девушку взглядом, и она ушла, оставив после себя неприятные ощущения.

– Она выглядела взволнованной.

– Скорее обеспокоенной, – прошептала, вспоминая, – Дилан вчера уехал с Кристин, вот она и занервничала.

Люк улыбнулся, притянув меня к себе за талию:

– А я вот тебя не оставлял, – развернулся ко мне лицом, от чего его кудряшки спали на лоб, – весь вечер с тобой был. Меня как-нибудь вознаградят за это?

Ощутила волну мурашек, от чего губы расплзлись в улыбке. Знаю, что в школьных коридорах запрещено это делать, но притягиваю к себе парня, встав на носочки, и целую его.

Закрыла глаза, ощутив настоящую радость и тепло, разливающееся по мне, когда...

– Алекс!

Этот голос. Он заставил нахмуриться, тут же отпрянув от Люка, оставив его в недоумении.

Оглянулась, обеспокоенно всматриваясь в лицо девушки, с собранными в пучок волосами, что бежала ко мне, еле сдерживая шквал эмоций. Ее подбородок трясся, губа дрожала.

Испугалась, принимая девушку в объятия, после отодвинула от себя, заглянув в глаза:

– Ты плакала?

– Я не... – попыталась она что-то сказать, но сбилась. Её руки обессиленно упали вдоль тела, – Дилан... Ты видела его?

– Чего он вам сегодня так нужен? – спросил Люк рядом.

В коридоре пустело, потому что скоро должен прозвенеть звонок. На и без того болезненном лице Кристин отразилась паника. Краска сошла с её лица и она хрипло проговорила:

– Кому вам?

– До этого его искала Эмили, – ответила, обеспокоенно разглядывая Кристин, – ты скажешь уже, что случилось?!

В пустом коридоре, мой голос отдался эхом от стен.

Кристин на мгновение расслабилась, но тут же тяжело вздохнула. Её взгляд стал пустым, направленным в никуда, словно проходил предметы насквозь.

– Вчера Марк пытался... – раздался шепот, после которого Кристин сжала свое лицо ладонями, запинаясь, – пытался...

– Я поняла, – с трудом проговорила, вед этого следовало ожидать.

Кристин благодарно кивнула, продолжая:

– Но Дилан помешал ему.

Люк посмотрел на меня, нахмурившись, и в этот момент раздался звон. Я вздрогнула, подскочив на месте. То был звонок на урок.

Люк наклонился ближе к Кристин, заглянув ей в глаза:

– Что там было?

– Дилан ударил его, а тот в ответ сказал... – она замолкла, поджав губы, но заставила себя договорить, – сказал, что знает, как умер Джон, и если Дилан не хочет попасть в тюрь-

му, то должен уехать навсегда.

Кровь застыла в жилах, а по спине прошлись настолько противные мурашки, что я почувствовала, как стенки моего горла сдавливаются.

Люк схватился за голову, делая большие шаги и отходя от нас. Он не сдерживался в выражениях:

– Как он мог узнать?

Кристин потеряла запястье, опускаясь у моих ног, и я села за ней на пол.

– Не знаю, Марк сказал проваливать, – огорченно сказала Кристин, прикрывая глаза и потирая переносицу, – дальше я увела Дилана на стоянку, и он решил уехать. Я испугалась и села к нему в машину, пыталась уговорить остаться.

Кристин замолчала, тяжело выдыхая.

– Ты уговорила? – спросил Люк, хмурясь.

– Я не знаю. Он сказал, что Марку никто не поверит, но при этом... – перешла на шепот, растерянно моргая, – при этом его нигде нет. Я искала, но он видимо уехал. Навсегда, – сорвалось с губ, и Кристин побледнела.

ХIII. Глава

8:45

Сердце стучало в груди, нарушая тишину пустого коридора, по которому я вела подругу. Свернув к женской комнате, я надавила на дверь и ввалилась внутрь. Локоть Кристин я так и не выпустила, потому дверь пришлось прикрывать но-

гой, но подруга продолжала сопротивляться. Подогнув колени, она медленно опустилась на кафель.

Я нахмурилась, вперив в неё взволнованный взгляд:

– Он не уехал навсегда, Кристин. Он не забрал документы со школы, не предупредил отца, значит не уехал.

Молчание.

Я всмотрелась в лицо Кристин. Ее влажные ресницы дрожали, а брови собрались у переносицы, словно она всеми силами пыталась что-то сдержать внутри себя. Она морщилась, сжимая голову. Колени подтянула к груди. Тяжелое дыхание заполняло комнату. Я опустилась на колени, напротив подруги, и взяла её руки в свои.

– Кристин...

В горле пересохло, как только звонок телефона разрезал тишину. Я одернула свои руки, нервными, ломаными движениями нащупывая в кармане телефон. На экране высветилось сообщение от Люка.

– Он уехал?

Глухо спросила Кристин, и я встретилась с полным надежды взглядом. Она затаила дыхание.

– Н-нет... не совсем, его нет ни дома, ни в квартире. Люк едет в загородный домик, где мы ночевали, думает Дилан там.

Что-то во взгляде Кристин изменилось. Она горько хмыкнула, качнув головой, и поднялась с пола, помогая себе руками.

Хруст.

Она прохрустела пальцами, прежде чем вцепиться ими в края раковины. Секунда. Решила посмотреть на себя, подняла взгляд из-под опущенных ресниц. Шмыгнула носом, разглядывая свои красные, раздраженные глаза. На лице отразилась ярость, и она решительно отвернулась.

– Я должна поговорить с Марком, – её голос надломился, был низким.

Я нахмурилась:

– Мы поговорим вместе, но не сейчас, – ответила, так же поднимаясь на ноги, – Ты слишком расстроена и можешь наговорить того, о чем впоследствии пожалеешь.

– О-о, – протянула она, а в карих глазах отразился злой огонек – не пожалею. Не сейчас.

– Если бы ты проживала эмоции, а не прятала их, то я бы поверила тебе, но сейчас... – я встала позади подруги, – сейчас ты многое скрываешь, в плане чувств. Сорвешься и все... поминай, как звали.

– Почему ты вечно считаешь, что я что-то скрываю?

– Потому что так было всегда. Ты никогда не рассказывала о плохом, а мне приходилось допытываться, чтобы пробиться через твою броню. Но так не должно быть! Ты должна проживать эмоции. Они возникают внутри тебя, и ты не имеешь права их глушить. Эта боль живет в тебе, вместо того, чтобы родиться и умереть, – мой голос все громче, – Ты пытаешься казаться сильной, делаешь вид, что все под кон-

тролем, но это не так! Ты должна поплакать, вывалить все это, чтобы не держать в себе, поделиться с кем-то, но ты молчишь. Скрываешь даже от меня.

Кристин растерянно заморгала, встретившись с моим взглядом в отражении зеркала. Мгновение она стояла почти не дыша, но силы её все-таки покинули и она схватилась за волосы, кривя губы в улыбке. Пугающей улыбке.

– Я просто... – она качнула головой, поджав губы, – ты видишь это?! – задрала рукава красной толстовки и развернулась ко мне, – это то, что я заслужила. Все эти отметины. Они не просто так... они...

– Кристин, – отдалилась, осматривая запястья под механическим светом, – Здесь ничего нет. Что за отметины?

– Синяки, Алекс, вот они, – она тыкнула в белую кожу, обрисовывая что-то, – вот этот и этот, – сжала слезящиеся веки, обессиленно опустив рукава, – это все осталось после Птицы и я чувствую, что... что на мне отыгрались. За прошлое.

– Но на тебе нет синяков, дорогая.

Мы посмотрели друг на друга, словно испытывая, и Кристин сдалась первой, раздраженно поджав губы:

– Ладно, закрыли тему.

– Нет, – фыркнула я, задрав рукав свитера, – Что ты здесь видишь?

Кристин сжалась, умоляюще смотря на меня, но я повторила, указав на белую и чистую кожу:

– Что ты здесь видишь, Кристин?

– Синяк. Их много. По всему телу.

Я прищурилась, вновь осматривая руку:

– Здесь ничего нет, белая кожа, – развернула Кристин к зеркалу, подняв глаза на наше отражение, – никаких синяков, приглядишься.

Кристин прищурилась, тщательнее разглядывая кожу, и спустя время вздохнула.

– Это не смешно, потому что я их вижу. Четко, – нахмурила брови, немного задумавшись, – Хочешь сказать, что после нападения Птицы у меня не было ни одного следа?

– Были, но все зажили. Прошло почти две недели.

– Но я их вижу! – возмутилась она, сорвавшись на крик.

– На твоём теле нет никаких следов.

Отпустила руку, позволив Кристин разглядеть себя. И она вновь сделала это, с большим подозрением. Наклонила голову, поглаживая участок кожи, после чего обняла себя за живот.

– Что со мной не так? – прошептала, сдерживая слезы.

Я разглядывала испуганное лицо подруги в отражении зеркала, только сейчас осознав, почему Кристин отказывалась от своих любимых коктейльных платьев.

– Может, ты видишь отметины на подсознательном уровне? – предположила, аккуратно коснувшись спины подруги, – Хочешь, поговорим об этом с моей мамой?

Кристин замкнулась, качнув головой:

– Нет, – слабая улыбка появилась на губах, – еще упекут в психушку.

Она всегда пыталась спрятать свои эмоции как можно глубже. И это получалось. Когда мы стали доверять друг другу, Кристин через силу открывалась мне. Показывала грусть или боль. Но никогда не позволяла помогать. А я не позволяла закрываться от меня полностью и пробивалась через стену, которую так усердно выстраивала подруга. Но сейчас. Она должна открыться мне сама, иначе мы не справимся.

– Прежде, чем говорить с Марком, – подошла к Кристин ближе, перехватив её пустой взгляд, – поговори со мной.

Восемь месяцев назад

8:17

В переполненном кабинете было на редкость шумно. Отчасти я была той, кто создавал большую суматоху своим громким голосом и привычкой стучать по парте. Именно из-за этого одноклассники спорили, перебивая друг друга. Изначально они зацепились за мой стук, но со временем это перешло в обсуждение чавканья.

– В Японии без этого никуда! – возмущенно воскликнул Моралес, со свойственной испанцам горячностью.

– Ты не в Японии, придурок, – это Марк.

Шепот, недостаточно громкий, чтобы услышали все желающие, раздался недалеко от меня:

– Тогда почему у него желтое лицо? И глаза... ты хоть видишь, сколько пальцев я показываю, – Сесилия показыва-

ла средний палец, с наигранным удивлением продолжив, – злишься. Значит видишь.

Краем глаз я проследила за тем, как Алекс улыбнулась, прислушиваясь к спору. Я раскрыла рот, чтобы сказать ей что-то, но появление нового знакомого привлекло мое внимание.

В дверях показался Дилан.

Интересно, сегодня особое утро, или ходить с хмурой миной вместо лица – это его стиль жизни?

Парень, без особого интереса, прошел между рядами, останавливаясь рядом со мной. Спор утих и все с интересом покосились в сторону О'Коннелла. Он совсем недавно перевелся в нашу школу и был крайне зажатым, что меня удивляло, ведь выглядел он достаточно уверенным в себе и никого не смущался. Я подняла на него заинтересованный взгляд, но тот не обратил на это внимание, убирая рюкзак на свободное место.

Через мгновение Дилан уже сидел за партой, что справа от меня, и, облокотившись на спинку стула, изучал свои костяшки.

Я посмотрела на Алекс, что искала мой телефон и была слишком занята, чтобы ответить мне, поэтому решила действовать без поддержки. Обернулась, улыбаясь Дилану:

– Привет.

Он без интереса кивнул, подняв глаза, но посмотрел сквозь меня.

Я же чувствовала себя слишком энергично, поэтому не заметила холода в глазах, подаваясь вперед, для удобства. Наклонилась, опуская руки на его парту, и привычно постукиваю по ней:

– Как тебе новая школа?

– Нормально, – прохрипел, бросив беглый взгляд на меня. Но лишь на секунду.

Дилан выглядел отрешенным и грустным, поэтому я решила опробовать себя в роли куратора, ведь в следующем учебном году планирую пройти отбор и попасть в ряды ответственных и всегда готовых помочь наставников. Они нужны для лучшей социализации учеников на новом месте. Это будет мой выпускной год, и я буду делиться конспектами со всеми, ведь не зря разложила их по папочкам и пронумеровала.

– Если хочешь, я могла бы провести тебе экскурсию по школе, – предложила ему, вдохновлено стуча по парте ногтями, – у нас такие широкие окна. Даже в кабинетах, солнце всегда попадает, – О'Коннелл как-то удивлено замер, сжимая в руках тетрадь, и мне показалось, что он удивился, – Да, – уверила его, – ты просто не видел лестничные пролеты, там на втором этаже такое окно, прямиком на поляну выходит. Всегда светло и видно людей.

Дилан быстро провел языком по нижней губе, осматривая меня, и я замолкла.

Невольно сжалась под его взглядом и тяжело сглотнула,

повторяя его жест. Сама не понимаю почему, но тут же залилась краской, оторвав взгляд от его губ. О'Коннелл ухмыльнулся, наблюдая за моими действиями.

– Ну... – мычу, прокашлявшись, – если я у тебя буду, – запнулась, чуть не проглотив язык, а лицо О'Коннелла озарила откровенно издевающаяся улыбка, – точнее, если будут вопросы, обращайся, – пискнула, тут же отвернувшись.

Посмотрела на парту, страшась поднять взгляд выше, а внутри все сгорает со стыда. Буквально пылает, и я ощущаю жар собственных щек. Прикладываю ладони к лицу, убедившись, и правда, горят...

Вздрогнула, когда Дилан коснулся пальцем моего локтя, постучав по нему.

– У меня как раз есть вопрос, – начал он и губы сами растянулись в улыбку:

– Правда?

Он кивнул.

– Ты ведь разбираешься в школьной жизни, – и такая улыбка, хищная, – дружишь со многими, лезешь в личную жизнь, вот мне и интересно. Ты девственница?

Раскрыла рот, встретишь взглядом с этими темными глазами. Когда смысл сказанного дошел до меня, возмущение уже бурлило в груди, но я не могла ответить, задыхаясь от смущения.

– Не твое дело, – буркнула, чем вызвала смешки за спиной.

– Ну как же. Я хочу помочь, – вздохнул он, вернув на лицо наигранную хмурость, а в глазах плясали черти, – Если будут вопросы, обращайся. Всегда рад помочь, исключительно как человек, разбирающийся в половой жизни.

Оглянулась с раскрытым ртом, после поджала губы. Он сказал это достаточно громко, чтобы привлечь внимание одноклассников. Теперь куча пожирающих взглядов были направлены на меня и этого... слов нет.

– Ну так?

– Пошел ты, – прошипела, отворачиваясь.

Гордо подняла подбородок, кидая последний взгляд на О'Коннелла, пытаюсь показать, что его слова на меня никак не подействовали, но в животе завязался узел. Смесь необоснованного стыда, злости и жара, разъедала меня.

Дилан запустил руку в волосы, наводя там полный хаос, который, кажется, творился и в его душе.

Это наша вторая встреча и надеюсь, последняя.

Настоящее время

11:34

Люк вел машину, раздраженно смахивая капли пота, которые стекали по лбу. Из-за стресса.

Я понимала, что необходимо сказать что-то обнадеживающее, как-то успокоить парня, но не могла подобрать слова. Люди вокруг меня страдали, умирали, а я не могла найти слов.

Прикусила губу, переводя взгляд на дорогу.

– Куда мы теперь? – мой голос тихий, отрешенный. У Люка напротив, уверенный, сдержанный:

– Разберемся с Марком.

– Так, ты... ты вошел в дом или спросил у домоправительницы?

– Нет смысла обыскивать особняк, когда Мелисса следит за всеми входами и выходами. Я спросил у неё.

Кивнула, отрывая сухую кожицу на губе. Провела языком по ранке, ощущая привкус металла, и вздохнула:

– Она его не видела?

– Нет.

– Хочешь поговорить об этом?

– Нет, – отрезал, заезжая в ворота школы.

Прекрасно, собрала вокруг себя двух эгоистов, которые старательно закрываются от мира. Чудесно.

Когда вышла из машины, холодный ветер окутал меня, проникнув под кожаную куртку. Тело сковали противные мурашки, но я продолжила идти по тропинке.

– Вы ведь не устроите драку?

Люк шмыгнул носом от холода и взял меня под руку.

– Это значит, нет или да? Люк, там много людей, – остановилась, разворачивая парня, и заглянула в его глаза, – если вас увидят, то могут отстранить от учебы на неделю.

Зрачки бегали по его лицу, но Люк лишь устало смотрел в ответ:

– Я просто с ним поговорю.

Он поднял руку к моему лицу, убирая прядку волос за ухо, и я прижалась к холодной ладони, обхватив её пальцами. Люк зол, он хочет разобраться с Марком, но он стоит рядом со мной, поглаживая мои скулы, от чего я прикрываю глаза. Вздрагиваю от легкого касание на губах и поддаюсь вперед, но Люк отдаляется.

– Драки не будет, – чмокнул меня в лоб, прижимаясь, – я не хочу, чтобы ты видела такое.

Легкая улыбка овладела губами парня, и я слабо улыбнулась в ответ.

Я нашла средство, которое могло успокоить Люка.

Я и была этим средством.

[...]

Мы шли по пустому коридору, стараясь двигаться как можно тише, чтобы не сорвать уроки.

Настроение колебалось от возвышенного и решительного, до ужасного и нервного. Внутри меня все сворачивалось при одной только мысли о Птице. Сердце билось, но я ощущала то холод, сковывавший спину и оседавший на кончиках пальцев, то обжигающий страх.

Когда мы остановились напротив закрытого кабинета, в котором шел урок, мы переглянулись, не решаясь сделать шаг вперед. Я поднесла руку к лицу, начиная грызть ногти, но тут же одернула себя. Напряжение читалось и во взгляде Люка.

– Давай ты, – прошептал он, подталкивая вперед, но за-

метив мое возмущение, виновато пояснил, – я прогулял три занятия у этого учителя.

Закатила глаза, решив, что с пропусками Люка можно разобраться позже, потому через секунду уже нерешительно стучала в дверь. Раскрыла, придерживая её руками:

– Простите, – заглянула в кабинет, находя парня и слабо улыбнулась, переводя взгляд на учителя, – можно забрать Марка Стаффорда на пару минут. Это очень важно.

Женщина приспустила очки, незаинтересованно оглядев класс, после чего разрешила Марку выйти. Улыбнувшись мне в ответ, она откинулась на спинку стула, углубляясь в чтение книги.

Закрыв за собой двери, я подскочила к Люку:

– Получилось!

Меня охватил адреналин, который растекается по венам, заставляя теревить рукав Люка.

Сейчас начнется что-то... просто что-то.

В коридоре появился высокий парень, оглядываясь. Заметив Люка, он с легкой улыбкой направился в нашу сторону, шаркая кроссовками по кафелю.

– Я немного удивлен, ребят, – начал Марк, – вырвать посреди урока, который вы, между прочим, прогуливаете, неужели что-то случилось?

Остановился в метре от нас, сложив руки на груди. Люк не стал соблюдать дистанцию, в пару шагов оказываясь напротив Марка:

– Не делай вид, что не знаешь, – прорычал он и сжал ладони в кулаки.

– Марк, – я тут же вмешалась, обратив на себя внимание, – мы просто хотим узнать, что произошло у вас с Диланом.

Улыбка пропала, Марк с вызовом посмотрел на нас, словно желая послать куда подальше, но в последний момент замер. Брови сошлись на переносице, когда он произнес тихое:

– Он уехал? – его голос прозвучал даже робко, но заметив наши печальные взгляды, Марк моментально собрался. В подозрении раскрыл рот, желая что-то сказать, но тут же поджал губы, кусая сухую кожицу, – он уехал. Уехал!

Больше это не звучало как вопрос.

Я лишь выдохнула через нос, кивнув.

Неожиданно эйфория парня тут же сменилась непониманием. Он неуверенно взмахнул рукой и зарылся в свои волосы. Сощурил глаза, посмотрев на Люка:

– Значит, это правда, – и голос Марка стал таким напряженным, словно он говорил о чем-то большем. Словно он купил один лотерейный билет, и тот неожиданно принес ему несметное богатство. Марк сдавил виски руками, а в его широко раскрытых глазах отразился настоящий шок, вперемишку с ужасом, – Вот черт, – простонал он, тут же скрывая лицо в ладонях, чуть сутулясь.

– Марк, – я нерешительно позвала парня, встретившись с ним взглядом, – тебя что-то напугало?

– Нет, – ответил он, а после облизал сухие губы, – точ-

нее... – он улыбнулся уголком губ и хищно покосился в нашу сторону, – Все нормально, теперь мне никто не помешает.

Он взъерошил волосы и нервно рассмеялся.

– Не мешает с чем? – это Люк.

– Не мешает достигнуть цели.

– Твоя цель связана с убийством людей? – тихо спросила я, чем опять привлекла к себе внимание.

Люк сжал мою ладонь, пытаясь возмутиться, что сказала прямо в лоб, а не обошла, но мне было уже все равно.

– Что ты... – Марк нахмурил брови, качнув головой, – нет! Я говорю о Кристин. Она моя цель. Еще с девятого класса.

Рот парня вновь расплылся в улыбке. Кажется, он слепо верил, что Дилан был единственной преградой между ним и моей подругой. Моей лучшей подругой, которую он пытался обидеть. Он ведь... попытался её поцеловать, несмотря на отказы.

Ярость накатила сама, когда в голове пронеслись недавние слова Кристин. «Он трогал меня».

Я сжала губы, произвольно делая шаги в сторону парня. Руки чесались от злости, протыкающей маленькими иголками каждый участок моего тела.

– Алекс... – сорвалось с губ Люка и потонуло в тишине, когда я остановилась напротив Марка, заглядывая в его глаза.

Тишина.

Взгляды встретились.

Мерзкая усмешка.

Треск.

Я вложила все силы в этот удар. Голова Марка последовала за моей рукой. Позади раздались тяжелые шаги и что-то крепкие руки схватили меня за талию, отрывая от пола, когда я размахнулась для второй пощечины.

– Нет! – взвизгнула, промахнувшись.

Гнев полностью одолел меня, глаза застелила пелена. Что-то бурлило внутри и я не прекращала размахивать руками, ударяя сжатыми ладонями по плечам Люка. Его хватка на моей талии стала сильнее.

– Отпусти меня! Я ему глаза выщарапаю, – барахталась, шипя без остановки, – Отпусти-отпусти...

Люк пронес меня над полом и развернул так, что держащийся за щеку Марк пропал из поля зрения. Поставив меня на ноги, Люк продолжил держать за талию. Я попыталась кинуться в сторону ненавистного мне человека, но хватка стала сильнее. Люк наклонил голову, лоя мой разъярённый взгляд:

– Когда я говорил, что драки не будет, я не ожидал, что ты решишь её устроить.

– Ты слышал, что он сказал?! Кристин его цель! – вновь вспыхнула, но Люк закрыл мне рот ладонью, заставив широко раскрыть глаза, стора от ярости. Он развернулся вместе со мной, игнорируя мои укусы.

– Откуда ты знаешь про Джона? – грубый голос, совсем не в стиле Люка.

– Ты имеешь в виду, как я узнал, что Дилан сбил Джона? Невольно сжимаюсь, больше не барахтаясь в хватке Люка. Слышать такие слова от Кристин одно, но когда это приносит Марк, другое. Более отвратительное и пугающее зрелище.

– Это серьезное обвинение, тебе не кажется? – предупредил Люк уже не так грубо.

– Нет. Я могу рассказать полиции о нелепом на ваш взгляд совпадении, когда на следующий день, после пропажи Джона, Дилан отдал машину в ремонт, и она случайно досталась мне. Небольшая вмятина, словно кого-то сбили, – пожал плечами, и как ни в чем не бывало, продолжил, – я лишь предполагал, но когда вы сказали, что Дилан сбежал, понял, что мыслил в правильном направлении. Его должны посадить за такое.

– Скорее тебя посадят, – предупредил Люк и я согласно промычала в его ладонь, но замерла. Подняла глаза на парня, не понимая, за что осудят Марка, и тогда Люк продолжил, – за клевету и угрозы.

– Хочешь проверить?

Я замычала в ладонь сильнее, и попыталась вырваться из хватки. Люк замолчал, обдумывая слова Марка, но дернулся, когда я с силой укусила его за палец.

– Черт, – прошипел он, убирая ладонь от моего рта, –

Алекс...

– Сколько стоит твое молчание? – спросила я, не теряя времени.

Марк на секунду замер, удивившись моей решимости, а затем неохотно проговорил:

– Нисколько. Дилан уже отдал то, что мне нужно, – этим он желал добиться определенной реакции, но мы с Люком лишь переглянулись, не понимая о чем речь, – Боже, не тупите, – сорвался Марк, – Кристин – цена моего молчания и О'Коннелл отдал мне её.

– Она не вещь, – прорычала, вновь дергаясь в сторону парня, но крепкие руки лишь сильнее обвили мою талию, – тебе никто её не отдавал...

– Отдавал, – выдержал паузу, – и вы отдадите, иначе я пойду в полицию и расскажу всю правду о вашем психопате друге О'Коннелле. Вы сами недавно говорили, что у них есть протекторы от машин, пускай сверят с машиной Дилана и во всем убедятся.

Люк напрягся:

– Ты этого не сделаешь.

– Еще как сделаю, – улыбнулся, – и мне поверят, а знаешь почему? Потому что я могу быть очень убедительным, особенно с доказательствами на руках. А точнее с видео. Оно размытое, ведь шел дождь, но я же как-то разглядел ваши машины.

Ощутила, как хватка на моей талии слабнет, но уже не

рвусь в бой.

Марк наигранно надул губы:

– Вы только не расплачьтесь.

Выдыхаю.

Такое чувство, будто пнули под дых, выбивая весь воздух.

Не сейчас.

Стенки горла сжались, не давая мне дышать.

Не при Марке.

Сжала кулаки, игнорируя нехватку воздуха, от чего мое лицо покраснело. Люк зашевелился, заводя меня за свою спину. Он не видел моего лица.

Громкий звон, разрезавший тишину, заставил меня подскочить на месте. В глазах темнело, но я моргаю чаще, пытаюсь сосредоточиться на Марке.

Все произошло как в замедленной съемке.

Марк раскрыл рот, подняв палец вверх:

– Звонок, – цокнул языком.

Люк замер. Толпа людей вывалились из кабинетов. Они превратились в стадо, сметающее все на своем пути.

Раскрыла рот, опустившись на кафедру. Стенки горла давили друг на друга. Марк развернулся, сливаясь с толпой.

Смех, голоса, ругань вокруг меня превратились в шум.

Сжала руками шею, прикрыв глаза.

Выдохни, Алекс

Крепкие руки подхватили меня за талию, поднимая с пола. Воздуха катастрофически мало, отчего глаза начало печь.

Выдохни

От лица Кристин

18:53

Я вошла в ванную комнату, нехотя взглянув в зеркало. Мое лицо скорчилось, а на глаза накатились слезы. Подошла ближе, сняв с себя верх. Огромные отметины не давали покоя. Я видела их. Я чувствовала боль, когда касалась их.

В глазах помутилось от слез.

– Выдохни, Кристин, – приказала себе, но голос дрожал, а слезы скатывались по щекам.

Хватит, Кристин.

Ты жалкая, потому что плачешь.

Ты отвратительная, потому что вообще позволяешь себе плакать.

Отвернулась от зеркала, подходя к душевой кабинке.

Мое лицо корчилось от спазмов в животе. Наверное, зрелище не из приятных. Мне не нравилось, как я выгляжу, а когда плакала, то уродовала себя сильнее.

Хныкнула, грубо растирая слезы. Глаза покраснели.

Выдохни, Кристин.

Повернула кран и встала под душ.

Сегодня ты дала волю чувствам, показала всем свою слабость.

Подставила лицо под горячую струю воды, упираясь рукой в кафельную стену.

Дилан твоя слабость.

Постаралась отогнать мысли об этом парне, но картинки так и мелькали перед глазами.

7 месяцев назад

16:12

– Хорошо, – улыбаюсь, когда выхожу из здания школы, медленно спускаясь по ступенькам, – расскажешь потом, что было интересного.

Слышу смех на другом конце провода, после чего Алекс обещает не только рассказать, но и наглядно продемонстрировать на мне.

– Не-ет, – тяну, весело прощепетав, – пускай ваши извращения, остаются только между вами.

Отключаю звонок и останавливаюсь с глупой улыбкой. Подставляю лицо лучам солнца, что согревают кожу и жмурюсь. Весна будет теплой и приятной.

– Хэй!

Вздрагиваю, разворачиваясь на голос, от чего подол моего платья немного приподнимается.

В паре метрах от меня стоит парень, взъерошенные волосы которого блестят на солнце. Его лицо настолько расслабленно, что я сомневаюсь, меня ли он звал?

– Ты что-то хотел, Дилан?

– Да, – мрачно улыбнулся он, складывая руки на груди, – Алекс не сможет с тобой пройтись до дома, потому что Люк увез её на свидание.

– Ну-у, – тяну, показав телефон, – я знаю, мы только что

это обсудили.

Даже если Дилан удивился, то он никак не показывает это. Так же стоит, осматривая меня с ног до головы, после чего быстро скользит языком по нижней губе, и холодно говорит:

– Я довезу тебя.

– Что? – удивляюсь я, не веря своим ушам, – Ты... что?

– Я. Довезу. Тебя, – четко проговаривает О'Коннелл, выделяя каждое слово, и ожидающе смотрит на меня. Я смотрю в ответ, теребя лямку сумки, чтобы скрыть легкое волнение.

Это напряженное молчание длится с минуту и Дилан не выдерживает первый. Убирает руки с груди, засунув их в карманы джинс и спрашивает, щурясь:

– Ты долго стоять будешь?

– Да, – выдыхаю, бросив быстрый взгляд на парковку, затем вновь на парня, – я не поеду с тобой.

Дилан напрягает мышцы и это становится заметно по тому, как плечи парня нервно вздрагивают. Голос его становится тихим, хриплым, словно он сдерживает себя, чтобы не сорваться:

– Почему это?

– Не хочу тебя утруждать, – уверенно улыбаюсь, протягивая довольное, – пока! – и отворачиваюсь, уверенно переставляя ногами.

В спину мне доносится громкий голос О'Коннелла:

– Боишься ехать со мной?

– Что за глупости? Не боюсь, просто не хочу.

Быстрые шаги позади и чьи-то длинные пальцы уверенно хватают мой локоть, разворачивая. Тут же задерживаю дыхание, уткнувшись носом в грудь Дилана. Отступаю на шаг, но мой локоть продолжают держать, с непроницаемым лицом смотря на меня. Я сужаю глаза, но ничего не успеваю сказать, как Дилан задает вопрос:

– Почему?

– Да потому... – шиплю я, пытаюсь выдернуть локоть, но встречаюсь со взглядом темных глаз. Он смотрит серьезно, как будто действительно не понимает. Как будто испытывает давящую грусть и пустоту и все это отражается лишь в его глазах. Я выдыхаю напряжение и спокойно отвечаю, попадая под обстрел этих глаз, – Ты грубиян, О'Коннелл. Я не хочу пересекаться с тобой.

Между нами пара сантиметров, я даже могу почувствовать горячее дыхание, от которого мои волосы слегка поднимаются.

Взгляды встречаются, и я замечаю, как губы парня расплываются в улыбке:

– Я думал всем хорошим девочкам, нравятся плохие парни.

– Боюсь, ты ошибаешься.

Наигранно улыбаюсь, после пытаюсь выдернуть свой локоть, который сжимают еще сильнее. Возмущенно раскрываю рот, поднимая глаза на парня:

– Отпусти, – замираю, заметив как глаза Дилана слезят-

ся, – что с тобой?

Дилан сглатывает, отпуская меня, и часто моргает, будто просыпается после страшного сна.

– Тебе плохо?

– Все... – он отходит, осматриваясь, – все нормально.

Щурюсь, поджимая губы. Я же вижу, что что-то не так.

Зачем врать?

Так.

Выключи любопытство, Кристин.

Этот парень не твое дело и тебе не должно быть интересно, что с ним.

Киваю, скорее себе, и выдавливаю улыбку:

– Было приятно с тобой повидаться, – Дилан недоуменно скидывает брови, заметив сарказм в моих словах, – я пошла.

Разворачиваюсь и быстрыми шагами скрываюсь за поворотом, ведь боюсь передумать.

Я впервые оставила человека одного, чувствуя, что ему нездоровится.

Это наша третья встреча. Думаю, теперь он не захочет со мной общаться.

Настоящее время

Через тридцать минут я вышла с мокрыми волосами и заплаканными глазами. Алекс уже расправила мою кровать и сидела в позе лотоса.

Улыбнулась, подходя ближе:

– Медитируешь?

Алекс раскрыла глаза и, заметив мое состояние, тут же поднялась с кровати, обнимая. Хорошо, что она пришла с ночевкой. Мы нужны друг другу. Особенно сейчас.

Обняла в ответ, утыкаясь в плечо.

От лица Алекс

20:31

Опустила голову на холодный стол, прикрыв глаза от усталости:

– Когда я шла к тебе, то надеялась на душевный вечер, а не на это, – выдохнула, на ощупь, скинув тетрадь со стола. С легким шлепком предмет моей ненависти упал на пол.

– Ты хочешь остаться на второй год?

Глухой шлепок.

Перекатила голову, открыв один глаз, и страдальчески скорчила лицо. Тетрадь опять лежала на столе.

– Как много нам осталось сделать?

– Астрономия одно задание и математический анализ, – Кристин приложила карандаш к губам, нахмурившись, – который мне в голову, кстати, прилетел.

– Так тебе и надо, – улыбнулась я, – не будешь меня эксплуатировать.

– Это ты так называешь помощь с уроками?

– Если бы ты еще помогала, – вздохнула, покачав головой.

Кристин подняла на меня глаза, вскинув брови, и толкнула в колено.

Опустилась на пол к подруге, откатывая подальше стул:

– Давай посмотрим фильм, – предложила, пальцами изобразив человечка, и прошла пальчиковыми ножками по плечу Кристин.

– Никаких ужастиков, – не оторвавшись от учебника, сказала Кристин, – нам и математического анализа хватит. Захвати его с собой кстати.

Закатила глаза, выпрямившись, и нащупав рукой толстую тетрадь, взяла её.

– Мы же всегда смотрим ужасы, не нарушай традицию, – простонала я, усаживаясь в позу йога, подобно Кристин.

Подруга забрала тетрадь и раскрыла ее, задумчиво перелистывая страницы:

– Тебе в нашей жизни ужасов не хватает?

– Кстати, на счет этого, – замялась я, вспомнив.

– Да?

Вовремя конечно вспомнила. И как теперь сказать то? Нужно мягко преподнести, а я молчу, разглядывая полку с плюшевыми игрушками. Кристин подняла на меня глаза:

– Ты хотела мне что-то рассказать.

– Да? – я прикусила губу, – точно. Да там ничего важного...

– Врешь.

– Может быть, просто я не хочу портить твоё настроение еще сильнее.

Мы сидели вдвоем на полу в ярко освещенной комнате,

заваленной учебниками и разными книгами. Чаще всего, на глаза мне попадались книги о приключениях. Вон Том Сойер не далеко завалился.

Кристин отложила тетрадь, напрягаясь. Я могла бы порадоваться тому, что математический анализ ушел на второй план, но не получалось.

– Что случилось? – взволнованно спросила подруга.

– Мы поговорили с Марком.

– Так, – кивнула, хмуря брови, – и что он сказал?

– Сказал, что пойдет в полицию и расскажет о Дилане, – произнесла на одном дыхании, – и у него есть доказательство. Видео.

Кристин хрустнула пальцами:

– Ты ведь не про то видео, которое я выложила? Отец Дилан постарался, чтобы его больше никто не увидел, – её голос ослаб.

– Нет, это другое видео, но мы даже не уверены в его существовании. Марк просто сказал, что не покажет видео полиции, если мы отдадим тебя, – вскинула руки, проворчав, – но ты не вещь, чтобы отдавать. Поэтому я даже не рассматриваю такой вариант. И ты не должна. Мы как-нибудь разберемся с этим, найдем улики и сдадим Марка в полицию.

Кристин проглотила ком в горле, опустив руки. Посмотрела перед собой.

– Кристин?

Она не ответила, продолжив сверлить взглядом бежевую

стену.

Не такой я, конечно, реакции ожидала от неё. Думала, она начнет бегать по комнате, сметать всё на своем пути. Устроит взрыв, узнав о Марке, но она сидит со спокойным лицом, пугая меня.

Я прикусила губу, сжав веки:

– Скажи хоть что-нибудь.

Раскрыла рот, продолжая смотреть на стену:

– Ты боишься Марка?

– Нет.

– А Птицу?

– Эм... – замялась, вспомнив тот леденящий ужас, – его боюсь. К чему такие вопросы?

– Мне кажется, что убийца пугает нас, лишь пока остается неизвестным, – перевела на меня глаза, – узнав этого человека, представление об убийце меняется.

Поднесла пальцы к губам, кусая мизинец:

– Хочешь сказать, что не боишься Птицу?

– Я не боюсь Марка, не смотря на то, что он слетел с катушек в последнее время, – сморщилась, словно прогоняя мысли, – меня лишь интересует, убийца ли он?

7:56

Я выпрямилась, поправив куртку, и с теплой улыбкой посмотрела на миссис Пекус, что сжимала в своих объятиях Кристин. Из-за пережитого стресса у женщины стало заметно морщинки на лбу, а волосы волнами спадали на плечи,

обрамляя лицо.

– Вы уверены, что справитесь сами? – в который раз повторила она.

Кристин отодвинулась от матери и, улыбаясь, произнесла в четвертый раз:

– Уверены, мам, все будет хорошо.

– Алекс, – я подняла подбородок, – ты следи за этой ду-
рехой, чтоб никуда не сбежала.

Посмеялась, пропуская Кристин к вешалке:

– Глаз с неё не спущу.

Миссис Пекус сделала пару шагов в нашу сторону. Провела языком по верхним зубам и добавила, когда я раскрыла двери:

– Маме привет.

– Хорошо, – повысила голос, пытаюсь перекрычать дождь, что непробиваемой стеной застилал улицу.

Кристин в последний раз обняла маму и отвернулась, встретившись с моим взглядом.

Я выгнула выделенную бровь:

– Бежим?

И в ответ уверенное:

– Бежим.

Кристин накрыла голову портфелем и выбежала из дома, визжа. Я раскрыла рот, собираясь что-то крикнуть, но было уже поздно, Кристин несла по тропинке.

Переставила ногами, хлопнув за собой дверью и ощутив

холодные капли на своей макушке, поспешила открыть зонтик. Поежилась от пронизывающего ветра.

Звук дребезжащей ткани разнесся над моей головой. Я побежала по тропинке, пока тарабанивший по ткани дождь пытался меня достать.

Кристин, промокшая и что-то кричащая, пыталась раскрыть дверцу машины. Вода лилась тонкими струйками с её рюкзака, разбиваясь у ног.

Сжала зонт сильнее, когда сильный порыв ветра попытался вырвать его из моих рук, покачнув меня. Вокруг все гудело. Короткие волосы, которые я немного завила перед выходом, лезли в рот.

Подбежала к машине, раскрыв дверцу, и протиснулась на переднее сидение, закрывая зонт, с которого лилась вода.

– У тебя был зонт!?! – это Кристин.

Подняла глаза на зеркало заднего вида, заметив блестящее от капель воды лицо подруги, и засмеялась:

– Я же тебе это три раза сказала.

Закрыла дверцу, и звук дождя почти прекратился, стал отдаленным. В салоне автомобиля было светло и тепло, в отличие от улицы.

Улыбнулась Люку, повернувшись к нему:

– Привет.

Кудрявые волосы Люка были немного вздернуты вверх, а на лице виднелась еле заметная улыбка.

Люк сжал одной рукой руль, а другой обхватил мою шею,

притягивая. Поддалась вперед, прикрыв глаза, и ответила на поцелуй.

– Привет, – прошептали в губы, выпрямляясь.

Звонкий голос с нотами издевки раздался с заднего сидения:

– Я бы пожелала вам приятного аппетита, но не очень бы хотела смотреть на то, как вы пожираете друг друга.

Улыбнулась, закатив глаза. В какой раз я их закатываю? Мне уже больно.

– Забыл, что нельзя целоваться, пока в машине дети-и, – протянула Люк, выехав на дорогу.

Села удобнее, большим пальцем подтерев красную помаду, которая немного размазалась.

Люк вздохнул, крутя руль:

– Остался один день.

– До чего?

– До очередного убийства.

Кристин наклонилась вперед, вцепившись пальцами в спинки кресел. Кашлянула:

– Почему так спокойно говоришь об этом?

– Потому что я не дам этому случиться.

– Это каким образом? – заинтересовалась я.

– Осталось два места, – прищурился Люк, пытаюсь разглядеть дорогу сквозь дворники и нескончаемый дождь, – один рядом с полицейским участком, а второй в заброшенной трех-этажке, которая на выезде из города. Я попрошу

оцепить территорию рядом с участком. Если Птица зайвится туда, то либо попадет в ловушку, либо испугается и сбежит.

Сглотнула, кивнув головой:

– Хороший план, а к трех-этажке ты тоже отца пошлешь?

Люк сжал руль, разминая шею и без особых эмоций произнес:

– Туда пойду я, и если Птица зайвится убить кого-то, то поймаю его.

Внизу живота всё неприятно сжалось, ощущение такое, словно там завязался узел, который дарил тянущее чувство. Я коснулась плеча Люка, сжав его, чем привлекла внимание.

– Ты никуда не пойдешь, – нервно начала, – я смотрела много ужастиков и знаю, чем это чревато. Нет, – решительно качнула головой, – ты никуда не пойдешь.

– А как ты узнал, что последнее место это заброшенное здание? – вмешалась Кристин и я сорвалась на неё:

– Какая разница!? Он все равно никуда не пойдет, поедет, поплывет и другим способам передвижения я тоже говорю – нет.

– Соединил линии на карте, и на их пересечении было это заброшенное здание, – ответил Люк, но не мне.

– Меня тут кто-нибудь слушает?! – вскрикнула я, неожиданно наклонившись вперед.

Люк крутанул руль, завернув в большие, железные ворота. Я схватилась руками за сиденье, чувствуя, как меня заносит.

Шорох, после чего последовал глухой шлепок.

– Я жива, – отозвалась Кристин, поднявшись на сидении и сев на место.

Люк затормозил у лестницы, ведущей ко входу в здание школы. Переключил передачу, повернувшись ко мне. Нашел мои глаза и обеспокоенно заглянул в них. Прикусил губу, подобно мне, и виновато отвел взгляд, опустив его на Кристин:

– Выходите здесь, чтобы много под дождем не бежать.

– Не выйду, пока мы не поговорим, – отозвалась я.

– Ты промокнешь, если не выйдешь здесь. Алекс, не глупи, – попросил Люк, так и не посмотрев на меня.

– Ничего страшного, у меня есть зонт, – согнула руку, продемонстрировав свой черный зонт.

– Ну-у, – протянула сзади Кристин, – я буду ждать вас внутри.

Подруга раскрыла дверцу, послышался шум дождя, а после хлопок. Мы остались одни.

Сверлю злобным взглядом, вскинув брови. Люк развернулся, усаживаясь прямо за руль, и надавил на газ. Он медленно проехал мимо старых, но чистых от дождя машин, рыская глазами свободное место.

– Ну и чего ты молчишь? – не выдержала я.

– А что говорить?

Выдохнула через нос, фыркнув:

– А так не понятно? Скажи, что никуда не едешь.

– Я не могу тебе врать.

Глаза расширились, а злость начала кипеть во мне. Если он окажется завтра на месте убийства, то вероятнее всего станет жертвой. Это же Люк. Скорее всего, он полезет на рожон и начнется полный кошмар. Наступит нам всем не про-светная и большая... а в прочем, тогда то уже будет не важно.

Сглотнула от своих мыслей. Машина остановилась, слегка качнувшись.

– Тогда я иду с тобой, – подняла подбородок и выскочила из машины.

Ливень застучал по зонту.

Люк выбежал следом, не обратив внимание на дождь. За считанные секунды с его кудрявых волос начала стекать вода.

– Я иду один! – крикнул, засовывая руки в карманы куртки. Между нами один метр, но Люк не заходит под зонт.

– Ты либо идешь со мной, либо сидишь дома, тоже со мной, – ответила, надрывая горло.

Люк выплюнул воду и раздраженно подошел ко мне. Зашел под зонт, и я немного подвинулась.

– Какая ты настырная, Алекс. Ты все равно пойдешь?

Кивнула, сохраняя спокойствие.

Люк вздохнул, запрокинув голову. В обзор попал его кадык, по которому скатывались капли воды.

– Ладно, – начал он, – я заеду за тобой сегодня ночью. Мы проведем там целые сутки, будь готова.

7 месяцев назад

16:47

Радостные крики и гул переполняют спортивный зал, в котором уже три часа идет соревнование баскетбольных команд. Напряженная борьба заканчивается счетом 9:8 в пользу школьной команды «Орлов».

Улыбаюсь шире, быстрыми прыжками спускаясь с трибун. Алекс крепко держит меня за руку, пробираясь через толпу, которой пару секунд назад еще не было. Мы бежим поздравить тренера и команду с победой.

Запинаюсь о свою ногу. Не падаю, но приходится остановиться.

Алекс что-то кричит мне, но из-за визга вокруг я не могу разобрать. Она тянет меня за руку, скрываясь между людьми. Они давят, выталкивая подальше от подруги. Руки расцепляются.

– Алекс! – кричу, но голос растворяется в шуме, – Алекс...

Резко замолкаю, врезаясь в чью-то грудь. Поднимаю глаза. Дилан смотрит в сторону, на его лице видны капли пота, а губы корчатся от... боли?

Сглатываю, когда парень обходит меня, так и не заметив, хватаясь рукой за голову. На нем оранжевая майка, такая же, как у игроков проигравшей команды. Точно, это же его бывшая школа. Он был на поле как игрок. Может поэтому переживает.

Нет, Кристин, он корчится от боли.

Шатаюсь, когда кто-то врезается в меня спиной.

Не могу забыть дрожащую губу Дилана, поэтому оборачиваюсь, бубня под нос, и ищу глазами Люка.

Кто как не лучший друг сможет ему помочь? Тогда мне не будет совестно, за мое наплевательское отношение к людям.

Кручусь вокруг себя, придерживая края платья. Вижу одни спины и лица, но все не те.

Поджимаю губы, смотря в сторону дверей, в которых скрылся Дилан.

Давай же Кристин, а вдруг он умирает?

Выдыхаю и немного наклонившись, пробираюсь через толпу, закрывая за собой двери.

Оглядываюсь, тяжело дыша. Куда он мог пойти? После игры, как любой нормальный парень я бы пошла в раздевалку. Начинаю ускоряться. Стук каблуков рушит тишину, как и гул, доносящийся из зала, что остался далеко позади.

Я выхожу в холл, поднимаясь по лестнице. Остановливаюсь на нужном этаже и подбегаю к раздевалке.

Давай, просто зайди и выйди.

Киваю головой сама себе и открываю двери.

– Дилан? – голос получается слишком тихим. Откашливаюсь, повторяя, – Дилан?

Слышу шорох. Оборачиваюсь в сторону душевых кабинок. Все стихло.

Хрущу пальцами и опасаясь чего-то, сама не понимаю чего, прохожу шкафчики, оказываясь рядом с душем. Не смот-

рю туда. Нервно улыбаюсь, ожидая увидеть парней, а тут я такая «Привет мальчики, я просто шла мимо и... о господи, да вы в неглиже!».

Грохот заставляет меня обернуться: в другом конце раздевалки различаю высокую фигуру.

Это походит на фильм ужасов. Кажется, что сейчас моргнешь, и она резко окажется перед тобой, вонзая когти тебе в горло.

– Д-дилан? – сжимаю влажные ладони. Кто-то медленно идет в мою сторону.

Я кусаю губу:

– Ты в порядке?

Парень подходит ближе, и теперь я могу видеть в тусклом освещении бледное лицо О'Коннелла и его слезящиеся глаза. Гребаная мерцающая лампочка придает большее напряжения, но я убеждаюсь, что передо мной Дилан и успокаиваюсь. Выдыхаю, начиная идти ему навстречу.

– Ты меня напугал...

Останавливаюсь, когда понимаю, что ноздри парня широко раздуваются, а ладони сжаты в кулаки. И он смотрит на меня. В упор.

– Дилан, – шепчу, отступая. Уверенность покидает меня, когда он ускоряет шаг, быстро сокращая расстояние между нами.

– Д-дилан? – начинаю осознавать происходящее и хочу просто сорваться с места, но мне очень страшно. Парень

очень зол и боюсь, он выместит всю злость на первом попавшемся человеке. На мне.

Вздрагиваю, касаясь копчиком твердой стены, и мои глаза бешено мечутся по комнате. Стена находится в конце душевых кабинок. Мне некуда отступить. Он загнал меня как кошка мышку.

– Дилан, – сглатываю накопившуюся жидкость во рту, – выдохни, хорошо? Что бы не происходило, ты справишься.

Он останавливается на расстоянии вытянутой руки. Его плечи то поднимаются, то опадают от тяжелого дыхания. Это напоминает мне быка. Такой же злой. Такой же яростный взгляд. Узкий. Направлен на меня.

– Слушай, – я не знаю, что мне сказать, – не понимаю, почему ты так зол, но в любом случае все будет хорошо, всё обязательно наладится, – мой голос начинает дрожать, – скажи что-нибудь, – глаза щиплет, – прошу, не пугай меня так...

Дилан делает шаг, хватая меня за оголенное плечо. Я дергаюсь от горячей хватки, смотря перед собой. Сжимаю губы.

– Я просил его уйти, – шепчет Дилан, опускаясь к моему лицу. Я чувствую его обжигающее дыхание, касающееся моей кожи, что вызывает неприятные ощущения. Это действует на меня как катализатор.

– Не трогай меня, – рычу, трясась.

Парень чуть отодвигается и поднимает на меня глаза. Я не смотрю на него, стараюсь не моргать.

– Либо ты нормально со мной говоришь, – шепчу, напря-

гая челюсть, – либо я...

– Он не уходил, – хрипит Дилан, сдавливая мое плечо, а я тут же морщусь.

– Больно, Д-дилан, – начинаю пищать, выкручиваясь из хватки парня. В груди все ноет, но я умудряюсь скинуть тяжелую ладонь. Отскакиваю в сторону, надеясь, что смогу убежать, но О'Коннелл грубо обхватывает мою талию, с силой прижав к себе. Так близко, что выбивает весь воздух из груди.

Вытягиваю руки, пытаюсь схватиться за любой выступ в этой полу-темной комнатке, с матовыми стенами.

Царапаю ладонь и, понимая обо что, хватаюсь за выступ пальцами.

Раздается звук разбивающейся об кафель воды. Мои руки обдаёт холодной водой. Взвизгиваю.

– Он не понимал меня! – кричат Дилан в мое ухо, ударив в кафельную перегородку, на которой тут же остается кровавый след.

– Дилан, не надо, – я сжимаю глаза, продолжая тянуться. Парень держит меня одной рукой, поэтому мне удастся затянуть почти все тело в душевую кабинку.

Холодная вода уже стекает по моим волосам и мочит спину. Чувствую покалывания на коже от такой температуры. И кажется не одна я.

О'Коннелл грубо толкает меня в стену. Я почти падаю, ударяясь коленями и полностью попадая под воду. Развора-

чиваюсь, распахивая глаза, и смотрю на него. Он трясется от злости, глотая воздух:

– Не ушел, не ушел, – его голос дрожит.

Я начинаю скулить, понимая, что не могу остановить слезы. Кручу головой, мыча что-то не разборчивое.

Дилан делает шаг в мою сторону и замирает, когда его окутывает холодная вода. Она стекает по голове, заставляя прилипнуть ко лбу черные волосы. Ноги парня подкашиваются, и он падает на пятую точку.

Опускает голову и замолкает.

Мне страшно. Челюсть дрожит, а в глазах пелена от большого количества воды.

Вставай и беги!

Поднимаюсь на ноги, наблюдая за реакцией Дилана. Колени дрожат.

Сглатываю, поднося тыльную сторону ладони к губам.

Выдыхаю, всхлипывая.

Поднимаю глаза и прижимаю вниз рычажок. Вода прекращает литься.

Беги.

Я сажусь обратно на колени, вытягивая руки к О'Коннеллу и поднимаю его лицо. Наши глаза встречаются. Я касаюсь его бедра коленями.

– Я-я говор-рил, – заикается.

– Эй, тише, – шепчу я, когда вижу, что его глаза больше не слезятся, – Дилан?

Он вновь смотрит мне в глаза. Скулы его напрягаются, когда он моргает, сильно сжимая глаза. Затем вновь смотрит на меня:

– Кристин? – его дыхание сбито.

Я улыбаюсь, потирая его лицо. Киваю.

Дилан тут же отстраняется, отползая к боковой стене.

– Ты в порядке? – шепчу я.

– Что я, – он замолкает, поджимая колени к груди. Потирает лоб, касаясь губ. Все ещё дрожит. По лбу скатываются капельки воды. Дилан холодный. Его зубы стучат.

– Дилан, – я встаю, подходя к нему. Он не поднимает голову, скрывая глаза под ладонями. Холодок проходит по коже, отчего вздрагиваю.

Я испугалась. Заревела. Но все это кажется мелочью, по сравнению с состоянием Дилана.

– Дилан, – я хватаю его за руки, убирая их от лица, отчего тот начинает сильнее трястись, – ты помнишь, что сейчас было?

Он смотрит мне в глаза, моргая. Отрицательно качает головой, и я хмурюсь.

– Ты цела или... – замолкает, останавливая взгляд на моих коленках. Опускаю глаза и замечая тонкую струйку крови, сглатываю.

– Это царапина, заживет.

Дилан облокачивается на стену, тяжело вздыхая. Его взгляд тут же становится осознанным и таким сосредоточен-

НЫМ.

– Поехали.

– Куда? – спрашиваю, не в силах найти в себе энергию на споры.

– Нельзя чтобы нас такими видели.

Смотрю на парня в мокрой одежде, но заостряю взгляд на руке.

– Ты разбил кулак.

– Плевать, – поднимается на ноги, подавая мне руку.

Он только что хотел меня ударить или представлял на моем месте другого. Я очень рискну, если сяду к нему в машину

Это наша шестая встреча и я полная дура, ведь села к нему в машину.

XIV. Глава

8:13

Шла по коридору, изредка поднимая глаза на людей. Меня бросало в дрожь от осознания того, что завтра утром, днем или ночью, кого-то из них могли убить. Посмотрела на коротко стриженую девушку с синими волосами. Она выглядела очень мило, да и широко улыбалась своим друзьям. Жизнерадостная. Если бы они знали, что могло произойти, улыбались бы так?

Опустила глаза на свою обувь.

– Тогда сама ей скажешь, хорошо? – спросил Люк, сжав мою ладонь.

– Я так и собиралась, – кивнула, – и ты прав, ей нельзя с нами.

Люк улыбнулся, от чего его глаза немного сузились, и отпустил мою руку, скрываясь в толпе людей.

Вздохнула, кусая губы и пошла дальше по коридору, разыскивая взглядом подругу. Еще бы Кристин поняла, что ей нельзя.

Я ляпнула, не подумав, а теперь тряслась от одной мысли об этой ночи. Идти в заброшенное здание, зная, что там будет убийца, это глупо.

Опять вздохнула.

Голова не осознавала, куда мне надо идти. Но ноги, казалось, и без этого знали. Идти туда – где Люк.

– Кристин! – крикнула через шум и подняла руку, когда заметила белую макушку.

Волосы Кристин немного подсохли и от дождя кудрявыми и пушистыми. Она обернулась, тряхнув кудряшками, но не обратила на меня должного внимания.

Что это за игнорирование? Она же увидела меня, но опять развернулась.

Немного наклонилась, проходя мимо людей и придерживая одной рукой сумку. Подошла к Кристин со спины, опустив правую руку на плечо:

– Кристин, ты...

Запнулась, заметив мистера Ханта, что стоял прямо напротив Кристин. Он обратил на меня внимание, также за-

молчал.

– Здравствуйте, мистер Хант.

– И вам не хворать, Саттон, – потрогал бородку и перевел взгляд на Кристин, – Так о чем это я? Ах, да, новая тактика. Ты сможешь изучить структуру слов и самого языка. Если бы я не просмотрел тот семинар, то вряд ли бы смог объяснить своим студентам данную тему столь понятным образом. Но так как я еще и не пробовал, то потренируюсь на тебе.

– Спасибо, – Кристин кивнула, вежливо растянув губы в улыбке, – а то мне наскучила обычная латынь.

Учитель слабо засмеялся, словно чихнул:

– Значит после школы, зайдешь и заберешь, – прищурился, – у тебя во сколько уроки заканчиваются?

– В половину третьего.

– У меня как раз перерыв, это знак.

– Как совпало, – ответила Кристин, пожав плечами.

Мы распрощались с мистером Хантом и проводили его взглядом. Он мог бы давно скрыться в толпе, но ученики расступались перед ним, страшась даже задеть плечом.

Кристин развернулась ко мне, все также улыбаясь, и собралась что-то сказать, но я начала первой:

– Значит так, я должна тебе сказать...

– Это плохая идея, – перебила Кристин, миг став серьезной. Улыбка пропала, а в глазах отразилась усталость.

– Но ты даже не знаешь, что я собираюсь сказать!

– Подозреваю. Люк упрямый и я уверена, что он не отка-

жется от своих идей, — сказала она и пошла по коридору, — сразу говорю, следить за ним мы не будем. Даже не проси.

— Я и не собиралась. Не собиралась, потому что итак иду с ним.

Испуг Кристин нужно было видеть. Она так пугающе вытянулась, что стало заметно пульсирующую жилку на шее.

— Ты не пойдешь, — прошипела она.

— Пойду, а ты в этот момент будешь дома.

— Что? Не-ет, — протянула, переступив с ноги на ногу, — если идешь ты, значит, иду и я. Мы как набор для ванны, ты гель, а я шампунь. Никуда ты без меня не пойдешь.

Улыбнулась. Плюс еще одна интерпретация нашей дружбы в копилку «сравнений».

Неожиданно наткнулась на знакомую брюнетку, прожигающую меня взглядом. Нахмурилась, отвернувшись.

[...]

Они должны были знать, где Дилан. Должны. И если я хотела знать ответ, почему не могла подойти и спросить? Ах да, точно, не горела желанием видеть эту Кристин.

Потерла лицо, выдыхая. Это всё нервы. Я не такая. Я не отношусь так к людям. Не ко всем, по крайней мере.

— Эми-или, — протянули рядом со мной, цокнув языком.

— Чего тебе, Тай? — спросила, — Я не в настроении.

Тайлер выставил руки, сделав вид, что испуган.

— У-у, — протянул, а в голосе слышалась насмешка, — Мне поднять тебе настроение, красотка?

Сощурила глаза, спрятав улыбку за подозрением. С Тайлером мы общались давно, поэтому я знала все его примочки.

– Говори уже, что тебе надо?

– Как ты поняла, что...

Прокрутила прядку волос, наигранно вздохнув:

– Пораскинула мозгами. Жалко, что ты не умеешь делать также.

– Умею.

– Тогда пораскинь, с чего вдруг я должна тебе с чем-то помогать? – спросила и сложила руки на груди.

– Потому что ты добрая и отзывчивая булочка с корицей.

Раскрыла рот, удивленно посмотрев на Тайлера, что стоял совсем близко. Он заметил мою заминку и добавил, самодеvolmente улыбнувшись:

– Ты ватрушка с ягодками, французский хлебушек, такой же изысканный и пылкий и...

– Я поняла, – перебила его, а внутри все растаяло от таких сравнений, – ладно, что ты хочешь?

– Для начала пригласить тебя на прогулку.

Тайлер перестал улыбаться, словно его намерения были серьезными.

Оценивающе осмотрела его.

Темные волосы на затылке завязаны в хвостик, виски выбриты. Широкоскулый и голубоглазый.

Все в нем говорило о уверенности и решимости. Каждый

взгляд в мою сторону, каждый жест и приветливая улыбка. Раньше я этого не замечала, но сейчас, когда холод во мне занял каждую клеточку, каждую молекулу, такое солнышко как Тайлер не может пройти незамеченным. Даже если бы я не хотела, в прогулке с Таем есть свои плюсы. Во-первых, о ней узнает Дилан, я об этом позабочусь, и надеюсь, что такое знание станет катализатором его чувств. Он поймет, как подло было меня бросать посреди спортивного зала, пока вокруг кружились парочки, а я стояла как... Сглатываю, уже более уверенно поднимая глаза на Тайлера:

– Раз хочешь, то пригласи

6 месяцев назад

Дилан сидит в своей черной кофте, облегающей худой торс. Как всегда его волосы растрепаны, а на лице застывает безразличие. Замечаю, как на него смотрят другие девушки, флиртуют, улыбаются и пытаются завести разговор, но особого внимания он этому не уделяет. На счет разговоров. Дилан не говорит со мной, на тему его поведения в раздевалке, но больше не избегает и не грубит. Меня это пугает и одновременно затягивает. Не могу объяснить почему.

Хмурюсь, когда к нему подходит очередная девушка в попытке завести милую беседу, на самом же деле в попытке получить что-то большее, чем разговор.

– И вот ей не надоело? – спрашиваю, тыкая локтем в ребра Алекс.

– Кому? – отзывается подруга, проследив за моим взгля-

дом, – А-а, Сесилии не надоест. Она пока своего не добьется, не отстанет.

Киваю, прокручивая в голове её имя. Сесилия.

Неожиданно темные глаза встречаются с моими, и воздух в легких заканчивается. Дилан облокачивается на спинку стула, начиная еле заметно улыбаться.

Отворачиваюсь, чувствуя его взгляд всем телом, что вызывает внутри жар.

– У тебя остались уроки?

– Да, еще два, – Алекс улыбается, взяв стакан с кофе, – но мы с Люком планируем их прогулять.

Хмурюсь:

– Я одна озабочена твоей учебой?

– Да брось, – машет рукой, делая глоток крепкого напитка, – мы же не в выпускном классе. Тут можно не напрягаться, причем не только мне. Возьми и тоже расслабься, – отставляет стакан, облизывая губы, – погуляй с кем-нибудь. К примеру с Диланом.

Вздрагиваю, начиная возмущенно шипеть, но скрыть улыбку не получается:

– При чем тут О’Коннелл? Если хочешь знать, мне он не нравится.

– Занервничала, – щурится подруга, – я заметила, что вы в последнее время сблизились, было бы круто, если бы вы начали общаться. Ну знаешь, они с Люком лучшие друзья, ты моя лучшая подруга. Это же знак.

Хмурюсь, качая головой, но улыбка отказывается слезить с лица.

Краем глаз замечаю, как Дилан медленно выходит из-за стола, направляясь к выходу. Отворачиваюсь, хрустя пальцами:

– Это не знак, – смотрю в сторону выхода, а внутри что-то сжимается в тугий узел, и я все-таки решаюсь, – ладно, мне пора.

Наклоняюсь, сжимая в объятиях подругу, и выхожу из-за стола. Быстрыми шагами преодолеваю расстояние и оказываюсь у двери.

Нет. Мне не нравится Дилан. Мне просто интересно, что с ним происходит. Я хочу ему помочь, потому что складывается такое ощущение, будто парень живет в страхе, что никто не услышит его крика. Крика помощи.

Ему нужна помощь.

Выхожу в коридор, осматриваясь. За мной хлопает дверь, приглушая гул в столовой.

– Дилан! – кричу, заметив знакомую широкую спину, и срываюсь с места. Подбегаю к парню. Он не оборачивается.

– Дилан, – повторяю зов, громко стуча каблуками.

Кто бы знал, как неудобно на них бегать.

Выравниваюсь с Диланом и легонько толкаю в плечо.

– Я уже боюсь тебя, – тихо признается Дилан, но я слышу в его голосе смешинки.

– Говоришь так, будто я тебя не боюсь, – усмехаюсь, оста-

навливаясь, – то есть я тебя не боюсь, – хмурюсь, – ни капельки.

Он продолжает идти, засунув руки в карманы кофты:

– Будь я на твоём месте, то боялся бы.

Я пускаю смешок, поспевая за ним:

– Я не хочу запускать старую шарманку, но после того инцидента, я чувствую себя потерянной, что-то непонимающей, но никак не напуганной.

Дилан кусает губу:

– Это было почти месяц назад. Я же просил забыть. Такого больше не повторится.

Я киваю.

Неожиданно для меня, Дилан останавливается, выставляя руку, в которую, собственно говоря, я врезаюсь.

Поднимаю глаза и следую за взглядом О’Коннелла.

Навстречу нам, по коридору, идет взрослый мужчина в черном костюме. Все кричит о его статусе в обществе. Часы, взгляд, походка. Он выглядит так, будто вкладывает в себя миллионы и они вполне себя оправдывают, ведь выглядит он изумительно.

Сглатываю, потому как эти черные волосы и темные глаза давно въелись в мой разум.

Поднимаю глаза на Дилана. Сходство видно невооруженным взглядом. Мужчина подходит ближе, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки.

– Привет, сынок, – говорит, широко улыбаясь.

Дилан мнется:

– Что ты здесь делаешь?

– По делам, – кратко отвечает мужчина и поправляет часы на запястье. Ловлю на себе заинтересованный взгляд из-под опущенных ресниц, – а это... твоя девушка?

Проглатываю смешок, поджав губы.

– Я Ричард О'Коннелл, отец Дилана. Ты весьма красивая, – он пожимает мою ладонь двумя руками, что немного смущает, поэтому пальцами убираю локоны волос за уши. Сжимаю губы в слабую улыбку, которую пытаюсь прятать, немного опустив лицо.

Немного странно, что Дилан не говорит ничего в опровержении слов отца, поэтому приходится самой:

– Я Кристин Пекус, – представляюсь, – и, на самом деле, мы с Ди...

– Если это все, то мы пошли, – перебивает Дилан.

– Не всё, сегодня ужин с моими партнерами и я прошу тебя прийти, – голос становится твёрже, – хотя бы на этот раз.

– Сегодня не могу, – пожимает плечами, продолжая уверенно, – Кристин идет ко мне, и мы будем заняты.

Дилан и его отец переводят на меня взгляды, но кроме кивка я не могу ничего сделать. Я в таком шоке сейчас. Куда я иду, и чем мы будем заняты?

После задумчивого молчания со стороны мистера О'Коннелла наступает неловкая пауза. Дилан смотрит на меня, его

отец на Дилана, а я смотрю в пол, пряча раскрасневшиеся щеки.

– Тогда, не стойте! – внезапно воскликнул мужчина, обходя нас, – Удачно вам провести время, – он быстро направляется по коридору, вальяжно покачиваясь при ходьбе.

– Что это было, – шепчу, разворачиваясь к Дилану.

– Что именно? – непринужденно спрашивает он, начиная двигаться к выходу.

– Почему ты не сказал, что я не твоя девушка?

Дилан делает задумчивое лицо, после ухмыляется:

– Если это единственный вопрос, значит ты не против, что мы идем ко мне?

– Я... – облизываю губы, опуская глаза, – на сама деле нет, но...

– Ничего такого. Мы просто... – он запинается. Видимо, придумывает подходящее занятие, – Просто завтра тест по алгебре и мне нужна твоя помощь в подготовке.

Завтра действительно важный тест и судя по обширным знаниям Дилана на уроках, ему действительно нужна помощь. Плюс ко всему, в удобной для него обстановке я смогу узнать, что с ним происходит.

– Что ж, – улыбаюсь я, – думаю, вы меня убедили, мистер О'Коннелл, – встречаюсь со взглядом Дилана, поправив себя, – младший. Только с вас горячий чай.

Дилан усмехается, жестом указывая на выход из школы. Я продолжаю идти, громко стуча каблуками. Слышу его шаги

за спиной.

Это начало нашей 27 встречи. Главное не влюбиться.

От лица Кристин

Настоящее время

00:31

Сжала глаза от усталости. Я никогда не думала, что любить кого-то так приятно и больно одновременно. Это сводило меня с ума. От осознания моей вины, становилось ещё хуже.

Передернула плечами и вновь посмотрела на листы.

Иногда, уничтожение всего казалось лучшим решением. Оборвать все разговоры, перестать видеть этого человека. Разрушить все его чувства и попытаться сотворить тоже самое со своими. Так приходилось поступать, когда я заботилась о человеке. Я заботилась о Дилане.

– Выдохни, – прошептала самой себе, бросив ручку.

Попыталась остановить мысли. Весь этот поток воспоминаний разрушал меня.

Наклонилась к столу, пододвинув лампу ближе, чтобы от яркого света мои глаза перестали закрываться.

Нужно заняться учебой и отвлечься.

Провела пальцем по строчкам, вдумчиво читая:

«*Semper primis hostiis litatum esse innocentes. Ita multis ante saeculis fuit, sicut iam fieri.*»

Перебрала в голове слова, которые я знала, и попыталась составить предложение, учитывая падежи.

Взяла в руки карандаш и, поглядывая то на лист с латынью, то на чистый лист, записала слова.

«Всегда первыми жертвами становятся невинные. Так было много веков назад, так происходит и сейчас»

Прищурилась, поправив розовую пижаму.

Очень странное предложение, которое я, скорее всего, не так перевела, но которое меня заинтересовало. В общем-то, одна из причин моего изучения латыни – это интерес. Я прочитала так много книг о приключениях, в которых было столько захватывающих моментов. И в итоге, я вывела определенный алгоритм, когда была маленькой. Если ты человек, умеющий нестандартно мыслить, что точно не ко мне, тогда ты вляпаешься в приключения. Если ты человек, интересующийся чем-то необычным, что уже больше мне подходит, тогда ты тоже вляпаешься в приключения. И вот она я, словно ребенок.

Жду приключений.

Жду опасностей.

Хочу быть полезной.

Провела линию под первым предложением и взялась за следующее.

Прошло десять минут, а я уже перевела все предложения, не обратив внимание на ночь за окном. Осталось пару слов, для закрепления и можно было ложиться читать. Завтра выходной. В школу не надо.

Широко зевнула, прикрыв рот рукой, и опять посмотрела

на задание.

«Pandus».

Ну это пантера.

«Accipiter»

Это кажется ястреб.

«Aven»

Эвем... Эвем... точно, это птица.

Записала в листок, но в горле неожиданно пересохло. Я замерла. Застыла в пространстве.

Эвем это птица?

Зрочки бешено забегали, перескакивая то с листа латыни, то с листа на котором мои инициалы.

Я уверена, что Эвем это Птица.

Господи.

Отбросила ручку, прикрыв ладонями рот. Мое дыхание перехватило.

Фамилия Люка – Эвем. Теперь ясно, почему он сказал, что пойдет в то здание. Потому что знал, что за ним пойдет Алекс. Кто, мать вашу, ходит мимо этой заброшки?! Никто! Но ему нужна была жертва. Поэтому Люк и настоял, чтобы я не ехала, ведь своим присутствием могла помешать.

Я качнула головой, скорчившись, глаза начало щипать.

– Нет-нет, – прошептала, подскочив со стула, в поисках телефона, – я успею, – подняла телефон с пола, набирая номер подруги.

Я пыталась прекратить дрожь, но мое тело продолжало

трястись.

Приложила телефон к уху, слушая гудки. Рот приоткрыт, а глаза замерли на нашей фотографии, что стояла на столе.

– Давай, – шептала, в ответ на гудки, – давай, давай, давай!

На звонок никто не ответил, и я судорожно набрала номер еще раз.

Замерла, всеми фибрами души молясь, чтобы Алекс подняла трубку.

Спустя пару напряженных секунд женский голос объявил мне, что телефон выключен или находится вне зоны действия сети.

Откинула мобильник, упав на колени и схватившись за волосы. Оттянула их, издав тихий писк.

Господи, только не её.

Все внутри вывернулось на изнанку. Меня тошнило. Сердце сжималось так, словно мои легкие сдавливали его. Спазмы в животе, появившиеся из ниоткуда, ухудшали положение.

– Надо, – поднялась, истерически вытирая слезы, – надо идти... Спасти... я д-должна...

Открыла рот, пытаюсь восстановить дыхание.

Подбежала к шкафу и накинула первое, что нащупала – серый свитер. Штаны не стала переодевать, ведь это долго, поэтому побегу в своих розовых.

Побегу? Но туда идти минут пятнадцать.

Я не успею. Каждая минута дорога.

Шмыгнула, оглянувшись в поисках телефона. Он лежал у стены. Упала на колени рядом с мобильником и набрала сообщение.

«Дилан, ты очень нужен. Люк и есть убийца! У него Алекс»

Дрожащим пальцем нажала отправить и, недолго думая, набрала еще одно смс:

«Молю»

[...]

Мои руки тряслись, а зубы стучали. И это не от холода, я его даже не ощущала. Это из-за боязни потерять близкого человека.

Воздух в легких кончался, но я настойчиво перебирала ногами, пробегая старые дома. Они обветшали и, судя по всему, люди покинули их в спешке. Улица здесь словно застыла. Она сохраняла легкую атмосферу суматохи, в которой люди собирали вещи. Об этом говорили приоткрытые двери и ведра, что просто стояли у входа. Выглядело все это мрачно.

И жутко.

Ведь люди не просто так покинули дома, их кто-то заставил... или напугал.

Поднимаю взгляд от дороги вперед и чуть не давлюсь внутренним ужасом, что уже окутал мое горло когтистыми лапами. Это здание. Оно выглядело как новое, но вот окна выбиты и от них веяло холодом. Окрашенные зеленой крас-

кой железные качели облазили. Возможно это мое воображение, но я отчетливо слышала скрип их досадного покачивания, словно кто-то невидимый сидел и наблюдал за мной.

Я подбежала к зданию, разрывая свои легкие, но это не значило, что я спасла Алекс.

Сердце остановилось вместе со мной и я сглотнула жидкость, осматривая здание.

Его крыша уходила в черное небо, растворяясь там, но я точно знала, что там всего три этажа. В это здание должны были заселить людей из уже непригодных для жилья домов, но подрядчик всех обманул и сбежал с деньгами, не достроив здание и лишив людей крова.

Мутная история.

Мои глаза стали мокрыми.

Я на миг осознала, что Алекс, моя Алекс, где-то там. Сейчас. И возможно ей страшно.

Поднесла пальцы к дрожащим губам, выпустив пар изо рта. И холод настиг меня. Сковывал мышцы, кости, каждую связку. Морозящий ветер обдувал мое мокрое от пота лицо.

Я подошла ближе ко входу, осматриваясь и не обращая внимание на судороги.

Что-то во мне ныло. Жалобно сжималось в груди. Но я отбросила все мысли. Нахмурилась, больше не шмыгая носом.

– Выдохни, – прошептала себе и встала напротив дверей.

Вытянула руку, а пальцы судорожно задрожали, когда я коснулась ладонью обжигающего железа. Надавила, раскры-

вая двери, и они с противным скрипом поддались. Лязганье, с которым двери раскрылись, эхом пронеслись по зданию. Ветер проник в коридоры и залы, легко подняв мои волосы. Я прищурилась, перешагивая ту невидимую грань, отделяющую от убийцы. Шарканье моих ног отдалось в этих стенах словно гром.

Впереди коридор. Голые стены и белые потолки. Куча разных листовок и обрывков газет валялось на пыльном полу.

Мое сердце билось, как бешенное, готовясь вырваться из груди, но я проронила пару вздохов, заставляя себя идти дальше. Здесь тише, чем на улице. От этого я чувствовала себя глухой.

Я боялась включить фонарь на телефоне. Боялась, что увижу нечто, что повредит мой рассудок. Уж лучше почти ничего не видеть. Поэтому блуждала во тьме, как слепой котенок.

Кажется, минула вечность, а я прошла лишь один коридор и поднялась по лестнице. Мое сердце разрывалось от липкого страха.

Услышав шарканье ног, я вздрогнула, прикрыв рот рукой. Прислушалась, но звук становился лишь отчетливее, словно кто-то приближался.

– Алекс? – скорее промычала я, чем спросила. Пересилила себя, оставаясь стоять по середине коридора, и выглянула в темноту.

Нахмурила брови, разбирая во всем этом мраке силуэт. Он стоял за углом, медленно выплывая на середину коридора.

– Ал-лекс? – мой писк эхом разнесся по коридору и человек напротив меня напряг свои плечи, тут же ускоряя шаг. Его шаги эхом отдавались в моей голове, а я вросла в землю, не в силах сдвинуться.

Я словно обессилила. Забыла, как дышать, наблюдая за несущимся на меня силуэтом. Он обретал все более четкие формы и я...

Я смогла лишь тихо пищать, сквозь сжатые губы. В пяти шагах от меня блеснул чей-то яростный взгляд. Этот взгляд. Тот, кого я боялась встретить.

Тот, кто обманывал нас столько времени.

Он остановился передо мной, нависая. Следя за мной свысока и его злость было невозможно не заметить.

Он был один. Без Алекс, и черт знает, что успел с ней сделать.

И тогда я не выдержала.

– Ты... – совсем хриплым голосом прошипела я.

Страх, обида из-за обмана, ненависть и горе вышли на первый план. Затмили рассудок. Голос неожиданно прорезался. Силы вернулись, и я сделала угрожающий шаг к Люку, вскрикнув:

– Где Алекс?!

Парень промолчал, с прищуром разглядывая меня. Он

поднял руку, приблизившись в плотную, и я отчаянно завизжала.

От лица Алекс

Час назад

Вокруг меня темнота, но я отчетливо различала пыльную бахрому кресла-качалки. Не в силах отвести от него взгляд мне начало казаться, что оно медленно качнулось назад. Затем вперед. И так до тихого скрипа, от которого в груди защемило, парализуя все тело.

Мне казалось, что я схожу с ума, когда кресло скрипнуло во второй раз, но Люк аккуратно коснулся моего плеча, заставляя прийти в себя.

Моргнула, а Люк указал на что-то позади себя.

Сглотнула, осознавая, что скрипела дверь от сквозняка, а не кресло-качалка. Выдохнула через нос, но вся вспотела из-за напряжения. В груди разгорелось дикое желание позаимствовать это спокойствие у своего парня, который подошел ближе, обнимая.

– Я и представить не могла, – прошептала я, смотря перед собой, – что здесь будет так страшно.

Положила голову на плечо Люка, прикрывая глаза и желая спрятаться от всего мира.

Мы находились в самой, как мне казалось, темной комнате второго этажа. Здесь воняло плесенью, и она вызывала у меня рвотные позывы.

Люк разрешил включить маленький фонарик, но тот не освещал и четверти помещения. Свет падал лишь на злощастное кресло-качалку.

Люк нахмурился, замечая мою дрожь:

– Я говорил тебе, – грозно, но при этом с волнением, – сиди дома.

– Как ты не поймешь, я не оставлю тебя одного, – подняла глаза, наблюдая за нависшим надо мной лицом парня, – ни здесь, ни в любом другом месте.

Люк вздохнул, опуская лицо, и коснулся губами моего лба. Прижал сильнее, желая защитить от всего мира.

– Котик мой, – прошептал, глядя по волосам. А я закрыла глаза. Мы просидели так пару минут.

Сделала глубокий вздох, заполнив свои легкие ароматом цитрусов, который помогал выбить из носа плесень. Если не обращать внимание на затхлость сия помещения, на Птицу, желающую прикончить кого-то, и требование Марка, то можно было расслабиться.

Но все не так. Я раскрыла глаза и вновь вернулась в реальность.

– Что мы будем делать с Марком?

– А что с ним делать? – Люк отстранился, потирая мои плечи, – Обратиться в полицию мы не можем, Дилана выдать тоже не можем, остается только одно.

– Отдать Кристин?! – вспыхнула от возмущения, – Ты с ума сошел? Думаешь, я отдам свою лучшую подругу этому

убийце? – скинула руки Люка, – Ты так думаешь?

Взгляд стал напряженным, но в такой темноте, Люк вряд ли заметил это. Он слышал только мой дрожащий от негодования голос.

– Алекс, – произнес куда тише, чем я, – не забывай, пожалуйста, где мы находимся.

– Да мне плевать, – неожиданно для себя крикнула, – я не отдам вам всем Кристин!

– А ты не думаешь, – голос стал злее, но эта злость направлена отнюдь не на меня, – что твоя подруга должна Дилану? После всех издевательств над ним и предательств. Ты не думаешь своей прелестной головкой об этом?

Прикусила язык. Главное не проговориться.

Люк опустил обе руки вдоль тела, отвернувшись. Я сделала пару шагов к окну, расположенному справа от меня, после чего накрыла ладонями лицо.

Во мне кипела злость, но я пыталась не пускать в ход резких слов, зная что больше пяти минут она не продлится.

– После её действий, Дилана выгнали с нашей команды по баскетболу, – прошептал, но не без агрессии, – он был очень рад, когда ему дали это место в команде. И поверь мне, оно было заслуженное, – развернулся ко мне, убрав руки от лица, – Это место было таким важным для него, чтобы уделоть отца, и Кристин знала об этом. Дилан сам ей рассказал, и что она сделала, м-м? Кристин разрушила всё, благодаря чему Дилан держался на плаву. Так почему ты не считаешь спра-

ведливым, отдать её Марку?

– Мы не можем всё сваливать на Кри... – начала, но меня перебили.

– Почему? – наклонила голову, прикусив губу, – Пускай она хоть раз спасет его, а не разрушит.

Я потерла ладони, сохраняя невозмутимость:

– Потому что она не вещь, – да, вот так просто. Кристин не вещь и Люк должен был это понять.

Посмотрела на парня, встречаясь с его сосредоточенным взглядом. Он молчал пару минут, после чего раздраженно кинул мне:

– Все ясно, – двинулся к выходу из комнаты, причем очень уверенно.

– Ты куда?

– Проверю этаж, – он остановился, опустив глаза, – мы пришли ловить убийцу, а не ссориться.

И он вышел из комнаты, скрываясь во мраке. Тот, словно темный омут, поглотил его, оставляя после себя пустоту.

Я отвернулась, сжав кулаки. На глаза попалась облезшая стена, с которой то и дело осыпалась штукатурка. Странно, что все пугающие вещи я могу разглядеть хорошо, но лицо Люка практически нет.

Маленький белый свет, люющийся из фонарика, заставил маленького человечка во мне сжаться от страха.

Шорох. Резко обернулась, пытаюсь разглядеть хоть что-то.

– Люк? – прошептала, переступая с ноги на ногу.

В ответ тишина.

– Ты вернулся?

Бросила взгляд на рядом лежавший фонарик и опять посмотрела на дверной проем.

Не отводя взгляда, я присела, хватая в руки фонарик. Тело начало трясти и я не могла контролировать эту дрожь, даже не пытаюсь.

Навела луч света на дверной проем и прищурилась, ничего не замечая.

Громкий крик, пролезающий во все щели в этом ветхом здании. Он раздался совсем близко. Волосы встали дыбом, и я вздрогнула, сжимая ладонью рот. Этот душераздирающий крик, заставил все мои внутренности перевернуться. Тело парализовало. В горле пересохло. Мои руки тряслись, а обкусанные губы дрожали.

Кто мать вашу это может быть?

Голос был женским.

Это новая жертва?

Люк скорее всего побежал на звук, а там где жертва, там и Птица.

Всхлипнула, слыша звуки борьбы, глухой шлепок и громкий топот. Он слишком близко. Отбежала спиной к противоположной стене, роняя слезы.

Мычу.

В глазах мутнело и расплывалось, а сердце сжималось так, будто кто-то пробил мои ребра и сдавливал его в ладонях.

По вискам стекал холодный пот.

– Люк! – пискнула, давясь слезами.

Фонарик трясся в руках, оставляя прыгающие тени на облезшей стене в коридоре. Шаги стали громче и в комнату зашел Люк, с дергающейся девушкой в руках.

Грохот. Девушка упала на колени, расставив руки, чтобы не удариться лицом.

– Не надо, – она дрожала, не поднимая взгляд. Провела ладонями по грязному полу, а голос такой, словно потеряла всякую надежду, – как ты... мог...

Этот голос. Я узнала его.

Навела фонарик на бледное и опухшее от слез лицо девушки. Она сморщилась, выставив руку перед глазами. На ладони ссадина с которой тонкой струйкой стекала густая кровь. Капли падали на бетонный пол.

Всхлипы прекратились. Как мои, так и блондинки в розовых и пыльных штанах.

– Что она тут делает?! – громкий голос Люка заставил меня подпрыгнуть и выронить фонарь из рук. Тот упал мне в ноги, откатываясь и унося за собой свет на другую стену.

– Кристин? – прошептала, не веря своим глазам.

Девушка опустила руку и, разглядев меня, кинулась в мою сторону.

– Ты жива, – её голос дрожал, – я думала он... он убил... я думала всё.

Цепкой хваткой Кристин обхватила мою шею, фактиче-

ски запрыгивая на меня.

Я в ступоре подняла глаза на Люка, у которого на щеке красовалась алая царапина, а под глазом уже наливался синяк.

– Я так испугалась...

Отстранилась от Кристин, заглядывая в её глаза:

– Ты что тут делаешь?!

Её зрачки забегали по моему лицу, будто убеждались, что я цела. Она молчала.

– Так это не ты её позвала? – с сомнением начал Люк и сделал шаги в нашу сторону.

Кристин тут же подскочила, словно испугалась шагов:

– Не подходи! – прохрипела, выставя вперед руку и немного наклоняясь, – не подходи...

– Кристин, – накрыла её плечо, – ты чего?

– Ты не понимаешь! Ты ведь ничего не знаешь! Это Эвем, – указала пальцем в сторону Люка, – он и есть Птица.

– Ты чего несешь! – повысил голос Люк.

– Хочешь сказать, что это не правда?! – крикнула Кристин, вновь смотря на Люка и ограждая меня от него.

Я стояла позади всех, в полном шоке и до конца не понимала, что происходит.

Крики моих близких людей превратились в гул, сбивая меня с мыслей, которые судорожно крутились в голове.

Всё жужжало. А они все кричали и кричали, потому я сорвалась.

Сжала уши, крича подобно им:

– Хватит!

Все замолчали, развернувшись ко мне. Я нервно сглотнула, смотря на Кристин:

– С чего ты взяла, что Люк – это Птица?

– Знаешь, как переводится фамилия твоего парня?

Я отрицательно качнула, подняв глаза на Люка. Он стоял очень напряженный.

– Эвем на латыни означает Птица.

Люк удивленно вскинул брови.

– Ты в своем уме? – Люк выставил руку, указав на Кристин, – Ты понимаешь, в чем ты меня сейчас обвиняешь?

– Я говорю правду, – прохрипела она, – помнишь листок, который подкинули тебе под дверь? – заглянула в мои глаза, – Там было написано «Marcus», что переводится как Знак. Переводится оно тоже с латыни. Это не совпадение. Знак на латыни и «Птица» на том же языке.

– Это п-правда? – заикнулась я, посмотрев на Люка.

– Алекс, – начал, делая шаги в мою сторону.

– Это правда?! – я выставила ладонь. На глазах опять появились слезы. Люк остановился, убирая руки от лица:

– Конечно же, не правда! Я даже латынь не изучал никогда. Только Кристин её знает и по её логике, скорее всего Птица она, а не я.

– Хочешь сказать, я сама себя сбила и оставила в лесу умирать?

Люк замолчал, кусая губу.

Из его взгляда тут же пропала злость и он, словно ищейка, задумался. Складки на его лбу стали видны отчетливее.

– Ты был со мной, когда произошло нападение, – уперлась взглядом в затылок подруги, – он не может быть Птицей, Кристин. Что-то не сходится.

Кристин развернулась ко мне, поджав губы:

– Я не знаю, как он это сделал, но Люку нужна смерть именно в этом здании, именно сегодня, – с жалостью посмотрела в мои глаза, – никто не гуляет на окраине города в выходной день, поэтому он сказал, что идет сюда. Он знал, что ты пойдешь за ним. Ты должна была быть его жертвой.

Качнула головой:

– Нет-нет, он же предупредил отца об убийстве, он не мог...

Посмотрела на Люка, лицо которого выражало такую безнадежность, что мне захотелось спрятаться в угол и биться головой об стену, лишь бы избавиться от роя мыслей в голове.

– Думаешь, отец бы поверил ему? – голос подруги звучал как мой собственный, – Ты же знаешь их отношения.

Люк сдвинул глаза ладонями и вскинул руки, смотря на Кристин:

– Я не Птица, я же рассказал о своем плане тебе, Алекс. Вам обоим, – обвел нас взглядом, – думаешь, будь я Птицей, я бы говорил о своих планах при свидетелях?

Кристин мгновенно замялась, не зная, что ответить.

Я опустилась на грязный пол, широко раскрывая рот и глотая пыльный воздух. Начала плакать:

– Как меня всё это достало, все эти подозрения. Я устала.

5:36

Эфемерные лучи солнца проникали в комнату через окно. В воздухе витала пыль и оседала в моих легких, заставляя изредка кашлять. Я сидела, поджав ноги, на том самом кресле-качалке. Оно все было покрыто толстым слоем пыли, которая въелась в мою куртку.

Сейчас рассвет.

Повернула голову, зевая.

Кристин стояла у окна, вырисовывая фигурки на стекле, что также покрыто пылью. Её розовые спальные штаны превратились в серый, местами разорванный, мешок.

Единственное, что казалось чистым, так это её свитер, который, вряд ли спасал от холода. Люк предлагал ей взять свою куртку, но та отказалась, уверяя, что ей тепло.

Люк.

Почувствовала, как чесались мои щеки от слез, которые я пролила сегодня утром, и морщусь, подняв руку к лицу. Зачесала ногтями.

Люк сидел в углу, подложив под пятую точку свой рюкзак, и задумчиво глядел на меня. Под глазом красовался синяк, а на скуле все так же была маленькая царапина. Кристин закричала, когда Люк подошёл к ней этой ночью, и начала за-

щищаться. Учитывая то, с какой злостью вышел Люк после нашей ссоры, то я понимаю, почему Кристин испугалась.

Вздохнула, повернув голову. Белая стена с подтеками. Закрыла глаза, обняв себя руками.

Легкое касание.

Вздрогнула, раскрыв глаза и заметив Кристин.

– Я пошла.

– Будь осторожна и напиши, как доберешься домой.

Кристин выгнула бровь:

– А смысл?

– То-очно, – протянула, вспомнив, что здесь нет сети, и телефон не ловит.

– Тебя проводить? – спросил Люк, поднявшись, и отряхнул штаны.

– Не нужно, – Кристин замялась, опуская глаза, – но спасибо.

Она дожидалась рассвета, чтобы идти домой, не боясь темноты.

6 месяцев назад

Вхожу в квартиру, чувствуя себя не совсем уверенно. По дороге, выяснилось, что у Дилана есть своя квартира, в которой он чаще всего проводит время в одиночестве, и большой дом, в котором они живут вместе с отцом и домработницей.

Дилан закрывает за собой дверь, оборачиваясь:

– Ну вот... здесь я люблю посидеть в тишине, когда все достало, поэтому...

– Я буду тихой, как ниндзя, – щурю глаза, догадываясь, чего от меня просят.

Дилан быстро облизнул губы, улыбнувшись:

– Не нужно, – с какой-то с надеждой звучит его голос, – будь собой.

Я прохожу за Диланом в комнату к кровати и снимаю туфли. Отставляю каблуки в сторону.

– С чего начнем? – сажусь на пол, опираясь на кровать.

Дилан снимает портфель, падая рядом:

– А с чего хочешь ты?

И я окончательно краснею. Вся. От макушки до кончиков пальцев на ногах.

[...]

Время близится к ночи, но мы не собираемся расходиться. Никогда не могла подумать, что сидя рядом с О'Коннеллом, меня будет согревать его общение, взгляды, которые, он думал, я не замечаю, но ошибался. Атмосфера в комнате приятная и я позволяю себе рассказать Дилану много личных историй, совсем не опасаясь, что он их кому-то перескажет.

– Так, – неожиданно вспыхиваю я, – почему ты не рассказываешь о своей семье? – спрашиваю, а внутри поражаюсь своей наглости

Дилан выдыхает:

– До пятнадцати лет я жил с матерью и отчимом. Он, – сглатывает, – часто пил, распускал руки. Не знаю, любила ли его мать, возможно, ей просто не хотелось быть одной.

– Он тебя бил? – я наклоняю голову на бок, наблюдая за реакциями на мои расспросы, чтобы вовремя остановиться. Не успеваю заметить, когда на задаваемые вопросы я начала получать ответы.

– Нет, но он бил мать на моих глазах. Он бил, а я ничего не мог. Это ужасное чувство беспомощности, – усмехается, качая головой, и подносит уже остывший чай к губам, – Ненавижу это.

– Не кори себя, – моргаю, сжимая плечо парня.

Дилан поднимает на меня глаза, хмурясь:

– Помнишь, ты спрашивала, почему я переехал?

Киваю. Это была одна из наших первых встреч, когда О’Коннелл вел себя словно полный придурок.

– В один из дней отчим был в школе, он был трезв, но, – напрягается, вспоминая, – он вел себя как урод. Зашел в кабинет и начал кричать на меня, всё как обычно, но на этот раз при одноклассниках.

Сглатываю, ведь Дилан сжимает челюсть, скрипя зубами.

– Тогда я не выдержал. Меня ослепила ярость, и я не мог контролировать свои действия. Пелена перед глазами.

– Как тогда в раздевалке? – догадываюсь.

– Тогда я сломал ему челюсть и битой разбил окна машины, – вздыхает и кажется, не договаривает, – я просил его уйти, но он не послушался.

– Где были учителя в этот момент? – хмурюсь, выпрямляясь, – Почему они позволили какому-то левому человеку

срывать урок?

– Он и был учителем. После этого меня отвезли на обследование и выяснили, – Дилан облизывает губы, растрепав волосы, – что у меня расстройство прерывистой вспыльчивости.

Не знаю даже как реагировать. Во мне бушует столько эмоций, но по делу я ничего не могу сказать.

Хрущу пальцами, смотря на рабочий стол перед собой:

– У тебя РПВ? Боже, – сглатываю, – так тебя исключили?

– Кто-то снял на видео, как я разбиваю лобовое стекло и выложил в интернет. Естественно я портил рейтинг школы и меня исключили.

– А почему тогда в нашу школу приняли?

– Отец заплатил кому-то, за услуги, – разворачивается ко мне, заглядывая в глаза, – и через два дня видео не стало. Его не было ни у кого, кроме моего отца и меня.

В воздухе повисает молчание. Напряженная атмосфера. Тишина давит на меня, но что я могу сказать? Он только что открылся мне, и меня радует его доверие. Но, кажется, я запуталась. Боюсь, что причиной моего внутреннего дискомфорта является рассказ Дилана.

Я не ожидала, что правда будет такой... пугающей.

Прочищаю горло, шепча:

– Тебе удалось отвлечь меня от Алгебры, – улыбаюсь, искренне, – но больше я на это не куплюсь.

Опираюсь рукой о кровать и встаю, проходя к столу, на

котором стоял мой остывший чай. Провожу пальцами по поверхности, будто проверяю на наличие пыли, но на самом деле пытаюсь расслабиться, чувствуя пристальный взгляд Дилана на своей спине.

Он молчит.

Отодвигаю стул, садясь за стол, и начинаю писать. Это должно меня отвлечь.

Скрип. Теплая ладонь опускается на плечо. Мое сердце сжимается. Боюсь поднять голову, как вдруг Дилан утыкается лбом мне в шею, словно прячась в моих волосах.

– Что ты... делаешь?

О'Коннелл выдыхает горячий воздух, щекоча кожу, ничего не отвечает, но подходит ближе, сгибая ноги, а руки упирает по обе стороны от меня. Касается бедер. Я чувствую себя странно, но не могу убрать с лица легкую улыбку.

Сидеть так – приятно.

Это наша 27 встреча. Я влюбляюсь?

XV

. Глава

От лица Кристин

7:34

Убрала влажные волосы, расправив второй рукой воротник, и уложила обратно, больше не ощущая обжигающе холодные пряди. Так было легче. Ведь я не любила чувствовать чьи-то касания. Не хотела, что бы меня кто-то трогал, даже

если он просто смахивал крошки от печенья, которые я не заметила.

Посмотрела на ладонь и потерла запястье. Немного разодрала кожу, когда пыталась ухватиться за стену. В том здании. Когда, забыв про все доводы разума, импульсивно обвинила Люка и пошла на поводу страха.

Зачерпнула ложкой молоко с хлопьями и положила все это в рот. Мой завтрак встал у меня поперек горла, ведь всё рушилось, и я устала умолять, чтобы произошло хоть что-то хорошее.

«Её будет любить кто угодно, но точно не я»

Сжала ложку. Я облажалась. Как всегда.

5 месяцев назад

Закрываю за собой двери столовой, не скрывая улыбки. Быстрыми шагами нагоняю Алекс. Коридор как всегда полон.

– Тебе самой не смешно? – спрашиваю, возобновив недавнюю тему.

– А тебе отнекиваться не надоело? У тебя впервые появился парень, Кристин!

– Он не мой парень, – замолкаю, разводя руками, – мы просто друзья.

Алекс язвительно кивает, явно не поверив мне:

– Дилан просто друг, который, – демонстративно выставляет перед собой руку, начиная загибать пальцы, – может обнимать, прижимать к себе, обжигать дыханием и изливать

душу.

Опускаю глаза в пол, невольно ощутив, как по телу проходит приятная дрожь. Самое пугающее это то, что я не могу сопротивляться. Я хочу, чтобы он не останавливался. Нет. Никакой пошлости. Просто хочу сидеть в его объятиях и касаться кончиком носа его шеи. Ощущать тепло. Понимание. Чувствовать себя защищенной, будучи полностью открытой.

– В любом случае, – продолжает Алекс, – вы смотрите друг на друга слишком долго. То не похоже на дружбу.

Фыркаю, но сама прячу улыбку, потому как мы действительно смотрим друг на друга по-особенному. По крайней мере, я. На счет чувств Дилана я не уверена.

Поднимаю голову, заглядывая в довольные глаза подруги:

– Скажи это Дилану и всем тем, кто за ним бегают.

– Да брось, – Алекс обнимает меня за плечи, продолжая идти, – он этим Сесилиям говорит, почему его не будет в школе? Нет? – спрашивает, но тут же утверждает, – Нет. Но тебе говорит и... а кстати, где он?

– Уехал с Люком по делам, после едет сразу домой.

Поджимаю губы, замолкая. Почему мне даже не приходится задумываться или вспоминать, куда делся Дилан? Почему я знаю его местонахождение так же, как и номер экстренной службы? Такое чувство, что в опасной ситуации первым делом я прибегу к парню, крича его имя, а только потом наберу 911.

Мы движемся дальше, поднимаясь по лестнице. Стук мо-

их каблуков тонет в гуле толпы, когда я бросаю беглый, но наполненный такой теплотой, взгляд на окно. Это наше место. Дилан часто находил меня у этого окна.

– В любом случае, – Алекс выходит из транса, останавливаясь, – стоит поговорить с Диланом о ваших чувствах. Признаться ему.

– Я не знаю, – улыбаюсь, уверенная, что первая точно не сделаю шаг. Слишком боюсь услышать от Дилана что-то плохое. Я буду куда счастливее, если между нами останутся призрачные, но такие чувственные отношения.

– Он тоже испытывает к тебе что-то, Кристин.

– Ну, – шурюсь подобно подруге, – хорошо, – поднимаю руки вверх, – я сдаюсь, ты победила.

Алекс смеется, пытаясь подмигнуть мне, но оглушающий звук прерывает ее.

Радиорубка.

Гудки разносятся по всей школе, из-за чего ученики останавливаются, готовясь прослушать очередное объявление. Но я не могу спокойно стоять и слушать, тереблю края пальцами, нервно сминая ткань. Мысли роем ос, жужжат и жаждут свободы. Ловлю себя на мысли, что действительно хочу признаться Дилану. Рассказать, как сжимается мое сердце, глухим треском отдаваясь в голове. Как дрожат коленки, при одном только его виде. Как мне хочется упасть в его объятия и больше никуда не уходить и это... даже пугает меня. Пугает, насколько мои чувства сильны.

Моргаю, обратив внимание на учеников. Осматриваюсь, заметив кое-что странное. Все застыли. Никто не шевелится, с каким-то напряжением вглядываясь в стены. Они чего-то ждут, даже Алекс. Неужели я что-то пропустила?

Неожиданно по школе проносится треск, словно что-то подключают через провода. Знакомый голос заполняет коридор.

– До пятнадцати лет, я жил с матерью и отчимом. Он часто бил, распускал руки. Не знаю, любила ли его мать, возможно, ей просто не хотелось быть одной.

Спина тут же покрывается холодным потом. Позвоночник словно разрезает разряд тока, ведь это голос Дилана.

Вздрагиваю, словно получив звонкую пощечину, когда по всей школе проносится мой голос:

– Он тебя бил?

Испуганно смотрю на Алекс. Она хмурится. Указывает пальцем куда на стену, раскрыв рот в немом вопросе.

– Это твой голос? – все же спрашивает подруга, но я не успеваю даже кивнуть, как голос из динамика продолжает:

– Нет, но, он бил мою мать на моих глазах. Он бил, а я ничего не мог. Это ужасное чувство беспомощности. Ненавижу его, – а затем мое тихое, – Не кори себя.

– Кристин, – выдыхает Алекс, растерянно заморгав, – что происходит?

Она сжимает мои плечи, заглядывая в глаза. Но я не смотрю ... не могу перестать слушать.

– Кристин, помнишь, ты спрашивала, почему я переехал? В один из дней отчим был в школе, он был трезв, но вел себя как урод. Зашел в кабинет и начал кричать на меня...

Тяжело сглатываю, ведь меня прожигают десятки взглядов. Косятся на меня.

А я не ощущаю своего тела. Не понимаю, что происходит. Только слышу хриплый голос и начинаю дрожать, убеждаясь, что это голос Дилана. Хрущу пальцами, а нервная, полу-истерическая улыбка озаряет мое лицо.

– Всё как обычно, но на этот раз при моих одноклассниках. Тогда я не выдержал. Меня как будто ослепила ярость, и я не мог контролировать свои действия, – и опять мой полусшепот, – Как тогда в раздевалке?

– Кристин, – Алекс тут же встряхнула меня за плечи, – что было в раздевалке? Что происходит?!

– В общем я сломал ему челюсть и битой разбил окна его, я просил его уйти, но он не послушался.

Поднимаю глаза на подругу, которая раскрывает рот, что-то спрашивая, но кажется я оглохла. В ушах шум. Перед глазами все плывет. Дыхание спирает. И только голоса из радио доходят до меня.

Наши голоса.

– Где был учитель в этот момент? Почему они позволили какому-то левому человеку сорвать урок? – и наполненный болью голос Дилана, – Он и был учителем.

Внезапно. Это происходит внезапно.

Крики и смешки настигают меня, почти сбивая с ног. Почему и над кем смеются, я не понимаю. Даже не хочу осознавать. Плевать, даже если это все направленно на меня. Плевать, ведь в животе зарождается животный страх. За Дилана и его секрет.

Кручу головой, наконец натыкаясь на обеспокоенную Алекс. Она стоит совсем близко, обеспокоенно смотря на меня. А я моргаю, понимая, что за слова последуют дальше.

В груди что-то трещит и... рвется. Откидываю руки подруги, тут же закрутившись вокруг себя:

– Хватит! Остановите чертову запись! Прекратите!

Быстрыми шагами пробегаю между учениками и размахиваю руками, привлекая внимание. Хлопки. Двери раскрываются, а из них с интересом высовываются преподаватели. Многие выходят в коридор.

– Не слушайте это! – разрываю горло из последних сил, повторяя – не слушайте, не слу...

– После этого меня отвезли на обследование и выяснили, что у меня расстройство прерывистой вспыльчивости.

– Не надо... – почти молю я, замерев.

По коридору ползут вздохи и ошеломленные возгласы. А я стою. И чувствую, что вот еще чуть-чуть и на меня налетит разгневанная толпа, чтобы затоптать под собственным весом. Сломать мои кости и меня.

В животе что-то сжимается, заставляя чувствовать боль... уже не физическую.

– Кристин, – Алекс надрывает горло, пытаясь перекричать толпу, и подходит ближе, – что сейчас произошло?!

– Я...

– Объясни мне, – она вновь настаивает, неожиданно утаскивая к лестничному пролету и переходя на крик, – что все это было?! Объясни!

И тогда я срываюсь:

– Что тебе объяснить? Что? Как Дилан доверился мне и рассказал о своей семье? Или объяснить как получилось, что наш разговор, попал на школьное радио?! Тебе объяснить, что чувствует Дилан? Это объяснить? – прикусываю губу, уже поддавшись истерике, – Так я сама ничего не понимаю! Не знаю, как так получилось. Ничего не понимаю! Как я могла облажаться!

Я и в правду облажалась. Но высказав все это, чувствую откат. Опустошение.

Тяжело дышу, медленно отходя к стене. Взгляд направлен в прострацию. Что скажет Дилан? Для него это станет ударом. Все плывет перед глазами, но я чувствую на себе взгляд Алекса. Черты её лица слабеют, а из голоса пропадает гнев:

– Кристин я...

Настоящее время

7:40

С горем пополам проглотила хлопья. Не будь я такой душой, то сразу бы побежала в радиорубку и разнесла всё к чертям, а не стояла посреди людей ничего не делая.

– Доброе утро.

Вздрогнула, подняв глаза. Мама в бежевом халате до пола шла в мою сторону, зевая.

– Доброе, – кивнула и уткнулась обратно в тарелку.

– А чего без телевизора?

– Что?

Мама посмотрела на меня, держа в руках пульт, и улыбнулась:

– Спрашиваю, почему без телевизора завтракаешь?

– А-а, – протянула, особо не заморачиваясь, – я про него забыла.

Щелчок. Размеренный шум. Мужской голос разрезал тишину на кухне и начал рассказывать о погоде на ближайшие дни.

– Как Алекс?

подавилась хлопьями, закашляв.

– Господи, ты чего такая неуклюжая, – мама подбежала и начала стучать по спине, – не в то горло пошло?

Заглянула мне в покрасневшие глаза, и я кивнула.

– Ох, аккуратнее надо быть, – пригладила мои волосы и пошла к холодильнику, повторив вопрос, – ну так, как поживает Алекс?

– Хорошо, а что за интерес? Что-то случилось?

– Ты знаешь, где она сегодня была? – в лоб спросила мама, и я подавилась молоком. Оно начало стекать по моему подбородку. Закашляла, ударяя себя по спине. Выставила ла-

донь вперед, когда мама подбежала ко мне, причитая.

Откашлялась спустя пару секунд и вытерла лицо полотенцем.

– Что сегодня с тобой? – мама опустилась рядом, держа в руках горячий напиток, – И почему ты рано встала? Обычно до обеда спишь.

– Все хорошо. Так с чего ты вдруг интересуешься Алекс?

– Я? – невинно переспросила она, и я выгнула бровь, – Ладно, я интересуюсь, потому что мне звонила Дженис и кое-что рассказала. Представляешь, она приехала с работы, а дочери нет. Телефон не отвечает.

Я уже хотела ответить, как мужской механический голос стал громче:

– Страшная история произошла сегодня, ранним утром на перекрестке Уолл и Эдшер стрит. Двое полицейских, патрулирующих территорию, нашли тело подростка. Подробности вы узнаете у моей коллеги Мэри Вайлэн...

Переглянулись с мамой. В её глазах вспыхнул неподдельный ужас. Она уже успела похоронить Алекс минимум три раза.

– Здравствуй Кори. Я нахожусь на месте преступления и, как вы можете видеть, территория ограждена. Убитой оказалась семнадцатилетняя Ханна Джонс. По данным, что предоставили нам сотрудниками полиции, Ханна была убита холодным оружием. На теле обнаружены пять ножевых ранений, три из которых смертельны и... – репортерша замялась,

и камера неожиданно переместилась за ее взглядом, – Оу... подождите... Шериф! – камера затряслась, следуя за убегающей женщиной, – Здравствуйте, не могли бы вы рассказать, как полиция нашла тело у себя же под носом? Ведь место преступления совсем недалеко от вашего участка.

Нахмурилась, грызя ложку. Мужчина в кадре сжимал губы в тонкую линию, которой пытался скрыть свой гнев. Он так похож на Люка.

– Эта девушка находилась в квартале от полицейского участка, – произнес шериф, и это прозвучало как оправдание, – Но, пожалуй, вы правы... за день до произошедшего нам поступил звонок, где сообщили о запланированном убийстве. Звонок был сделан анонимно, вычислить личность звонившего не удалось.

Так вот как ты отца предупредил, Люк. Анонимный звонок. Ничего не скажешь, молодец.

– Почему вы ничего не предприняли, чтобы предотвратить ситуацию? – спросила репортерша и поднесла микрофон к лицу шерифа, позволяя ему высказаться, – За последний месяц нам поступило не менее трехсот звонков, где сообщалось о планировании убийства. Чаще всего это был розыгрыш, ведь убийства не происходили...

– Какой кошмар, – мама покачала головой, когда камера переместилась на зеленую полянку. Там лежало тело девушки в разодранном платье. Хоть картинку специально сделали не четкой, все равно стало жутко. И я задумалась, что на

месте этой девушки, могла быть Алекс.

От представленного я даже прослушала остальную речь шерифа, вернувшись в реальность только под конец.

– С вами была Мэри Вайлен, берегите своих детей. В Агригент Стилл происходит что-то страшное.

Щелчок. Экран телевизора стал черным.

– Звони Алекс и веди её домой, пока Дженис не сошла с ума. – серьёзно сказала мама.

От лица Алекс

7:23

Я вышла из машины и прошла по тропинке к дому. Грязно-желтые листья спиралью прокатились перед моими ногами, уносясь с ветром вдаль. Погибшие, но свободные.

С тяжелым сердцем я вошла в дом, тут же нахмутив брови. В коридоре горел свет, что было странным, ведь я всё выключала. Снимая обувь, я услышала щебетание текущей воды на кухне. Что-то сжало мои органы, и я осторожно заглянула на кухню, оглядываясь.

Мама стояла у раковины. Она выключила воду, заметив меня, и оперлась бедром о раковину:

– Мне начать, или ты и так все понимаешь?

Я приоткрыла рот, чтобы сказать, но она перебила меня:

– Где ты была?! – вспыхнула, повысив голос. Мама сложила руки, строго смотря на меня, – Я тебе доверяла, разрешала приводить друзей, гулять и что в итоге? Почему я прихожу домой, а тебя и след простыл. Боже, – она взялась

за лоб, качнув головой, и осмотрела меня, – Что произошло с твоей курткой? Почему ты так выглядишь, будто на земле каталась? Где ты была?

– Мам, я забыла предупредить тебя, – начала я, – просто я поехала с Люком на пикник и...

– Пикник? – усмехнулась она, – Какой может быть пикник ночью? Чем вы могли заниматься ночью вдвоем... не-ет, – протянула, и взгляд стал тяжелее, – моя дочь не такая.

– Какая не такая?! – сорвалась я.

– Она не спит с парнями в каком-то лесу. И не смотри на меня так, да, по твоей куртке я делаю вывод, что ты была в лесу. Но, если ты была в другом месте, то хватит с меня, я тебе не проверю. Моя дочь всегда делилась со мной всем! Она никогда не убегала ночью, чтобы удовлетворить подростковые гормоны.

– Серьёзно?! Мы не спали с ним сегодня!

– Да что ты говоришь, – язвительно начала мама, но поперхнулась, – Сегодня? Только сегодня?!

– Не придирайся к словам.

– Что с тобой? – её голос ослаб. Руки опустились вдоль тела, а разочарование скользило во взгляде.

Я проглотила большой ком в горле, отвернувшись. Пальцы рук дрожали.

– Твоя успеваемость снизилась, Алекс, ты прогуливаешь уроки, ходишь ночью на пикники...

– Я ходила не ради своего удовольствия, – мой голос также

дрожал толи от злости, толи от обиды. Все желание рассказать правду за эти месяцы скопилось в моем животе, словно бочонок с яблоками и, так и не выйдя наружу, превратилось в гниющий ком. Медленно изнывающий, покрытый язвами, но тщательно мною охраняющийся ком.

– Мне от этого не спокойней. Ты знаешь, что нужно отпроситься у меня или предупредить. Хотя бы из уважения. А не шататься неизвестно где, пока на улице убивают девушек. Таких же, как и ты.

– Со мной был Люк, – слабо возразила я, – у него проблемы. Он пытался помочь всем, исправить ситуацию, но... – я замолчала, и правда все же вышла из меня, но, как и соответствует сгнившему яблоку, она больше не была такой желанной. – но тебе плевать, мам. Когда умер папа, я вылила тебе все чувства, но ты молчала. Все что ты хотела, это поглощать чужие эмоции и молчать о своих. Ты всегда скрываешь от меня все, но я обязана говорить правду? Да ты эгоистка.

Глаза матери расширились. Я понемногу начала осознавать, что сказала, но гордость и обида не позволяли взять слова обратно.

Мама отвернулась к раковине. Она начала протирать стол тряпкой, с каждой секундой делая это интенсивнее. Её плечи дрожали, голова опустилась. Мама откинула тряпку, и тяжело выдохнула. Её голос сотряс тишину:

– Раз на тебя не действуют обычные уговоры, то перейдем к крайним мерам. Больше ты не будешь подвергаться дур-

ному влиянию. Я не желаю видеть в своем доме и рядом со своей дочерью этого Люка. Ты не будешь с ним видеться и тем более уходить в лес.

– Ты запрещаешь мне общаться с Люком? – мой голос ослаб.

– Именно, так будет лучше для тебя и...

– Откуда тебе знать, что лучше для меня, – я почти прошипела это и выбежала из кухни.

Руки тряслись, горло сжималось, а глаза горели от сухости. Я закрылась в комнате, хлопнув дверцей. Прислонилась к ней спиной, старательно контролируя дыхание.

Тут было тихо и прохладно. Комната казалась серой, хоть сквозь открытое окно и сочился свет. Он не дарил теплоты, а только ухудшал мое состояние. Я подошла к нему, чтобы опустить жалюзи, но мой взгляд остановился на небе.

От чего-то я пропиталась такой тяжелой и отчаянной жалостью к самой себе, что слезы сами полились из глаз. Грусть обхватила меня сильнее, зажав в тиски.

Мы не остановили убийство, хоть и узнали о нем одни из первых. Рация, которую захватил Люк, была настроена на полицейскую волну. Примерно час назад дрожащий голос сообщил об убийстве девушки.

А мы так и не помогли.

5 месяцев назад

– Все будет хорошо, он никуда не уедет. Слышишь? Его не исключат.

Алекс тяжело дышит от бега, но продолжает успокаивать меня. Она злится, что я многое от нее утаила, но не говорит мне об этом. Она просто бежит рядом, держа мою руку в своей, пока мы не останавливаемся у металлических, уходящих ввысь, ворот.

Перевожу дыхание, подняв взгляд на окна холодного здания, которые удастся разглядеть. Они веют холодом.

– Это его дом, – шепчу, передернув плечами.

– Тогда иди, – Алек кладет ладонь на мое плечо. Я оборачиваюсь к подруге, уделяя все внимание ей и признаюсь:

– Мне страшно... он не отвечает на звонки, наверное, не хочет меня видеть.

– Все будет хорошо, – ободряюще гладит по плечам, – вы вместе выясните, кто записал разговор. Разберетесь со всем, обговорите чувства и забудете этот день как страшный сон. У всех есть проблемы со здоровьем и Дилан большой молодец, что продолжает жить полноценной жизнью, продолжает бороться. Но сейчас, он не справится один, поэтому иди и помоги ему. Спаси Дилана.

Растягиваю губы в слабую улыбку, а холодок в груди постепенно испаряется. Шепчу «Спасибо» и с гроыхающим в ушах сердцем прохожу в железные ворота. Неуверенно ступаю по дорожке, выложенной из темного камня. Небольшие фигурки из кустов сопровождают меня неприветливым взглядом, а расстояние до дверей быстро сокращается. Я оборачиваюсь.

Алекс демонстративно сжимает кулачки, оставшись за резными воротами, и улыбается мне.

Выдыхаю, отворачиваясь, и с уверенностью останавливаюсь у дверей. Надавливаю на них всем своим весом, чтобы точно не было возможности сбежать, и они поддаются, почти без скрипа раскрываясь. Я вхожу в особняк, вдыхая родной, но притом такой чужой, аромат хвои.

Большая гостиная, что больше похожа на зал ожиданий высокопоставленных чиновников, встречает меня своим холодным сиянием. Здесь же вверх, на второй этаж, уходит мраморная лестница, уставленная растениями в горшках.

Все блестит и сверкает. Но выглядит холодно и одиноко.

– Извините, здесь есть кто-нибудь? Дилан? – зову.

Прохожу вперед, с замиранием сердца боясь встретить кого-нибудь кроме парня. Миную дверной проем, и стук моих каблуков звучит как раскат грома.

– Простите? – это не мой голос.

Вздрагиваю, оборачиваясь.

Мужчина в черных штанах и заправленной рубаше с интересом разглядывает меня. Он стоит рядом с большим столом, рядом расположена и барная стойка. Видимо это кухня. В руках он сжимает документы, и я узнаю его, расслабленно выдыхая.

– Мистер О’Коннелл, – с облегчением произношу я, сжав ткань платья, – извините. Что вторглась к вам. Вы скорее всего не помните меня, но мы встречались в школьном ко-

ридоре, когда с Диланом собирались подготовиться к тесту и он отказался от вашего предложения поужинать.

На лице мужчины тут же вырисовываются еле заметные морщинки и плотно сжатые губы смягчаются. Он улыбается:

– Помню, как же не помнить, – манит пальцем, произнося, – девушка моего сына, такую как вы не забыть.

Слабо улыбаюсь, пытаюсь скрыть смущение.

– Дилана пока нет, – продолжает мистер О’Коннелл, опустив руку с документами, – но ты можешь присоединиться к обеду, и мы вместе его подождем.

– Я не знаю, – подхожу ближе, ведь он продолжает подзывать, уже махая ладонью, – не хочу казаться не вежливой, просто так врываясь в ваш дом, но у меня важное...

– Ты покажешься не вежливой, если уйдешь, поэтому пройдем за стол, – уверяет, ставя меня в неловкое положение, а затем произносит, – Ко всему прочему, я тебя ждал.

Ничего не отвечаю, но делаю шаги к отцу Дилана. Как бы мне не хотелось избежать в своем состоянии общения с чужими людьми, но я пришла сюда ради Дилана, и поэтому дождусь его.

Прохожу на середину огромной кухни, обращая внимание на пустой стол.

– Присаживайся, – просит отец Дилан, галантно отодвигая для меня стул. Я хмурюсь, но опускаюсь на предложенное место, и меня пододвигают к столу.

– Так вы... – начинаю, наблюдая за тем, как размеренно

и уверенно движется Мистер О'Коннелл к своему месту, что прямо напротив меня. Он садится, внимательно посмотрев в мою сторону, – так... вы сказали, что ждали меня.

– Ждал, – кивает он, упираясь локтями о стол, – Расскажи, как ты относишься к Дилану?

– Эм, хорошо, он очень добрый человек, – мой голос слабнет, а в голове всплывают отдельные картинки, отрезки недавнего прошлого, от которых кожа покрывается гуськом: Дилан. Раздевалка. Страх. Разговоры. Чувства. Прикосновения. Прикосновения. Прикосновения. Чувства.

Я опускаю глаза, смотря на свои пальцы:

– Знаете, сейчас в школе произошел один инцидент...

– Ты ему очень нравишься, – перебивает Мистер О'Коннелл, – он не говорит о тебе, но я рад, что его впервые кто-то зацепил. Это видно.

Улыбка сама появляется на лице, но спустя пару секунд сбрасываю её, серьёзно начиная:

– В школе включили запись и... – но меня вновь перебивают.

– Да-да, – пародирует Мистер О'Коннелл, – в которой Дилан рассказал тебе обо всех своих грехах.

Поднимаю глаза, раскрывая рот:

– Так вы знаете?!

– Знаю. А еще в интернете выложено то самое видео, где Дилан разбивает стекла в машине, – кивает, сплетая пальцы в замок. Ставит их на стол.

– Н-но... разве вы его не выкупили? – выдыхаю, не веря словам мужчины, – Как оно могла попасть в сеть, это же сломаёт Дилану всю репутацию.

– Кристин, – отмахивается он, переходя вновь к своему, – на что ты готова ради моего сына?

А я не знаю, что ответить. Поэтому признаюсь:

– Я-я не знаю...

– Ты готова помочь ему? – спрашивает, а лицо искривляется в совершенной и такой удивительно противной ухмылке. На мгновение забываю, что передо мной отец Дилана, ведь они неожиданно становятся совсем не похожими. Особенно сейчас. В голосе О'Коннелла старшего сквозит яд, ехидство, а вот голос Дилана. Он всегда искренний.

И тут я замираю. Не могу понять почему, но этот голос заставляет меня задуматься.

– Почему вы так спокойны? – спрашиваю, едва шевеля языком, – Вашего сына могут исключить.

– Я этого и добивался, – кивает.

– Ч-что?! – задыхаюсь я от возмущения.

Он цокает языком:

– Кристин, РПВ нужно лечить. Это достаточно серьезная болезнь, а хуже всего, что больной может нанести вред не только окружающим, но и себе. Понимаешь? Я нашел хороший центр, в котором Дилану помогут, – вздыхает, отталкиваясь от стола, – но мой сын упрямый, ты это, скорее всего, заметила. Он отказался ехать туда и настоял на вашей шко-

ле, ведь в ней хорошая баскетбольная команда и там его могут заметить. Стипендия и место в колледже будет обеспечено, так еще и его единственный друг учится там. Ну не прискорбно ли это? В общем, я не смог отказать.

Я цепляюсь за стол пальцами, кожа на костяшках белеет. Мои глаза щурятся.

Скрип.

Мистер О'Коннелл выходит из-за стола, и направляется в мою сторону, сложив руки за спиной:

– В какой-то момент я понял. Если Дилану здесь не понравится, он согласится на реабилитационный центр, – подходит совсем близко, останавливаясь за моей спиной, а я смотрю в широкое окно, где за стеклом расстилается зеленая полянка и светит солнышко, – Поэтому я, долго думая, все-таки решил выложить видео и передал нужному человеку запись с вашим разговором. Надеюсь, ты не злишься, что я подслушивал вас? Но с болезнью Дилана я должен всегда контролировать его мир и окружение, потому в каждой комнате, квартире, есть камеры и подслушивающие устройства, – его руки опускаются мне на плечи и я вздрагиваю, прикусив язык.

Не дышу, ощущая противные мурашки, когда Мистер О'Коннелл наклоняется ближе. В нос ударяет его резкий парфюм.

Он шепчет:

– Вот только мир Дилана рухнет, если он узнает о моем

волнении. Для него мои действия, станут предательством, понимаешь?

– Нет, – пишу, когда горячее дыхание обжигает мое ухо.

– Я у него один остался, а девушек ещё миллион будет, твоё предательство он быстро забудет.

Замираю. Больше не ощущаю касаний, резкого запаха. Все сознание занимают его слова. «Твое предательство». Так вот к ему он ведет.

Меня обдает жар. Ладони потеют. Мышцы сводит от напряжения. Тяжело дышу через нос, отведя взгляд от окна. Во мне бурлит злость.

Скидываю с себя руки, выходя из-за стола, и поворачиваясь лицом к О'Коннеллу старшему.

Он выгибает брови, словно впечатлен моей решительности.

– Вы хотите, – практически шиплю я, – чтобы я соврала Дилану ради вашего благополучия?

– Я могу заплатить, сколько хочешь, – отвечает, а я замираю, сдерживая нервную усмешку, – я лишь не хочу, чтобы мой сын считал меня предателем. Я один у него, понимаешь? Это все ради его блага и...

И отец Дилана замолкает, а позади наш слышится звон двери.

Я кусаю язык, сжимая ладони в кулаки

Мистер О'Коннелл хмурит брови, смотря на дверь позади меня. Я слеую за его взглядом. Сглатываю.

– Что ты тут делаешь? – Дилан появляется в дверном проеме, опираясь о него плечом. Он выглядит подавленным.

– Не думал, что ты так рано вернешься, – это мистер О’Коннелл.

Дилан не обращает на него внимания, подходя ближе ко мне. Не смотрю на него. Я не могу. Я не знаю что делать. Дилан останавливается слишком близко. Стоит слишком близко. Я могу слышать его дыхание над ухом. Он не отводит от меня испытывающего взгляда, словно чего-то ждет. Я вздыхаю, все-таки поднимая глаза, но стоит это сделать... Стоит мне взглянуть на него, как сердце быстрее бьется, а дыхание сбивается. Весь мир сужается до его глаз.

– Это, – опускаю лицо, – знаешь, я ведь... Я хочу поговорить с тобой кое о чем.

– Я тоже хочу, – заверяет он меня, – но сначала я должен кое с чем разобраться, – и голос его заполоняет ненависть. Он знает о том, что произошло в школе!

Выдыхаю, приоткрывая дрожащие губы, но О’Коннелл старший первым подает голос, обеспокоенный, словно ни о чем не знает:

– Дилан, что случилось?

– Кто-то выложил то видео в интернет. Теперь все знают, что у меня РПВ!

– Д-дилан, – шепчу, и он направляет все внимание на меня так... так, словно готов всегда выслушать, наплевав на свои проблемы. И я больше не могу. Он готов выслушать меня да-

же сейчас, и если выслушает, потеряет единственного члена семьи. Я не могу причинить ему такую боль. Всхлипываю, медленно задыхаясь, когда хрипло произношу самую большую ложь в моей жизни, – это я.

– Что ты? – он не понимает, а меня словно разрывает на части.

Дилан наклоняется ближе к моему лицу, испытывая.

– Это я включила запись в школе и выложила наш разговор, – шепчу все тише и тише.

Дилан не двигается. Нависает надо мной, и я решаюсь поднять на него взгляд. Зря. Он тяжело дышит, в глазах непонимание, боль и... разочарование. Смотрю в пол.

– Простите, я плохо расслышал, – О'Коннелл старший словно издевается надо мной. Я готова провалиться на месте, когда он спрашивает, – Что вы сделали юная леди?

А я молчу. Язык больше не поворачивается произнести эту ложь еще раз.

– Скажи. Что. Ты. Врешь, – дрожащим голос просит Дилан. Его руки находят мои, но я дергаюсь, отходя на шаг.

Поднимаю глаза, в которых застыли слезы. Молчу, наблюдая.

Позволяю признать в себе виновного. И он признает.

Дилан стоит, его зрачки мечутся по моему лицу. Челюсть стиснута. Вены на шее вздулись и его глаза. О боги, мне бы больше никогда не видеть этого. Он сдерживает гнев, но во взгляде я читаю боль. Накрывающую с головой тихую и

невыносимую боль предательства.

– Я ведь влюбился в тебя, – осипшим голосом произносит Дилан.

Роняю вздох, ощутив, как пустеют мои легкие. Сжимаются. Сердце начинает стучать сильнее, кровь приливает к лицу. Он влюбился.

– Дилан, я...

– Нет, – перебивает, отворачиваясь, – не смей.

И он уходит.

Каждый шаг от меня, словно наносит мне удары. Силы покидают меня, ведь я больше не буду сидеть, наслаждаясь его руками на своей талии. Я не уткнусь ему в шею. Не смогу ощутить его тепло. А его запах.

Срываюсь с места, оббегая О'Коннелла старшего.

Настигаю Дилана у лестницы. Хватаю его за плечо, но он грубо скидывает мою руку, оборачиваясь. Слышен треск. Дилану тяжело дышать, поэтому начинается отдышка. Я растеряно смотрю на него, выдавливая шепотом:

– Я тоже влюбилась...

Он поднимает на меня глаза, горящие от ненависти:

– Издеваешься?

– Я не знаю, чем думала, когда записывала наш разговор и...

– Ничем ты, твою мать, не думала, – он кричит, вновь отворачиваясь. Хватается за волосы и с тихим рыком тянет их. Он очень зол. И я не представляю, сколько сил ему стоит

сдерживаться. Сдерживать болезнь.

Поджимаю губы, смотря на то, как Дилан уходит.

– Дилан, – кричат за моей спиной, и я его отец появляется рядом, – может все не так страшно? Возможно, у твоей подруги были на то причины. Выслушай её, ты же сам сказал, что влюбился.

Дилан останавливается. Моё сердце замирает вместе с ним. Оно разрывается при его обороте. Беглом взгляде, скользнувшем по мне.

– Её будет любить кто угодно, но это буду не я.

Выдыхаю, раскрывая рот. Дилан разворачивается, взбегая вверх по лестнице и что-то между нами рвется.

Кажется, это наша последняя встреча. Я люблю его.

От лица Алекса

16:27

Легкие толчки, сопровождающиеся скрипом кровати, заставили меня раскрыть глаза.

Насторожено отворачиваюсь от стены, переворачиваясь набок. В комнате полумрак, так как я опустила жалюзи, и свет сюда не проникал. Моргнула, не сразу заметив Кристин.

– Привет, – прошептала, прикрыв глаза. Мое тело будто окутала сладкая нега, из которой я не хотела выбираться.

– Привет, – шепот, – я звонила тебе.

Раскрыла глаза, подняв кулачки на подушку. Кристин лежала напротив меня с закрытыми глазами. Видна лишь её голова, так как она залезла под моё одеяло, укутавшись в него

по шею.

– Я уснула, после того как пришла домой.

– Как узнали о жертве?

– Рация.

– Точно, – спокойно ответила Кристин, повторив, – рация.

Рядом раздалось завывание ветра, и я сделала вывод, что окно раскрыто.

– Я немного плакала, – призналась, закрыв глаза, когда Кристин раскрыла свои.

– Потому что поссорилась с мамой?

– Она рассказала тебе?

– Нет, – тихий смешок, – скорее пожаловалась на тебя.

Улыбнулась сквозь сон, который понемногу покидал меня. Ничего удивительного. Мама частенько жаловалась на меня Кристин и, как итог, я получала от обеих.

– Она заходила к тебе, чтобы извиниться, но ты уже спала, – прошептала подруга.

Скрип кровати и тихое дыхание Кристин.

Раскрыла глаза, вглядываясь в профиль подруги. Она перевернулась на спину, смотря в потолок. Даже в этом полумраке я могла заметить, что она нервничает.

Вздыхнула, прикусив губу:

– Она сказала, что запретит общаться с Люком. Думаешь, она сможет?

Голова Кристин наклонилась в мою сторону. Мои зрачки забегали по бледному лицу Кристин, что теперь попадало

под жемчужные лучи луны.

– Всё настолько плохо? – спросила, напрягаясь.

Кристин отвернулась, продолжив смотреть в потолок.

– Выдохни, твой лучик света всё уладил.

– Кто? – переспросила, на что Кристин нахмурила брови.

– Я! – воскликнула, но в голосе слышались теплые нотки, – Я все уладила. Единственный твой лучик.

– А что ты уладила, лучик?

– Твоя мама сказала, что вы ходили на какой-то пикник.

Оригинальная отмазка, конечно. В любом случае, пока мы пили чай, я...

– Вы еще и чай пили? – удивилась, приподняв голову. Сон прошёл.

– Не могла же я отказать твоей маме и от еды тоже не могла отказаться, поэтому да, – хлопнула в ладоши, – мы пили чай. Во время трапезы я убедила твою маму, что ни на какой пикник ты не ходила, а просто была у Люка дома.

– И что я там делала?

– Успокаивала своего парня, который был крайне опечален поведением отца тире шерифа.

Приподнялась на локтях, заглянув в карие глаза:

– Ты так и сказала?

Она кивнула, продолжив смотреть в потолок.

– И она поверила?

– Я могу быть очень убедительна, – со скорбью в голосе произнесла Кристин и прикрыла глаза, словно что-то вспо-

минает.

А у меня губы растянулись в улыбке, и я опустила обратно на кровать.

Я засыпала, зная, что мой день испорчен проблемами, которые окружили меня, но стоило проснуться и я узнаю, что некоторые из них решились сами собой. Естественно, не без помощи близких мне людей.

Перекатилась на кровати, сгребая Кристин в объятия. Подруга смешно закряхтела:

– Опять приступ любви?

– Ага.

– Я только забыла одно «но» упомянуть.

Нахмурилась, тут же отпустив подругу.

– Какое «но»?

– Твоя мама сказала, что ради её спокойствия ты должна пригласить Люка на ужин. Для знакомства.

– Чего? Они ведь и так знакомы.

– Это да, но миссис Саттон имела в виду, пригласить его к вам на ужин, для разговора. Основательного.

Раскрыла рот, нервно улыбаясь:

– Она сама попросила?

– Да. Она хочет видеть его завтра.

– Даже так, – прикусила губу, задумавшись, – ладно, мы придем.

– Естественно придете, вы же не хотите перестать общаться, – с горечью в горле прошептала Кристин и закрыла глаза.

Почему она говорит это с такой печалью?

Замялась, повернув голову в сторону подруги. Я не могла подобрать подходящих слов, поэтому мысленно корила себя.

– Кристин, – прошептала, вызвав в ответ мычание, – как ты?

– Всё хорошо, – вздохнула, – всё просто замечательно.

– Я же вижу, что ты страдаешь.

Она промолчала, так и не открыв глаз.

– Я знаю, что не могу ничем помочь и мне, правда, жаль, но, страдания формируют из нас людей. Давай представим, что ты – алмаз, – ресницы Кристин затрепетали и она с удивлением посмотрела на меня, – Смотри на тебя, все видят просто камень, но каждая проблема с которой ты сталкиваешься, каждая причина для страданий действуют на тебя, как огранка. И в итоге, когда ты пройдешь через все трудности, ты станешь алмазом. Станешь цветком, что пророс сквозь асфальт. Кристин задумалась, продолжая молчать. Её зрачки забегали по потолку:

– То что ты говоришь, конечно, может быть правдой, но иногда страдания – это просто страдания. Они не формируют характер. Они не делают тебя сильнее. Они просто причиняют боль.

– И что тогда делать? Доводить себя до нервного срыва?

– Брось, у меня никогда не было нервных срывов.

– Но отметины ты как-то на своем теле видишь. Это нормально? – перестала шептать, немного повысив голос, – С

этим нужно бороться и хоть иногда, выплескивать всё это. Иногда нужно плакать, Кристин.

Она тяжело выдохнула и отвернулась от меня, подложив ладони под щеку.

Я села на кровати, согнув ноги в коленях. Мне было больно на такое смотреть. Такое чувство, будто комната заполнилась не только темнотой, но и печалью, что исходила от Кристин. Вытянула руку, неуверенно сжав плечо подруги. Её голос заполнил темноту:

– Не хочу плакать, но я так тоскую. Убежал ли он? Я не знаю. Если он убежал, пусть вернется домой. Просто придет домой.

Словно удар молнии, что расползлась по всему телу, ко мне пришло озарение. Кристин не боялась Птицу, она боялась навсегда потерять Дилана.

– Сколько его нет? – спросила.

– Шесть дней.

Раздался хруст пальцев и я поморщилась.

18:53

Прошел день.

Мама носилась из комнаты в комнату, заставляя меня тем самым нервничать. Стол был давно накрыт, но мама не унилась. Она приносила вазу и спустя пару секунд уносила её обратно. Три раза меняла тарелки, и не могла усидеть на месте, когда видела малюсенький недочет.

– Мне казалось, – вышла из комнаты и прошла по коридору.

дору, – что это я должна волноваться, а не ты.

Завернула на кухню, в которой мама уже меняла кружки на фужеры. Она обернулась и её лицо застыло в немом ужасе. Свободной рукой она указала на меня, широко раскрыв рот.

– Что? – я замялась, оглянувшись, – Что не так?

– Во что ты одета?! – возмущенно прошипела она.

– Ох, а я уже испугалась, – выдохнула, расслабившись, и сложила руки на груди.

– Я спрашиваю, ты что надела?

– Джинсы и кофту, а что?

Я осмотрела маму и выгнула бровь, ведь она стояла в элегантном вечернем платье. Мама смотрела на меня таким же оценивающим взглядом. Мы одновременно вздохнули.

– Думаешь, стоит переодеться? – спросила она, явно сдаваясь.

Я кивнула и провела маму взглядом.

За считанные секунды я осталась одна. Включенная над столом люстра, ярко освещала клочок комнаты вокруг себя. Этого хватало. Ароматный запах еды не давал мне покоя, заставляя коситься в сторону стола.

Прошла в середину комнаты, достав телефон. Набрала сообщение:

«Всё нормально?»

Заблокировала и приложила мобильник к подбородку. Кристин ушла с Марком на свидание. Она не дала и слова мне вставить, не то, что возмутиться. Если это защитит Ди-

лана, то она делает все, что просит Марк. Но я лишь верила, что в людном месте он не причинит ей вреда, потому Кристина встретила с ним в нашем кафе, где продавали безумно вкусные пироги.

Звонок в дверь заставил меня вздрогнуть и, подскочив на месте, я бросилась в сторону входа. Я боялась, что мама откроет двери быстрее меня, но в коридоре никого не было. Я спокойно открыла дверь. В проеме появился Люк, держа в руках белую картонную коробку.

– Привет, – улыбнулся, шмыгнув носом от холода.

– Привет, – освободила проход, – давай, заходи скорее.

Люк закрыл двери, заноса с собой холодный ветер, а я забрала из холодных рук коробку и оставила быстрый поцелуй на губах Люка, чтобы мама не увидела.

– Здравствуй, Люк, – спокойный голос раздался позади, но был достаточно громким, чтобы привлечь внимание.

[...]

– Ахах, – мама не пыталась сдерживать смех, – неужели подстрелил?

– Да, отец тогда ещё удивился, – Люк выпучил глаза, попытавшись изобразить своего отца, и мама опять засмеялась.

Я ковыряла вилкой по тарелке, откладывая горошек в сторону.

– Алекс.

Я поддерживала беседу и улыбалась, но мне казалось странным поведение мамы. Она вела слишком дружелюбно,

и после нашей ссоры, то выглядело подозрительным. Словно она что-то хотела от нас с Люком. Что-то конкретное. Ужин должен был усыпить наше внимание.

– Алекс!

Вздогнула, уронив вилку:

– А! Да? Что?

– Ты чего не смеешься?

Прикусила губу, переводя взгляд на Люка:

– Я просто объелась.

Мама кивнула, приняв серьезный вид, но спустя пару секунд опять смотрела на Люка с широкой улыбкой:

– Люк, расскажи, как вы познакомились с Алекс?

– А разве я не рассказывала, мам? – вмешалась я.

Мама перевела на меня то ли задумчивый, то ли коварный взгляд. Возможно смесь всего этого.

– Ты рассказывала то, как видела своими глазами, а мне интересно послушать глаза Люка, – положила локти на стол, и устремила взгляд на Люка. Тот заерзал и перестал улыбаться. Ах, эти её психологические штучки, не люблю их.

– Встреча с вашей дочерью стала одним из самых важных событий в моей жизни. Я даже представить себе не мог, что её неуклюжесть позволит мне найти среди толпы родного человека.

Изумленно моргнула, посмотрев на Люка.

– Я стоял в коридоре, как одна несносная девушка сшибла меня с ног. Просто врезалась и тем самым перевернула мой

мир. Плюс ко всему, – улыбнулся он, словно вспоминая, – она ругала меня, за свою неуклюжесть. После этого Алекс ушла, вся такая эффектная и очаровательная. На следующий день я нашел её в коридоре, она громко смеялась, прикрыв лицо, и в следующую секунду становилась серьезной. Я наблюдал три дня, а после решился подойти.

Замерла, ощутив легкое, как перышко движение под столом. Ладонь Люка скользнула от моего колена к бедру.

– Мы стали общаться и переписываться, на тот момент я не считал это чем-то серьезным. Скажу больше, я даже не планировал отношений. Но на третий месяц нашего общения, мы поссорились. Перестали общаться. Не помню, что там было, но для меня это стало отправной точкой. Тогда я понял, что могу общаться с сотнями людей за один день, но никто из них не сравнится с тем, как ваша дочь может заставить меня улыбнуться за одну минуту.

Люк перевел на меня глаза, в которых плескалось тепло, и сердце мое забилося сильнее.

– Как сейчас помню. Я подговорил Кристин и через неё попросил прийти Алекс к парому. Она пришла туда вечером, ожидая увидеть подругу, но нашла только меня с розовой сахарной ватой в руках. Мы пошли в парк развлечений и гуляли там до утра, не обратив внимание на усталость. И знаете, что я тогда понял? Нет ничего красивее, чем город в пять утра с высоты птичьего полета, холодным ветром и этой девушки, уснувшей в моей кофте на моем плече.

– Это было на колесе обозрения, – прошептала я, а глаза загорелись. Моргнула и что-то оставило влажную дорожку на моих щеках. Я не ожидала услышать про себя *такие* слова.

– На этом колесе, на высоте десятиэтажного дома, я предложил Алекс стать моей девушкой, – Люк замолчал, улыбнувшись, – она что-то прохрапела в ответ и мы жили долго и счастливо.

– Эй, – ударила его в плечо, с улыбкой смахнув слезы, – я не храплю.

Мама засмеялась, а глаза её выражали признательность.

XVI

. Глава

9:30

Прошло три дня. За это время я успела понять для себя одну важную вещь – нужно встречаться со своими страхами лицом к лицу. Это пугало, но было необходимым.

Ты в любом случае обожжёшься. И тогда страх исчезнет. Ведь если ты обожжешься и справишься с этим, то в будущем страх не будет так велик, ведь когда-то ты выжил. В голове полной страха, нет места любви, радости . Нет места жизни. Нет веры, которая должна сопровождать в самых тяжелых моментах. Там лишь ужас, овладевший телом. Сознанием.

Не успеете оглянуться, как окажетесь, заперты в клетке,

которую создали себе сами. Будете заперты в страхе смерти, одиночества или боли. Не так важно, в каком страхе. Важно, что заперты.

Я этого не хочу. Хочу жить. Даже под гнетом общества и страха облажаться, я хочу теплоты. Хочу верить, что всё будет хорошо. Хочу любить и надеяться на лучшее. Ради этого стоит заходить в огонь каждый раз, когда есть возможность исцелиться.

– О чем задумалась?

Вздрогнула, встретившись со взглядом Кристин:

– Да так, ничего важного.

– Брось, – Кристин отпила сока, махнув рукой, – я же вижу по твоему лицу.

– А что не так с моим лицом?

– Когда ты думаешь, оно немного... – аккуратно начала она, – немного напоминает журавля в брачный период.

– Что? – спросила, а сама не смогла сдержать улыбку, – Это комплимент или нет?

– А ты догадайся, – Кристин подмигнула и, поднеся к губам трубочку, отпила сок.

– Хорошо, – подала я голос, спустя пару минут, – я думала о будущем.

– Вот как.

– Да. Я подумала, хоть ты и считаешь это глупым, но я хочу стать хорошим психологом. Хочу всегда быть с Люком, потому как чувствую в нем родственную душу. Я хочу путе-

шествовать с ним по разным странам, и брать тебя с нами. Я хочу, чтобы Птицу нашли, и виновный был посажен. Чтобы все плохое поскорее прошло и... хочу, чтобы Дилан вернулся в город и к тебе.

Кристин пристально посмотрела на меня. Её зрачки растерянно забегали по моему лицу, пока она не отвернулась, опустив голову вниз.

– Ва-ау, – протянула, выдохнув, – как много надежд.

– Думаешь это глупо?

– Что? – отставила сок, засуетившись, – Нет. Конечно, нет.

Я не считаю это глупым, – улыбнулась, накрыв мою ладонь своей, – Я думаю, все произойдет так, как должно быть.

– А как хочешь ты? Какие у тебя мечты?

Губы Кристин дрогнули, и улыбка ослабла, но не перестала освещать её лицо. Она продолжила говорить спокойно:

– У меня их нет.

– До сих пор?

– Послушай, Алекс, – сильнее сжала мою ладонь, – Ты – мечтательница. Тебе позволено верить и надеяться, потому что всё это сбудется. И это правда. Но я не хочу навязывать себе ложные надежды. Они не сбудутся, потому, как реальность прилагает к этому все усилия.

– Но Кристин, почему ты боишься верить?

– Если не будет надежд, ничего не рухнет.

Замолкла, поджав губы. Для Кристин этот разговор не принес никаких отрицательных эмоций, но на меня подей-

ствовал как веревка на шее, которую можно затянуть потуже, чтобы я задохнулась. Тяжело сталкиваться с отрешенным взглядом подруги, но на то я и рядом, чтобы верить за нас обеих.

12:45

В коридоре было не так много людей, поэтому я могла позволить себе говорить громче, чем обычно:

– Сколько это будет продолжаться?

– Сколько потребуется, – Кристин пожала плечами, продолжив двигаться в сторону кабинета.

Во мне кипела злость, от чего чесались руки. Буквально сводило пальцы. Все из-за того, что Марк пригласил Кристин на очередное свидание. Ну как пригласил, просто отправил сообщение.

– Так не должно быть. Марк же... да он ведь...

Кристин вопросительно выгнула бровь, подняв подбородок, и замела в ожидании продолжения.

– Да он угрожает и, возможно, убивает людей, – прошипела я.

– Мы не знаем этого наверняка. Даже если это правда, то, что ты прикажешь мне делать? Позволить доложить в полицию на Дилана? Не забыла, что если поймают Дилана, с ним осудят и Люка. Не знаю как ты, но я твою жизнь точно рушить не хочу.

Выразительно сказала она, нервно сминая в руках край свитера. Посмотрела на Кристин сверху вниз, прикусив

язык. Она права, но это всё было не правильным. Я не могла понять, что нужно делать.

Отвернулась, сжав своё лицо в ладонях, и попыталась успокоиться. Мое тяжелое дыхание звучало громче, чем мысли.

– А что если Дилан вернется? – убрала руки, обернувшись, – Это ведь произойдет, когда-то.

– И что? Ничего не изменится.

– Не говори так. Он поможет разобраться с Марком, я уверена. Кто-то должен заступиться за тебя.

Кристин фыркнула, спросив чуть тише:

– И как же он заступиться?

– На его месте я бы использовала угрозы, но, зная Дилана, он бы скорее избил Марка.

Кристин подняла на меня не верящий взгляд. Укусила нижнюю губу сильнее, после убирала белые волосы от лица:

– Он не врежет ему из-за меня, потому что, – сглотнула, разводя руками, – потому что я не нужна ему. Мы с Диланом, это не вы с Люком. Нам не прописан хороший финал.

– Дурочка, – улыбнулась, притянув её к себе, – тогда почему он заступился за тебя на благотворительном вечере? Он до сих пор любит тебя. Я верю в это.

Теплое дыхание, что касалось моей кофты, прекратилось, и Кристин подняла голову, отходя:

– Жаль, что я не верю. – поджала губы, обняв себя, – Сегодня в семь вечера мы встречаемся с Марком в кафе и не

спрашивай, сколько это будет продолжаться. Пока это необходимо, это будет.

Пристально смотр на Кристин, пытаюсь прожечь её взглядом, поэтому не замечаю, как к нам кто-то подошел.

– Привет, – тихий голос раздался совсем рядом, и подошедший остановился справа от меня.

Перевела взгляд на ту, чьи рыжие волосы мягкими волнами спадали на плечи. Черное широкое платье не обтягивало живот.

– Привет, Ева, – это Кристин.

Посмотрела на широкую улыбку Кристин, словно ничего не случилось. Словно она не знала, что Ева фактически оставила её умирать в лесу.

Жгучая боль раздалась в районе кисти. Вздогнула, опустив глаза, и увидела, что Кристин щипает меня.

Подняла на неё гневный взгляд. Та улыбнулась, взглядом указав на Еву.

Я закатила глаза.

– Привет, – все-таки сказала я, – что-то хотела?

Голос получился грубым и незаинтересованным. Кристин медленно прикрыла глаза и сделала глубокий вдох. Но продолжила улыбаться.

– Я-я, – неуверенно протянула Ева, поглядывая на наше странное поведение, – хотела спросить о Марке.

– А что с Марком? – тут же среагировала Кристин.

– Нет, с ним ничего такого, просто, мы вместе делаем про-

ект по астрономии, а он неожиданно перестал отвечать на звонки. Стал более грубым и даже самодовольным... – начала, но я перебила, услышав её жертвенный голос:

– С Марком всё в порядке. Мы немного заняты, поэтому, – схватила Кристин за рукав и развернулась, – пока, Ева.

От лица Кристин

19:34

Мы сидели за деревянным столиком, друг напротив друга. Я изредка корчилось, потому что Марк касался ногой моей щиколотки, поглаживая ее. Он не смотрел на окружающих, что изредка бросали на нас взгляды, а я виновато улыбалась им в ответ. Не переставал приставать, все ближе склоняясь над столом и обдавая горячим воздухом. Он не прекращал пить из своей фляжки, и с каждым глотком его взгляд становился тяжелее, тот Марк, которого я знала, исчезал.

Он изменился, словно власть надо мной вскружила голову. И это пугало.

– Почему ты сидишь здесь? – его язык слегка заплетался, а в глазах тонули искры, – Я сам отвечаю. Ты со мной, потому что я убрал с дороги Дилана. Разобрался, как было нужно сделать давно, но у меня не хватало духа...

– Лучше бы его и дальше не хватало, – прошептала, отвернувшись от отвратного запаха. Эта смесь перегара и удушающе-сладкого одеколона, в котором, по всей видимости, парень купался. Она сбивала с концентрации.

Замерла, сжав челюсть.

Очередное касание ноги, скользящее от моей щиколотки к колену.

Подняла возмущенный взгляд на Марка, тут же посмотрев в его открытые глаза. Он смотрел с вызовом и каким-то отчаянием, все больше сползая по спинке стула. Его спина искривилась, и я вздрогнула, когда влажные пальцы накрыли мое колено.

Тут же подскочила, не без злобы посмотрев на Марка. А он лишь улыбнулся, проведя языком по нижней губе. Ему видимо нравилось, что мы установили зрительный контакт.

– Я выйду, попудрю носик, – процедила я и быстро вышла из-за стола, схватив телефон. Практически побежала в сторону туалета, краем глаза заметив, как поднимался из-за стола Марк.

Завернула за угол и, увидев уборную, заскочила в неё, прикрыв двери. Сжала ручку, тяжело дыша. Я не боюсь Марка. Не боялась, по крайней мере. Он хороший парень, но с ним творилось что-то странное. Казалось, что-то грызло его изнутри, а он не знал, как справиться, и выплескивал всю боль на окружающих или...

– Ми-ла-я, – протянул голос, и дверь вздрогнула, словно кто-то налег на неё с другой стороны. Ручка повернулась, и раздался скрип.

Мысли.

Их не стало.

Я рывком потянула на себя дверь, но выпустила ручку,

когда Марк с большей силой дернул дверь на себя. Попыталась восстановить дыхание, но внизу живота что-то противно сжалось, заставив меня слегка нагнуться. Марк вошел в уборную, оглядев ей.

– Я почти закончила, – прошептала, страхась посмотреть на его разгоряченное, красное лицо, – ты можешь подождать меня в зале и...

Щелчок.

Бросила молниеносный взгляд на закрывшуюся дверь. Марк шагнул вперед, перекрыв обзор.

Я хотела сжаться под его взглядом. Он прожигал кожу. А этот запах алкоголя и приторно-сладкого одеколona проник в легкие, и мне казалось, что они начинают высыхать. Сжиматься. Их оболочка сморщилась, как и мое лицо, когда я раскрыла рот, не в силах дышать носом, и этот запах осел на языке.

Шаг.

Я хотела протиснуться к двери, но Марк шагнул в бок, заставив коснуться его бедер. Я отпрянула, бросив дикий взгляд на парня. Глухой звук его голоса разорвал тишину:

– Кристин, спустя столько лет, ты наконец-то стоишь передо мной. Вместе со мной, – сделал шаг ко мне.

Я нахмурилась, отступая с каждым шагом Марка. Руки напряженно висели вдоль тела, поэтому мои движения выглядели скованно. Но я пыталась придумать, как выбраться.

– Ну же, перестань сторониться меня, – прохрипел, вытя-

нув к моему лицу руку, но я сделала большой шаг назад, почти отпрыгнув, и врезалась в бортик раковины. Невидящим взглядом посмотрела назад, но тут же на Марка и он улыбнулся, заметив мой страх.

– Теперь ты моя, – сладостно произнес он, а я попятилась вдоль раковин, сжав челюсть, когда он произнес, – Моя плохая девочка.

Его голос. Он проникал под кожу. И я врезалась в стену позади. Опустила глаза на уровень его шеи. Осознание того, что меня зажали, медленно всплывало в сознании. И стало страшно. Я задрожала.

Рука Марка также дрожала, когда он подошел ближе, вытянув ее, и оперся ладонью о стену. Навис надо мной. От механического света лампы его кожа блестела. Волосы спадали на лицо, приликая к влажным вискам.

– Ты плохая, Кри-истин, мне рассказали все – протянул, немного наклонив голову, чтобы заглянуть в глаза. Но я отвела взгляд, – Посмотри на меня, – попросил.

Я не ответила, настойчивее отворачиваясь. Грудь судорожно поднималась и опускалась. Я не могла нормально дышать, еще немного и я задохнусь в этом приторном облаке.

Боже, Марк, кем ты стал?

– Просто посмотри, – уже более требовательно.

Просто отойди от меня.

И я с силой закрыла глаза, жмурясь. Не ответила ему, чем вызвала тяжелое дыхание в ответ.

Касание. Напор.

Марк попытался протиснуть коленку между моих ног. Сердцебиение замерло. Глаза распахнулись. Я посмотрела на его колено, словно не веря, что он действительно пойдет на это. Марк наклонился к волосам, что-то прошептав. Я подняла на него ошалелый взгляд, возмущенно выгнув брови, и больше не могла терпеть. Началась возня, сопровождающаяся моим тяжелым дыханием.

Я вскинула руки, с силой толкнув Марка в грудь. Он лишь хмыкнул, перехватив запястья. Больно сжал их и поднял над головой.

– Ты... – прошипела я, чуть не проглотив язык от злости.

Мне не нравится быть слабее кого-то.

Его грудь вибрировала от голоса:

– Было бы интересно, поймешь тебя в туалете. Мне больше нечего терять.

Я тут же дернулась, но он сильнее сжал кожу запястья. Второй рукой медленно коснулся моей щеки, сжав. Наклонился настолько, что нос коснулся моего, но я отвернулась, скинув ладонь.

– Я знаю, ты думаешь, какой я отвратительный, – прошептал и прижался лицом к моей щеке, – согласен, но лучше ты будешь со мной живой, чем с Диланом мертвой.

Я потеряла дар речи. Голова закружилась, мысли путались, словно комок змей.

Марк поднял руку, обхватив мой подбородок цепкими

пальцами, и повернул к себе.

– Я все решу, поверь мне. Он пообещал не трогать нас, если я сделаю все по плану, – выдохнул мне в лицо.

О чем он говорит? Какой план? Неужели он действительно виновен в смертях?

Марк скользнул по щеке ниже, остановившись на шее. Пальцем провел по линии ключиц, тяжело дыша. Опустил руку ниже и накрыл ладонью мою грудь.

Я резко дернулась, отчего задела носом его лоб:

– Прекрати! – не смогла продолжить, замолкнув. Только не так. Я хотела по-другому. Мой голос должен быть грозным, я должна была крикнуть. Но не смогла. Это был писк. Будто в глотку засунули пищащую игрушку и постоянно сжимали, выпуская из неё воздух.

Я хотела вырваться. Ударить его. Я хотела блевануть.

Его влажные, пухлые, словно набитые ботоксом, губы коснулись моей шеи. Я взвизгнула, затопав ногами. Попыталась ударить хотя бы коленом, но Марк сильнее прижался всем телом, пользуясь тем, что ноги раздвинуты. Его запах поглощал меня. Окутывал сознание и мысли о Птице исчезли.

Я скорчилась от влажного укуса на клчицах. Барахталась, неожиданно заскулив, когда приложила затылком о кафельную стену. В голове затрещало.

Марк воспользовался моей слабостью, нырнув рукой под свитер.

– Хватит! Оставь меня! – захныкала я.

Марк резко выпрямился и прислонил палец к моим губам.
– Чщ-щ-щ, – протянул, не моргая, – тебе понравится.

Испуг осел в глотке, перекрыв доступ к кислороду. Там словно образовался ком, мешая не то, что говорить, даже дышать.

Марк сжал ткань свитера на животе. Я дернула плечами, пытаюсь оттолкнуть.

– Не сопротивляйся.

Он проник под свитер, скользнул вспотевшей ладонью по моей коже. Я втянула живот, пытаюсь спастись, но слезы уже выжигали глаза, скатываясь по горячим щекам. Мне не спастись. Он накрыл ладонью мой лифчик. Не контролировал свои действия. Был слишком пьян или опьянен властью, чтобы услышать мои рыдания.

– Остановись, прошу, – захныкала, ударяясь головой об кафель. Закусила губу, рыдая через закрытые глаза. Он сжал грудь сильнее, оттянув лифчик, и покрыл влажными поцелуями мою шею.

Уйди. Просто уйди. Всего на всего свали нахер!

– Чщ-щ-щ, – он остановил поцелуи, убрав руку, и мучительно долго посмотрел мне в глаза. Сжал подбородок, немного дергая на себя, и понимающе выпятил нижнюю губу, прошептав, – Неужели Дилан делал лучше, – ладонью накрыл мои щеки, вытерев слезы. Его кожа как наждачка, терла мою. Он размазал слезы, но жест получился грубым.

– Уходи... – взмолилась, но Марк прильнул к моей шее, с

новой силой возобновив атаку. Всасывал кожу. Кусал.

– Нет! – взвизгнула, когда холодные и потные пальцы коснулись края джинс.

Толкнула его всем телом, пнув ногами, но Марк был сильнее.

Я корчилась, чувствуя, что умру.

– Я знаю, что буду твоим первым, – прорычал он, не без наслаждения в голосе.

По телу прошел разряд тока. Лицо исказила гримаса гнева, и я заколотила ногами сильнее, выкрикивая:

– Отвали от меня! Отвали! Отвали!

Марк грубо накрыл мой рот ладонью, выпрямившись:

– Не ори! – провел пальцами по моим губам, следя за своими движениями, – В следующие разы, мы будем в другом месте, там и покричишь.

Я смотрела прямо ему в глаза, но из-за пелены слез все было мутно.

– У тебя такие губы, – вдохновлено прошептал, облизав свои, от чего те стали влажными.

– Оставь меня, – мой голос дрожал, но звучал жестко. Марк улыбнулся, качнув головой:

– Это ты сейчас так говоришь, – в его глазах плясали черти, – через пару минут ты будешь стонать, и просить не оставляться.

И все. Я устала. Мое тело устало. Парализовалось от страха. Я уже не пинала с той силой, с которой бы хотела. Даже

не доставала до него ногой, повиснув на руках, которые грубо сдерживал Марк, разрывая мягкую кожу.

Зажата в уборной, в обычном кафе.

Марк с большим удовольствием, вновь вонзил пальцы в подбородок. Потянул на себя, заставив смотреть в глаза, и я не могла сопротивляться. Схватила воздух, давясь собственным, гребаным хныканьем.

Мне так стыдно. За себя. За эту чертову слабость.

Марк с животной яростью прижался, опускаясь к лицу, и мне показалось, что я умерла. Как только он прижался к моим губам, вдавливая их, чтобы я приоткрыла свои. Как только я ощутила эту влажность, как только этот отвратительный вкус коснулся языка. Слизкий, шершавый, до ужаса отвратительный первый поцелуй.

Давил. Кусал. Оттягивал губы.

Надежды нет.

Корчилась. Пихала, толкала, давилась, кашляла, пока его язык нагло врывался в рот, обследуя все внутри. Вновь и вновь.

Я умерла.

Не могла терпеть это, барахтаясь. Прикусила его язык, сжав зубы. Но Марк лишь сдавил челюсть, жестко сжав пальцы. Я хотела кричать. Вопить в голос. Вопить в подсознания. Кричать, срывая рассудок. Но лишь мычала ему в рот.

Марк резко отпрянул, отпустив меня. Больше не ощущая опоры, я качнулась, еле стоя на ногах, и схватилась за бортик

раковины. Так и повисла на ней.

Голос.

Судорожно схватила ртом воздух, моргая.

Я умерла.

Опустилась на колени, скользя ногтями по желтой поверхности уборной.

Опять голос. Стук в дверь.

Я пыталась соединить пальцы, но руки сильно дрожали, а в одной из них все еще был сжат телефон. Марк смотрел на дверь, покачиваясь.

– С вами всё в порядке? – женский голос раздался за дверью, – я слышала крики.

Марк схватился за волосы одной рукой, переминаясь с ноги на ногу. Резко перевел взгляд на меня, после чего подошел ближе, опустившись напротив. Больше не касался меня, а я больше не могла существовать.

Обняла свои колени дрожащими руками, пытаюсь сжать пальцы в замок. Подбородок трясся. Я качалась, взад вперед. Смотрела в одну точку. Застыла на ней. Впереди все мутнело от слез.

Моргнула, всхлипнув, когда шепот Марка настиг меня:

– Ты должна мне, за свою жизнь...

Не смотрела на него. Подняла руку, схватившись за бортик раковины так, словно это единственное, что могло удержать меня в этом мире.

Ибо я чувствовала, как распадаюсь.

– Вы меня слышите?

И оболочка разрушилась. Мышцы напрягались. Изнывали. А я рыдала. Всхлипывала в голос, не пытаясь контролировать его. Скулила. Испытывая весь спектр боли, вытянула вторую руку наверх. Подтянула тело, выпрямляясь на ногах. Бежать.

Хотела скрыть лицо ладонями, забившись в угол, но вместо этого прошла к двери, опираясь на раковины вдоль стены. Ноги предательски подкашивались. Сильнее сжала бортик, краем глаз заметив свое отражение.

Подняла глаза, растерянно забежав зрачками по зеркалу.

Настоящее отвращение к самой себе кипело в крови.

Я не такая. Я отказываюсь принимать себя такой.

Мои привычно карие глаза были красными, опухшими. Губы бордовыми, покраснения выходили за очертания. Подбородок искусан, в следах. Останутся синяки. Отпечатки пальцев. Свитер вздернут, пуговица на джинсах расстегнута. Как я этого не заметила?

Вгляделась, нахмутив брови.

Позади меня выпрямилась знакомая до боли фигура. Марк.

Бежать. Просто бежать, Кристин.

Отвернулась, делая широкие шаги к двери. Дернула ручку на себя, вывалившись в коридор. Меня подхватили чьи-то руки. Я скривила лицо. Отскочила, посмотрев с животным страхом в пол. Женщина растерянно вытянула ко мне руку,

и я не вздрогнула. Больше никаких касаний.

На негнущихся ногах обошла её, качающейся походкой выходя в зал. Резкими, жесткими движениями одернула свитер.

Замялась, когда ощутила пару взглядов на себе. Поджала губы, чтобы не вырвался всхлип. Яростно вытерла слезы. За спиной раздалось недовольное ворчание. Как только я узнала этот голос, начала бежать. Сорвалась с места, на негнущихся ногах пробегая заведение. В груди всё сжалось. Чертыхнулось. Я раскрыла входные двери и врезалась во что-то, отскочив назад. Мне перекрыли путь.

Только не снова.

Нервно оглянулась, тут же пытаюсь обойти незнакомца.

Отпустите меня.

Просто отвалите все!

Опустила голову ниже, делая шаги в бок, но крепкие ладони опустились на мои плечи. Аккуратно надавили, но я вскрикнула, подняв голову, чтобы... замереть.

Застыть во времени.

В пространстве.

Мир сузился только до этих темных глаз, внимательно осматривающих меня.

Слезы остановились, а я, еле ворочая языком, спросила:

– Д-дилан?

Двумя часами ранее

Зрочки Дилана взволновано бегали по дороге в поисках

вывески. Он боялся пропустить поворот и не попасть в город, добраться до которого мог с закрытыми глазами. Так хорошо он знал дорогу, но продолжал делать вид, что боится свернуть не туда. Это помогало скрывать настоящие страхи, которые казались до ужаса смешными и неправильными.

Поджал губы, сосредотачиваясь на очередном перекрестке, и всмотрелся в дорогу. Невольно постучал свободной ногой по дну машины, от чего выглядел зацикленным и странным.

Он возвращался. Ни с чем.

Те пять дней, что он потратил на слежку за Марком, не принесли ровным счетом никакой полезной информации. Парень не занимался ничем подозрительным и в день убийства находился дома. Но это, во-первых, не отменяло всего дерьма, что сотворил Марк. И, во-вторых, у него могли быть сообщники, но Дилан ничего такого не заметил.

Когда кроме нервных взглядов и постоянной паранойи за Марком не нашлось ничего криминального, Дилан ушел... Он немного пил, но в основном пытался найти связь между убийствами, систематизировать, понять причину.

О'Коннелл вздохнул, посмотрев на время. Уже поздно. Его сознание подозрительно натянулось, как струнка. Дилан волновался, нервно прикусив губу.

Он боялся встречи с Кристин. Боялся её реакции на слова благодарности, которые хотел сказать за то, что девушка пыталась защитить его. В конце концов, боялся своей реакции.

Мелодия. Она действовала раздражающе.

Дилан поднял руку, взъерошив волосы, после схватил телефон:

– Да...

– Ты где? – это Люк.

– Подъезжаю, – и немного замявшись, спросил, – ты никому не сказал обо мне?

– Чувак, мы же договорились.

– Ты точно не сказал Алекс? Я уверен, что она бы проболталась Кристин, и весь план-слежка пошли бы по одному месту.

– Да Кристин это не интересно, – отмахнулся Люк на другом конце провода, – она сейчас с Марком. Гуляет с ним, в школе сидит рядом, да и сегодня они, кажется, на свидании. Да, Алекс говорила, что они сейчас в кафе сидят...

– В смысле сейчас? – перебил Дилан, и сердце его сжалось, – Я же просил тебя, после убийства не пускать к Марку, потому что я скоро приеду!

– Я предлагал остаться, но она сама решила пойти и я это одобряю. Она должна тебе за все, пускай хоть часть вины искупит, тем более ей вроде нравится Марк. Не просто же так они пошли вместе на балл. Да и глаза у неё горят при виде него, мне так кажется. Забудь про нее и едь домой...

– Где они, Люк?!

– Да что ты злишься?

– Где они, мать твою? – четко. Резко. Почти рыча.

– В кафе у школы, – ответил Люк и услышал визг. Дилан вдавил педаль газа в пол.

От лица Кристин

20:12

В дверном проеме стоял Дилан.

Это он. Это он?

В животе что-то сжалось, а в глубине души начала расти обида. Меня выжигало изнутри желание наброситься на Дилана. Накричать за отъезд. За поведение. Наорать на него. Просто кричать, чтобы он понял мою боль, страхи, и защитил.

Роняя тяжелые вздохи, я заставила себя шагнуть к Дилану. Прижалась к нему, уткнувшись в грудь. Спрятала лицо, прикусив дрожащую губу. Это правда Дилан. Он рядом.

Сильнее уткнулась носом в горячую грудь, обвивая руками торс, и запах исходящий от него совсем не мог сравниться с Марком. С этим приторно-сладким одеколоном, который высушивал мое горло.

Грубость. Она настигла неожиданно.

Внутренне сжалась, когда меня схватили за плечи, оторвав от Дилана. В разгоряченном сознании скользят руки Дилана. Он сам заставляет меня отпустить себя. Смотрит с привычной злостью и... презрением. Неужели он все-также ненавидит меня?

Губы дрожали, когда я медленно подняла взгляд, встречаясь с темными от гнева глазами. Оно смотрел в упор, сдер-

живая мои плечи. Держал меня на расстоянии, поджав губы. Словно я была ему противна.

Его руки слегка тряслись, как будто это он умер пару минут назад. Его лицо было бледным, будто это он молил отпустить из этого злосчастного туалета. Взъерошенные волосы, будто это он пытался сопротивляться, а не я.

– Ты, блять, издеваешься? – его хриплый голос разрезал мое небо, но сил вздрагивать не было, только ком появился в горле, – Из всех людей, с которыми ты могла пойти на свидание, ты выбрала того, кто угрожал мне? Ты настолько жаждешь сломать меня? – холодный. Злой. Раздраженный.

Я молчала, не в силах выдавить из себя даже звука. Потерялась в собственном теле и не могла шевелиться. Чем дольше продолжалось молчание, тем тяжелее становилось дыхание Дилана и взгляды за моей спиной. Они выжигали спину..

Опустил глаза в пол, моргая.

Я не ощущала ничего, кроме отвращения и боли.

Даже не слышала биение сердца, которое остановилось в уборной, а при виде Дилана разорвалось.

Что я сделала? Зачем полезла к нему?

Искала защиты.

Но он ведь ненавидел меня, разве что-то могло измениться за пару дней?

– Зная всё, что натворил Марк, – процедил сквозь зубы Дилан, но голос его дрожал от контроля, – ты продолжила встречаться с ним. Почему?

От его вопроса по спине прошел холодок. Неужели он не понимал, почему? Я молчала, растворяясь в сознании, как меня резко встряхнули.

– Почему это, продолжается?! – Дилан сжал плечи, все-таки потеряв контроль, – Я считала, что ты делаешь это ради меня, – он облизнул губы, – Но ты как была эгоисткой, так и осталась. Так что давай, – неожиданно отпустил меня, и я осталась стоять на ослабленных ногах, – ты можешь и дальше рассылать мои видео, раскрывать мои тайны и, наконец, встречаться с этим уродом. Делай то, что и делала. Разрушай меня.

Сильнее сжала губы, пытаясь скрыть дрожь, страх и... ненависть. Сейчас я действительно ненавидела его.

Потерла дрожащие пальцы, сжав их один за другим в ладонях. Меня штормило, но Дилан вряд ли заметит это. Он был ослеплен яростью и не видел ничего, как это бывало при всплесках его болезни.

Голос Марка. Он привлек внимание Дилана и тот посмотрел за мою спину. Его взгляд потяжелел. Плечи распрямились, ладони сжались в кулаки. Голос Марка действовал, словно красная тряпка на Дилана, и я обняла себя, желая стать невидимой.

Дилан угрожающе шагнул вперед, заставив меня попятиться. Отойти назад, чтобы освободит дорогу, но... ничего не произошло. Дилан так и стоял на месте, прикрыв глаза и почти незаметно качая головой, словно отгонял мысли.

Его глаза раскрылись. Препарирующий, ледяной взгляд встретился с моим и на губах Дилана появилось презрение. Он отступил. Не посмотрел на Марка. Просто хрустнул шей, отвернулся и вышел на улицу. Я устремила вслед влажные глаза, открыв рот, но дверной хлопок заткнул меня.

Забыла, как дышать, когда сиплый голос донесся до ушей. Марк.

Бежать.

Распахнула двери, вываливаясь на потемневшую улицу, и рванула вдоль стены, но сил не было. Спустя один квартал я остановилась, прижавшись к стене какого-то здания, в самой темноте.

Зачем полезла к Дилану?

Я искала. Просто искала защиты.

Прикрыла рот тыльной стороной ладони, сжав глаза. Больше не могла контролировать дыхание, задыхаясь. Горячие слезы обжигали кожу щек, но не согревали. Ветер пронизывал насквозь, и я дрожала, словно листочек, который через секунду сорвется с ветки.

Я искала гребаной помощи. Чертову, мать его, защиту. И, в конечном итоге, нашла Дилана.

Ненавижу его.

Согнулась от усилившейся истерики и отвращения ко всему. К людям. Марку. Дилану. Себе.

От Автора

7:49

Дверь открылась, и на кухню выглянула Кристин. Она была уверена, что мама уже уехала на работу, но ошиблась. Она, черт возьми, не спала всю ночь и выглядела ужасна. Кристин боялась, что мама увидит её такой разбитой и начнутся расспросы.

Отвернулась, чтобы спрятаться в комнате, но мама уже заметила её:

– У тебя болит горло?

Она говорила о шарфе, которым Кристин обмотала шею. Та кивнула, желая выйти, но мама вновь подала голос:

– Иди, садись за стол, а я достану лекарства, – поднялась, направившись к полкам.

Кристин почесала щеку, она не хотела закладывать в голову матери сомнения, потому прошла к столу. Чувствовала себя неудобно.

Мама лазила на полках, спросив:

– Что холодного ела? Мороженое? Или просто так простыла?

Кристин прокашлялась, попытавшись выдавить из себя слова, но лишь сильнее опустила голову. Она пальчиками приподняла ткань шарфа, чтобы тот скрывал подбородок, ведь синяки выступили и там. Губы опухли, а покраснение не прошло.

Мама достала таблетки и черную баночку:

– Ты же знаешь, что легко можешь заболеть. Совсем не бережешься. Неужели Марк не мог проследить за тобой?

Кристин скрыла под столом дрожащие пальцы. Она затеребила край скатерти, боясь поднять глаза, в которых застыли слезы.

Стук.

Кристин вздрогнула на стуле, но не подняла глаз.

– Ты кого-то ждешь? – спросила мама, но Кристин отрицательно качнула головой. Женщина выпрямилась и обошла Кристин, – Интересно, кто пришел в такую рань?

Были слышны удаляющиеся шаги, после которых скрипнули двери. Какое-то время висела тишина, и только ветер заглянул на кухню.

– Солнышко, – все-таки сказала мама, – это к тебе.

Кристин затаила дыхание, подняв голову. Она не хотела никого видеть, но нельзя было подать виду при маме. Встала из-за стола и на дрожащих ногах подошла к стене, аккуратно выглянув в коридор.

Белая макушка немного показалась в коридоре, и цепкий взгляд Дилан заметил её. Он только ее и искал.

– Кристин, – прохрипел Дилан нерешительно, топчась у порога.

Кристин тут же подскочила с места, не концентрируясь на боли и медлительности, и бросилась на второй этаж в свою комнату. В ушах шумело, а сердце грозило разорваться. Возможно, поэтому она не услышала топот позади.

Дилан бежал за ней, игнорируя громкий голос женщины, которая осталась позади.

Кристин подбежала к дверям, готовясь захлопнуть их за собой.

Сердце пропустило удар, когда Дилан взбежал на этаж, встречаясь взглядом с Кристин, что с трудом дышала от погони. Между ними было пару метров, и Дилан стремился их преодолеть, но двери из темного дерева закрылись с его первым шагом.

Кристин повернулась и прижалась к поверхности спиной, боясь, что О'Коннелл сможет зайти.

Дилан подошел вплотную, хмурясь и облизывая губы. Он потянулся к двери, сжимая кулак, но ослаб, опуская ладонь на коричневую преграду. Не смог постучать.

Их тяжелые дыхания слились в одно, напоминая каждому о неизбежном разговоре.

– Крист...

– Уходи, – перебила она.

Дилан проглотил скопившуюся жидкость, пробуя еще раз.

– Кристин я просто...

– Я сказала, уходи!

– Просто выслушай, я не мог...

– Свали отсюда! Я сказала, оставь меня! – у неё началась истерика, которая рвала горло, глуша голос.

О'Коннелл уперся лбом в дверь, и каждый всхлип за дверью действовал на него так же, как разгоряченный утюг по коже.

Кристин сползла вниз по двери, обняла колени:

– Я умираю каждый день, в ожидании тебя.

– Кристин я...

– Ты жил в моём сердце и куда бы я ни шла, я видела твоё лицо.

Дилан опустил глаза на ручку, моргая. Звук щеколды он не слышал, а значит единственным препятствием держащим дверь, являлся маленький блондинистый комочек, лежащий у двери.

– Мысли о тебе не давали мне уснуть, Дилан, – Кристин смотрела в одну точку, шепча, – но когда ты пришел... ты сломал меня.

По щекам скатывались соленые слезы, затекая в уши.

– Впусти меня, Кристин, – взмолился он, – я не смог успокоиться вовремя, я думал, ты делаешь мне это на зло. Верил в это и не заметил твое состояние... Кристин, скажи, он что-то сделал с тобой?

– Ты и Марк. Вы оба сделали это. Вы оба – убийцы.

– Ты права, – кивнул, поворачивая ручку, – но позволь мне исправить ситуацию...

– Уходи, – прошептала Кристин.

– Я вернулся из-за тебя.

– Ты мне больше не нужен, – глотала она всхлипы, не веря что говорит такое, – поэтому уходи.

– Нет, – он в это не поверил, – ты врешь, Кристин.

Твердый голос раздался позади:

– Дилан.

Он обернулся, встретившись взглядом с мисс Пекус, что стояла в паре метрах, сложив руки на груди.

– Тебе пора, – твердо сказала она, выгнув брови, и даже маленький рост не мешал ей казаться грозной и уверенной.

О’Коннел промолчал, опустив глаза. Зрачки его нервно забегали по полу. Поставил руки на талию, слушая всхлипы, и одной рукой потрепал темные волосы.

Его разум был затуманен, но это не помешало отойти от двери, все-таки оставив Кристин.

– Пускай она не идет сегодня в школу, – прохрипел он, когда обошел взволнованную женщину.

Спустился по лестнице, сжав кулаки, и вышел из дома.

Всё пошло не по плану.

XVII. Глава

8:17

За окном мерцали молнии, периодически освещая коридор бледным сиянием. Капли дождя разбивались о стекло. Окружали меня глухим криком о помощи, а гул людей сгущался, нагнетая.

На первый взгляд, у меня все было хорошо. Был любящий молодой человек, родственники готовые помочь в трудную минуту и друзья, снабжающие меня надеждой на лучшее, но почему я тогда крепко сжимала в руках учебник, настороженно оглядываясь?

– Что с тобой? – голос из реальности, вернул меня в тело.

Прикусила внутреннюю сторону щеки, останавливаясь между шкафчиков, и подняла глаза на Люка:

– Я переживаю за Кристин, – не могла не признаться, – вчера она ушла с Марком на свидание и не позвонила мне вечером.

– Это же Кристин, она могла забыть маякнуть, – холодные руки опустились на мои плечи, – да и что с ней может случиться в общественном то месте?

– Если Марк тот самый убийца, то много чего, – с холодом в голосе произнесла и задумалась, чуть тише добавив, – Его я сегодня тоже не видела.

Люк смерил меня снисходительным взглядом.

Он посчитал, что мой страх – пустышка? Несмотря на смерти, насилие и угрозы, которые, скорее всего, были вызваны Марком, Люк считал, что я зря волнуюсь? В Агригент Стил ввели комендантский час, Дилан уехал, пятерых людей убили. Что еще должно произойти, чтобы Люк перестал пропускать мимо ушей мои опасения? Иногда мне казалось, что Люк знал больше, чем говорил, возможно, из-за отца шерифа.

За окном раздался гром, разрезав относительную тишину коридора. Я передернула плечами, переводя взгляд на серое небо, после шумно выдохнула. Темный силуэт быстро прошел мимо окна.

Он миновал крыльцо, заходя в школу. Стена дождя была сильной, поэтому узнать в этом силуэте знакомого, мне не

удалось, но глубоко внутри меня что-то дергало за струнки.

Повернула голову в сторону входа, прожав глазами по коридору. Людей было много, так что ни черта не было видно. Прошла вдоль шкафчика, убрав тяжелые ладони Люка со своих плеч. Его голос раздался совсем рядом, но я так сосредоточилась на поиске силуэта, что голос растворился в шуме дождя, не затронув моего сознания.

Прошла дальше, расталкивая локтями людей. Искала. Зрачки метались по лицам знакомых, но искали Кристин. Я уверена, что почувствовала её и сейчас она должна была пробираться сквозь толпу, следуя на свой урок.

Почему я её не видела?

Замерла, ибо заметила копну растрепанных волос. Полный хаос на голове, как и в душе.

– Боже, – прошептала, и мой рот невольно раскрылся. На меня накатила волна теплоты, захватила с небывалой силой, от чего колени подкосились, но холодная ладонь, неожиданно обвившая мою талию, помогла устоять на ногах.

Недавний силуэт пробирался по коридору и теперь не оставалось сомнений – это Дилан.

На бледном лице блестели дождевые капли, скатываясь вниз и падая с четко выраженного подбородка на кофту. От дождя ткань приобрела грязно-синий оттенок и плотно прилегла к груди О'Коннелла, обтягивая его мышцы.

Он остановился, оглядываясь. Глаза горели злым блеском и брови сошлись на переносице, словно он заметил кого-то.

Его взгляд застыл на одном месте, и я последовала за ним.

Чуть поодаль, оперившись о стену, стояла компания старшекласников. Они о чем-то болтали, улыбаясь. Среди них стояла и Эмили, будучи единственной девушкой в компании она стояла в самом центре, положив голову на кого-то парня с хвостиком. Её взгляд блуждал по друзьям, что окружили её, но внезапно остановился. Замер, глаза расширились, и она в растерянности потрясла парня с хвостиком за плечо и скинула его ладонь со своей талии.

Не из-за неё.

Всмотрелась внимательнее. Напротив Эмили стоял Марк, развернувшись спиной к толпе, и он не мог видеть моего и Дилана взглядов.

Из-за него.

Повернула голову в сторону Дилана. Его грудная клетка так поднималась, что была готова разорваться от бушующего сердца. Он был готов причинить невыносимую боль. Размазать лицо в мясо.

– Дилан, – сорвалось с моих губ, когда тот стремительно двинулся в сторону Марка.

Непроизвольно вытянула руку, но даже не сдвинулась с места, когда Дилан пронесся рядом. Он был в ярости, и РПВ усугубляло положение.

Дилан подошел стремительно. Практически подбежал, хватая Марка за плечо и рывком разворачивая к себе. Размах. Удар.

Я вскрикнула, спеша закрыть рот ладонями.

Марк покачнулся, отступив. Его взгляд растерянно бродил по собравшимся, пока не встретился с Диланом, тут же озверев.

Все замерли.

В коридоре повисла тишина, и лишь раскаты грома содрогались воздух.

Все ждали.

Парень с хвостиком на макушке, задвинул за себя Эмили, и вышел вперед. В нем я знала Тайлера:

– О’Коннелл, что ты, мать тво...

Не успел закончить, как Дилан тут же размахнулся, нанеся удар. Тайлер нагнулся, схватившись за челюсть, но резко выпрямился.

Дилан приблизился к Марку, вновь замахнувшись, но собравшиеся в компании парни перехватили его. Они перехватили его за плечи, а Дилан зарычал, дергаясь в попытке вырваться.

Копошение за спиной. Это Люк.

Он отпустил меня, пробираясь к другу, но страх засевший в глотке, заставил схватить Люка за рукав. Я начала что-то бормотать, прося не вмешиваться. В моменты злости Дилан бывал неуправляем, он без разбору мог ударить и Люка. Покалечить его.

Люк обернулся, опустив глаза на мои руки, после с удивлением посмотрел на меня.

Краем глаза заметила, как Дилан дернулся, пытаюсь сделать шаг к Марку, но парни заломили ему руки за спину. Он не успел освободить и одну руку, когда Марк подскочил, ударив ногой в живот. Наклонился ближе, нанося удары по ребрам, все сильнее и сильнее.

Парни, держащие Дилана, отпустили его, позволив свалиться на пол.

Мое лицо скорчилось, а грудная клетка сократилась, будто били меня. Руки ослабли и Люк выдернул рукав, исчезая в сгущавшейся толпе.

Дилан болезненно начал хватать воздух ртом, корчась, и одной рукой сжал живот, но Марк перехватил его за волосы. Он потянул его голову вверх, встряхнув:

– Ты думаешь тебе всё можно из-за богатого отца? – процедил, тут же ударив под ребра. Дилан сжал губы, глухо простонав.

Люк больше не ждал. Он подбежал, закатив рукава, но парни, до этого держащие Дилана, подхватили и его. Они говорили что-то неразборчивое, смешивающееся с шумом вокруг.

Дилан болезненно хватал воздух ртом, корчась, и одной рукой сжал живот. Наклонился, свободной рукой оперившись о кафедру, как вдруг его за волосы схватил Тайлер. Он потянул Дилана вверх, усмехаясь. Прошелся кончиком языком по своей разбитой губе:

Прикрыла один глаз, с ужасом наблюдая, как Дилан пытался выпрямиться на ногах, но получил очередной удар. Сама вздрогнула. Его ноги подкосились, но Дилан все же поднялся и на заляпанном кровью лице медленно появился оскал:

– Если ты думаешь, что её некому защитить, – прохрипел, встретившись с надсмехающимся взглядом Марка, – то ошибаешься, – Дилан неожиданно вскинул руку и схватился за его рубашку. Потянул на себя. Удар головой. Марк упал на кафель, держась за голову.

Все замерли, затаив дыхание.

Тайлер, что стоял рядом, прорычал. Тут же схватил Дилана за плечи. Надавил, наклоняя, и стал яростно наносить удары коленом в живот. Дилан не защищался. И никто не стремился помочь прославленной бомбе замедленного действия, ведь многие её боялись. Даже Эмили куда-то скрылась, бросив Дилана на растерзание нового ухажера.

Дилан терпел все, но выронил вздох с разбитой губы, когда Марк поднялся на ноги и подскочил к Дилану, со всей силы пнув ногой в живот.

Кто-то вскрикнул, распространяя панику, но я слышала лишь ярые крики Люка и тяжелое дыхание Дилана. Видела его.

Люк скинул руки парней и подскочил к Марку, схватив его за рубашку. Толкнул. Опрокинул на мраморную плитку, ударяя того головой об пол.

Крик.

Тайлер отошел назад, удовлетворительно осматривая кровавое лицо Дилана и поправляя свой хвостик.

– Я сказал прекратить! – донесся до меня чей-то мощный крик, но я была не в силах оторвать взгляд от валящего в бок Дилана.

В метре от него – к Люку, продолжающему активно бить головой об мрамор Марка, подбежал мужчина в зеленых спортивных штанах. Он резко наклонился, сгребая Люка в охапку и оттаскивая. С его груди свисал свисток.

– Что здесь происходит... – мужчина подавился словами, заметив как Дилан, чье лицо и кофта была испачкана в крови, настырно пытался поднять свое тело на руках.

Откуда-то выбежал Мистер Хант, тут же опускаясь на колени рядом с Диланом. Он наклонил голову, что-то спрашивая, и попытался помочь подняться, но Дилан что-то гавкнул и оттолкнул руки учителя.

Дилан харкнул кровь на и без того залитый крупными каплями алой жидкости пол.

Напротив мистера Ханта стояла Эмили, растерянно оглядывая открывшуюся сцену. Видимо это она позвала преподавателей.

Глаза Эмили были влажными от слез. Она вытянула дрожащую руку к Дилану, что уже почти поднялся, держась за живот. Эмили хотела коснуться его, но рука так и зависла в воздухе. Её взгляд стал полным печали, но глаза все же

посмотрели в другую сторону, где стоял Тайлер. На её лице буквально на пару секунд появилось сомнение, лоб покрылся морщинками, но Эмили все же сделала свой выбор. Она подошла к Тайлеру и что-то обеспокоено спросила. Рассматривала его лицо, насупив брови, после обняла за талию.

– Я сказал всем разойтись! – басистый голос мистера Ханта вернул меня в реальность, – По кабинетам, живо!

Вскочила с места, пытаясь пробраться к Люку, но он был окружен преподавателями.

Краем глаза заметила валяющегося на полу Марка. Под ним расплзалась темная лужица крови.

От лица Кристин

10:54

Погода явно желала добить меня, ибо глухой вой ветра за окном и шум от дождя не предвещали теплого осеннего денька. Сидела на кровати, сжав в руках игрушку. В животе свою песню, в какой раз, пропел кит. Поерзала на месте, осознав, что до жути голодная, но мысль о том, что придется покинуть комнату, не вдохновляла. Я словно пыталась усидеть на эмоциональном лезвии, лишь бы не показывать засосы и следы от пальцев, оставленные Марком.

Выдохнула, попытавшись отвлечься разговором с Джерри.

Мышонок был сильно потрепан и в некоторых местах были заметны швы от так называемых «операций». В детстве я всегда спала с Джерри и случайно смахивала его с кровати. В

то время, в нашем доме водились настоящие грызуны и в одну из ночей они сгрызли лицо моей игрушки. Утром я нашла Джерри в ужасном состоянии и решила провести операцию. Вместо кусочков разорванной ткани пришила новую. Он изменился, но продолжал быть частью меня, ведь был самым ценным подарком от бабушки.

– Тебе скучно со мной? – посмотрела на маленького зверька и тяжело вздохнула, – Давай я поставлю тебя к друзьям, потому что от меня никакого толка.

Встаю с кровати, убрав Джерри на полку к остальным игрушкам, и подошла к зеркалу.

Медленно стянула с шеи шелковый шарф, что приятно соскользнул, но тут же открыл отвратное зрелище.

Прикусила губу, чтобы все слова, рвущие меня изнутри, не вырвались наружу. Подняла руку, надавив пальцем на багровый след. Меня словно пометили. Но не имели на это никакого права.

Сжала между пальцев шарф, стиснув зубы.

Как я могла такое допустить?

Почему не смогла врезать ему? Почему не могу сделать это сейчас?

Он даже не понял, что сломал меня, и продолжил радоваться жизни.

Так почему бы не врезать ему? Да. Прямо сейчас. Пошла бы в школу, нашла его и стерла эту приторную улыбку.

Гром.

Вздрогнула, наблюдая за своим отражением. Комната погрузилась в темноту и мои глаза словно бездны зияли в отражении.

Шум дождя за окном усилился.

Я должна была врезать ему еще тогда, при Дилане. Чтобы Марк кричал на меня. Чтобы все кричали на меня и чтобы никто не улыбался. Чтобы всем стало также хреново, как мне.

Сорвалась с места, сжав ладони. Не могла понять, с каких пор я стала такой нервной. На кого я злилась?

Я хотела ударить всех. Заставить страдать.

Распахнула дверь, выскочив в коридор, и тут же остановилась. Передо мной стояла Алекс, подняв руку и потерянно разглядывая меня. Её зрачки бегали по лицу, пока не остановились на моей шее. Она сглотнула. С трудом оторвала взгляд, сморщившись. В её глазах застыли слезы, а краска сошла с лица. Алекс растерянно раскрыла рот, но так и не смогла ничего произнести, но от её скатившейся слезы, меня пробила дрожь.

Из меня словно выбили все эмоции. Ушла агрессия и ненависть. На смену пришла пустота.

Я молча расслабила тело, и попыталась сдержать слезы.

В коридоре повисла тишина, как вдруг подруга сорвалась с места. Резким движением притянула к себе, обняв. Носом уткнулась в теплое плечо.

– Я принесла тебе вредной еды, – пробормотала Алекс

спустя время и отстранилась.

На лице сверкнула осторожная улыбка. Алекс не знала как себя вести со мной, ведь я продолжала молчать, не дав оценить мое эмоциональное состояние.

– Картошечка и чизбургер, – улыбнулась подруга, кивнув в сторону комнаты.

Поджала губы, впусив Алекс в комнату. Она прошла, скованно посмотрев на меня и сжав в руке пакет с едой. Мы всегда кормили друг друга, когда в жизни происходило что-то плохое.

Закрыла двери, развернувшись, и прислонилась к ним спиной.

Алекс села на кровать, оглядев меня.

Опять молчание.

– Спросишь что-нибудь? – искривила губы в улыбке, а внутри всё сжалось.

Алекс посмотрела. Прямо в глаза. Раскрыла рот и её нижняя губа почему-то дрожала. Взгляд стал хмурым:

– Что он сделал?

Горько ухмыльнулась, оттолкнувшись от двери, и, переставив ногами, прошла к кровати.

Она догадалась.

– Ты про Марка? – достала с полки Джерри, прижав к себе, – Он зажал меня в туалете. А потом вернулся Дилан и... произошло то, что произошло. Он отверг меня, окончательно, —остановилась, наблюдая за реакцией подруги. Она

не казалась удивленной, скорее расстроенной. Но ничего не сказала, никак не поддержала, просто смотрела с тяжелым сердцем. Мое «спокойствие» рушилось к чертям, а недавняя истерика протягивала свои руки, обвив ими мою шею.

– Тебе плевать, Алекс? Почему ты молчишь? – спросила, опустившись на пол, ведь нахлынуло странное отчаяние. Перед глазами помутнело. Я услышала топот и меня тут же прижали к себе:

– Тише, выдохни ... – ласково начала Алекс, поглаживая мои волосы. Она, как и я сидела на полу и покачивалась, убаюкивая меня

– Ты справишься с этим, – не переставала говорить она, – ты сильная.

– Не правда, – хныкнула, – я самая слабая.

– Сильнее всех, ты со многим уже справлялась. Развод родителей, ситуация с Диланом, нападение Птицы. Ты сильный человек, Кристин.

– Я просто влипала в разные истории, – зарылась лицом в плечо подруги, – я не сильный человек.

– А кто тогда? Кто тогда сильный?

– Тот, кто не боится трудностей. Кто научились жить как раньше, после смерти близких людей, в этом плане я слабая. А ты нет.

Алекс хмыкнула у меня над ухом, больше не приглаживая мои волосы:

– Ты хочешь потерять кого-то, чтобы стать сильной?

– Не-ет, – тут же протянула я, – лучше всегда буду слабой.

Никому не придется меня защищать.

– Кстати, Дилан сегодня пришел в школу и устроил драку с Марком.

– Что? – вытерла я слезы, не веря.

– Там была настоящая бойня, Марка и Дилана забрали на скорой, а Люка увезли в участок вместе с еще одним парнем, Тайлером. Он вроде как парень Эмили.

– Но, – прикусила внутреннюю сторону щек, качая головой, – почему он так поступил? Из-за чего напал на Марка?

– Он дрался за тебя. Я уверена.

От Автора

13:18

Ледяные капли беспощадно разбивались о тела девушек, что перебирая ногами, спешили в больницу. Ветер сбивал с пути, прокрадываясь под одежду, чем вызывал отвратные мурашки.

Щеки Алекс давно заледенели, ровным счетом, как и пальцы, в которых она чувствовала жгучее покалывание. Отправляться в путь сейчас – было последним, чего хотела девушка, но её никто не спрашивал. Кристин, после недавних новостей, вскочила с пола и принялась одеваться. Запиналась. Застревала. Барахталась. На все убеждения остаться дома, она глубоко и от всей души плевала.

Кристин хотела увидеть болезненную гримасу на разбитом лице Марка. Хотела почувствовать запах боли исходя-

щий от него. Хотела насладиться его страданиями. Кристин заставляла думать себя об этом.

Не о Дилане. Не думать о темнеющих глазах, родинках на скулах, растрепанных волосах и запахе. Его свитер, в котором она сбежала из больницы, остался у неё.

У Кристин остался запах.

Стоп.

Не думать.

Иначе она опять станет слабой. Потонет в темном океане чувств. Ну, а пока что – она его ненавидит.

Девушки ускорили шаг, изредка хватаясь за плечи друг друга, ведь резкие порывы ветра сбивали с ног. Наконец-то, сквозь непроглядную стену дождя они смогли различить очертания высокого здания. Больница.

Кристин напряглась, смахивая липкие от воды волосы, что сосульками лезли в глаза, закрывая обзор. Алекс поспешила скрыться от ливня, представляя, что она заходит в полицейский участок к своему парню, а не в эту вечно пахнущую бинтами и спиртом больницу.

Как там Люк?

После того как его забрали, он не звонил и не писал, но это не значит, что его посадили в камеру. Хотя...

[...]

За окном бушевала стихия. С момента осмотра прошло три часа, а тяжелая голова Дилана никак не отрывалась от подушки. Он плохо понимал, где находится, но, судя по об-

рывочным воспоминаниям, – его положили в одну из больничных палат.

Веки будто налились свинцом, а тело было приковано к прохладной кровати. Особенно чувствовалось, как сдавливается грудная клетка.

Дилан не спал, но и подавать виду, что бодрствует, не хотел.

До него доходили размеренные шаги и строгий голос отца, обсуждающего что-то по телефону.

[...]

Алекс брезгливо сняла куртку, что прилипала к телу, и сдала её в гардероб. На сером кафеле виднелись капли воды, отсвечивающиеся в свете люминесцентной лампы. Они составляли целую тропинку от дверей до девушек.

– Может, найдем твою маму? – развернувшись, спросила Алекс.

– Это не обязательно, – Кристин съежилась, скрыв следы от пальцев и засосы, – мы спросим у дежурного.

– Спросим про Марка или Дилана? – Алекс все-таки решилась уточнить, сконфуженно посмотрев на подругу.

Кристин проглотила ком в горле, мешающий дышать, и двинулась вперед по коридору, высматривая регистратуру.

Она не желала отвечать. Не могла. Ведь она хотела к Дилану. Он был ей необходим, но Кристин боялась.

Боялась, что если признается в чувствах, её в очередной раз отвергнут.

Я люблю тебя.

Тебя будет любить кто угодно, но это буду не я.

Кристин устала практически умолять людей, любить её и уважать. Теперь она сама не знала, чего больше желает – мести или ответных чувств.

[...]

– Вам помочь? – мужчина в белом халате высунул руку из кармана, а другой попытался коснуться спины Марка. У него была запёкшаяся кровь на виске.

– Из какой вы палаты? – не унимался врач, хмуро оглядев коридор. Он все же коснулся Марка, но тот судорожно дернулся, отскочив. Он должен идти домой. Он должен быть сегодня дома.

– Твой пациент? – обратился врач к другому мужчине, что вышел из соседней палаты, и после отрицательного ответа обернулся к Марку, который пытался пройти вдоль стены, – У вас кровь, я должен осмотреть.

Марк вновь оттолкнул его, но врач оказался сильнее. Он схватил Марка за руку, одним движением заломив за спину. Это действие заставила Марка согнуться. Его ноги подкосились от боли.

Но сегодня он не мог сдать.

Сегодня всё должно закончиться.

[...]

– Почему ты не узнала, в какой палате находится Дилан? – запыхавшись, спросила Алекс. Её ноги гудели после

подъема на четвертый этаж.

– Я сомневаюсь, что он лежит в палате из-за банальной драки, – Кристин пожала плечами, искривив губы в улыбке, после повертела головой в поисках нужной палаты, – скорее его просто осмотрели и отправили домой.

– Банальной?

– Он не в первый раз кого-то избивает. Поэтому да, Алекс, банальной.

Алекс остановилась посреди коридора, вытянув шею:

– Черт, – уперла руки в бока, тяжело вздохнув, – прости, это моя вина. Я не сообразила рассказать тебе самое главное, не хотела расстраивать еще больше.

– Что? – Кристин развернулась к подруге, изучая её лицо.

– В этот раз, скорее Дилана избили, чем он кого-то.

Кристин незаметно дрогнула, но лицо не изменилось. В горле стало неожиданно сухо, а по всему телу вышел пот. Она подняла руку, потирая лоб, трогая свою искусанную шею. Посмотрела в пол, что-то обдумывая, и тут же подняла прищуренный взгляд на подругу.

[...]

Марк не мог вырваться. Он терял силы.

Топот смешивался с нарастающим шепотом дождя. В коридор выбежали санитары и подхватили с двух сторон Марка. Но тот продолжил дергаться, отбиваться, словно на кону висела его жизнь.

– Принесите успокоительное, – скомандовал врач, –

Эй! – схватил Марка за лицо, пытаюсь наладить зрительный контакт, – Что болит?!

– Мне нужно, – дергал руками, корчась, – мне нужно домой.

– Для начала дай провести осмотр, – врач огляделся, видя, что санитар возвращается, – никто тебя насильно потом не задержит...

– Мне нужно сейчас! – с глубокой яростью Марк посмотрел на врача, что присел напротив, – Вы не имеете права держать меня здесь и лечить без моего согласия, слышите? – закричал прямо в лицо, излучая гнев. Врач смотрел в ответ, долго, пристально. Спустя время он кивнул головой куда-то за спину Марка.

Хватка ослабла, и Марк ощутил свободу, его руки больше не сдерживали. Он опустил глаза на запястья, после посмотрел на врача.

– Можешь идти, – тихо произнес врач, добавив, – когда поймешь, что теряешь сознание, набери 911, и мы снова встретимся.

Марк кивнул, недоверчиво взглянув на санитаров, готовых, словно верные псы, вновь схватить под руки. Он отвернулся и загнанно оглядываясь, отошел на пару метров.

– Он не нуждается в помощи, ты же слышал! – раздался знакомый голос врача за спиной. А затем крикнул второй врач, наблюдавший за всем со стороны:

– Эй! Парень! Не рухни на пол пути.

– Не рухну, – прошипел Марк, ускорив шаг.

[...]

– Не рухну, – знакомый голос раздался за поворотом.

Алекс насторожено подняла взгляд, всматриваясь в коридор. Без сомнений она узнала обладателя этого приторно-сладкого голоса. К нему она и шла. Опускает глаза на Кристин, что стояла спиной к коридору.

Зрачки Кристин заметались по полу. Её тело оцепенело от предстоящей встречи. Резко всю смелость выбило, вместе с воздухом в легких.

Алекс насупила брови, когда подруга закопошилась. Она крутанулась на месте, затем подпрыгнула к Алекс и, схватив её за запястье, забежала в соседнюю палату.

В это время в коридоре появился Марк, но он был поглощен мыслями о завтрашней ночи, и не заметил закрывающиеся впереди двери и удивленный взгляд Алекс.

[...]

Громкий скрип и последующий за ним стук, прозвучали у Дилана в голове раскатом грома. Он захотел сжать лицо, взъерошить волосы, но тело ему не подчинялось. Мог только слышать бормотание этих тупых медсестер, которые за чем-то заперлись в его палату.

– Юные леди, – привычно учтивый голос отца заглушил шум дождя за стеной. Послышался скрип подошвы, после которого наступило молчание.

– Что вы... – отец запнулся, – а ты здесь откуда? Пришла

навестить моего сына? Так полюбуйся на него, он даже в сознание не приходит, – его голос неожиданно пропитался смесью злости и презрения, – и всё опять из-за тебя.

– Да как вы смеете... – начала девушка, чей голос очень напоминал Алекс, но отец заткнул её.

– Не лезьте, деточка, мне рассказали, из-за кого началась драка.

Нежное касание, обжигающее кожу в районе скулы, заставило Дилана запаниковать. Он не слышал шагов, не ожидал прикосновений. Но это казалось таким интимным, что Дилан невольно прекратил дышать. С закрытыми глазами он не знал кто перед ним, но чувствовал себя нужным.

– Ты этого добивалась? – крикнул отец в сторону моей больничной кровати.

– Она никогда не добивалась такой участи Дилану, и прекратите уже обвинять её! Все мы здесь знаем, что Кристин не причастна к истории с видео.

Очередное касание, но в этот раз холодные пальцы решились провести линию от виска до подбородка.

Это поглаживание сбивало.

Что только что сказали?

– . Да что вы можете знать, девушка?

– Я все знаю! И как вы записали их разговор, а потом включили его в школе. Как вы надавили на жалость Кристин и заставили взять вину на себя. Как предлагали деньги, которые она никогда бы не взяла, – это Алекс. Она буквально

но запинаясь от своей злости, бурлящей в крови. Казалось, Алекс ждала целую вечность, сдерживала себя, и наконец, смогла все высказать, почти выплевав это все в лицо моему отцу.

– Вы изучили её, знали, как ей легко манипулировать, если пригрозить болью близким. Будь я на месте Кристин, то кинула бы в вас этими деньгами, заставив подавиться или засунула бы их вам в самое...

Дилан перестал слушать. Он хотел повернуть голову и увидеть лицо отца, которое, как он надеялся, выражало полное недоумение, но также хотел увидеть Кристин. Подойти вплотную и глубоко вздохнуть, заполнив легкие ароматом её волос. Он и раньше так делал, но после корил себя, одергивал, вбивал в голову, что она – эгоистка, предавшая его, и опять шел к ней. Вдыхал аромат. Корил. И так по кругу.

– Вы не думали стать актрисой, Алекс? Из вас так хорошо выходит агрессия, – голос отца едва дрогнул. Он пытался надсмехаться, но его волнение все равно всплывало наружу.

Чьи-то холодные пальцы пробрались под ладонь, слегка сжав её. И тут по моему позвоночнику словно рассыпались искры тока, тормоза сознание.

Так вот кто это.

Кристин.

– Вы... да вы, – Алекс шипела, в поисках подходящих слова, – Да вы отвратительны!

– Возможно, как и все богатые люди. Но я хороший отец, и

все, что делаю, всегда идет на благо моего сына, а остальное меня не волнует.

– Вы не даете ему быть счастливым. Разве это благо?

– Про что вы? – спросил отец, и спустя мгновение промычал, скрипнув подошвой, – А-а, вы про свою подругу? Кристин не нужна ему. Эти отношения не были выгодны ни Дилану, ни мне. С той, чья семья занимает такое низкое положение в обществе, мой сын никогда не был бы счастлив. И он понимал это, но может ради интереса и побыл бы с Кристин пару недель. В конце концов, он мой наследник. Моя кровь, заслуживающая самого лучшего.

И без того слабая хватка слабеет, и вовсе исчезая на нет. Я больше не ощущаю прикосновений. На их смену приходит боль. Присутствие Кристин стало моим личным обезболивающим.

Мне нужно еще.

Мне нужно больше.

Мне нужна Кристин.

[...]

– Как ты с ним вообще связалась, Кристин? Он кажется таким... таким... – Алекс сжала чуть просохшие волосы на голове и оттянула их, – даже слов таких нет!

Она прошла вперед, остановившись у окна, и топнула ногой от возмущения. Развернулась, сощуриив глаза:

– Ты знаешь, что я уважаю и хорошо отношусь к взрослым, но этот О’Коннелл старший, – опять сорвалась, раздра-

жено фыркнув, – даже плохих слов подобрать не могу, чтобы описать его, понимаешь?

За окном сверкнула молния, освещая на пару секунд грязно-серое небо. Девушки все ещё находились в больнице, до боли огорченные сегодняшними событиями. Но каждый воспринимал всё по-разному.

– Ты чего молчишь?

Алекс подошла ближе к подруге, наклоняясь, чтобы заглянуть в глаза, но Кристин была здесь только физички. Она ушла в свои мысли.

– Ты не молчала все время, пока мы были в палате, и молчишь сейчас.

Руки опустились на влажный свитер Кристин, заставив ту очнуться и поднять глаза. Как только сознание вернулось, плечо разрезала ноющая боль, словно фантом, но Кристин промолчала, стирая в своей памяти моменты, когда Марк надавливал на плечи, сжимая их. Как он оставлял на ней следы. Как пометил её. Как пометил Дилана.

– Скажи уже что-нибудь! – неожиданно вспыхнула Алекс. Кристин вздрогнула, скинув руки Алекс.

– Тебе нужно домой, – прохрипела она, откашлявшись.

– Ты меня прогоняешь?

– Нет, просто я... у меня есть планы.

– Какие? – Алекс схватила локоть Кристин, когда та собралась уходить, – Эй! – наклонила голову, восстанавливая зрительный контакт, – Что ты задумала?

– Ничего.

– Я знаю твою авантюрную личность, поэтому не ври мне, — потребовала Алекс.

Впилась глазами в подругу. Началась безмолвная битва, в которой Кристин было суждено проиграть. Она поджала губы и хрустнула пальцами, искоса смотря на подругу:

– Ладно, – сдалась, вскинув голову, – я хочу проследить за Марком. Сегодня ночь убийства, помнишь?

– Ты ЧТО?!

– Если он убийца, то я больше не позволю ему рушить жизни. Хватит с меня.

– Ты спятила? Хотя чего спрашивать? Ты спятила. – заключила Алекс и огляделась, – Чтобы не произошло, я не пущу тебя.

– Он убил уже пятерых, причем в смерти двоих виновата я. Он сбил меня на машине, оставил в лесу и только что избил Дилана. Я устала жить в страхе...

В глазах Кристин отразился блеск очередной молнии, что робким пятном расползлась в тучах.

Алекс облизнула губы, признав родство в чувствах подруги. Она тоже устала.

– Я в любом случае не оставлю тебя, – ответила Алекс, спустя время раздумий.

Кристин нахмурилась, но кивнула. Она не хотела подвергать подругу опасности, но что делать, если та повсюду? Везде опасно.

– Если он поедет в то здание на краю города, как мы проследим за ним? Машины есть только у парней.

В глазах Кристин заиграли опасные искорки, пожалуй, впервые, за целую неделю:

– Машина Люка на школьной стоянке, так?

Алекс кивнула, не понимая к чему ведут.

– У тебя ведь есть ключи.

– О-о, – протянула, качнув головой, – нет, нет. Я этого не сделаю.

От лица Алекс

1:03

– До сих пор не верю, что я это сделала.

Кристин прикрыла глаза, закинув голову на водительское кресло:

– Выдохни.

– Я украла машину парня, – продолжила я, констатируя факт.

– Позаимствовала, Алекс, это разные вещи.

– Люк меня убьет, – прикусила губу, нервно качнув головой.

– Он ведь не узнает. С машиной всё будет в порядке, я же примерно знаю, как водить.

– Примерно?! – вспыхнула я.

Кристин раскрыла один глаз, высунув руки из-под головы:

– Не переживай, до дома Марка мы же как-то доехали.

– Нам просто повезло...

– Щц-щц-щ, – Кристин закопошилась и наклонилась к лобовому стеклу, что-то высматривая. Я замолчала, наблюдая за подругой, взгляд которой был направлен на дорогу, – Это Марк.

– Где? – мой живот скрутило в очередном спазме, но я проигнорировала его, всматриваясь в темную улицу. Кто-то сел в машину, – Точно он?

Раздалось утвердительное мычание.

– Что будем делать?

Щелчок и наша машина заревела. Опустила глаза на руку Кристин, что переключила передачу и подняла ладонь на кожаный руль, сжав его. Она повернула голову и выехала на дорогу.

– Поедем за ним, – ответила я сама себе и развернулась к дороге. Отложила на полку коробку с пиццей и пристегнулась. Мне было страшно, но я не хотела подавать виду, хоть спазмы в животе и ухудшали положение.

Обжигающий холод оружия, что был запрятан в мои ботинки и прикрыт джинсами, не давал мыслить рационально. В голове крутилась мысль, что я им воспользуюсь, что не зря мы запихали в сапоги – ножи.

[...]

Машина Люка свернула с широкой дороги на проселочную, и перед глазами опять предстала пугающая улица.

Мы молча выглядывали в окна. По коже пробежали мурашки, когда, наконец, здание стало заметнее. С последнего

моего прихода оно излучало более зловещее сияние.

Мое сердце остановилось, когда Кристин нажала на тормоз, не доехав до здания. Я прекратила дышать, когда фары отключились, погружая все пространство вокруг нас во мрак. В глазах мелькнули тени. Я видела их повсюду: между деревьями, в окнах, тьма которых поглощала мой разум, между пристройками.

Заметила темный силуэт, кусая ногти:

– Это Марк?

– Да.

Кристин вытащила ключи, протягивая их мне. Я нахмурилась, смотря то на её ладонь, то на неё саму. Подруга спокойна:

– Возьми, отдашь их Люку, желательно лично в руки.

– А ты?

– Не я его девушка, – подмигнула она и вышла из машины, оставляя меня одну.

Выдохни, Алекс.

Я вышла вслед за Кристин, сжимая в руке связку ключей. Мои глаза метались по пустому двору, в десяти метрах от нас. Скованными движениями подошла к Кристин, не обращая внимание на судороги в ногах.

– Где Марк? – прошептала.

– Зашел внутрь, – с тяжестью в голосе ответила Кристин, ведь его поездка к тому дому обличил его настоящую сущность. Кристин добавила со скрипом зубов, – Он Птица.

– Мы ведь не вернемся в машину?

– Нет, – она посмотрела вниз, – Я уже один раз сбежала от него. Позволила убить двоих подростков, и второй раз не поступлю так, – подняла голову, забегав глазами по этажам заброшенного здания, – я больше не отступлю.

Кристин двинулась с места, и я заставила себя повторить её действия.

Мы быстро преодолели расстояние до дверей, попав под морозящий дождик, и остановились. У меня вырвалось облачко пара изо рта вместе с тем, как я поднесла ладонь к холодному металлу.

Дверь.

Она противно скрипнула, поддаваясь. Её визг оглушал, и я заметила, как морщится Кристин, завязывая волосы в хвост. Замерла, когда она сделала шаг, пропадая во мраке коридора, но следуя её примеру.

Мне страшно.

Ветер поднял волосы, как только я вошла в здание. Посмотрела на Кристин, что переставляя стопы с пятки на носок, следовала вперед по коридору.

Это место пугало, но я все равно двинулась вслед за подругой. С каждым моим шагом тело покрывал холод и я с трудом подавляла неумолимое желание достать нож. Останавливало только осознание того, что при моих навыках, от ножа скорее пострадает рядом стоящая подруга, чем охотящийся на нас убийца.

Совсем рядом раздался крик. Он стремительно прошелся воль коридора, настигая нас в той темноте. Я дернулась вперед, схватив Кристин за руку, и сжала от страха глаза.

На мгновение Кристин замерла вместе со мной, но услышав очередной крик, тело её напряглось, и подруга бросилась вперед по коридору, вырвав свою руку.

– О, Боже, – мой рот раскрылся, а тело судорожно затряслось, – Кристин...

Коридор вновь содрогнулся от душераздирающего крика, и я рванула вслед за подругой. Нагнала её у поворота и уперлась ногами в пол, качая головой. Кристин стояла впереди меня, заглядывая за угол.

– Что там? – спросила я, голос дрожал.

Она наклонилась, скользя пальцами вдоль ноги, и достала из сапога нож. Я поступила также, сильно сжимая рукоять.

Ноги не слушались меня, когда я пошла за Кристин, почти не дыша. Мы вышли из-за угла, шурясь. В этом корриде было много окон, через которые пробивался лунный свет. Он освещал отсыревшие стены, вдоль них валялись клочки бумаг, а не далеко от нас, прямо на очередной развилке нескончаемых коридоров, находился силуэт. Он стоял спиной к нам, копошась в чем-то.

Кристин отошла от меня, подкрадываясь со спины к убийце. К нашему другу, который объявил на нас охоту и предал. Мои зрачки метались от Марка до Кристин и обратно, я была готова вмешаться в любой момент, хоть страх и приковал

меня к земле. Наклонив голову, я заметила темный мешок рядом с Марком. Длинный и немного искривленный, он лежал рядом с его ногами, и... Я зажала ладонью рот, но крик все равно вырвался. У этого мешка была вытянута рука, и я с ужасом осознала, что это тело, распластавшееся на пыльном бетоне.

К этому времени Кристин подошла уже близко к Марку и не успела повернуться в мою сторону, как Марк развернулся к ней. Он скрыл собой еще одно тело, и широко встал, готовясь наброситься.

Мои глаза слезились и в какой-то момент, когда очередной крик достиг меня, и я уже не понимала, кому он принадлежит, я заставила себя рвануть вперед. Сжимая двумя руками нож, и тяжело дыша, в моих ушах отдавалось бешеное биение сердца. Стук моих сапог смешивался с громкими голосами, превращаясь в одну большую какофонию.

– Это ты! Я знала! – Кристин кричала, выставив нож.

– Ты... просто отпусти нас! – надрывая горло, взмолился Марк, – Я выполнил все условия, я никому не расскажу о вас.

– Что ты несешь? – удивилась Кристин, но быстро собралась и скомандовала мне, – Алекс, проверь человека.

Я сквозь пелену осматривала застывшее в ужасе лицо Марка, без маски, в которой он обычно убивал. Он просто стоял напротив, выставив перед собой руку, словно пытался защититься от нас.

– Алекс!

Я вздрогнула от крика подруги и выронила нож. Упав на колени, я начала рыскать руками по полу.

– Проверь человека, Алекс!

Не нащупав нож, я подползла на коленях к телу, но поскользнулась. Колени разъехались, и я угодила во что-то теплое и густое. Замерла, поднимая ладони к лицу. Кровь печально блеснула при лунном свете.

– Алекс прове...

– Сейчас! – вскрикнула, подползая ближе к голове. Мои нервы на пределе.

Нащупав дрожащими руками колющееся из-за щетины лицо, я поняла, что передо мной мужчина. Приложила два пальца к шее, чтобы нащупать пульс, но внезапно они провалилась внутрь кожи с противным хлопанием. Я завизжала, падая на пятую точку и судорожно упираясь ногами в кафедру, чтобы отползти.

– Что там?! – это Кристин. Она нервно косилась в мою сторону.

– Ему, – закашляла, утыкаясь в собственное плечо, – ему перерезали горло.

Вот куда вошли мои пальцы.

– Как ты мог! – Кристин не сдерживала ярости к Марку, сильнее сжимая рукоять ножа, – Убийца!

– Это не я!

Сплела пальцы в замок, выгибая их, и посмотрела на ладони, покрытые слоем черно-бурой крови. Кристин продол-

жала кричать.

– А кто? Мы проследили за тобой и знаем, что то ты убил тех девушек!

Я сморщилась, вытирая ладони о пыльный кафель, но становилось только хуже.

– Это не я! – Марк кричал громче.

Перед глазами мутнело от слез, поэтому я подняла лицо, позволяя им скатиться по щекам. Коридор стал четче, и я уловила движение позади Кристин, там, где к стулу была привязана еще одна жертва Марка, которую он зачем-то отгораживал от нас.

– Эта женщина моя тетя! А на полу мой дядя! Я бы не тронул их. Господи, опусти нож, Крис...

Тетя Марка, молчавшая до этого из-за кляпа во рту, замычала. Все обернулись, а я чуть не проглотила язык. Её голову наклонили назад, грубо держа за волосы. Существо в черной маске чумного доктора замахнулось лезвием и перерезало глотку женщины. В её глазах замер страх, а на грудь пульсирующей струей брызнула кровь. Птица небрежно отпустил её волосы, и голова опрокинулась назад. Кровь хлестала на убийцу, но его маска и так была в крови.

– Не-ет! – закричал Марк, сгибаясь и корчась от боли – Нет, нет! Джанет!

Кристин оцепенела от ужаса. Я не могла оторвать взгляда от Джанет и пазлы в моей голове начали сходиться. Неужели мужчина на полу стал приманкой для Марка, прибежавшим

сюда, чтобы спасти семью. Возможно, Марк и помогал убийце, но все это обернулось против него, а мы, следуя по следу из хлебных крошек, обвинили не того. Семья Марка стала для него приманкой, но сам Марк стал приманкой для нас.

Я вскочила на ноги, прокричав:

– Бежим!

Пульс застучал в голове. У меня открылось второе дыхание. Я бежала, переставляя ногами. Неслась обратно к выходу. Слышала шаги и сердце, которое поднялось до самых ушей.

Дыхание сбилось, но я добежала до поворота, развернулась, обхватив руками пыльный угол. Так и застыла в ужасе.

Марк с криком боли оставил тело тети, потому бежал последним. Явно отставал. За ним, темным пятном, несся Птица. Он замахнулся ножом, догнав Марка. В его глазах проскочила мольба о помощи, но резкая, холодная хватка, остановила Марка.

С губ слетел крик. Он не успел обернуться, как получил удар по голове, после чего свалился с ног.

Все замедлилось.

Кристин, волосы которой развязались, развернулась на крик. Её белые кудри подлетели. По всему коридору разносится визг, а Кристин, спотыкаясь, собралась бежать обратно. Помогла себе руками, упираясь ими о грязный пол, но опять споткнулась.

Я оттолкнулась от стены, бросившись к подруге. Поймала

её, ещё не поднявшуюся, и с силой сжала.

Перед нами Птица вскинул. В воздухе пронесся лязг металла и нож вонзился в грудь Марка. Он лежал на полу под Птицей. Дернулся, застонав, и потянулся к маске, но Птица успел ударить его по рукам, из-за чего Марк ослаб.

– Не надо, – крикнула Кристин, захлебываясь в слезах. Я сдерживала её порывы вырваться, заставляя сидеть на месте, – пожалуйста, молю вас...

Но Птица вытащил нож из плоти и вновь воткнул в грудь Марка. Он вонзает его глубже с каждым ударом. Ноги и руки Марка дергались, а дыхание прерывалось. Птица неотрывно смотрел в глаза жертвы, а тот в его.

Я слышала треск, с которым разрывалась кожа.

Кристин надрывалась, давясь слезами:

– Прекрати... Хватит... Нет! Господи...

Марк захрипел, испутив последние вздохи. И Кристин в отчаянии выронила свой нож.

Звон металла заставил Птицу поднять голову в нашу сторону. Он наклонил её. Его холодный блеск стеклянных глаз пугал. Пробирал до костей, и я кое-что поняла.

Мы следующие.

– Вставай, поднимайся! Давай! Кристин! – засуетилась я, но тело Кристин не поддавалось. Она только содрогалась от рыданий, – Кто-нибудь! На помощь! Люк! Кто-нибудь! Помогите же! – вновь посмотрела на Марка, не веря тому, что происходит, – Кристин! Вставай! О, Боже! Нет! Я не остав-

лю тебя здесь! Кристин, пожалуйста, – мое лицо скорчилось, когда я схватила её за плечо, начав трясти, – Вставай! Мы следующие!

Обернулась на Птицу, что наклонив голову, рос ввысь, поднимаясь. А я задыхалась. В его ногах валялся Марк, лицо которого было наклонено в нашу сторону, а глаза неотрывно смотрят на меня. Словно Джон. Его сердце остановилось.

Упала на колени, рыская руками по полу. Пыталась найти нож Кристин.

Она же больше не реагировала на мои крики, сгребая колени ближе к груди.

Послышался грохот, но я не отвлеклась на него, продолжая кричать и щупать пол.. Все вокруг тускнело. Цвет крови стал ярче на общем фоне. Руки были испачканы кровью. Я кричала, продолжая искать. Я должна защитить нас.

Я нужна Кристин.

Она нужна мне.

Резкий толчок и грубая хватка. Меня подняли с колен...

XVIII. Глава

От лица Люка

2:57

Время шло медленно. С каждым брошенным на часы взглядом я хмурился. Минуты тянулись. Полицейский наряд вошел в здание совсем недавно, но по ощущениям, прошел час. Мои нервы были на пределе.

Ходил из стороны в сторону, оглядываясь на свою же, мать его, машину, но не мог к ней подойти. Люди отца не пустили, попросив не мешаться под ногами.

Моя машина.

Сколько она тут простояла? Как здесь оказалась?

Лязг металла. Задержал дыхание, посмотрев на двери высокого здания, что скрывались в темноте. Они открылись.

Из здания выбежали люди в черной форме. В их руках было крепко сжато оружие и это меня не пугало, но я вздрогнул, шагнув вперед, когда заметил Алекс. Её держали под локти, волоча за собой по гравии. Она кричала, упиралась ногами, надрывала голос так, словно испытывала зверскую боль. С очередным рывком встала на ноги, начав бить полицейского коленками, а тот позвал санитаров, что подпирали дверцы скорой помощи. Они сразу же среагировали, подбежав с аптечкой в руках, но отвлеклись. Из дверей вышел высокий мужчина. Он держал на руках девушку, чьи белые волосы свисали вниз и закрывали лицо.

Алекс закричала сильнее, пытаясь броситься к той девушке, но её грубо одернули.

Я сорвался с места, расталкивая людей в форме. Видел, как руку Алекс вывернули, сильно сжав кожу. Алекс широко раскрыла рот, когда металлическая игла врача проткнула ее кожу. Она захрипела, больше не в силах стоять на ногах. Упала на колени, а её руки медленно выскользнули из хватки офицеров.

– Прекратите! – закричал я, ускорившись, но другие офицеры перехватили меня, словно по приказу, – Алекс!

Алекс свалилась на гравий, не успев подставить ладони, поэтому ударилась виском.

Мои ноги подкосились. Происходящее разрывало меня. Я стал расталкивать офицеров, нанося им удары. Из глаз потекли слезы. Я не мог смотреть, как грубо потянули Алекс вверх, сжав её локти. А мои руки заломили за спину, заставив опуститься на колени.

– Эй! – кто-то перехватил мой подбородок, – Люк! – дернул его, заставив оторвать взгляд от Алекс, – Смотри на меня, сын. Смотри! – рядом мелькнуло лицо отца и расплылось в глазах, – Я разрешу тебе сесть с ней в машину, – указал пальцем в сторону Алекс, на красивом лице которой больше не было эмоций, только прилипшие камешки, – разрешу, если ты возьмешь себя в руки. Согласен?

Сосредоточился на отце, плотно сжав губы. Задышал через нос. По лбу скатился пот. Отец обеспокоено смотрел на меня, но при этом нервно косился в сторону здания.

– Согласен? – переспросил.

Я молча кивнул.

Отец поднял голову, обращаясь к офицерам:

– Отпустить, – голос мощный, жесткий.

Хватка на руках ослабла, и я дернулся, выпрямившись на ногах. Скинул с себя чужие руки. Челюсть плотно сжата, а ноздри широко раздувались от злости. Мышцы напряжены.

– Бери Алекс и садись в патрульную машину, понял? Свою оставь здесь, её потом привезут в участок.

Кивнул.

– Молодец, – отец сжал мое плечо и добавил чуть тише, – а я должен разобраться с погибшими.

От лица Алекс

7:21

В голове не было ни единой мысли. Все стало простым и ничтожным. Пустым. Настолько пустым, что я не находила сил даже шевелить пальцем. Мои мысли стали такими вязкими, а тело расслабленным, что я не могла вспомнить, где нахожусь.

Нарастающий звук голосов заставил меня вернуться в реальность. По мере увеличения громкости, я ощущала зудящее пощипывание на виске и коленях.

Раскрыла глаза, моргая. Все двоилось, поэтому поднесла ладонь к голове, в попытке надавить на глаза, но резкая боль остановила меня.

– Очнулась? – мягкий шепот.

– Я... – во рту пересохло, от чего остановилась на полу слове.

– Дать воды?

Не могла ничего сказать, поэтому слабо кивнула с закрытыми глазами.

Мою спину приподняла, поддерживая затылок, а к губам подставили холодный стакан. Губы потрескались, заставляя

сморщиться, но все равно сделать глотки воды.

– Молодец, – опять шепот. Мое тело опустили обратно, продолжая поддерживать.

Раскрыла глаза, сглатывая:

– Л-люк?

– Привет, – он мягко улыбнулся, заправив прядь за ухо, и прижал к своей груди.

– Что... – прошипела, удивляясь тому, как болело мое горло, – что произошло?

– А что ты помнишь?

– Я помню... – нахмурилась, вспоминая, – Дилан вернулся!

Люк кивнул, в подтверждение моих слов, а я продолжила, сама себе не веря и проживая все словно в первый раз:

– Он подрался с Марком. Ты вступился, и тебя забрали в участок. Но если ты сейчас со мной, то где я?

Наклонила голову, осматривая просторный кабинет. Стол, лампа, огромная карта на стене, в точности как в комнате Люка, но я не там. Сглотнула, подняв на него испуганные глаза:

– Что я делаю в участке?

Голос дрожал, а воспоминания скребли дальний угол сознания, но все еще были далеко от меня. Я смутно помнила последние пару часов, но что-то сдавливало мышцы живота в плохом предчувствии. Еще раз огляделась, и в голове появилась догадка. Кого-то убили.

– Тише, тише, – прошептал Люк, когда я дернулась на его коленях.

Я лежала на нем?

В полицейском участке?

И... я в одной кофте?

Да что произошло?!

– Что ты помнишь ещё? – спросил он, поглаживая мои колени.

– Я не знаю, – сморщилась, не прекращая елозить, – ничего. Ничего не помню!

– Эй! – Люк перехватил мое лицо, восстанавливая зрительный контакт, – Подумай еще. Это важно.

Посмотрела в ясные глаза парня. Он казался уставшим и взволнованным, поэтому кивнула, медленно опускаясь обратно под теплый плед.

– Я помню больницу. Да, точно! Мы пошли поговорить с Марком, но вместо него нашли палату Дилана.

– Он в порядке?

– Дилан? Он был без сознания. Я не знаю.

– Ладно, это позже обсудим, что было дальше?

– Дальше мы с Кристин решили проследить за Марком, – замолкла. Виновато подняла глаза на Люка, кусая большую губу, – и мы взяли твою машину.

Его лицо не изменилось, только взгляд стал печальнее.

– Ты уже знаешь? – спросила я.

Кивнул.

Я вздохнула, обреченно застонав:

– Прости меня.

– Главное, что ты жива. Что ещё помнишь?

– Хорошо, – сплела пальцы, посмотрев на них, – ночью

Марк куда-то собрался и мы поехали за ним. Он привел нас к тому зданию, где мы ждали Птицу неделю назад.

– Да, я понял. Что дальше?

– Мы с Кристин зашли туда, нашли Марка и увидели мужчину... он был, – замерла на половине слова, глаза расширились, – боже, – выдохнула, прикрыв рот, – он был мертв, ему... ему, – в глазах застыла картинка, – его убили.

Люк переплел свои ладони на моей талии, прижав к себе:

– Не плачь, все прошло.

– Ты не понимаешь, – всхлипнула, только сейчас осознав, что слезы давно текли по щекам, – это был не Марк, это был Птица. Мы ошиблись. А он... он убил их. Всех.

– Тише, тише.

– Нет! – вскрикнула, откинув от себя руки. Зрачки бешено заметались по комнате, затем по лицу Люка, и вопрос назрел сам собой, – Г-где Кристин?! – прохрипела, вложив все силы и самообладание в эти слова.

Люк промолчал. Только отвел глаза в сторону.

Мое тело. Оно оцепенело от страха. От накатившей тошноты.

– Чего ты молчишь?! – схватила Люка за футболку, встряхнув, – Что с ней?!

Он посмотрел в глаза, накрывая мои ладони, сжатые в кулаки. Его лицо побледнело:

– Послушай меня, хорошо?

– Где она...

– Я не смог скрыть от отца план Птицы. Им нужна была помощь, не смотря на то, что отец выяснил почти все то, что узнали мы. Единственное, он не мог вычислить точное место следующего убийства. И я решил, что не могу молча смотреть за тем, как он сходит с ума в поисках Птицы.

Растерла слезы, тяжело дыша. Мне было не важно, узнали кто-то о наших догадках.

– Меня взяли, чтобы я показал точное место, но когда мы приехали, то слышали крики из разбитого окна. Я только сейчас понимаю, что они были твоими, – посмотрел на меня, поглаживая спину, – отец приказал следить за мной и с группой захвата отправился внутрь. Я места себе не находил. Потом увидел, как тебя выволокли из здания, а ты кричала и отбивалась.

Мои руки тряслись, а зубы стучали, но я продолжила слушать Люка. О том как он волновался, как переживал за меня, но сейчас... Это было не тем, что мне нужно.

Я потерла лоб пальцами, сжав челюсть:

– Зачем ты говоришь обо мне? Что с Кристин?

– Алекс, – он тяжело вздохнул, – мне жаль...

– Где она? – подбородок задрожал, а я нервно ловила воздух, – Она была жива, когда ваши люди подняли меня с по-

ла, поэтому не тыкай в меня своим жалем, – сама не заметила, как начала шипеть от злости. Люк схватил меня под руки:

– Алекс, на месте преступления нашли несколько тел. Но Кристин среди них нет, её вынесли раньше, чем врачи смогли определить, сколько погибших. Не знаю, что с ней и где она. Но в отделении её точно нет. А последний раз, когда я её видел, она была без сознания. Мне жаль из-за того, что я ничем не могу помочь.

– Она что? Ты же не хочешь сказать, что Кристин, – запнулась, а в глазах застыли крупные слезы, – Нет, это не правда. Она жива, она не оставила бы меня. Мы пообещали в начале года.

От лица Кристин

10:03

На кафельный пол падал луч света, освещая голубое пространство палаты. Рядом пикали приборы, что до этого контролировали мое состояние и извещали врачей. После несчастного случая, когда я сбежала из больницы, ко мне стали относиться настороженнее и проверяли каждый полчаса. Так было и сейчас.

Я сидела на кровати, свесив ноги. Глаза чесались от слез.

Мы их не спасли.

Ни одну из жертв.

Не спасли Марка.

Прикрыла веки, погрузившись в темноту, и в воспоминаниях вспышкой прорезался взгляд: отчаянный, умоляющий

о помощи, не готовый к смерти. Последний взгляд.

– Выдохни, – прошептала себе под нос и нервно перебрала пальцами по коленям.

Стук в дверь вырвал из раздумий. Я напряглась.

Спустя несколько секунд раздался скрип, и в дверном проеме показалась голова матери. Она заглянула в палату, хмуро осматривая её, пока не наткнулась на меня.

– Солнышко, – ласково начала она, с медицинским колпаком на голове, но не зашла в палату, – к тебе посетитель.

Не смогла ничего ответить, ведь голос ослаб, и любое слово могло прорвать плотину тщательно удерживаемых эмоций. А я не хотела показывать их маме. Поэтому просто кивнула.

Мама тепло улыбнулась и тут же скрылась в коридоре, прикрыв двери. За ними раздался голос, и я поняла, что кто бы ко мне не пришел, я не была готова. Не могла смотреть ни на кого, ведь мне так стыдно. Опустила голову, волосы свисли сбоку, ширмой ограждая от внешнего мира.

Скрип.

Двери раскрылись и в палату кто-то вошел. Через мгновение я уловила знакомый аромат.

– Привет, – хриплый голос.

Сглотнула, мысленно сжимаясь. Пальцы вцепились в одеяло, а зрачки заметались по квадратам на полу. Я не ответила, но мое тело выдало меня с потрохами, болезненно сжимаясь в удушающих спазмах.

Очередной скрип и щелчок закрывающейся двери. Мы остались одни. Воздух в легких почему-то закончился, и я сжала края матраса сильнее.

– Не расскажешь, почему ты здесь? – спросил Дилан, после чего послышался шорох больничных тапочек по полу, – Решила стать моей соседкой?

Фыркнула про себя, тут же спрыгнув с кровати, ведь Дилан приближался. Нужно было увеличить расстояние, что удавалось с трудом, ведь палата не отличалась большими просторами. Я обошла кровать, встав спиной к Дилану и лицом к окну. Вздохнула, посмотрев на блеклый свет солнца, что пропускал свои золотые паутинки в палату.

– Сегодня последняя ночь смертей, если судить по рисунку на карте, – продолжил он прямо за моей спиной, как ни в чем не бывало, – Говорят, ты была на месте убийств?

И это добило меня. Плотина дала брешь, и мысли потоком обрушились на меня. Испуг. Молящий взгляд. Последний вздох. Блеск металла.

Подняла глаза, полные слез, на блеклое небо. Сжала ладони в кулаки, до хруста. Зачем Дилан спрашивал о том, что ему итак известно? Весь город стоял на ушах, после очередных смертей, а он... он просто давил на меня.

– Не можешь избавиться от самодеятельности? Вновь спасаешь чьи-то жизни, делая при этом только хуже?

– Да что ты знаешь? – прошептала, растирая и без того красные глаза.

– Всё. Знаю тебя. Знаю, какая ты, – его голос стал тверже, холоднее, – ты эгоистка. Рассчитывала только на себя. Бросилась на Птицу. Пыталась принять удар на себя, но пострадали все, кроме тебя. Знакомая история, не правда ли?

– Не правда.

– Тогда, почему ты выложила видео? – спросил Дилан.

– Я... – раскрыла рот, замерев, нижняя губа затряслась от напряжения. Почему он спрашивает? К чему клонит?

– Что, Кристин?

– Я не знаю, – моргнула, прошептав то, что должна была, –

Выложила и выложила.

Мычание позади. Оно вибрацией коснулось моего тела, пуская по нему волны мурашек.

Очень близко.

Развернулась к Дилану, тут же задержав дыхание.

Он стоял рядом. Близко.

Так близко, что его запах полностью обволакивал, унося разум куда-то в небытие. И если бы я продолжила и дальше вдыхать его аромат, то сошла бы с ума. Нужно было прекратить это. Уйти от Дилана как можно дальше.

Но почему я продолжала стоять на месте?

– Ну, так, – заговорил он тише, наклонившись к моему лицу, – выходит ты эгоистка? На самом деле заботишься только о себе.

Я вздрогнула, чуть не проглотив язык. Глаза Дилана были напротив. Изучали меня. Ждали ответа.

Укусила внутреннюю сторону щеки. Не могла сосредоточиться из-за его близости, она словно оголяла меня. Я чувствовала, что слова о моем «предательстве» готовы выйти с горьким криком на его суд. Я хотела признаться, что действовала только ради его блага. Я хотела доказать, что не эгоистка. Но если бы я это сделала, даже заикнулась бы, единственная поддержка Дилана, его отец, сразу пала в его глазах.

Выходит ты эгоистка?

Один бог знал, сколько сил я вложила в свое молчание.

Сглотнула сухость во рту, отвернувшись и уперев взгляд в стену.

А Дилан молчал. Ждал ответа. Ждал, но я всем нутром ощутила, как его губы медленно расползлись в ухмылке, словно он в чем-то убедился. Теплый воздух коснулся моей щеки. Я растерянно перевела взгляд, чтобы обернуться, но встретилась с испытывающим взглядом О'Коннелла. Он с прищуром оторвал глаза от моего подбородка, как мне показалось, и наклонился ближе. Быстро провел кончиком языка по разбитой губе и расставил руки по обе стороны от меня, упершись ладонями в окно. А я подалась назад, вжимаясь копчиком в подоконник.

– Вот, видишь? – спросил шепотом, обдавая горячим дыханием мой нос.

В животе все скрутилось от напряжения. От близости, которой Дилан пытал меня.

Прекращай, О'Коннелл.

Я с усилием отвела взгляд за его плечи, куда-то в сторону кровати.

Дилан заметил это, вздохнув. Вновь выпрямился, увеличив расстояние, но не убрал руки.

– Мне просто интересно, с твоим потенциалом хоть что-нибудь, из того что ты делала, приносило людям какое-то благо или утешение? Ты делала хоть раз что-то не для себя, Кристин? – замолк, когда я уткнулась в него взглядом.

Не могу объяснить, что именно вызвали во мне слова Дилана, но прозвучали они как вызов. Восприняла их так.

Раньше я никогда не ощущала необходимости наплевать на других людей и сделать что-то для себя. Выбрать себя, а не чувства посторонних. Но сейчас, одного порыва, одного желания было достаточно, чтобы я сделала это. И я сделала.

Но не так уверенно, ведь для меня это было в новинку. Мои движения были скованными и я уверена, что лицо застелила краска, как только я решилась. Как только как-то резко выпрямилась, грубо схватив Дилана за ворот больничной рубашки, и притянула к себе, с силой сжав веки. Поднялась на носочки, чтобы достать, и прижалась к нему всем телом. Я должна была сделать это, иначе никогда бы не избавилась от воспоминаний о Дилане. Они бы продолжали камнем тянуть меня на дно.

Но я сделала только хуже.

Прижалась к его губам, и поняла. Я уже на дне.

Не знала, что делать дальше, ведь это был мой второй по-

целуй, и он происходил фактически насильно для Дилана. Первый был насильно для меня. Удивительно, что я еще могла нормально мыслить.

Но не Дилан.

Он стоял. Не дышал.

Замер так, словно окаменел.

Его тело напряглось.

Я сильнее потянула его за ворот рубашки. Не знала. Понятия не имела, что делать.

Все тело дрожало от неправильности ситуации. Ведь я просто стояла, буквально вжавшись губами в губы Дилана. Оставила поцелуй, вздрогнув от громкого чмока, который получился случайно.

Отстранилась от Дилана, но продолжила сжимать ворот его рубашки.

И да, мне не стало легче.

Стало хуже. В животе теперь не просто все сжималось, но и горело, словно я была легковоспламеняющейся хвоей. Словно по венам бурлила лава. Но ощущения от поцелуя были приятными. Даже очень.

Вот теперь я эгоистка. Да, черт подери!

Я сделала это. Я это хотела.

И я вновь сломалась.

Одно прикосновение разорвало меня.

Руки Дилана соскользнули с окна и опустились на мои плечи. Он сделал большой шаг ко мне и наклонился. Кос-

нулся носом моей щеки. Его губы расслабились, приоткрываясь, и коснулись меня.

С нажимом.

Желанием.

Сильнее, глубже.

Меня обволакивало тепло. Ощущение, словно я терялась в пространстве, и Дилан был единственным, кто мог удержать меня в этом мире. Удержать в сознании.

Я расслабилась, прикрыв глаза. Мои ноги подкосились, но Дилан скользнул руками вдоль спины, обвив мою талию. Сжал её, удерживая меня навесу. От этого я ослабла, а руки оказались прижаты тыльной стороной к моим ключицам. Я больше не держала его воротник. Я растворилась в поцелуе, ничего не контролируя. Это делал Дилан. Он нежно истязал меня. Наклонял голову в бок, касаясь меня по новому, от чего я вспыхивала, сжимая губы. Мычала. Но Дилан с большим напором сжимал меня, с легкостью проникая в рот.

Одной рукой взял мой подбородок, не дав сдвинуться с места или качнуть головой. Был охвачен желанием. Горел, воспаляя и меня. От таких действий я начала задыхаться. Выпрямила ладони, вновь касаясь рубашки Дилана, но не чтобы притянуть. Я попыталась оттолкнуть его.

Испугалась того, что он мог сделать со мной одним прикосновением. Боялась своих чувств и желаний. То, как я пошла на поводу эмоций было разовой акцией.

Дилан прикусил верхнюю, затем нижнюю губу, потянув

её. Провел кончиком языка по каждой. Шумный выдох. Отпрянул. Резко.

Я судорожно вбирала ртом воздух. Мои губы горели, пульсируя, но я не могла дышать через нос. Дилан продолжал держать мой подбородок, но реагировал по-другому. Он не был смущен. Лишь щурился, заглядывая в мои глаза, и его губы растянулись в усмешке.

– Хотела заткнуть мне рот? – ухмыльнулся, – Для этого нужно хотя бы уметь целоваться, Кристин.

И этот едкий голос.

Меня словно окатило ледяной водой. Щеки запылали, тело дрожало, а улыбка, скользнувшая на губах О’Коннелла, заставила устыдиться. Так вот во что он захотел вывернуть наш поцелуй?

Мне стало так стыдно, что я не могло стоять на месте. Резко толкнула его в грудь, выскакивая из его плена.

– Господи, да ты сбегает! – довольный смешок в спину разъедал кожу, но я успела выскочить в коридор. Забежала в уборную. Щелкнула замком, выставив руки вперед. Убежала из собственной палаты. Дыхание сбито.

Приоткрыла рот и коснулась пальцами губ.

От лица Алекс

13:04

В комнате, в которой мы находились, было мрачно. Окна не выходили на улицу, поэтому солнце не могло до нас добраться. Механический свет лампы был слишком тусклым.

Я провела языком по разбитой губе, подняв взгляд на Люка.

Парень сидел как на иголках. Согнулся, уперев локти в ноги. В руках сжимал карандаш, перебирая его между пальцев. С каждой минутой было все заметнее, как Люк нервно покачивался взад-вперед на диване.

Вздохнула, поджимая к себе ноги. Под размеренное бормотание мистера Эвема, хотелось уснуть. Веки налились свинцом, и я даже поддалась желанию, прикрыв глаза, но как только голова начала клониться вниз, встряхнулась. Случайно задела бедро Люка коленкой и виновато улыбнулась, когда он посмотрел в мою сторону. Слишком уставший, слишком загруженный. Смотрел с ожиданием.

– Я случайно, – ответила одними губами.

Люк отвернулся, чтобы вновь загипнотизировать пол взглядом. Улыбка сошла с моих губ и я замкнулась. Не знала, что делать дальше, поэтому скользнула взглядом в сторону шерифа.

Мистер Эвем сидел за рабочим столом. Сутулится, заполняя какие-то бумаги, резкими движениями выводя свою подпись. Чуть выше, на стене, что позади шерифа, висела вполне увесистая карта. В животе словно взорвались урановые бомбы, когда я поняла. На карте, красными шерстяными нитками выведена пентаграмма.

Наклонила голову, всматриваясь.

Точно такая же карта висела в комнате Люка. Мне не мог-

ло показаться, ведь мы с Диланом и Люком клеили её вместе. Неужели Люк передал её отцу и так они нас и нашли?

Взгляд.

Вжалась в спинку дивана, когда поймала на себе вопрошающий взгляд шерифа. На его лбу выступили морщинки. Под глазами большие мешки, говорящие сами за себя. Мистер Эвем не спал больше суток.

Хотела отвести взгляд, но, как оказалось, на меня смотрел не только шериф. Люк убрал карандаш, внимательно наблюдая за моими действиями. Выжигал взглядом висок, и я тяжело сглотнула.

Раскрыла рот, решив спросить:

– Простите, – голос слишком сиплый, поэтому кашлянула, продолжив, – вы что-то спросили?

– Да, – мистер Эвем кивнул, – когда вы ехали за Марком, вы знали, что его побудило поехать на место преступления?

– Н-нет, точнее, не совсем. На тот момент нам казалось все правильным, ведь мы считали, что Марк, он и есть... что он и есть Птица.

– Почему вы решили, что Марк Птица?

И я задержала дыхание. Такой вопрос в лоб. Можно было потеряться во всех причинах, да и сейчас, когда мы узнали правду о Марке, все наши доводы не казались такими серьезными. Они скорее смахивали на домыслы, кроме слов Марка о Джоне и видео доказательстве о причастности Дилана к первой смерти. Но скажи я это шерифу, что стало бы

с Диланом?

– На самом деле, – начала, осекшись под внимательным взглядом шерифа, – доказательств было много. Марк вел себя агрессивно и угрожал не только Кристин, но и Дилану, – сглотнула, на этот раз от пристального взгляда Люка. – Люк вам рассказал, как мы спрятали Кристин, так вот, когда мы увидели машину Марка рядом с домом О’Коннелла в ночь убийства, мы поняли, что он охотится за ней. Тогда, связать Птицу и Марка казалось логичным.

Замолкла, сложив руки в замок и разместив у себя на коленях. Наш разговор по душам перешел в допрос, но если вспомнить, чем закончилось наше молчание, то можно было понять шерифа. Расскажи мы о своих догадках раньше, не погибло бы столько людей.

Мистер Эвем тяжело вздохнул, опустив лицо в ладони.

– Да, видео, – как-то замучено протянул он, резко подняв на Люка уставший взгляд, – нет никакого видео. Марк вас обманул, но не до конца. У него было доказательство, но только ему одно понятное. Как вы знаете или не знаете, он подрабатывал автомехаником. В один из дней, ему попалась машина, с вмятиной на капоте. Не узнать джип Дилана, как вы понимаете, тяжело, – вещал он, а у меня медленно холодело в животе, – через пару дней, узнали о Джоне и тогда, у Марка начал складываться пазл. Сначала, это было просто предположение, но позже, он должен был его подтвердить и сделал это. По всей видимости, он сказал Дилану в лицо о

том, что знает, и, увидев реакцию О'Коннелла, понял, что прав. Но судя по звонкам Марка, связь с убийцей он наладил неделю назад. Скорее всего, Птица узнал о догадках Марка и решил втянуть его в свое дело. Возможно, Марк выдвинул свои условия, либо Птица надавил на только ему известные точки. В любом случае, отношения их начались с партнерства, но что-то пошло не так и Птица решил наказать Марка. Не знаю, что и с кем Марк что-то сотворил, но раньше Птица целенаправленно убивал девушек, а убийство семьи Марка выглядит как наказание. Большого рассказать не могу.

– Мистер Эвем, – прошептала я, растерянно смотря на шерифа, но тот лишь отмахнулся, решив кое-что добавить.

– Я понимаю, почему вы не сказали о Дилане. Но вы не учли одного, я знаю О'Коннелла с его детства и по неосторожности сбить человека он мог, но сотворить весь тот ужас, нет. Мой сын, который неожиданно собрался и уехал в ту же ночь к своему другу, тоже не мог сотворить такого. Я это знаю, Марк не знал.

В комнате повисла тишина. Я сжимала до боли свои колени, не веря тому, что только что услышала. Вся наша игра, вся та ложь, которую мы твердили несколько месяцев не только себе, но и остальным. Наши жертвы, жертвы Кристин. Они все насмарку, ведь вот он, великий и ужасный, сидел напротив нас. Он знал, в чем мы замешаны, и он был обязан, как минимум задержать нас. Моргнула, понимая, что мой левый глаз дернулся. В горле словно собрался огромный ком,

мешая дышать.

Тихий голос Люка нарушил тишину, осев в легких пеплом сгоревшей надежды:

– Прости, – прошептал он, – ты можешь арестовать меня, но остальных...

– Сын, – мистер Эвем не выглядел злым, когда перебил Люка, – ты не понимаешь. Я растил тебя. Я никогда не позволю чему-то плохому случиться. Если бы на тебя завели дело, я бы сжег этот участок до оснований, заткнул бы каждого, кто хотел бы забрать тебя у меня. Я бы сделал все, чтобы спасти тебя. Сохранить свободу, – его голос твердый, уверенный, – никто не узнает о ваших тайнах.

Почувствовала, как мои глаза заслезились, но не подала виду. Люк смотрел на отца. Долго. Пристально. Он не шевелился. Не моргал.

Тяжелый вдох. И тихое:

– Спасибо, – такое искреннее, что я все-таки отвернулась, смахнув ладонью слезы.

Не улыбалась, когда вновь посмотрела на шерифа, но на душе стало спокойнее. Свободнее. Некоторое время мы молчали, занимаясь своими делами, но Люк вскоре не выдержал. Он наклонился вперед, допытываясь:

– Так ты расскажешь, кто на самом деле Птица? Вы его поймали?

– На счет этого, – шериф тяжело выдохнул, отрываясь от бумаг, – ему удалось скрыться, что довольно странно ведь

мы оцепили здание. Скорее всего, он был предупрежден, что за ним выслали отряд.

Последняя фраза не предназначалась нам, скорее мысли вслух.

– Думаешь, у него есть сообщники? – это Люк.

– Ну-у, – протянул шериф, задумавшись, – он использовал Марка, похитив его приемных родителей. Первоначальной его целью был сам парень, я в этом уверен. Никто не поднял тревогу, когда Джанет и Майкл не пришли на работу, ведь Марк позвонил и сообщил, что вся их семья заболела. Скорее всего тогда их и похитили. Птица все продумал, все построил. Плюс ко всему восемь убийств и не одной ошибки... Он очень умен, но я сильно сомневаюсь, что все это он провернул в одиночку. У Птицы есть сообщники.

– Сообщники? – я пораженно раскрыла рот, – Но кто?

Пальцы шерифа поползли в густую шевелюру, а губы вытянулись в тонкую линию:

– Не важно.

Мистер Эвем резко поднялся, упираясь руками в стол, и, осмотрев нас, направился к выходу, словно что-то вспомнил. Неожиданно остановился, оборачиваясь.

– Алекс, скоро приедет твоя мама. Собирайся.

Я молча кивнула, после шериф закрыл двери с другой стороны.

17:57

– Заперли в комнате и пообещали выпороть, – я закрыла

шторы, после чего вся комната погрузилась во мрак. Села на кровать, уставившись в стену, на которой висела фотография. На ней я, мой отец и мама.

Воспоминания пролетели перед глазами. Два года назад. Летний день. Утреннее кофе. Неожиданный приступ. Посиневшее лицо отца. Его удушающие спазмы. Взмах рукой. Разбитая кружка. Липкий напиток на полу. Белые осколки. Звон сирены. Хрип. Мой крик. Рыдания мамы. Одиночество. Глоток алкоголя. Горький вкус, оседающий на языке. Просьба сесть на стул. Мама рассказала новость. Папа умер в больнице.

– Зная твою маму, тебя выпустят на следующий день, – прохрипела Кристин на другой стороне экрана.

Я отмерла, тут же заморгав. С каждым воспоминанием, дрожь проходила под кожей. Ощущалась каждой клеточкой.

Я тяжело выдохнула и легла на подушку. В нос ударил аромат одеколona. Я нахмурилась, взяв край рубашки, и поднесла к лицу: пахло Люком. Повернулась на бок, прикрыв глаза.

– Кристин?

Мычание в ответ.

– Я хочу жить.

– Все закончилось и ты жива.

– Нет, – раскрыла глаза, потирая лоб, – ты не поняла. Я хочу жить в окружение родных мне людей. Радоваться, любить, дружить. Я уже потеряла отца, и я не хочу, чувствовать всю ту боль снова.

– Это было ужасно, но ты держалась, – вспомнила подруга.

– Я не хочу терять остальных. Я жива, пока живы мои близкие. Когда Люк сказал, что тебя нет, я подумала: «Неужели еще один человек забрал часть моей жизни?».

– Я жива и все твои близкие тоже.

Посмотрела в потолок, грустно улыбнувшись:

– Откуда мы можем знать, кто и когда заберет мою жизнь в следующий раз? А если с его уходом уйду и вся я? – тяжело выдохнула, ощущая спазмы в животе, – Просто прошу, постарайся не умереть.

От Автора

Прошло четыре дня с момента гибели Марка и его семьи. Алекс и Кристин впервые после недавних событий должны были появиться в школе. Они шли по школьному коридору, бурно что-то обсуждая:

– Ты уверена, что они не соврали? – это Алекс.

– Уверена, еще одна драка и Дилана, не смотря на влияние его отца, исключат.

– Надеюсь их больше не будет, – Алекс поправила спадающую лямку сумки и нахмурилась, – а что с тем парнем, который помогал бить Дилана?

– Он выплатил штраф, и его выпустили из участка. Заявление же никто не подавал, – с сожалением заметила Кристин.

Девушки завернули за угол и в паре метрах заметили того самого парня. Они остановились.

– Как говорится, вспомнишь солнышко, вот и лучик, – прошипела Кристин, наклонившись ближе к подруге, чтобы услышала только она. Но этому было не суждено случиться.

Появление Алекс и Кристин также не осталось незамеченным. Эмили одернула Тайлера за рукав и кивнула в сторону подруг. Внушительная по размерам компания повернулась, следуя за взглядом своего лидера.

Не прошло и минуты, как все они двинулась в сторону девушек. Перед ними расступались, бросая растерянные и испуганные взгляды. Алекс нервно сжала надоедливую лямку, когда Тайлер подошел ближе, остановившись напротив.

– Привет, – поздоровался он, поправив свой хвостик, и тут же протянув ладонь девушкам, – я Тайлер.

– Хорошо тебя разукрасили, – спокойно заметила Кристин.

Все устремили взгляды на Кристин, напрягаясь. Она вела себя спокойно, не уделив внимание ни взглядам, ни вытянутой руке.

Тайлер улыбнулся, сжав пальцы в кулак, и опустил руку. Более злорадная улыбка озарила его лицо:

– Как я знаю, Дилану сейчас не лучше. Учитывая, сколько раз я его ударил, он должен выглядеть как конченная раскраска.

Алекс прикрыла глаза, вбирая воздух через нос. Всем нужно успокоиться, иначе ни к чему хорошему это не приведет. Только Кристин это отказывалась понимать.

Она сощурилась, процедив с вызовом:

– Лучше держи язык за зубами, пока они есть.

Коридор залился смехом. Веселились не только друзья Тайлера, но и несколько случайных зрителей, все больше подтягивающихся к происходящему зрелищу. Они медленно окружали, словно акулы, ожидая продолжения.

– Ты забавная, – Тайлер театрально вытер слезы, вмиг убрав усмешку с лица, – но мы тут по делу.

– Какому? – оживилась Алекс.

– Есть люди, считающие, что вы убийцы. Они боятся вас. Мы здесь, чтобы выяснить правду.

Алекс возмущенно раскрыла рот, поглядывая на Кристин:

– Мы? С чего они взяли?

– Вы были рядом с Марком в момент его смерти, но даже не пришли на похороны, – Тайлер сложил руки за спиной и медленно зашел за спину Алекс, – Почему?

– Потому что убийцы! – выкрикнули из толпы.

– Нет-нет, – Алекс вздрогнула, закачав головой, – это не мы. Убийца нас самих терроризировал.

– Значит это ваши парни, – сделал вывод Тайлер, задев плечом Кристин, что мрачно косилась на него, – точно, они то посильнее будут.

Кристин резко развернулась, шагнув к Тайлеру вплотную, и прожгла его взглядом. Тот остановился, внимательно посмотрев на нее сверху вниз.

– Если это они, – прошипела Кристин, хрустнув пальца-

ми, – то я советую тебе спрятаться и начать бояться.

Тайлер проглотил ком в горле, но не подал виду.

– Правда? – шагнул он с вызовом к Кристин, – Так же как поступила ты, когда Марк захлебывался в собственной крови?

Внутри Кристин что-то оборвалось. Она сильно сжала губы, не дав тем дрожать, когда обида подкатила к глотке. Глаза загорелись, в носу колело.

Она не должна плакать при людях.

Победная ухмылка появилась на лице Тайлера, ведь он угадал, куда нужно надавить. Сделал шаг назад, желая развернуться к остальным. Показать, что он куда сильнее, но замер.

Выражение его лица тут же изменилось.

Моментально.

Взгляд уже не был таким острым и наглым, способным пронзить сознание.

Кристин, что с большим усилием пыталась сдержать воспоминания, последовала за взглядом Тайлера.

Её губы все же задрожали.

Ведь Дилан смотрел.

Он видел.

И его взгляд куда мощнее действовал на сознание, уничтожая все. Абсолютно.

Ломал её.

Дилан. Он стоял совсем близко.

О'Коннел быстро перевел взгляд на Тайлера, который, казалось, пустил смешок, бегло взглянув на застывшую Эмили. Тайлер, вновь посмотрел на Дилана:

– А мы как раз о вас говорили, парни. Дилан, а эти следы от пальцев на её лице, – указал на Кристин, которой что-то шептала Алекс, но та стояла на месте, совершенно не двигаясь, – их ты оставил? Неужели она сосать не хотела?

Один кивок в её сторону.

Одна секунда.

Один удар.

Тайлер схватился за живот, тут же согнувшись. Вложил все силы, чтобы устоять на ногах.

Кристин скинула руки Алекс, резко встряхнув плечом. Не стала, тут же бросившись на Дилана и крепко обвив его шею руками. Он замер, под таким напором. Не смог вздохнуть, ведь Кристин с силой прижалась к нему всем телом, буквально повиснув. Дилан все еще держал руку поднятой, но больше не сжимал кулак. Он был растерян. Моргнул, не веря собственным ощущениям. Опустил взгляд на Кристин, что упорно сжимала его шею, мешая двигаться. Дышала в его. Обжигала дыханием, что-то шепча.

Вдыхни.

Кристин чувствовала, как вибрировала грудь Дилана. Как колотилось его сердце.

Вдыхни, вдыхни Дилан.

Она прикрыла глаза, касаясь носом теплой щеки. Потер-

лась, как кошка, ощутив жар О'Коннелла.

Тайлер выпрямился, с яростью посмотрев на Дилана, но замер.

Дилан нехотя опустил руку, больше не сжимая кулаки.

Продолжил дышать.

Тяжело.

Сбивчиво.

К Тайлеру, откуда не возьмись, подскочил Люк, преграждая дорогу. Он увидел это только сейчас, подоспев на помощь Дилану, но замер. Посмотрел на повисшую на Дилане Кристин и потерялся, в точности, как и все окружающие.

С прошлого года все знали, что Дилан её ненавидит.

Все смотрели.

Ждали, что оттолкнет.

По коридору пронесся звон.

Кристин не среагировала, лишь сильнее прижавшись к Дилану. Потерлась щекой об его влажную шею. Дышала с ним в такт.

Выдохни, выдохни, выдохни, выдохни.

И Дилан не моргал. В нем медленно вскипала необъяснимая агрессия. Он хотел накричать на Кристин, наругаться, чтобы больше не лезла в неприятности, не заставляла его переживать. Вследствие болезни все его чувства концентрируются и превращаются в ярость. Поэтому он широко раскрыл глаза и оторвал от себя руки Кристин, чтобы откинуть её:

– Как ты... – запнулся, чуть не проглотив язык. Кристин,

с нескрываемым раздражением, начала скалить зубы. Тут же толкнула Дилана в ближайшую стену, впечатывая в холодную поверхность спиной. Дилан ударился затылком, удивившись силе Кристин. Она подскочила, подняв ладони на грудь О'Коннелла, и придавила её.

Все широко раскрыли рот.

Дилан выдохнул через нос, сжал челюсть. Зубы стиснуты. Он коснулся затылком холодной стены и поднял голову, устремив взгляд в потолок. Все его тело было напряжено, а ноздри с каждым выдохом расширялись, не сдерживая, пропитанное злобой дыхание.

Тайлер смотрел. Больше не сжимал пальцы, опустив руки. Он не верил, что в этого кретина была влюблена Эмили. А Эмили стояла рядом, обиженно насупив брови, и наблюдала за Диланом. Черт возьми, она так надеялась, что прошлая драка была за ее сердце и Дилан, наконец-то, выбрал её. Но сейчас, она увидела их связь, почувствовала её. Эмили желала такого же с Диланом. Тайлер видел это, поэтому скривил лицо и, сдерживая злость, скрылся в кабинете. За ним медленно разошлись и остальные, оглядываясь.

В коридоре остались только Алекс с Люком, наблюдая.

Кристин тяжело дышала. Прижалась всем телом к Дилану. Голову опустила ему на плечо, больше не сдавливая грудь. Опустила руки вдоль тела, нащупав холодные пальцы Дилана. Они дрожали. Сам Дилан дрожал от напряжения. Был покрыт холодным потом. Со лба Кристин так же стекали капли

пота.

Они не смотрели друг на друга. Дилан ощутил скачущее в висках давление, когда Кристин выдохнула ему в шею, прикрыв глаза.

Кристин хотела спасти его. Поглотить его боль, его злость. Забрать все эмоции, оставив спокойствие. Она хотела помочь справиться с этой эмоциональной мясорубкой.

Она хотела стать частью Дилана.

Кристин подняла руки, скользя по плечам О'Коннелла. Коснулась мокрой шеи. Дилан нервно постукивал костяшками пальцев по стене. Хотел рухнуть. Прямо сейчас упасть на землю и не шевелиться. Уснуть, чтобы восстановить рваное дыхание.

У него болело сердце. И это не потому, что в венах до сих пор бурлила злость. Нет. Все дело в Кристин. Его сердце разрывалось, бешено стуча только из-за близости Кристин. А она надавила на плечи Дилана. Заставила сползти по стене, опустившись пятой точкой на пол. Сесть на холодный кафель, вытянув ноги. И он сделал это. Поднял руки, надавив на влажные веки, после чего вытер лицо от пота.

После больницы, это было первой встречей с Кристин.

А каждая встреча – сильная эмоциональная встряска.

Кристин опустилась с боку. Оперлась спиной на стену, теребя край своего свитера.

Алекс же взяла Люка под руку, получив в ответ недоуменный взгляд. Попыталась увести Люка.

– Но... – он указал в сторону Дилана, не найдя слов. Потерялся в произошедшем. Все также не доверял Кристин. Верил, что ей не доверяет и Дилан.

Алекс отрицательно качнула, прошептав одними губами:
– Пошли.

Она все поняла. Всегда понимала и надеялась, что они сойдутся. Надежда – единственное оружие Алекс. Она много чего пережила, но осталась навсегда той, что будет радоваться счастью её друзей. Навсегда.

В коридоре стало пусто.

Дилан напряженно сжал дрожащие пальцы и перевел взгляд на Кристин.

Без холода и отвержения.

Но такой же злой и уставший.

А Кристин смотрела без страха, как и год назад. Повернула голову, посмотрев на Дилана светлым, открытым, но взволнованным взглядом.

Они сидели близко. Очень близко, соприкасаясь плечами.

И Дилан не мог не хмуриться. Не мог сдержаться, все-таки опустив взгляд на влажные губы. В животе Кристин тут же что-то сжалось, отдавшись в теле приятной вибрацией.

Она смотрела в его глаза, он на её губы.

Губы Кристин шевельнулись, в попытке что-то сказать, но голоса не было. Дилан не оставил это без внимания, незаметно облизав свои губы. Поднял на Кристин темные глаза, позволяя той утонуть в них. Её кожа покрылась мурашками,

от каждого движения Дилана. Он медленно потянулся в её сторону, наклонив голову. Его взгляд метался с губ на глаза Кристин. Он будто спрашивал её.

Кристин вздрогнула, когда Дилан аккуратно коснулся кончиком носа её щеки, тут же проглотив томный выдох с её губ. Они прикрыли глаза, отдавшись ощущениям.

Касание. Аккуратное. Легкое, не как в прошлый раз. Дилан больше не впивался с грубостью в её губы.

Он накрывает её губы своими, оставляя нежный поцелуй. Горячий, но сдержанный. Медленно отстранился, после чего поднял глаза, чтобы увидеть реакцию. Ресницы Кристин трепетали, а губы оставались приоткрытыми. Сознание уже помутнело.

Дилан скользнул рукой по шее Кристин и притянул к себе. Поцеловал, сминая её губы. Более настойчиво. А Кристин не знала, как отвечать, но и не думала над этим, полностью отдавшись чувствам.

Она шире приоткрыла рот, позволив Дилану целовать так, как хотел он. Каждое его действие отдавалось приятными пульсациями внизу живота.

Воздух заканчивался и Дилан на секунду отстранился, испытав настоящий жар, вдохнул и тут же накрыл влажные губы Кристин, вновь сминая их. Испытывал настолько сильную зависимость, что даже не думал, что Кристин возможно нужна передышка.

Но Кристин сама не могла оторваться. Она глубоко ды-

шала через нос, сжимая ладонью локоть О'Коннелла. Он целовал её так, словно давно этого хотел. Жадно, сильно, глубоко. Но воздух заканчивался, и Кристин не могла сдержать кашель. Дилан тут же отстранился, прислонившись щекой к влажному лбу девушки. Прикрыл глаза, дыша так же тяжело, как и Кристин. Она судорожно хватала воздух, провалившись в крепкие объятия Дилана. Его ладонь опустилась ей на бедро. Руки пытались поддержать её.

Коридор заполнился тяжелым дыханием.

XIX. Глава

От лица Алекс

2 дня спустя

15:37

Машина Люка мерно двигалась по дороге, пока я набирала сообщение. Буквы преобразовывались в слова, высвечиваясь на экране, и вскоре я отправила текст Кристин.

Убрала телефон в задний карман, немного привстав на кресле, после подняла взгляд на дорогу. Мы медленно выехали за пределы города, двигаясь вдоль главной трассы. Вокруг были голые деревья. Перед дорогой пронесся вихрь желтых листьев, сгоняя за собой и мусор. Скользнула за ним взглядом, обернувшись. Листья поднялись в воздух позади машины, покинув меня. Какое-то странное чувство обреченности карябало грудь.

– Хочешь, отдам?

Вздрогнула, тут же повернувшись лицом к водителю. Больше не сжимала спинку кресла, усаживаясь удобнее.

– Что отдашь?

Люк мельком кивнул, указав на свитер, который я взяла из его шкафа и присвоила себе.

– А-а, – протянула, улыбаясь, – конечно хочу. Он мягкий и теплый, – провела ладонью по плечу, убеждаясь в этом.

Люк улыбнулся, наблюдая краем глаза за моими движениями. А я продолжила гладить свитер, медленно хмурясь.

– Знаешь, – произнесла, задумавшись, – это странно. За два года отношений, у меня не было ни одной твоей вещи. Свитер появился только сейчас.

– Не вижу ничего странного. Если бы ты попросила раньше, весь мой гардероб был бы в твоём распоряжении.

Прикусила губу, перебив Люка:

– Ты не понял. У меня твой свитер появился только сейчас, а у Кристин футболка Дилана уже как месяц есть.

Люк встретился со мной хмурым взглядом, и сильнее сжал руль автомобиля.

– Что не так? – спросила.

– Ничего, – качнул головой, – просто мне не нравится твоя формулировка. Тебя послушать, так сразу подумаешь, что Кристин и Дилан вместе. Словно они пара.

– Но они и есть пара. Точно ей станут.

Визг колес.

Машина резко свернула, от чего я ахнула, схватившись

руками за сидение. Меня тянуло в бок, но через секунду тело качнулось, повалившись в другую сторону. Моргнула, вжимаясь в спинку кресла с приоткрытым ртом. Люк затормозил у бревенчатого дома. Не смотря в мою сторону, достал ключи и приглушил машину.

– Что это было?

– Поворот, – пожал плечами Люк и вышел из машины.

Дверца закрылась.

Мысленно закатила глаза, потому что так происходило каждый раз, когда я заикалась о Кристин. За последнее время его отношение к моей подруге стало только хуже. И даже знай, в чем причина, никак не смогла бы воздействовать на неё. Ведь я не могла нарушать клятву и разглашать наши секреты.

Отцепила ремень безопасности и вышла на улицу, хлопнув дверцей. Нашла глазами Люка в руках которого уже находилось два пакета.

От лица Люка

20:34

Гостиная была свободной и уютной. Мы лежали на уже знакомых диванчиках, наблюдая за полыханием огня в камине. Слушали треск горящих бревен. По комнате разносился сладкий запах сосен. Он закрадывался все глубже в легкие, дурманил разум. Глаза закрывались сами по себе. В этом приглушенном свете мы сидели несколько часов, до тех пор, пока не нашли коньяк.

Комната вновь разразилась громким смехом. Весело было всем, но у многих уже поплыло сознание. На заднем фоне продолжали щебетать девушки, что-то хитро обсуждая, пока тарелка не опустела. Алекс с печалью посмотрела на дно, тут же поднимая мутные глазки на меня:

– Чипсы, – произнесла, словно факт, на что я кивнул, повторяя:

– Чипсы.

Алекс как-то нелепо убрала выпадающую на лоб прядь волос, после чего продолжила.

– Они закончились, – сказала и тут же подняла тарелку выше, переворачивая. Рядом пискнула Кристин, пытаюсь поймать в раскрытые ладони крошки. Большинство упало на ковер. Кристин что-то протянула и принялась тут же их собирать.

– Я хочу ещё, – заявила Алекс, поджав ноги ближе к себе.

– Я не пойду, – ответил, поднося стеклянное горлышко ближе к губам. Прильнул, прикрывая глаза и запрокидывая голову. Горечь обожгла горло, стекая ниже. Я проглотил и вытирал рот тыльной стороной ладони, открыв глаза. Алекс продолжала сидеть, гипнотизируя меня взглядом, рядом с ней ползала Кристин и в голове неожиданно все сошлось.

– Знаешь, ты можешь попросить Кристин, – начал я, но заметил резкий взгляд Дилана. Он сидел на кресле, почти не выпивая, – она единственная из нас не пила. Думаю с такой легкой задачей точно справится, это же не рушить кому-то

жизнь, – процедил сквозь зубы.

Знал, что буду жалеть, но сейчас, я хотел сказать ей все в лицо. Напомнить, что то она когда-то сломала судьбу моего друга и не могла сейчас просто так вешаться ему на шею.

– Люк, – это Дилан. Его голос был больше похож на шипение, но мне плевать.

Я взглянул на потерянное лицо Алекс. Она смотрела на подругу, и в глазах её плескалось сожаление. Кристин так и замерла, склонившись над паласом. Медленно подняла голову, сталкиваясь со мной взглядами. И я попытался прожечь в ней дыру, но её легкая улыбка порушила все старания.

Кристин растянула губы, поджав их. Посмотрела на меня, затем на Алекс. Та хотела что-то сказать, но Кристин накрыла её ладонь своей и поднялась на ноги. В свободной руке сжимала крошки и пустую тарелку. Аккуратно протиснулась между диваном и вышла из комнаты.

В комнате повисла тишина, заполняющаяся шелестом и тихим треском камина.

– Что это было? – голос Дилана был тяжелый, он осуждал меня.

Прикрыл глаза, сжав ладони, но все-таки посмотрел в сторону О’Коннелла, встречаясь с его потемневшими глазами. Все его мышцы напряжены. Челюсть сжата. Он был зол, но пытался сдержаться.

– Слушай, – понизил голос, чтобы никто кроме друга не услышал, – вы ведь с Кристин не вместе?

Лицо Дилана лизнул теплый свет от огня в камине, но даже так, я заметил холод, с которым он медленно наклонился ко мне. Сжал в руке стеклянную бутылку и, сузив глаза, произнес:

– Я не знаю.

– Чувак, что ты не знаешь? Она сломала твою жизнь и после этого ты еще в чем-то можешь сомневаться?

– В этом то и дело. Это была не Кристин.

Усмехнулся:

– Конечно она.

– Нет, – Дилан качнул головой, удобнее располагаясь на ковре. Запрокинул голову на диван, тяжело вздохнув, – в том то все и дело.

Зрачки забегали по лицу друга. Он не смеялся, а значит, не шутил. И тогда моя улыбка пропала. Что-то нервно защекотало в животе, заставив передёрнуть плечами. Отставил бутылку, тут же накрыв руками влажное от пота лицо. Сидел так какое-то время, пока главный вопрос не созрел в опьяневшем сознании.

– Кто это сделал? – спросил, с замиранием ожидая ответа.

– Отец.

Челюсть невольно отвисла.

Я так возненавидел Кристин. Она вечно пыталась приблизиться к Дилану, а я всеми силами мешал этому, но когда мне нужна была помощь с Алекс. Она всегда оказывала мне её и тогда... да, тогда я думал, что так Кристин пытается за-

гладить свою вину, но никакой вины не было. Я откровенно издевался над ней, и все это просто так. Оказывается, что то я – плохой.

Оказывается.

– О-о, Кристин, – это Алекс. Она воскликнула, вытянув руки к подруге.

Я поднял глаза. В дверном проеме, с огромной прозрачной миской переполненной чипсами, стояла Кристин.

Оказывается, я был не прав.

Поднялся с пола, оставив бутылку еще дальше, чтобы случайно не задеть и не пролить содержимое. Выпрямился, заставив Кристин замереть на месте.

– Кристин, – начал, а она готовилась к удару, – можно с тобой поговорить?

[...]

Время проходило. Мы молчали. Я не знал с чего начать, а Кристин нервно теребила заусенец. Не смотрела на меня.

– Знаешь, – начал, и Кристин дернулась, случайно оторвав заусенец. Тут же сжала палец, пытаясь не подать виду, что ей больно, – будь аккуратнее.

Она кивнула, все-таки посмотрев на меня. Я вздохнул, разводя руками:

– Прости меня, ладно? Прости. Я не должен был вести себя как скотина. Тем более по отношению к тебе, ведь ты, никогда не вела себя так со мной. И сейчас, когда вся эта история с Птицей закончена, и мы отмечаем этот день осво-

бождения, мне не хочется больше обижать тебя. Я считал тебя виноватой, но оказался не прав, – голос стал тише, когда произнес решающее слово. – Простишь?

Посмотрел в глаза, ожидая истерики или оскорблений в свою сторону, ведь я этого заслужил, но Кристин лишь слабо улыбнулась. Наклонилась над столом, вытянув ко мне мизинец.

– Так-то лучше, – улыбнулась, жестом заставив меня протянуть мизинец. Обхватила его своим пальцем, все также улыбаясь, – ты тоже прости. Я обвиняла тебя в убийствах и угнала твою машину.

Промолчал, смотря на Кристин с удивлением. Она вздохнула, видимо посчитав, что то равный обмен вины:

– Ну что, мир?

Кивнул, после чего прошел странный обряд, где Кристин взмахивала нашими руками, словно в детстве. Шептала: «мирись, мирись и больше не дерись», после чего отпустила мою руку. И в голове мой созрел план, как же исправить мое поведение и воссоединит разлученных голубков.

От лица Дилана

23:10

Закрыв дверь спальни, развернувшись к девушке. Она на слабых ногах шла по комнате, останавливаясь. Кто бы мог подумать, что Люк способен уломать всегда трезвую Кристин выпить один стаканчик. Водки.

– Мне жарко, – захныкала Кристин, дрожащими пальчи-

ками снимая с себя свитер. С отвращением потянула его за края, после чего плюхнулась на край кровати.

– Что ты делаешь? – спросил, но не отвел взгляд. Она настолько пьяна?

Кристин что-то промычала, на этот раз, стягивая с себя майку. Раскрыла рот шире, чтобы дышать прохладным воздухом и прикрыла глаза, покачиваясь в сидящем положении:

– Здесь душно, а я, кажется, пролила что-то на одежду, – отбросила майку на пол и упала на кровать спиной.

Я тяжело сглотнул, продолжив смотреть на Кристин. Действительно прилагал все усилия, чтобы смотреть только на лицо. Насильно заставлял себя не смотреть ниже.

Боже, зачем она это творила?

Чем думала?

Или.

Стоп.

Она ведь не думала.

Да и я её, не особо останавливал, верно?

Медленно скользнул взглядом ниже, к шее, затем к ключицам и после... к простому черному лифчику. Она размерено дышала, от чего грудь вздымалась, и это заставило меня проглотить сухость во рту, ведь в горле встал ком.

Кристин печально вздохнула, мутными глазами посмотрев в потолок:

– Все равно душно, – после этого она потянула руку ниже, нащупывая ширинку джинс и я, не зная почему, подорвался

с места, практически подбежав к другой стене. Не смотрел на Кристин, но руки тряслись, когда открыл шкаф, пытаясь сосредоточиться. Не знал, что взять, поэтому вытащил серую футболку. Повернулся лицом к девушке, задержав взгляд на оголенных коленках, пока Кристин стаскивала с себя джинсы. Пальцы сильнее сжали ткань футболки. Больше не ждал. Кинул ей на кровать одежду, тут же отводя глаза.

Кристин как-то заторможено подняла футболку, упавшую на коленки, и замерла. Посмотрела, сжав её в руках, после чего нахмурилась, заморгав:

– Алекс спит с Люком на диване? – её язык заплетался, от чего речь была неразборчивой.

– Да. А теперь надень футболку, – попросил. Подошел ближе, наклонившись, и подобрал с пола свитер и джинсы. Положил их на стул, после обернулся к Кристин. Сложил руки на груди, наблюдая за тем, как она ерзала на кровати. Пыталась пролезть головой в рукав, барахтаясь.

Это выглядело забавно.

Кристин еле натянула на себя футболку. Опустила руки, находя для себя опору. Прикрыла глаза, размеренно качаясь на кровати.

Словил себя на том, что рассматриваю оголенные колени. Было бы правильным, дать Кристин штаны.

Было бы правильным, но я...

Я не сделал этого, так?

Кристин вздохнула, когда в очередной раз свалилась спи-

ной на кровать. Раскрыла глаза, но, убедившись, что все хорошо, вновь закрыла.

Медленно подошел к кровати, скользя по оголенной коже взглядом. Задержался на бедрах. Сглотнул, когда Кристин потянулась, зевая. Футболка приподнялась, но то, что произошло дальше, заставило напрячься. Она перевернулась на живот, подтягивая тело выше, и легла на подушку.

Шумно выдохнул через нос, заставив себя поднять взгляд. И я стоял так, смотря на её волосы. Долго. Молча.

Шорох. Кристин подняла голову, наклоняясь. Посмотрела на меня. Также. Молча. Нахмурился, решая спросить о её чувствах, ведь это то, что не давало мне уснуть по ночам. Убирал руки с груди и подошел к кровати, опустившись на край. Прислонился к спинке кровати и посмотрел на лежащую рядом Кристин. Она в ответ прикрыла глаза.

Только посмей уснуть.

– Что ты чувствуешь ко мне? – мой голос слаб, но я всеми силами пытаюсь сдержать дрожь.

– Чувства – она пустила смешок, а у глаз прорезались мимические морщинки, — чувствую чувства.

Я выгнул брови. Неужели алкоголь разбудил в ней чувство юмора?

Поднял руку, взъерошив волосы, ведь мне нужно было куда-то деть себя, когда я задал следующий вопрос:

– Зачем ты выложила видео?

– Захотела, – ответил на выдохе.

– Может, это сделала не ты? – предположил.

Кристин как-то резко открыла глаза, посмотрев на меня. Перевернулась на спину, подтянувшись ближе на кровати, и села рядом со мной. Ноги поджала, неожиданно громко ударив ладонями по оголенной коже:

– Я. Все сделала я. Кроме поцелуя. Этого хотел ты.

– Ты пьяна, ты не можешь знать хотел я этого или нет, – отвел взгляд.

– А я знаю, – обиженно заворчала.

– Ты ошибаешься, – ответил ей как-то грубо. Неужели я действительно заставляю поверить Кристин в обратное? Да. Даже если я хотел её поцеловать с самой первой встречи, ей не обязательно было знать об этом.

Кристин смотрела в потолок, вздохнув:

– Все равно душно, – коснулась пальцами своего лба, прикрыв глаза, – Голова болит.

Я нахмурился.

– Уже? Кристин, тебе точно нельзя пить, раз твое тело так реагирует.

Копчик начал ныть, поэтому сполз ниже, ложась подобно девушке не подушку. Выпрямился, подняв ноги на кровать. Продолжил смотреть на Кристин. Она кусала губу, опустив глаза. Взяла в руки ткань моей футболки. Потерла её пальцами, и я замер, когда она подняла ткань к лицу. Прикрыла глаза, приплюхиваясь.

Прищурился, отводя взгляд от оголенного тела, и дей-

ствительно с трудом выдавил из себя:

– Просто скажи мне, что ты одна из тех, кто нюхает бензин и клей. Ты токсикоман?

Кристин нехотя открыла глаза, прошептав:

– На ней твой запах.

– Это уже не моя проблема. Сама начала раздеваться, поэтому либо спи в футболке, либо в белье, но тогда я буду в другой комнате, – проворчал я. Это было настоящей пыткой. Кристин моргнула, отвернувшись. Растянула ткань футболки, вновь прикрывая тело и, в частности, бедра. Переплела пальцы в замок и положила их на живот. Взгляд её был какой-то слишком задумчивый для нетрезвого человека.

– Мне нужно идти к Алекс, – прошептала, обреченно вздохнув. Я нахмурился, повернув к ней голову. Наблюдал за тем, как она пыталась выдернуть себя из сна, и у нее это не выходило. Она прикрыла глаза, – я не хочу спать с тобой, – сказала, с трудом повернувшись на бок. Лицом ко мне.

– Почему? – спросил, а низ живота предательски заныл. Неприятно, словно у меня были приступы тошноты и изжоги одновременно.

– Я не хочу надоедать тебе. Ты опять будешь называть меня эгоисткой. Накричишь, – она говорила настолько тихо, что под конец пришлось и вовсе читать по губам. И я не знал, что сказать. Молчал, медленно переведя взгляд на стену. Кристин продолжила издеваться над тканью моей футболки.

Закатил глаза, тяжело, действительно тяжело выдыхая.

– Ты мне не надоедаешь, – прошептал, и дальше, несколько раз запнулся, прежде чем произнести, – и ты не эгоистка. Никогда не была ей.

Глаза Кристин задвигались, под прикрытыми веками. Она нахмурилась, а я замер в ожидании, настолько томительном, что меня покинули все силы.

– Но ты всегда кричишь на меня.

Я промолчал, ведь не кричал на неё так часто. Или кричал?

Да она всегда раздражала меня своей улыбкой. Я мог просто взглянуть на Кристин, и мне уже хотелось придушить её. Чертова счастливица. Это бесило. Она улыбалась, даже когда никто вокруг не разделял её чувств. Стоило оказаться рядом с её счастьем, как меня выворачивало. Неприятно. Я хотел подавить её. Пытался хоть как-то задеть. И поэтому остался в школе, после того как видео оказалось в интернете.

Чтобы разрушить твою жизнь.

Но ты лежишь в моей кровати.

Я хотел стереть твою улыбку.

Но ты уже прикрыла глаза, пробираясь ладонями под подушку.

Хотел причинить тебе боль, ведь ты была первой, кому я доверился.

Но ты уже заснула, так и не дождавшись моего ответа.

Я хотел уничтожить тебя.

Перевернулся на бок, подбираясь ближе к лицу Кристин. Лег напротив нее, слыша тихое сопение.

«Я люблю тебя, Дилан»

Сознание сходило с ума, издеваясь надо мной, в то время как она спала. Кристин была уже не здесь.

И я злился. Так происходило всегда. Мне было плохо, а она улыбалась, с восхищением рассказывая Алекс очередной вещий сон. Я умирал раз за разом, а она смеялась, когда кто-то рядом с неё пускал ни хрена не смешную шутку. Я смотрел на неё и изводил себя. Кристин легко было заставить смеяться. Она смеялась из-за пустяков и это так злило. Мы такие разные, что у меня сводило челюсть, а она тихо сопела напротив меня.

Рассудок затмевала ненависть. Она разъедала внутренности, выводя на поверхность плохие мысли. Кристин вообразила себя маленькой героиней и забрала вину моего отца. А я поверил в это. Ненавижу себя за это. Ненавижу, что усомнился в той, к которой что-то чувствовал.

Да, у меня были к ней чувства. Всегда.

Наклонился, пододвигаясь ближе. Голову положил на свободную половину подушки, напротив Кристин. Я настолько близко, что мог ощутить её дыхание на подбородке. А она дышала. Тихо и размеренно, совсем рядом и это не действовало мне на нервы. Напротив, я успокаивался.

Она вздрогнула, неожиданно раскрыв глаза. Её зрачки как-то обеспокоенно заметались по комнате. Я коснулся

пальцем её щеки, немного отодвигаясь. Она замерла. Посмотрела на меня. Долго. Дьявольски мучительно и я не выдержал.

– Спи, – приказал, скользнув пальцем по коже её подбородка.

Кристин прикрыла глаза, ерзая, устраиваясь удобнее на подушке. Глубоко вздохнула, закинув на меня бедро, и замерла. А я прекратил дышать.

От лица Кристин

8:12

Солнце, пробиралось сквозь открытое окно, нахально светя мне в глаза. Неужели оно не могло понять, что я всё равно не встану? Уж слишком мне хотелось поваляться, да и подушка была мягче, чем обычно. Буквально затягивала в сон. Но каким же надоедливым оказался этот луч. Перевернулась на другой бок, приоткрыв один глаз. Странно, но в моей комнате обои другого цвета.

Где я тогда?

Раскрыла оба глаза, выпрямившись на руках.

– Доброе утро, – раздался хриплый голос, где-то совсем рядом.

Испугано запищала, отскакивая в сторону, но мое приземление вышло не крайне удачным. Точнее крайне неудачным. Голова резко заболела, а к горлу подступила вчерашняя еда.

Я стояла на дрожащих ногах, не понимая, почему вся комната шла кругом, и этот гул вокруг. Откуда?

– Будет уроком, – раздалось где-то над ухом, а холодные руки подхватила мое тело, поднимая его.

Чаще заморгала, от чего смутное пятно превратилось сосредоточенное лицо Дилана, лишь в глазах которого играли смешинки. Боже, так он без футболки.

– Я сама, – запищала, брыкаясь в руках Дилана, хотя мне так хотелось прижать к нему. Но в ответ я бы получила насмешки и упреки, поэтому продолжила брыкаться.

Меня все-таки опустила на ноги, заглянув в глаза, которые я отвела

– Как чувствуешь себя после дикой пьянки?

Глаза широко распахнулись, а рот по неволе раскрылся:

– Пьянки? – прошептал, переспросив.

– Ага, – он засунул руки в карманы джинс, и его голый торс напрягся, – ты вчера хорошо отдохнула, потом еще кидалась на парней.

– Я? – переспросила слишком тихо. Голос засел в горле, а лицо начало гореть.

Дилан кивает, поджав губы:

– Твое счастье, что я попался тебе первым, иначе бы пострадали остальные.

Я потерялась, не зная, что и думать. Я никогда не пила, поэтому такая ситуация происходила впервые. Может я и буйнила, но парни. Очень сомневаюсь. Скользнула взглядом по полу, ловя свои голые коленки, и поперхнулась собственной слюной.

Дилан стоял в одних джинсах.

Я в одной футболке.

– Боже... Я что? Я пере... переспала...

– Переспала со мной?

Кивнула, а в глазах четко читался ужас. Дилан как назло замолчал, а после и вовсе засмеялся. Я нервно схватилась за края футболки, издеваясь над тканью, и оттянула её ниже.

Что смешного, кретин?

– Расслабься, мы не спали. Такое бы ты не забыла, поверь мне.

И тут я окончательно подавилась словами. В голове был переполох из мыслей и палок, мешающих хоть что-то вспомнить. Я осознавала лишь одно.

Нужно было составить план побега.

Здесь я не могла оставаться.

Ещё минута и О'Коннелл пустил бы в ход свои колкие шуточки.

– Я должна, – указала пальчиком на дверь, позади Дилана, другой рукой оттянула ткань футболки ниже.

Пару секунд пристального взгляда и Дилан освободил дорогу. Я неуверенно передвинулась по комнате к двери, взявшись за ручку. Стоило мне приоткрыть её, как Дилан резко поднял ладонь. Прислонил её к двери, чем помешал раскрыть полностью. Я взглянула на него. Дилан внимательно смотрел на меня, словно чувствовал страх:

– Кристин, ты ведь...

– Что? – я выдавила улыбку.

Он прикусил нижнюю губу и отвернулся, убрав руку:

– Не медли, пока будешь проходить мимо Люка, все-таки, – он осмотрел мои ноги, – хоть футболка и длинная, но рассмотреть что-то можно, – улыбнулся, от чего всё внутри сжалось.

Я кивнула:

– Так и сделаю.

Опустила голову, надавливая на дверную ручку. Свежий воздух проскользнул в комнату через приоткрытую дверь, и я почти вступила на свободу. Почти сделала это.

Касание.

Воздух замер в горле и я не смогла ничего сказать, когда Дилан хлопнул дверьми, притянув к себе за талию. Резко. Одним движением. Притянул к себе с такой силой, что я впечаталась в его спину, замерев. Но все произошло слишком быстро.

Дилан почти не дышал, когда развернул меня за плечи. Мои волосы подлетел, а я лишь шире раскрыла глаза, когда крепкие руки обвили меня. Сгребли в объятия. Такие теплые, что я обомлела. Руки опустились вдоль тело. А Дилан обдал шею сбивчивым дыханием. Пальцами зарылся в мои волосы, перебирая пряди. Он слегка приподнял меня, от чего ноги больше не касались земли, но Дилану было совсем не тяжело. Он обнимал так, словно я нужна ему. Он потерялся щекой об мой лоб, словно давно ждал этого.

Дилан О'Коннелл, я все же люблю тебя.

Спустя три недели

От лица Алекс

17:43

Кровать прогнулась под весом Кристин, которая атаковала мою комнату. Просто влетела, распахивая двери, и найдя меня в собственной постели запрыгнула на неё, выпрямляясь на ногах. Стояла как хищник, возвышаясь над жертвой.

– Ты наденешь эти клыки, – вторила в очередной раз.

По комнате пронесся мой протяженный вой.

– Ах так...

Я схватилась за края одеяла и, в попытке натянуть его на своё лицо, ненароком сбила с ног Кристин. Девушка выгнулась в воздухе, размахивая руками, и упала на попу рядом с моими коленками.

Закусила губу, сдерживая смех, так как в любой момент расплата бы нашла меня.

Грозное бормотание и вот я уже подскочила с нагретого места, перекатившись на край кровати. Выпрямилась на коленках и с широко раскрытыми глазами упала на пол, издав писк. Крепкая хватка, сдерживающая мою лодыжку, ослабла, и чье-то тельце с боевым кличем свалилось на мою спину.

– Боже... – прохрипела я, выдыхая воздух из легких. В глазах на секунду потемнело. Этой слабостью и воспользовался маленький воин, разворачивая меня на спину.

Моргнула, пока в голове пронеслась тьма обценной лексики. Кристин с красными рогами на голове, как подобает всем демонам в день Святых, смотрела на меня. Вот что-что, а демонические вещички точно описывали её характер. Будто из преисподней выбралась.

Не успев ничего сказать, Кристин пальцами сжала мое лицо, от чего рот раскрылся. Зрачки бешено заметались по комнате в поисках подушки или чего потяжелее.

Мои запястья придавили коленками, а на зубы стали что-то цеплять и, казалось, это что-то врезалось в десну. Сейчас бы выплюнуть это все в лицо Кристин, что с дьявольской усмешкой копошилась в моем рту. Моем, мать вашу.

– Я ея ую, – промычала, выждав момент.

– Не слюнявь, – Кристин скривила лицо, заставив меня закатить глаза и спокойно ждать, – Готово.

Она с радостной улыбкой вытерла руки о мою спальную рубашку и поднялась с пола.

– Я убью тебя, – прошепелявила, тут же ощупав языком инородный предмет, причем не один, а целых два, – что это?

В ответ меня ослепили самой довольной улыбкой:

– Клыки. Сегодня же Хэллоуин.

Мысленно простонала, закатив глаза. Как же можно забыть, что на моей кровати сидел настоящий любитель праздников?

– Ну и кто я?

– Вообще у меня много существительных на твой счет, но

в этот раз обойдусь одним. Вампир.

– А ты значит...

– Дьявол, – кивнула, раскрыв руки, чтобы я смогла осмотреть её костюм.

Многозначительно обвела взглядом белое платье и красные рога.

– А разве ты не должна быть вся в красном?

– Нет, белый это цвет, собирающий в себе всю палитру красок. Я читала об этом недавно, так как я очень развитый и разносторонний демон. Плюс... – начала Кристин, но я перебила её:

– Не было красного?

– Нет, – огорчено вздохнула она, вызвав у меня улыбку, – да и не идет он мне.

Поднялась на ноги, расставив руки в бока, и обвела взглядом комнату. Справа от меня валялось одеяло, чуть левее были разбросаны подушки, рядом с которыми притаились фантики от конфет. Почему такой беспорядок?

Нахмурилась, прикусив язык, причем с новыми зубами это дело было вполне неприятным.

– Чего встала? – спросила Кристин, волосы которой легкими волнами обрамляли лицо. На лбу красовались они. Те самые существа.

С ужасом прикрыла рот ладонью, тыкнув пальцем в подругу.

– Что? – улыбнулась она, – Что ты тыкаешь? – улыбка по-

меркла, и она оглянулась назад в поисках проблемы, – Я ничего не вижу.

– Гусеницы, – прошептала, но после согнулась от смеха. Последний раз, я видела такие брови Кристин в самом начале учебного года.

– Дурная, – цокнула она языком, – Да-да, смейся, посмотрим на твою реакцию, когда в комнату зайдет Люк и тут ты в зеленой рубахе, словно леприкон.

Перестала смеяться, захлопав ресничками. В смысле зайдет Люк? Мы с ним не договаривались встретиться, да и на Хэллоуин не особо мне хотелось идти.

– Он тоже вампир, я вам как паре достала одинаковые накладные клыки.

[...]

Рассматривала себя в зеркале, цепляя новые серьги, пока Кристин лежала позади меня на кровати и воодушевлено рассказывала о Дилане.

– Подожди, – прервала её счастливый поток информации, – как ты уговорила его устроить Хэллоуин в его доме?

– Все просто, горничную отпустили, отец уехал, – услышала нотку презрения в голосе, при упоминании последнего, – получается, что дом свободен. Оставалось просто хорошо попросить.

Принялась за другое ухо, слабо улыбаясь:

– Ну и с каких пор, ты умеешь хорошо просить? Тем более такую суровую личность, как Дилан О’Коннелл.

– На самом деле, – Кристин замолчала, задумчиво потирая лоб, – Я тут вспомнила твои слова и подумала, что ты права.

Принялась закручивать волосы, с удивлением повернувшись к подруге:

– Какие слова?

– На счет надежды. Это же не плохо, если она у меня есть? Одна малюсенькая надежда ничего не испортит, верно?

– Верно.

Развернулась к зеркалу, улыбаясь. Все стало налаживаться, и меня это радовало. Все мои близкие живы, у Кристин появилась надежда и я уверена, что то надежда на счастливую жизнь, Люк перестал ненавидеть мою лучшую подругу, а Дилан никуда не собирался бежать.

Комнату разрезал звонок телефона, который быстро умолк. Оглядела спальню, стараясь не обжечься плойкой.

– Это мой, – сказала Кристин и подняла телефон с кровати.

– Что там? – спросила спустя время, когда лицо Кристин в отражении изменилось.

– Это Дилан, пишет, что приготовил большой сюрприз и просит быстрее прийти на его задний двор.

Отпустила прядь волос, принявшись за другую.

– Что за сюрприз?

Скрип кровати. Кристин подошла ко мне ближе, распутывая одну прядь и красиво укладывая:

– Скоро узнаю.

– Ты пошла, что ли?

– Ага, теперь не только у тебя есть отношения, – коварно улыбнулась, заключая меня в свои медвежьи объятия.

– Я рада, – подняла плойку в воздух, дабы не прижечь Кристин, – встретимся тогда у Дилана.

Согласившись со мной, Кристин, на крыльях любви, выпорхнула из комнаты, даже не прикрыв двери.

Спустя полчаса я смогла уложить свои короткие волосы и, накрашившись темно-красной помадой, осталась довольна образом вампира.

Прокрутилась у зеркала, как вдруг в дальнем углу коридора раздался одинокий звон. Повернула голову, убеждаясь, что это всего лишь домашний телефон. Напряжение спало, когда я вышла из спальни, перебирая ногами по теплomu полу. Подошла ближе, снимая трубку.

– Слушаю вас, – сказала, прислонив телефон к уху.

Немного погодя раздался знакомый, игрушечный голос, пробирающий до мурашек:

– Привет.

– Н-нет...

– Узнаешь старого друга?

Этот голос заставил меня осмотреться вокруг. Что-то, что я скрывала глубоко внутри, пыталось вырваться в крике о помощи. Но я поджала губы, собираясь с силами:

– Нет, простите.

– Такое не прощают.

Опустила руку, смотря на телефон, и после нескольких секунд с отвращением положила на стойку, предварительно отключив звонок.

Голос был до боли знакомым, но это, мать вашу, Хэллоуин, все хотели разыграть кого-нибудь, особенно жертву недавних событий.

От лица Кристин

В это время

На улице было прохладно, но не так, чтобы кутаться в зимнюю куртку. Однако щеки у меня давно покраснели, и в них чувствовалось легкое покалывание. Я спокойно зашла в знакомые ворота, отмечая, что вечеринка в честь Хэллоуина скоро начнется и в этом месте будет толпа народу. Значит, мне нужно было поторопиться в поисках Дилана.

От лица Алекса

В это время

Стоило мне отойти на пару шагов, как телефон опять зазвонил, останавливая меня. Посмотрела за плечо, кусая губу, но ни к чему хорошему это не привело, поэтому пошла дальше. Зашла в комнату, уверяя себя, что мне не о чем волноваться.

Птицы не было и ему незачем было появляться. В этом мы убедились еще давно, так как с ужасом ждали седьмой день, но он наступил, не принеся ни единой жертвы. Затем еще семь дней – ничего.

Птица исчез, и мне не стоило волноваться. Если это так, то почему я потела?

Звонок не прекращался, начиная понемногу выводить меня из себя. Неужели не понятно, если не берут трубку, значит, не хотят говорить.

Нужно отвлечься.

Повернулась на пятках, чуть на запнувшись о платье, которое сегодня мне не пригодится. Подняла его с пола, снова приложив к телу, вместо бордовой юбки и черной блузки с воротом. Интересно, я похожа на Дракулу?

Звонок прекратился.

Расслаблено выдохнула, осознав, что до этого была жутка напряжена.

Звонок.

Вздрогнула, сжав в руках ткань платья, но улыбка озарило мое лицо, когда до меня дошло, что уже звонил мобильник.

Пересекла расстояние от дверей до стола, подняв телефон и, не смотря, нажала на звонок, приложив мобильник к уху.

– Люк, ты скоро?

– Не вежливо отключаться...

Замерла не в силах пошевелиться. Страх и ужас сковали тело.

От лица Кристин

В это время

На Агригент Стилл уже опустилась темнота, принося с собой всё новые сюрпризы. Двери дома были закрыты, что

крайне меня удивило. Не мог же Дилан резко отменить вечеринку? Но вспомнив, что он назначил мне встречу на заднем дворе, я с улыбкой понеслась вдоль дома, забегая за угол.

– Дилан! – выкрикнула, остановившись в темноте. В голосе слышна радость от предстоящей встречи.

– Я пришла, Дилан, – прошла вперед, пытаясь разглядеть парня, – ты ведь не решил спрятаться?

В ответ лишь гул ветра, пробравшийся под подол платья и обследующий голые ноги.

– Дилан, я хороший сыщик, – улыбнулась, достав телефон и включив фонарик озябшими руками.

– Ди-илан, – протянула, подняв телефон, но так и замерла. Рот широко раскрылся.

От лица Алекс

В это время

– Алекс, ты язык проглотила?

– Кто ты? – выдавила из себя, – Откуда у тебя мой номер?!

– Ты и сама знаешь, кто я.

Раскрыла рот, судорожно глотнув воздуха. Нет-нет-нет, только не это. Только не заново. Знакомое мерзкое ощущение прошлось по спине, вызывая мурашки. Так, соберись Алекс, пока ты в доме, тебе ничего не угрожает.

Конечно, если в доме ты одна.

– Что, – запнулась, посмотрев в окно, очертания Птицы всплыли в сознании, – что тебе нужно, сумасшедший?

– Справедливости, – невероятно противный голос, будто

прошлись чем-то липким по коже.

– Ах, справедливости? Тогда приходи в полицейский участок, там тебе её устроят, – сжала мобильник двумя руками, резко начав задыхаться от злости, – ты убил восьмерых. Ты сбил мою подругу и заставил пройти меня через ад. Ты...

– Я сохранил вам жизни.

– Кто ты такой, чтобы решать, кому сохранять, а кому нет?!

– Человек с ножом и четкой целью.

– Ты монстр, – зашипела, вытирая рот тыльной стороной ладони.

– Возможно, но рассуди сама, ты сейчас одна и понятия не имеешь где твои друзья, зато я, – раздался звонкий смех, – я знаю всё. И ты представить не можешь, что я планирую сделать.

Уверенность пропала, а приступы удушья заставили почувствовать себя ещё отвратнее:

– Ты не посмеешь, – качнула головой.

– Давай проверим.

Гудки. Сбросил вызов.

В голове резко промелькнули ночи, проведенные в страхе, в крови, в смертях. Что-то теплое скатилось по щеке, оставляя мокрый след. Поднимаю ладонь к лицу, с удивлением заметив, что давно глотаю слезы.

А в доме была тишина.

От лица Кристин

В это время

Глаза готовы были выкатиться из орбит, а радость впере-
мешку с шоком туманила разум.

Я. Просто. Не. Верила.

Как Дилан узнал, что я обожаю такие вещи? Это было мо-
ей детской мечтой. И сейчас, она сбывалась.

Дернулась, когда в руках завибрировал телефон, чуть не
выпав. Посмотрела на экран, не сдерживая улыбки, и надея-
лась, что это Дилан, но была не права.

Провела пальцем по экрану и поднесла телефон к уху:

– Здесь такое! – воскликнула, прыгая на месте.

– Кристин, ты где? – это Алекс.

– На заднем дворе! Ты не представляешь, я даже глазам
своим не верю! Это просто превосходно.

– Послушай меня, тебе нужно бежать.

– Я уже бегала от радости по кругу, – заметила, вспомнив
первую минуту радости.

– Ты не поняла, убегай оттуда, – взмолилась Алекс дро-
жащим голосом.

– Почему? Что-то случилось?

Звук шагов.

Не успела развернуться, как удар пришелся по голове.
Свалилась на землю. В глазах помутилось от боли, но в свете
фонарика я успела выцепить рыжие волосы.

Из телефона донеслись крики:

– Кристин?! Что за звон? Ответь... Кристин!

Я что-то прохрипела, прежде чем сознание провалилось в пустоту.

XX

. Глава

От лица Алекс

20:20

В животе завязался узел, даря тянущее чувство уязвимости. Я не знала, что мне делать и от бессилия хотелось просто бегать по комнате. Убежать туда, где все в порядке и никто не подвержен опасности. Мои нервы напряглись, отдаваясь звоном в голове, словно тонкие струны перебирали когтистыми лапами.

Подняла глаза на входные двери, что погрузились в темноту и выражение лица зачерствело. Я не могла позволить плохому случиться. Продолжиться. Мои друзья находились в опасности, и если этот псих, кем бы он ни был, считал, что никто не мог ему помешать, то он ошибался. Все должно закончиться сегодня. Больше никаких угроз. Смертей. Расправ.

Решительно вышла в коридор, сжав в руках мобильник.

Точнее.

Одна смерть мне по душе.

И это смерть Птицы.

Накинула куртку, подобрав с полки ключи, и надавила на входную дверь. В доме окончательно погас свет, и я вышла

на улицу, окунувшись во мрак. Он облегал плотной дымкой и только в конце улицы этот туман рассеивался. Там виднелись размазанные огоньки от фонарей, но они не освещали пространство. Совсем рядом играли на струнках сверчки, заполняя тишину похоронным маршем. Было прохладно.

Встала спиной к дороге, перебирая между пальцами трехзубый ключ. Руки дрожала, поэтому с трудом, но мне удалось вставить ключ. Заперла дверь, убрал руки в карманы и замерла. Краем глаз пыталась заметить что-то подозрительное, но кроме дальних огней ничего не видела. Но услышала. Неожиданно. В этом шорохе листьев. В завывании уличных псов, оставленных непутевыми хозяевами. В этой темноте. Меня настиг голос.

– Куда-то собралась?

Сердце болезненно сдавило в груди. Паника затмила рассудок, и я обернулась, со всей силы взмахнув рукой. Зажмурила глаза, чтобы не увидеть эту маску, словно сшитую из остатков кожи, и ударила. Замолотила руками, нанося кому-то удары. Послышалось шипение. Голос. Он попытался остановить меня, перехватить мои руки, и я тут же закричала.

Незнакомец перехватил мои плечи, встряхнув. Буквально надел, мощным порывом припирая к стене. Я взвизгнула от толчка, и чья-то ладонь закрыла мой рот.

Кожа затылка запылала, и я ощутила напор. Силу, с которой незнакомец прижал меня к стене, и начала пихаться.

Укусила ладонь. Замолотила руками по груди и лицу противника, пытаясь поцарапать, причинить боль. Но сквозь собственное мычание до меня дошел голос:

– Хватит... Боже Алекс, это я! Успокойся...

Замерла, сжав кашемировую ткань на плечах незнакомца, видимо он был в пальто, и всмотрелась в лицо. Моргнула. Глаза быстро привыкли к темноте, а очертания родного лица прорезались в воспаленном мозгу четче. Страх утих, и мои руки обессиленно опустились вдоль тела, соскользнув с плеч Люка.

– Успокоилась? – спросил он, обеспокоенно заглядывая в глаза.

Слезно кивнула.

Хватка ослабла и вот я уже повисла на его плечах, громко всхлипывая. Сжала его шею сильнее, вдыхая запах. Согреваясь его теплом, пока мое тело колотило от адреналина.

Люк был рядом, живой.

Боже, я так волновалась. Переживала.

Люк обнял в ответ, бережно глядя по спине. Я задышала громче, пытаясь успокоиться. Шаг за шагом. Движение за движением.

– Алекс, – его голос звучал тихо, отдаваясь ударами сердца в ушах, – я напугал тебя? Или что-то случилось?

А что-то случилось?

В ушах последний глухой удар сердца. В голове. Дыхание обрывистое.

Что-то случилось.

Раскрыла глаза, отпрянув от Люка. Его лицо таяло в темноте улиц, но я ощущала его взгляд на себе. Прищуренный. С подозрением. И я прохрипела в ответ:

– Мне позвонил Птица. Угрожал тем, что убьет вас и кажется, он... – перешла на шепот, еле сдержав слезы, – он забрал К-крестин. Где ты был?! Почему не отвечал на звонки? Я думала, что он забрал и тебя!

Перед глазами все раздвоилось. Огоньки вдалеке превратились в поляну светлячков, скачущих из угла в угол. Помутнело из-за слез. Мои ладони перехватила, опять прижав к груди, и тогда я завывала:

– Никто не отвечал! Никто из вас. Ты, Дилан, Крестин. Вы все! Я так перепугалась. Боже... – задохнулась в приступе плача, – Мы должны позвонить в полицию, Люк.

– Я позвоню отцу, но к Дилану все равно поеду. Так будет быстрее.

[...]

Потерла ладони, обдав их горячим дыханием, и подняла глаза на Люка. Мы стояли у высоких резных ворот, за которыми был спрятан дом Дилана:

– Ну что?

Люк отрицательно качнул головой, сжав телефон, и дал понять, что Дилан не отвечает. Но решительность нас не покинула. Поэтому мы надавили на двери, и они поддались, открываясь с противным скрипом, словно петли давно не сма-

зывали. Я прикрыла за нами ворота, ощущая, как металл обжигал еще большим холодом, чем резкий порыв ветра, поднявший листья под ногами.

– Нам в дом? – спросил Люк. Я подняла глаза и последовала за взглядом парня. Он смотрел на внушительное по величине здание, из окон которого выстреливали разноцветные лучи света и после каждого заряда слышался глухой бас.

Вечеринка уже началась, но почему я была так уверена, что моих друзей на ней нет?

– Кристин упоминала задний двор, – наклонила голову, пытаюсь разглядеть хоть что-то за углом дома, но темнота непроглядной сеткой сплела свои пальцы. Она будто обволакивала Люка, когда он скрылся от света уличного фонаря, уходя к дому Дилана.

Надеюсь, Дилан в безопасности, и с ним Кристин. Лио они оба мертвы.

Передернула плечами, ужасаясь своим мыслям, и поспешила догнать Люка, также скрывшись во тьме. Почти подошла к углу, когда Люк затормозил, обернувшись. Я замерла, выглядывая из-за его плеча.

– Слышишь? – спросил он тихо.

Заправила пряди за ухо, прислушиваясь:

– Музыка.

– Именно, – кивнул, – может, поэтому Дилан не берет трубку. Он внутри и не слышит мобильник.

И действительно, на улице слышалось отдаленное гремя-

хание, говорящее само за себя.

– Ладно, пошли, – Люк двинулся вперед, завернув за угол, и я различила бледное сияние в нескольких метрах от нас. На заднем дворе. Такое узкое, но яркое. Словно потерянный светлячок. Словно там кто-то был.

– Кристин! – сорвалась с места, оббегая Люка, и услышала испуганный окрик:

– Стой! Куда?

Тяжело дышала, пробегая по хрустящей под ногами траве. Сердце стучало в голове, в горле пересохло, когда остановилась у луча света, исходящего из земли.

– Алекс!

Присела, подобрала в руки... мобильник.

Топот и через секунду мое плечо сжали и потянули наверх. Подняли на ноги.

– Это телефон Кристин, – поднесла в ладонях, развернувшись и перескакивая глазами с Люка на мобильник, – она наверное использовала его как фонарик, а потом... потом её вырубил.

Люк недоверчиво смотрел на меня.

– Зачем она зашла на задний двор, а не в дом? – спросил, опустив глаза на телефон.

– Кристин... она, – тяжело сглотнула, качая головой. Я ведь помню, – она пришла увидеть подарок!

Развернулась спиной к Люку, и подняла руку с фонариком в воздух. Посветила вперед, шурясь, чтобы хоть что-то

разглядеть. И я разглядела.

Пару секунд и вот, на смену страху пришло удивление.

– Это...

– Карусель, – шепот позади и мой рот раскрылся шире. Я видела то не одна.

Так вот почему Кристин так радовалась, прыгая на месте.

Сделала неуверенные шаги вперед, забыв как дышать. Настолько огромная карусель. Как в парке аттракционов, но как же нужно постараться, чтобы притащить такое к себе во двор?

Навела свет на одну из лошадей, задержавшуюся в воздухе, будто в полете. Красная грива и белая шерстка, даже не верилось, что это лишь скульптура, предназначенная для веселья. Фарфоровая статуэтка с черными бусинками-глазками. Казалось, еще чуть-чуть и она фыркнет, как умели только лошади, и сорвется со всех ног.

Щелчок.

Рев мотора и яркая вспышка света.

Словно удар молнии.

– ЛЮК! – взвизгнула, отскочив назад от неожиданности.

По телу будто прошел разряд липкого тока, заставляя меня скривить лицо от страха. Карусель зажглась фонариками, ослепляющими меня, а в воздухе заиграла детская мелодия. Детская, но ужасно зловещая. Смех раздался в воздухе, но не от радости, а с издевкой. Словно он презирает нас, надсмехается над нами.

Лошадки медленно начали подниматься вверх, затем вниз, а после сдвинулись с места, устроив забег по часовой стрелке.

Люк что-то сказали позади меня, но от громкой музыки я не расслышала. Казалось, будто колокольчики вперемешку с барабанами устроили истерику. И среди этой какофонии, прорезался шепот.

– Кристин? – позвала, вцепившись руками в телефон. Прищурилась.

Переставила ногами, наклонив голову, ведь на дальней лошадке, что-то лежало. Фигурка игриво поднялась вверх и настигла меня, опускаясь вниз.

– Боже, – запищала я, крепко сжав рот ладонями. Глаза расширились, но от слез я перестала четко различать, сколько тел, прикованных к лошадям, проскочило мимо меня. Одно за другим. Не меньше трех. Белые бока жеребцов были окрашены бардовыми кляксами, а у некоторых испачкана морда. Кровавые следы от пальцев. Пустые глаза. Потерянный взгляд лошадок в никуда. Их десятки и они безжалостно настигали меня, прокручиваясь в дикой пляске сумасшествия, что творилась вокруг карусели.

Рука последнего тела была свешена с лошади, а голова небрежно опрокинута на твердую гриву. От очередного поднимания, тело покосилось и скатилось на пол.

Глухой шлепок.

Такая громкая музыка, но клянусь, я услышала это.

Качнула головой, мыча в ладонь, а слезы продолжили ска-
тываться.

Это – омерзительно. Противно.

Это – дико.

Не могла больше смотреть на это, отворачиваясь. Не успе-
ла ничего сказать, как голос окончательно пропал. Вздрогну-
ла, когда удар из темноты пришелся по голове моего парня.
Люк запнулся об собственные ноги, шатаясь, и повалился на
землю, в паре метрах от меня. Ему рот широко раскрылся,
от боли, но Люк пытался удержаться на вытянутых руках.

Укусила до боли язык, когда Птица сильно ударил Люка
ногой в живот и тот окончательно ослаб. Упал на землю ли-
цом, теряя сознание.

Нижняя губа задрожала, когда Птица поднял голову, по-
смотрев на меня. Я буквально оцепенела от ужаса, а он сжал
в руках железную битую, медленно склоняя голову в бок. Пе-
реступил Люка, скрывая того за черным плащом. И я поняла,
настала моя очередь. Нужно увести Птицу от Люка и найти
помощь.

Дернулась, когда Птица сорвался с места, стремительно
настигая меня. Развернулась, со всех сил перебирая ногами.
Не знала куда, но бежала. Ветер засвистел в ушах. Ничего не
было видно, кроме ослепляющего света карусели, что про-
должала разрываться от детских песен. На которой продол-
жали кататься трупы.

Оставила её позади, забежав за дом. Сердце вырывалось

из груди. Музыка с новой силой надавила на ушные перепонки.

Руки были сжаты в кулаки, до хруста костяшек. Пробежала вдоль темных стен дома. Сердце екнуло, когда вновь завернула за угол, чуть не упав. Поскользнулась на влажной земле, упираясь в нее рукой. Разбила колени, но тут же поднялась. Уцепилась пальцами за каменную кладку, больно сорвав ноготь. Краем глаза заметила черный плащ. Он развивался от скорости, которую набрал Птица. Он нагонял меня.

Боже.

Прекрати все это.

Я больше не могу.

Выпрямилась, отталкивая собственное тело дальше. Добежала к порогу. Стремительно перескочила ступеньки, дернув на себя двери. И, о боги, они поддались.

Раскрыла, повернувшись. Из-за слез все расплылось, но я заметила, как замедлил шаг Птица. Он смотрел в упор. На меня. Наблюдал, наклонив голову в бок. Вытянул руку, раскрыв свои черные перчатки. Движение.

Живот скрутило в болезненном спазме.

Он звал меня. Подзывал к себе движением пальца, словно бросая вызов.

– Пошел ты! – выкрикнула на последнем дыхании и хлопнула дверьми. С горячей яростью прижалась к охлаждающей поверхности.

Хотела сжать виски, чтобы больше не чувствовать ту боль.

Скорчила лицо, когда музыка настигла меня. Неожиданно погрузила в липкий жар. Я моргнула, потерянно осмотревшись.

Сотня людей. Они были вокруг меня. Двигались, терлись друг о друга в ужасающих костюмах. Музыка гроыхала. На негнущихся ногах вышла вперед, привлекая внимание кучки ребят. Они посмотрели на меня, когда я сорвалась с места, преодолевая расстояние между нами.

– Пожалуйста, помогите! – всхлипнула, хватая за руку какого-то парня, – Он убьет меня! Он уже здесь... вызовите полицию!

Парень наклонился ближе к моему лицу, весело улыбаясь, а я продолжила:

– Он здесь, уже здесь. Там столько тел, – пелена слез застилала глаза и я дернула этого парня за рукав, – он убил всех... ну что вы стоите? Нужно вызвать полицию! Здесь убийца!

– Да, – раздался смех, и хриплое завывание, – вокруг одни убийцы!

Я моргнула, медленно осматриваясь. Парень отстранился, и я больше не цеплялась за его руку так сильно. Вся его компания шаталась, пытаясь танцевать в костюмах, и действительно. Вокруг были одни убийцы. Оборотни. Звери. Все в масках. И липкий пот прошиб меня. Стало ужасно жарко.

Музыка слышалась отдаленно. Люди смешались в одно месиво, их голоса превратились в звенящий гул. А я словно поняла, никто мне не поверит. Сегодня же Хэллоуин, все

разыгрывают друг друга, пугают и...

Удар.

Не успела вскрикнуть, как меня схватили за волосы. Жгучая боль пронзила кожу головы, и вот меня отбросили обратно.

Вокруг раздался гогот. Кто-то захлопал в ладони.

Раскрыла рот, но не смогла даже пищать. Не успела встать, как мне нанесли несколько ударов по телу. От каждого я теряла воздух. Корчилась, когда в глазах мелькнула бита и по всему телу разнеслась жгучая боль.

Захрипела, глотая соленую жидкость во рту. Кровь. Кажется, я сильно прикусила язык, когда упала головой на пол.

Птица схватил мои волосы, сжав клок между пальцев. Причинил дикую боль. Давил. Тащил за собой. А я широко раскрыла рот, глотая воздух. Оттолкнулась ногами от пола и ползу, лишь бы уменьшить чувствительность.

Щеки щипало от слез.

Я смотрела с диким ужасом на людей. Их лица расплывались, но я заметила их улыбки, словно они были монстрами, жаждущими оголить клыки и выпить крови. Они смеялись. Музыка настигла меня, после того, как один из парней с улыбкой пожелал:

– Вы молодцы ребята, счастливого Хэллоуина!

2:43

Разрывающая боль появилась во всем теле, когда сознание вернулось. Медленно пришла в себя, морщась. Хотела

сдавить виски, взяться за волосы, но с ужасом поняла, что не могу двигаться. Тело мне не подчинялось. Приглушенный свет мазал лицо, но не согревал. С трудом разлепила глаза. Моргнула. В паре метрах от меня горел костер.

Хотела проглотить сухость во рту, но глотка неприятно сжалась, словно по внутренностям провели ржавыми гвоздями. Скорчилась и повернула голову на бок. По моему лбу стекло что-то теплое. Впереди все двоилось, но мне все же удалось понять, где я нахожусь. Расплывчато, но увидела высокие стволы елей. Они уходили вглубь, образуя круг и растворяясь во мраке. Моргнула, разбирая огромный булыжник, высотой не меньше чем мой рост. Покрутила головой, осматриваясь.

Паника вернулась.

Я знала это место.

Здесь недалеко нашли тело Джона.

Мы вернулись в начало.

Дернулась еще раз, пытаюсь пошевелить руками, но ужаснулась. Все мои конечности были связаны. Веревка впивалась в кожу, но я не ощущала боли. Только чувствовала, как при каждом движении царапаю спину о ствол дерева.

Моргнула, медленно осматриваясь. Брови сошлись на переносице, когда я заметила чей-то силуэт. Сощурилась, различая в нем девушку. Её длинные волосы казались огненными под светом, что откидывало пламя костра. Она сидела на земле, поджав ноги, и внимательно наблюдала за чем-то, че-

го мое зрение не доставало.

– Хэй, – позвала, но это тут же зашлась в приступе кашля. Мое горло рвало от сухости.

Девушка медленно повернула голову в мою сторону, спокойно заглядывая в глаза.

– Ева, – слетело с моих губ.

Завороженно проследило за каждым движением моей одноклассницы. Она не была связана. Просто сидела, поглаживая вполне выпирающий из-под черного плаща животик. Её волосы были заплетены в косу и лежали на плече. Она не выглядела потерянной или напуганной, скорее наоборот. Это вызывало непонимание, но страх, что скребся где-то внутри меня, заставил продолжать:

– Ева, помоги мне, – проглотила слюну, смочив горло, – нужно выбирать, Ева. Мы должны спасти остальных.

Ева поднялась с земли, выпрямившись. С интересом наблюдала за моими действиями, но сохраняла молчание. Всполохи огня отплясывали на её лице ритуальные танцы, странно изгибаясь, словно щупальца. Она огляделась и все же решила подойти, медленно переступая через ветки.

– Что происходит? Почему мы здесь находимся? Птица здесь? Ладно, просто помоги мне, и мы убежим отсюда... – начала шепотом, когда она подошла в плотную, но меня перебил чей-то громкий голос:

– ЕВА!

Вздрогнула, замолкнув. Внутри все съёжилось и я опусти-

ла взгляд, боясь увидеть настоящего Птицу. Вытянула вперед связанные веревками ноги, чтобы Еве было легче развязать, и встряхнула ими. Но ничего не последовало. Бросила на Еву отчаянный взгляд.

Она смотрела на меня не отрываясь, но её взгляд не отзывался на мои мольбы о помощи. Ева посмотрела на меня в последний раз и покорно развернулась, оставляя меня. Ушла в сторону костра, а мои глаза стали шире. Настолько, что начали болеть, ведь впереди я увидела Птицу.

Ева остановилась у костра, опустив голову перед существом, что шло на встречу. Я подогнула ноги к себе, наклоняясь вперед. Веревки вьелись в нежную кожу запястья, но я даже не морщилась, стараясь разглядеть существо. Каждый раз, когда я засыпала, его маска всплывала перед глазами и сейчас, когда я могу хорошо разглядеть её, я поняла. Это куда страшнее. Маска чумы. Средневековье. Пугающее время темноты. Он пришел оттуда. Маска поглощала свет. Черная, обтянутая обожженной кожей. Длинный клюв с заклепками по всей длине и глаза бусинки. Стеклообразные.

Но вот что странно, на Птице был тот же плащ, что и на Еве.

– Проснулась только одна, – донесся до меня отдаленный голос, и Ева покосилась в мою сторону. Из-за её спины выглянул Птица и я сглотнула, вжавшись спиной в ствол дерева. Птица смотрел на меня какое-то время и затем выпрямился, одобритительно похлопав Еву по плечу.

Мои ноги онемели, когда я поняла, Ева и была сообщником. Она всегда была рядом с нами, видела Кристин в лесу, пыталась поговорить. Но неужели она могла убить Джона, отца своего ребенка?

Моргнула, заставив себя отвести взгляд в сторону, чтобы остыть, но неожиданно что-то в моей груди упало, вдребезги разбиваясь у самой земли. В том месте, где до этого сидела Ева, зачем-то наблюдая, сейчас лежала Кристин. Она также была привязана к дереву, но находилась почти спиной ко мне, поэтому в первый раз я её не заметила. Её белое платье приобрело грязно-бурый оттенок, а лицо покрылось капельками пота, отблескивающими под светом костра.

Не могла разобрать дышит ли она или это все происки фантазии. Наклонилась в сторону, но проклятые веревки сдерживали, выводя меня из себя. Дернулась, в попытке их разорвать. Барахталась, морщась от боли, но не могла выбраться. С ненавистью во взгляде посмотрела на Птицу, но замерла. Чуть дальше, слева от меня лежал Люк.

– Люк, – слетело с губ.

Он был также привязан к стволу дерева. Его тело почти свалилось в бок, но веревки сдерживали в определенном положении. Он был без сознания. Я с ужасом заметила, как кровь стекала по его лицу, собираясь на подбородке, и густыми каплями падала на черное пальто. Его лицо было бледным и мокрым от пота. Обычно кудрявые локоны превратились в сосульки крови, в которых застряли ветки и листья.

Если Люк, Кристин и я здесь, то где сейчас Дилан?

Не моргала, когда взгляд скользнул дальше. В паре метрах от Люка, точно в таком же положении, лежало тело. Его длинные темные волосы скрывали половину лица, но даже так я узнала их хозяина. Узнала эти темные брови и веснушчатое лицо Эмили. Она, кажется, приходила в себя, ведь её голова немного покачивалась, словно Эмили пыталась вырваться из сна.

Получалось, что все мы были привязаны в полукруге. Посередине горел костер, достаточно большой, чтобы поглотить наши души. И это пугало, но не так, как осознание того, что О'Коннелла рядом с нами не было.

Выпрямилась, опираясь спиной о дерево, и всеми силами сдерживала дрожь:

– Что тебе нужно? – мой голос прозвучал громко, но вокруг горла сжимались кольца, сдавливая и не пропуская воздух в легкие. Я покраснела, но продолжила смотреть на Птицу.

Ева обернулась, раскрыв рот, но Птица положил ладонь ей на плечо и Ева опустила голову, отступая. Птица посмотрел в мою сторону, храня молчание пока Ева не скрылась из его поля зрения. Переплел пальцы в замок, держа их за спиной, и это мне кого-то напомнило.

Шорох шагов. Поджала губы, с презрением наблюдая за приближением Птицы. Он остановился у моих ног. Его плащ поднялся под очередным порывом ветра. Я съежилась, но

тут же распрямила плечи, следуя взглядом за Птицей, что присел рядом со мной. Вблизи, эта маска казалась ещё от-вратнее.

Крепко сжала челюсть, дрожа внутри:

– Что. Тебе. Надо?

– Ты никогда не задумывалась над своими действиями, Алекс? – прошептал он, не игрушечным, как в его звонках, а своим настоящим голосом. Этот голос точно не принадлежал Дилану, и облегчение теплой волной окутало мое тело, я даже не думала, что так напряглась из-за возможного предательства О’Коннелла, – Когда тебе причиняли боль, ты хотела уничтожить источник этих чувств? Убить человека, нет?

– Нет.

– Это правильно. С одной стороны, я тоже не должен был убивать людей, ведь никогда не знаешь, кто их заменит. Кто встанет на их место и вполне вероятно окажется более губительным, чем противник до этого. Неизвестное всегда опаснее, но дело в чем, Алекс? – Птица поднял руку, пытаясь дотронуться до моего лица, но я дернулась, вжимаясь спиной в ствол дерева. Тяжело задышала через нос, отвернув голову в бок, – Ну что ж, – он вздохнул, опустив руку, и поднялся, – не знаю, кто придет на ваше место, но точно знаю, на чье место пришли вы и теперь должны умереть.

Не смотрела на него, когда спросила:

– Зачем? Чем мы вам мешаем?

– Ничем, – просто ответил он, – в нашем обществе не счи-

тают смерть чем-то, что требует оправданий. Если человек умирает, это значит, что его грехи превышают его суть. А если грехов больше, то он порочит не только себя, но и окружающий мир. В моем обществе верят, что такие заблудшие души найдут покой только в ином мире, когда постигнут истину, и послужат на благо нашего лидера. Каждая смерть, совершенная руками моих братьев была не случайной, Алекс.

За спиной Птицы мелькнула тень. Я вытянула шею, наблюдая, как Ева тяжело переступала с ноги на ногу, волоча за собой деревянный стул. Она сгорбилась, перекрыв весь обзор спиной, но я заметила как с новым толчком со стула свисла рука. Голос Птицы на мгновение померк, когда Ева отклонилась в бок, что-то поднимая, и я заметила его. Он был привязан к стулу, а голова опрокинута в бок. Его кожа была синей, местами с белыми пятнами, словно её покрыли в несколько слоев каким-то бальзамом. Словно пытались сохранить тело, но этот смрад, настигший меня, вызвал слезы и дал понять, у них ничего не получилось. Поджала губы, чтобы не ощущать его внутри. Глаза заслезились от вони, но я продолжила смотреть на Джона. Он почти лишился волос, они сохранились клочками. Его губы были нехарактерно приоткрыты, а глаза были блеклыми, словно покрыты пленкой. Взгляд устремлен в пустоту.

Несмотря на весь этот ужас, словно вишенка на торте, на Джоне красовался новый черный костюм. И паника полностью охватила меня.

– Каждый член общества ощущает свою связь с братьями. Когда погибает один, второй принимает это, но не в случае с Джоном. Он не успел стать членом братства, как я того хотел. Он готовился к тому из-под палки, не смотря на свои прямые обязанности и корни. Как бы он не хотел, но роль лидера лежала на нем с самого детства, как неоспоримое наследство, – произнесли над ухом, и я моргнула, обессиленно подняв голову. Проследила за тем, как Птица вытянул шею, стягивая с лица маску.

– Нет, – качнула головой, словно отвергая. Щеки горели от слез, – нет-нет, только не вы.

– Я, – мистер Хант откинул маску, разворачиваясь ко мне спиной, и вскинул руки к небу, повысив голос, – выйдите братья на мой зов!

Услышала рыдание и повернулась на звук, наткнувшись на Эмили. Она глотала слезы, всхлипывая. Судорожно дергала ногами, пытаюсь вырваться. Встретилась со мной взглядами, пытаюсь найти поддержку, но я слишком ослабла. Во мне не нашлось сил поддержать, и я просто отвернулась, замирая, ведь тот человек, которому мы искренне сочувствовали и каждый день желали в школе хорошего дня, следил за нами по ночам. Истязал. Убивал.

Из-за всполохов костра выплыли тени. Их было не меньше десятка. Все были одеты в черные плащи и прикрывали лица капюшонами, опустив головы. Они прошли, держа руки впереди себя и сцепив их в замок словно друиды. Друг

за другом. С двух сторон от костра. Остановились, замкнув круг, в котором оказались и мы с Люком, Кристин и Эмили.

Люди в плащах остановились на равном друг от друга расстоянии и повернулись к костру. Огонь откидывал их тени, превращая тьму в пляску. Дикую. Даже воздух вокруг накалился, от чего сперло дыхание.

Это секта.

– Раскройтесь, братья! – приказал сиплый голос мистера Хант, и я проследила за тем, как все присутствующие одновременно скинули с себя капюшоны. Сощурилась, различая среди этих людей и знакомые лица. Полный мужчина, что стоял прямо от меня, был офицером полиции. Когда Дилана с Люком арестовали, именно он не пускал нас с Кристин к парням. Рассказывал про какие-то протекторы и обвинения предъявленные Дилану, но сейчас. Вспоминая слова шерифа, я понимала, что ничего такого не было. Этот офицер был частью огромного плана. Как и остальные. Я узнала многих, но они словно не реагировали на меня, гипнотизируя взглядом мертвое тело Джона, которое... приступ тошноты накрыл меня и я отвернулась. Спина покрылась потом, когда я выблевала весь ужин. Слезы застелили глаза, но я продолжала блевать, пока кроме внутренностей, ничего не остается. Мое горло сжалось в спазмах, а нос заполонил гнилой и кислый запах.

Выпрямилась, чуть отползая от кашицы на земле, но даже не смогла вытереть лицо, ведь руки были связаны. Подняла

взгляд в сторону Джона, на коленях которого до сих пор сидела Ева. Она держала его ладонь на своем животе, что-то шепча, а второй рукой гладила его по голове, отделяя уже отпавшие клочки волос от кожи.

С презрением и ненавистью посмотрела на Еву и приступ тошноты вновь накрыл меня, но на этот раз я сдержалась.

– Что вам нужно? – это голос Люка.

Повернула голову и встретилась с его твердым взглядом, который он перевел на сектантов:

– Вам не хватило тех смертей?!

– На самом деле, – протянул мистер Хант, заходя в подобие круга, который мы образовывали вместе с людьми в плащах, – Они были центрами концентрации силы. Той, что сейчас пробудим все мы, принеся себя в жертву, чтобы возродиться вновь. Я прав, братья?

Оглушительным гогомом все люди в кругу одновременно произнесли «Да», лишая меня дара речи. Среди них были не только мужчины, но и женщины. Они все смотрели перед собой, изнемогая от восторга. На их лицах зияли улыбки, такие отвратные, что я не могла дышать.

– Вы не понимаете, – качнула головой Ева, в попытке успокоить рыдающую Эмили, – этой ночью каждый из вас почетный гость. Вы здесь, чтобы воплотить в реальности замыслы лидера, благодаря чему сможете вступить на верный путь. Ваш Лжебог никогда не мог дать вам той силы, что сегодня почувствуете вы, возвратив Джона к жизни. Вы верне-

те его, и он станет новым лидером. Мистер Хант сам посвятит его, представляете? – невозможно описать, с каким запалом произносила она эти слова, – если же ваш бог действительно сильнее нашего лидера, то почему он еще не вмешался и не спас вас, Эмили?

– Потому что их бог лжец, – ответил вместо Эмили мистер Хант, и с этими словами достал из кармана плаща нож. Его холодная сталь отблескивала под всполохами огня, и я замерла. Все замерли, задержав дыхание.

Мистер Хант подошел к мужчине, что стоял справа от меня, и остановился напротив него.

– Твоя вера сильна? – спросил, заглядывая в глаза.

– Да, лидер, – ответил мужчина, а губы его дрожали, сдерживая улыбку. В глазах отражался огонь.

– Так исполни свое предназначение, – мистер Хант обошел мужчину, остановившись за его спиной. Грубой хваткой обвил его волосы и посмотрел вдаль. Поднял вторую руку, сжимая в ней рукоять ножа.

Свист.

Кожа распоролась под напором лезвия. Мистер Хант вонзил нож в горло, разрезая одним движением.

Мужчина скривился, пальцы скрючились как при судорогах, остановившись у шеи. Его рот безмолвно раскрылся, ноги и все тело зашаталось. Кровь лилась, стекая по черному плащу. Брызгала, попадая на руки мистера Ханта.

Мужчина замер, его ноги подогнулись, и он опустился на

колени с глухим ударом о землю. Мистер Хант отпустил его волосы, позволив телу упасть внутрь круга.

Я молчала, но сознание разрывалось от криков. Поджала губы, с цепенящим ужасом наблюдая, как под телом расплзалась кровь. Совсем близко ко мне.

Мистер Хант подошел к следующему человеку, и я отвернулась, с силой сжимая глаза. Тяжело дышала, сжимаясь от каждого крика.

И люди кричали.

Эмили надрывала горло, продолжая рыдать. Вопить, что было силы. Люк просил остановиться, молил, но каждый раз его прерывал свист металла. Этот холодный, пробирающий до самых противных мурашек свист. И я сильнее вжималась в ствол дерева, подтянув ноги ближе к груди.

Голова заполнялась только приглушенными криками и резким, возвращающим в реальность свистом. Один за другим. С глухими толчками очередное тело падало на землю и я потеряла счет времени. Не знала, сколько сидела так, скрючившись, лишь бы спрятаться от всех. Остаться незамеченной. Сидела, почти не дыша.

– Ева, – позвал мистер Хант и я вздрогнула от голоса, но глаз не раскрыла, – подойди ко мне.

– Зачем? – её голос казался спокойным, но все же она выдавливала его из себя с силой, – вы говорили, что я не должна участвовать в ритуале.

– Ты сомневаешься в словах лидера?

– Н-нет, – произнесла она и я все же открыла глаза, посмотрев в сторону Евы и подавилась собственным криком. Вся поляна была покрыта кровью, и впитывала её в землю. Но крови было так много, что она маленькими ручейками стекала к костру.

Ели окружали нас, замыкаясь, и образовывали круг. Именно его и повторяли куча тел, что в неестественных позах валялись на холодной земле.

Моргнула, а кожу щек разъедало от концентрации соли. Обессиленно посмотрела на Еву, что немного замаялась, подходя к мистеру Ханту. Смотрела на него, и в глазах я выхватила старательно подавляемую панику. Еве было страшно.

– Обернись, дитя.

Она приоткрыла рот, задержав дыхание, но все же кивнула. Сжала ладони, переступая с ноги на ногу, и повернулась лицом к костру. Прикрыла глаза, что-то шепча, но вздрогнула от голоса:

– Твоя жертва будет куда важнее, – произнес мистер Хант, и Ева успела только раскрыть рот.

Рыдание вновь смешалось с криками, и на этот раз не только Эмили разрывала глотку. Я кричала не меньше, когда Мистер Хант вонзил нож в горло Евы. Не перерезал горло, а воткнул по самую рукоять так, что кончик ножа вышел с другой стороны, разрывая кожу. Свист. Мистер Хант вырвал нож, отходя на шаг.

Ева упала на землю, корчась от боли. Она раскрыла рот,

из которого струей вытекла кровь. Прижала руки к шее, но все равно закашляла, давясь собственной кровью. Я тяжело дышу, пытаюсь пошевелить руками.

Не выходило.

– Она же беременна! – закричал Люк.

– Я знаю, – как ни в чем не бывало, произнес мистер Хант, наблюдая за агонией девушки, – ребенка достану позже, когда закончу круг.

– Но он же погибнет! – не унимался Люк.

– Конечно, погибнет, мистер Эвем, – вспыхнул мистер Хант, поворачиваясь в сторону Люка, – если бы он родился живым, то душа Джона не смогла бы вселиться. Вы подумали об этом, прежде чем кричать? А вообще, мистер Эвем, – начал мужчина, вытирая нож о черную ткань плаща, – Если бы вы приложили чуть больше усилий, то смогли бы избежать всего этого. Вместо вас была бы другая жертва, но благодаря вашему интересу. Точнее, знаниям Кристин, вы сейчас находитесь на своем месте. Поэтому можете благодарить не только меня, что выбор пал на вас.

Моргнула, посмотрев на Люка, но взгляд выцепил еле заметное копошение чуть ближе. Кристин дернулась, после того, как мистер Хант замолк. Она затрясла руками, пытаясь разрезать веревки об кору дерева, позади неё, но получалось только разрезать кожу запястья. Кристин уже давно была в сознании, но боялась выдать себя. Её глаза были закрыты.

– Как ни странно, но знания вашей подруги озадачили ме-

ня. Её вечные поиски и попытки стать лучше, чтобы восполнить ненависть к себе, они замечательны. Бесполезны для нее, но замечательны для меня. Кто кроме Кристин мог догадаться сравнить вас, мистер Эвем с убийцей? С так называемым Птицей?! – губы мистера Ханта задрожали, растянувшись в нервной улыбке.

– Как это связано с жертвами? – спросила я, пытаюсь отвлечь его.

– Хороший вопрос, очень хороший, – мужчина слабо качнул головой, переступая через тело уже онемевшей Евы, взгляд которой застыл на Джоне, – предки нашего общества «Истинных» уходят в далекую древность, когда вера в Лжебога каралась агониями, а проклятия звучали только на латыни. Спустя века, мы возродили мертвый язык. Заговорили на латыни и здесь, в этой области каждый из вас, стал просто находкой для меня. Не попадись мне на глаза та техника преподавания, не заметь Кристин слово «Avem», никто из нас не догадался бы о связи ваших родов с нашим обществом. Звери, Птицы, Девы и Мужчины, все они являются покровителями, а именно так, ваши фамилии и звучат в переводе с латыни. Ваше существование стало для меня Знаком, ведь ваши предки, были прародителями общества «Истинных». О роде Алекс я знал и до этого, ведь её отец был нашим членом, пока не погиб. Печально, но перед этим он сам отказался от веры, за что лидер и покарал его болезнью.

Я проглотила язык, прижавшись к дереву с такой силой,

словно меня хлестанули по щекам. Мой отец, был частью этого? Нет, такого не могло быть.

– Я понял, – продолжил мистер Хант, но я почти не слушала его, – что благодаря вам, моим завершающим жертвам, я смогу воскресить сына.

– Но ему уже не помочь, он давно мертв! – крикнула Эмили.

– Замолчи, девчонка, – неожиданно рявкнул мистер Хант, – я лично убил Джона, чтобы была возможность завершить ритуал.

Сердце в груди пропустило удар, а нижняя губа нервно дрогнула. Я подняла невидящий взгляд на человека, что разрушил множество жизней, и шум накрыл меня невидимым куполом. Все клокотало от ненависти и боли, от неверия и отказа верить в его слова.

Мистер Хант улыбнулся и развел руки:

– Когда Джон задержался в школе, я пошел на его поиски, ведь на следующий день он должен был пройти инициацию. Я боялся, что он сбежит и долго искал его и спустя время, нашел. Он валялся в грязи, под проливным дождем, после того, как его сбила машина. Он был на обочине рядом с тропинкой, по которой ходил до дома, поэтому найти его было не трудно. Дотащить вглубь леса и помочь его душе покинуть тело, но так, чтобы впоследствии она могла вернуться, это тяжелее. Джон еще дышал, когда я перерезал его глотку, – раскаялся мистер Хант, оторвав замороженный взгляд

от огня и переведа его на сына, – только погибший в агонии, от руки товарища своего, имеет право на воскрешение. И я воскрешу тебя, сынок. Осталось совсем немного.

Бросила на мистера Ханта взгляд, полный ненависти и животного страха, но тот никак не отреагировал, лишь с новым рвением оглянулся, изучая бездыханные тела, и остановил взгляд на Эмили.

Я старалась привести дыхание в порядок, но мое сердце было готово разорваться, когда мистер Хант медленно направился в сторону Эмили, а его блаженная улыбка не исчезала с лица.

Крик вперемешку с писком оглушил меня, и я застыла от страха. Краем глаза заметила, как Кристин сильнее дергает руками, заведенными за спину.

– Пожалуйста, – писк Эмили разрезал лес, она умоляла, – я не хочу, не на-адо, – протянула, и снова надорвала горло в крике о помощи, когда мистер Хант присел рядом с ней. Эмили попыталась дернуться, но все движения были скованными.

– Молю...

Взмах. Свист металла.

Я дернула головой, глотая воздух. Мой взгляд был прикован к Эмили, что откинула голову назад, нервно трясясь. Из её шеи хлестала кровь, забрызгивая лицо учителя багровыми пятнами. Я скорчилась, и начала скулить, всхлипывая.

– Ты убьешь всех? – спросил Люк.

Мистер Хант поднялся с колен и ничего не отвечая, направился в сторону ближайшей жертвы. Моего Люка.

В груди сердце зашло от паники. Глаза заметались по лицу Люка, пытаюсь найти хоть что-то. Я старалась прочесть во взгляде парня хоть что-то, но он ничего не предпринимал. Отвернулся от мистера Ханта, встретившись с моим взглядом.

– Люк, – прошептала, но он прочел это по губам и взгляд его ослаб. Он не имел особого плана побега. Не знал, что делать, как спасти нас. И он ослаб, ему явно было плохо. Люк попытался освободить руки, дергая их, но выражение его лица изменилось. Он словно смирился.

Я схватила раскрытым ртом воздух, дергаясь в сторону Птицы. Тот схватил Люка за кудрявые волосы, поворачивая к себе лицом, и я не могла больше терпеть.

– Не трогай его, – закричала из всех сил, пока глаза жгло от скопившихся в них слез. Не могла смотреть, как родным для меня людям причиняют боль. Сердце разрывалась, но мистер Хант не видел этого. Не слышал моих криков, сжимая окровавленной рукой кудрявые пряди моего мальчика.

Тяжело сглотнула, обессилено повисая на веревках, когда резким движением мистер Хант вонзил нож в правый бок Люка.

– НЕ-ЕТ, – качнула головой, корчась и продолжая кричать, – прекратите это! Хватит!

Я сходила с ума. Просто теряла рассудок, наблюдая за

этим сумасшествием. Такого не должно быть.

Люк раскрыл рот в безмолвном крике, поднимая слезящиеся глаза на мистера Ханта. Их взгляды встретились, и злорадная ухмылка овладела влажными губами преподавателя. Он противно улыбнулся, прошептал:

– Это за то, – уверенным движением провернул рукоять ножа, разрывая плоть Люка, – что сбил моего сына.

Люк скорчился в болезненном спазме, пытаясь отодвинуться от Птицы. Его рот был раскрыт в немом крике. Он дергал ногами, но не мог сдвинуться с места. Мистер Хант наклонил голову в бок, хищно скользнув кончиком языка по своим губам. С нескрываемым удовольствием наблюдал за агониями Люка, которому уже с трудом хватало воздуха.

Я что-то шептал, обессиленно наблюдая за происходящим. Все мое нутро сходило с ума. Металось внутри, пытаюсь разорвать не только веревки, но и меня.

Я с трудом оторвала взгляд, подавившись слюной, когда Кристин с очередным толчком упала вперед. Уперлась в землю руками.

Я не моргала, заметив разорванные веревки, что пропитались бордовыми пятнами. Запястья Кристин изнывали от порезов и грязи, скопившейся в ранах. Она подняла голову в сторону мистера Ханта, её пышное платье оголило колени, с которых комками опала земля. Кристин не выпрямилась, но её спина выгнулась, словно она стала разозленной кошкой.

Мои зрачки метались с мистера Ханта на Кристин, и я вскрикнула. Вскрикнула вместе с воплем Кристин, с которым она бросилась вперед. Мистер Хант не успел отреагировать, лишь сильнее сжав рукоять ножа, когда Кристин прыгнула на его спину. Впиалась пальцами в его глаза.

Началась яростная схватка.

Она кричала, поваливая его на спину. Обхватила его тело ногами, а мистер Хант хрипел, дергая руками. Махал ножом из стороны в сторону, рассекая воздух и пытаясь задеть Кристин, но та лишь сильнее рычала, стиснув руки на его шее. Мистер Хант попытался подняться, но вновь свалился на землю, на этот раз придавив Кристин. Она вскрикнула, невольно расслабив хватку, и мистер Хант специально привстал чтобы обрушиться на неё всем весом. Повторил удар. Ударил затылком в лицо Кристин и все-таки перевернулся над неё. Сел на нее сверху, замахнувшись ножом, но Кристин вскрикивает громче, словно издавая последний рык, и попыталась выскочить. Не понимаю как, но она сплелась с мистером Хантом, укатываясь куда-то в бок, прямо к костру.

По моим венам разгоралась кровь. Адреналин заставил тереть веревки о кору дерева сильнее. Кожа горела, изнывала и пульсировала, но мне удалось подцепить пальцем нитки и распустить ослабленный корой узел. Скинула веревки, что держали меня у дерева, и побежала к Люку. Спотыкалась о ветки, игнорировала головную боль, что резко пронзила меня, и подползла к парню. Смотрела только на него.

Его кожа была бледна и покрыта каплями пота, кровь струилась под одеждой, впитываясь в пальто.

– Люк, – прошептал, дрожащими руками, снимая с него веревки. Не успела подхватить, как его тело свалилось в бок, падая на сырую землю, – потерпи, родной.

Руки тряслись, как и колени. Мне никогда не было так страшно. Развязала веревки, что сжимали его запястья, а сама рыдала. Не поняла почему, но невольно стала качаться взад-вперед, когда откинула веревки. Подползла ближе, ощущая его холодную дрожь.

– О-о боже, боже, – коснулась его бока под пальто и горячая, обжигающая кровь, струей ударила в ладонь.

Люк захрипел сильнее, поэтому вздрогнула, больше не дав так сильно на рану.

– Только не это, – плакала, медленно подняв дрожащие ладони выше, и коснулась его лица. Наши взгляды встретились.

Глаза Люка слезились:

– Алекс...

Я закачала головой, корчась и начиная рыдать. Пыталась вытереть кровь с его лица, что тонкой струей стекала по виску.

– Не нужно, – прошептал Люк, но я не слушала, продолжая растирать лицу.

– Е-ещё осталась, осталась кровь. Она все течет, понимаешь?

– Родная, – его губы дрожали, когда он пытался растянуть их в улыбке, – Пожалуйста. Не плачь. М-мне не так больно, мне не больно. Алекс, не плач, не нужно, – последние слова он силой выдавил из себя, корчась. Я покрутила головой, осматриваясь, но все застилала кровь. Начала кричать, разрывая глотку, надеясь, что кто-нибудь услышит. Кто-нибудь придет и спасет нас, но мой крик превратился в жалобный писк.

Я раскрыла губы, начиная скулить. Терла его белые щеки. Мой мальчик. Его глаза опухли, как и мои.

– Люк, ты держись, – сглотнула, давясь жидкостью, – нам помогут. Помогут тебе. Люк. Вот увидишь.

Парень еле кивнул, продолжая выдавливать наигранную улыбку и смотреть мне в глаза. Я вновь начала кричать, сгибаясь из последних сил.

– Ал-лекс, – он взял меня за плечо, сжимая кожу. Я плакала, опустив на него глаза:

– Люк, – начала реветь сильнее, качая головой, – Люк, ты должен собраться с силами и помочь мне, Люк. Ты ведь... ты ведь всегда такой сильный, даже когда тебе на самом деле плохо. Я всегда восхищаюсь этим, – вновь посмотрела сквозь деревья, но в темноте ничего не было видно.

– Алекс, я в-ведь, – Люк дернул меня, чтобы я посмотрела на него, – Я-я ведь не сказал тебе сегодня, – он начал плакать.

– Т-ты все скажешь, родной. Ты все ещё скажешь, у нас много времени, – я гладила его волосы, держа голову в руках,

как младенца. Он сжал губы:

– Ты самая красивая девушка, которую я когда-либо встречал, – скривился от боли, – Самые лучшие дни были вместе с тобой. Мне так жаль, что их больше не будет.

– Не смей так говорить! Мы всегда будем вместе. Каждый день будем вместе, – я не могла прекратить плакать, чтобы слова звучали убедительней.

Под глазами Люка проявились круги, кожа становилась холоднее с каждой секундой. Люк еле поднял трясущиеся руки:

– Дай руку...

Я сжала его ладонь:

– Не умирай... прошу, не оставляй меня...

Кровь продолжала течь, а я смотрела на прикрытые глаза Люка.

– Л-люк, все будет хорошо, – сглотнула перед тем, как произнести эти слова, – ты будешь жить, слышишь?

Люк приоткрыл губы:

– Я-я, я рад, что ты сейчас со мной, честно, рад. Я счастлив.

Я не могла. Внутри все сжималось. Сердце рвалось на части.

Голова Люка начала опрокидываться, и я схватила её, воссоединяя наш контакт глазами:

– Не сме...

Хлопок.

Замерла на месте, оглушенная выстрелом. Тело парализовало. В горле пересохло. Мои руки тряслись, а бледные, почти синие губы, дрожали, когда я медленно повернула голову в бок и заметила Дилана. Он стоял боком ко мне, держа на вытянутых руках пистолет. Сжимал его со всех сил, с широко раскрытыми глазами смотря вперед. Последовала за его взглядом, и подавилась всхлипами. Мистер Хант замер, приоткрыв рот от шока. Под ним лежала Кристин, но я не могла разглядеть, что с ней. Взгляд Птицы скользнул вниз, затем он опустил голову. Я последовала за его взглядом. Мистер Хант раскрыл широко рот, приподнимая дрожащие руки и касаясь ими груди.

Кровь.

Он не моргал, без сил валясь в бок. Упал на сырую землю, с боку от Кристин, у которой из груди торчал нож.

От Автора

В это время

О'Коннелл судорожно проглотил воздух, но голова продолжала кружиться. Он только что убил человека. Рука дрожала, но пальцы крепко сжимали основание пистолета, когда Дилан опустил ствол. Моргнул, недоверчиво наблюдая, как Птица вздрогнул, без сознания валясь в бок.

И воздух из легких словно вышибли.

Боль.

Он перепрыгнул чье-то тело, чуть не споткнувшись. Пистолет выпал совсем рядом, когда он подбежал к Кристин,

падая рядом с ней на колени. Его мир сузился до вредной блондинки, что лежала с закрытыми глазами, сильно морщась.

Дилан снял кутку, желая укрыть, но та выпала из рук. Он открыл судорожно дрожащие губы, когда заметил нож, тут же поднял глаза на лицо Кристин.

Где-то за спиной раздался очередной крик Алекс.

Дилан прижал ладони к животу Кристин, обвивая нож, но не решаясь его вырвать. Кровь растекалась под его руками пульсирующим потоком. Его зрачки бешено бегали, перескакивая то с раны, то на свои окровавленные руки.

– Кристин? – его голос дрогнул, а рот открылся, – Эй! – аккуратно надавил на ткань платья, которое всё быстрее становилось багровым.

– Больно, – она прохрипела, раскрывая глаза, полные слез.

Глаза заполонили слезы, но Дилан затряс головой, возвращая трезвость мысли. Изо всех сил старался не паниковать:

– Просто помолчи, тебе нужно сохранить силы.

– К-кар-р... – голос стал совсем тихим, слов не разобрать. Кристин было не просто больно, но и безумно холодно. Легкое платье не спасало.

Дилан прикусил до боли внутреннюю кожу щек, тихо проговорив:

– Карусель? – его покрасневшие глаза стали больше, когда Кристин судорожно кивнула, заглядывая в его глаза.

Она замерла, просто наблюдая за парнем. За чертами его

лица. Старалась запомнить как можно больше, прежде чем потеряет сознание. Она хотела смотреть на него. Она всегда бы смотрела только на него.

– С-спа... – судорожно раскрыла рот, морщась от боли, – сп-пас-сибо.

Тело Дилана охватили судороги, а нижняя губа затряслась, когда Кристин подняла ладонь, прикасаясь к лицу Дилана. Не специально, но измазала того в крови.

Почему это происходило?

– Нет, – прошептал, прижимаясь к её ледяным пальчикам, – Кристин, – он больше не сдерживал слез, голос ослаб, – Кристин, твою мать, – добавил, убирая одну руку от раны.

– М-мне больно, – она произнесла одними губами, кричась.

Брови Дилан начали трястись, как и подбородок:

– Не думай об этом, хорошо? Нас сейчас спасут. Тебе помогут! – грубо схватил её колени, сгибая их, чтобы удобнее разместить, – Давай... давай смотреть на рассвет, – во взгляде блестит гнев, – Кристин, ты... – заикнулся, и огонь в его глазах потухает, – Смотри, – нежно убрал бурые локоны волос с её лица, – Смотри на рассвет. Просто смотри, Кристин...

Она дышала. Тихо. Медленно. Ей с трудом это удавалось. Смотрела в сторону зари, своими карими глазами, которые постепенно закрывались, но Кристин выдергивала себя, ста-

раясь не уходить. Всё её тело онемело. Она его не чувствовала.

– Я люблю тебя, – пронеслось где-то надо ухом Кристин и её тело сжали сильнее. Влажная от слез подбородок прижался ко лбу Кристин, и она поняла. Это Дилан. Он рыдал прямо над ней, трясаясь от всхлипов. Она хотела успокоить его, защитить. Сказать, что любит, но все эти слова застыли на языке.

Вдалеке раздался лай собак. Хруст веток. Кто-то прочесывал лес, придвигаясь к месту незавершенного жертвоприношения.

От лица Алекса

Спустя пару минут

Давление в ушах. Ноги не слушались, но я продолжала бежать по лесу, вслед за шерифом. На дороге должна была стоять машина скорой помощи, о ней истерически твердил мистер Эвем, тяжело дыша.

Мгновение. Моргнула, немного щурясь от яркого света, что исходил из-за деревьев.

Мы выбежали из леса, заметив врачей.

Смотрела на Люка. Его рука свисала, а голова была опрокинута. Мистер Эвем сорвался с места, неся на руках сына.

– Нужна помощь, — закричал, — Срочно!

Люка положили на перевозку. Врачи окружили его, проверяя пульс и размер зрачков. Я расталкивала их, замирая.

– Пульс слабый, парень потерял много крови.

Мое дыхание перехватило, а какие-то люди примкнули ко мне. Меня что-то спрашивали, но я не слышала. Все звуки стали приглушенными, когда я заметила движение в гуще деревьев.

Кто-то кричал, отступая назад. Мои глаза вновь наполнились слезами. Я пыталась дышать, но начала скулить, подбегая к мужчине в форме, который нес Кристин.

[...]

– Просто позвольте, – умолял Дилан, сдерживая весь гнев, бурлящий в его груди. Он сжимал ладони в кулаки, но не наносил удары полицейским, что забрали ещё живую Кристин. Что прожгли его кожу электрошоком, чтобы тот отцепился от неё.

Дилан шипел сквозь зубы, продолжая говорить мужчине, что что-то записывал в бумагу, сдерживая рядом с собой большую по величине немецкую овчарку:

– Вы же сами меня нашли связанным в доме. Сами освободили и мы я по своей воле поехал сюда и отвез вас. Я не убийца, – взвыл от негодования, получив заинтересованный взгляд от пса. Тот поднялся на лапы, уткнувшись влажным носом в ладонь О’Коннелла, и Дилан хотел дернуться, но не успел.

Офицер оторвался от бумаг, наградив пса взглядом.

– Что ты нашел, Джек? – спросил, а пес сел на задние лапы, подняв морду на хозяина. Тихо заскулил, не виляя хвостом, и Дилан скривил лицо. Не понимал, что происходит,

от того и не мог себя контролировать.

– Ладно, – начал офицер, – Джек считает тебя не опасным, хоть ты и бросил нас у дороги и убежал в лес. Иди по тропинке и выйдешь к машинам, твоей девушке уже должны оказать помощь.

И Дилан кивнул. Не ждал. Сорвался с места, убегая в темный лес.

– Я люблю тебя, Дилан.

– Тебя будет любить кто угодно, но это буду не я.

Сегодняшние события всплыли в голове, вынуждая двигаться. Пустой разум заполнился мыслями, одна из которых занимала основное место.

Кристин. Иди к ней.

У Дилана не осталось сил, поэтому он не мог орать на офицеров, что попадались ему на пути, что-то спрашивая. Предлагая помощь. Он просто продолжал бежать.

Он хотел скорее дойти до Кристин. Просто рухнуть к ней, почувствовать себя живым рядом с ней. И больше не уходить, не оставлять её. Никогда.

Выбежал из леса, спустя мучительные минуты и наткнулся на большое количество людей впереди. Людей было очень много.

Замедлился, перебирая ногами и пытаюсь дышать через нос, но ему не хватало кислорода. Тревога не покидала грудную клетку, сжимая сердце. Дилан продолжил идти, поднимая голову.

Знакомая фигура. Бордовая юбка и большие, опухшие глаза. Взлохмаченные волосы, потерянный взгляд. Внешне и внутренне опустошена.

Алекс сжала виски, надавливая на них. Она шла в лес, чтобы была возможность дышать, ибо она чувствовала, как задыхается. Руки тряслись, кожа зудела от слез. Она остановилась, встречаясь взглядом с Диланом. Тот посмотрел на неё, ожидая чего-то, но девушка скорчилась. Отвернулась, ускорив шаг и просто ушла. Убежала.

Дилан сам не понял, откуда взял силы, но его шаг стал жестче. Перебирал ногами, спеша. Сердце в груди заколотилось, накрывая сознания волнами боли. Он вышел на дорогу, переступая по влажной земле. Хотел пройти вперед, но его не пустили. Люди столпились вокруг чего-то, сохраняя молчание.

Дилан чувствовал, как ноги подгибались. Пытался держать равновесие, ускоряя шаг.

Пот начал стекать по лицу. Дилан прикусил губы, ощущая тяжесть на плечах. В носу неприятно кололо, а глаза уже давно выжигали от слез.

Он хватался за людей, расталкивая их. В глаза ударил свет от фар. Зрачки сразу же замерли, как и тело. Намертво.

Дилан задохнулся, испустив рваный вздох.

Его настигло громкое рыдание. От такого ушные перепонки готовы были разорваться. Он смотрит за действиями человека, что сидел прямо на земле. Он изо всех сил сжимал

бездыханное тело, рыдая. Прерывается только на ругань, когда санитары просили отойти. Он кричал на каждого, кто пытался забрать его сына. Он вытер покрасневшиеся глаза, как ненормальный покачиваясь взад-вперед.

Дилан не моргал. Смотрел. Умирал сам.

У парня были приоткрыты глаза, но устремлены в пустоту. Руки свисали на землю с каталки. Голова опрокинулась. Мутные, не имеющие блеска зрачки. Темные, кудрявые волосы свисали сосульками. На них засохла кровь.

Эпилог

На один этот момент, всё было идеально. А потом этот момент закончился. Все закончилось. Погони. Смерти. Птица. Жизни моих знакомых.

Опрокинула голову, позволяя слезам медленно стекать по щекам:

– Ты говорил, что не оставишь меня. Ты обещал, Люк!

Меня даже не было слышно, я просто раскрыла рот, хрипя. Голос сорван, после последних событий. После того как я увидела, что Люк погиб. Буквально ощутила его смерть на своем теле, чувствовала, как скользят мои колени в его крови.

Нерешительный стук в дверь.

Скрип.

– Доченька, нам пора выходить.

Шумно выдохнула, качая головой:

– Я... я не хочу.

Прекрасно понимала, куда мне нужно явиться, но не могла. Видеть его лицо, до ужаса спокойное и так не похожее на себя. Без улыбки, без тени гнева, полностью умиротворенное. Увидела бы таким Люка и больше не смогла бы спать.

– Мне так жаль, так жаль, – неожиданно близко раздался успокаивающий голос, а чья-то теплая ладонь прикоснулась к моим волосам, заставляя уткнуться в плечо носом. Я и не заметила, когда мама успела сесть ко мне на кровать.

– Успокойся, милая, – спустя время обожгли моё ухо горячим дыханием, отстраняясь, – это передали тебе.

Через секунду в моих руках появился серый телефон с немного треснувшим экраном. Это Кристин.

– Н-но, это же не значит, – подняла опухшие глаза на лицо мамы, которая, кажется, не спала всю ночь. Волосы были наспех собраны на затылке, кожа бледная, а по щекам давно скатываются слезы.

Женщина закачала головой, шмыгая носом:

– Что ты, что ты, – поспешила успокоить, – она жива, даже в сознание пришла сегодня.

– Это хорошо.

Кристин уже два дня лежала в реанимации, расплачиваясь за нашу глупость и бесхребетность. Мы пошли на поводу Птицы, разрешая запудрить нам мозги и вытащить на открытую местность. Позволили убить себя.

– У тебя есть пару минут, собирайся, – прошептала мама,

добавив чуть громче, – там будет много камер и людей, но ты не обязана никому из репортеров ничего говорить.

Я кивнула, и меня оставили в покое, закрыв дверь с другой стороны.

Растерла по лицу слезы, прокручивая в руках телефон. Самое время посмотреть, что там такого интересного. Не зря же Кристин попросила передать его мне.

Спустя минуту, я с большим сомнением включила первое видео, начиная грызть ногти.

– Ооо, я должен это снять, – звонко произнес до боли знакомый голос, и в экране телефона все поплыло, резко отстраняваясь на моем лице. Я улыбнулась, прокручивая в руках гитару.

– А что мне спеть?

Этот голос. Мягкий и твердый одновременно.

– Спой о том, что тебя волнует, – на экране мелькнули черные как смоль волосы, после Люк приблизил камеру, снимая лицо Дилана крупным планом.

Я начала перебирать струны, вспоминая известные мне аккорды, чем опять привлекла внимание камеры, но в этот раз в кадр попала еще и Кристин, прикрывшая глаза.

Она запела песню, погружая всех вокруг в печаль и на экране изменилась картинка. Камера перевернулась, и на экране появилось лицо Люка. Он как-то печально посмотрел в камеру, словно заглянув мне в душу, а затем перевел кадр на меня. Его рука вычертила сердечко на моем фоне.

Заблокировала телефон, откидывая его на кровать, и сердце начало вновь щемить в груди, от чего сжалось горло. Хотелось блевать. Хотелось выблевать злосчастный орган, приносящий столько боли. Запереть его в клетке и больше не открывать никому.

Год спустя.

В заваленной учебниками комнатухе слышался тихий смех и громкое бормотание. Кристин отказывалась садиться за реферат, врученный ей преподавателем ещё неделю назад. Единственное, что она решила сделать – это повторно прочитать тему и тяжело вздохнув, броситься в сторону дивана, прячась под подушками. Но и это укрытие оказалось ненадежным, ведь Дилан, схватив за талию девушку, бережно, но твердо потянул на себя, прижимая к горячей груди. Кристин перегородили все пути отступления, отрывая от земли и неся к рабочему столу.

Такие сцены повторялись довольно часто, но больше не выводили из хрупкого равновесия. Так же как и мысли о смерти, мелькавшие в голове все реже и реже. Она поняла, насколько быстротечна жизнь и твердо знала, что скоро умрет. Но это скоро никак не приходило, оставляя лишь неизгладимый след на расшатанной психике.

Кроме эмоциональной травмы, с Кристин остался Дилан, обеспечив новой, хоть и маленькой квартиркой в совершенно другом городе. Появились друзья в институте, в который поступила девушка. Появилась фотография над рабочим сто-

лом.

Одна единственная. Но такая родная.

На ней были изображены все, кого так любила девушка.

Алекс. Дилан. Люк. И она сама.

Они все сидели на диване, улыбаясь. Рядом лежала гитара.

Лучший снимок, ведь на нем они были счастливы, а самое главное все живые

Люк сейчас лежал в земле и по всему его лицу ползали черви.

Они были в носу.

В ушах.

В голове.

Он умер, и забрал большую часть жизни Дилана с собой в могилу. У Алекс он отнял всю жизнь. Возможно, поэтому она заперлась в комнате и не выходила несколько месяцев. Она истязала себя, каждый раз прокручивая события той ночи. Забила на учебы, не отвечала на звонки от прессы или шерифа. Она никак не могла свыкнуться с мыслью, что её отец, любящий и родной, был частью этой секты. Да, он успел уйти оттуда до своей смерти, возможно и не случайной, но место для Алекс там все равно осталось. Поэтому она получила записку от Птицы, поэтому он следил за ней, ведь Алекс всегда была частью той секты. Это мучало её и тянуло назад, не давало восстановиться.

Но она справилась.

Вместо университета Алекс выбрала уехать в другую страну, где могла помочь сохранить жизни. Она следила за носорогами, ухаживала за ними и заботилась вместе с маленькой командой. В редкие каникулы она приезжала в гости к Кристин, но никогда не заезжала домой, ведь там каждый кустик напоминал ей ужасные события. С трудом она смотрела и на Дилана, которого заперли в собственном доме, и только приехавшая с опозданием полиция, что до этого вызвал Люк, смогла его найти и освободить. Дилан пошел тогда в кладовую, чтобы достать фонари, но его там настигла Ева и оглушила одним ударом по голове.

Что касалось той злосчастной секты, то она истребила часть себя еще в ночь Хэллоуина, но некоторые личности, что не участвовали в перерождении, разбежались по городу словно тараканы, когда на кухне включили свет. Они прятались, зарывались под землю, но даже там шериф, главной целью которого стало выследить каждого причастного к убийствам, находил их. Неизвестно, что происходило в стенах участка, но в Хэллоуин открылась настоящая охота на ведьм. В Агригент Стилл гремели гром и сверкали молнии, а зимой город погрузился в отчаяние и скорбную тишину.

Он промерзал изнутри, дрожал и с замиранием готовился к новому нападению.